
ГУМАНИТАРНЫЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

Сетевое издание
Электронный научный журнал

Издание основано в 2016 г.

Периодичность – выходит 12 номеров в год.

Свидетельство о регистрации СМИ Эл № ФС 77-66175 от 20.06.2016, выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Редакционная коллегия

Баринов Д.Н., (главный редактор) д-р филос. наук, доц.; Гавриленков А.Ф., д-р истор. наук, доц.; Гаранина О.Д., д-р филос. наук, проф.; Далингер В.А., д-р пед. наук, проф.; Итунина Н.Б., канд. филос. наук, проф.; Кондрашихин А.Б., д-р экон. наук, проф.; Микерова Г.Г., д-р пед. наук, проф.; Океанова З.К., д-р экон. наук, проф.; Счастливецва Е.А., д-р филос. наук, проф.; Тужба Э.Н., д-р социол. наук, доц., Вестов Ф.А., канд. юр. наук, доц., Казданян С.Ш., канд. психол. наук, доц.; Степанов А.Г., канд. филол. наук, доц., Фоменков А.И., канд. пед. наук, доц., Шошин С.В., канд. юр. наук, доц.

Материалы публикуются в авторской редакции и отображают персональную позицию автора. Редакция не несет ответственности за материалы, опубликованные в журнале. За содержание и достоверность статей ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей. При использовании и заимствовании материалов ссылка на издание обязательна.

Тип лицензии CC поддерживаемый журналом: Attribution 4.0 International (CC BY 4.0).

Адрес редакции:
214038, г. Смоленск, ул. Кловская, 23-а, 63.
Официальный сайт: naukavestnik.ru.
Тел.: +7 905 696-6338.
E-mail: info@naukavestnik.ru.

HUMANITARIAN SCIENTIFIC BULLETIN

Network edition
Electronic scientific journal

Publication was founded in 2016.

Schedule – 12 issues in a year.

The certificate of registration EL no. FS 77-66175 of 20.06.2016, issued by The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor).

Editorial Board:

Barinov D.N., (*Editor-in-chief*) Doctor of Philosophical sciences, Assoc. Prof.;
Gavrilencov, A.F., Doctor of Historical sciences, Assoc. Prof.;
Garanina, O.D., Doctor of Philosophical sciences, Prof.; *Dalinger V.A.*,
Doctor of Pedagogical sciences, Prof.; *Itunina N.B.*, Candidate of Philosophical sciences,
Prof.; *Kondrashihin A.B.*, Doctor of Economical sciences, Prof.; *Mikerova G.G.*,
Doctor of Pedagogical sciences, Prof.; *Okeanova Z.K.*, Doctor of Economical sciences, Prof.;
Schastlivtseva E.A., Doctor of Philosophical sciences, Prof.; *Tuzhba E.N.*,
Doctor of Sociological sciences, Assoc. Prof.; *Vestov F.A.*, Candidate of Juridical sciences,
Assoc. Prof.; *Kazdanyan S. Sh.*, Candidate of Psychological sciences, Assoc. Prof.;
Stepanov A.G., Candidate of Philological sciences, Assoc. Prof.;
Fomenkov A.I., Candidate of Pedagogical sciences, Assoc. Prof.;
Shoshin S.V., Candidate of Juridical sciences, Assoc. Prof.

The materials are published in the author's edition and reflect the personal position of the author. The Editorial board is not responsible for the materials published in the journal. The authors are responsible for the content and reliability of the articles. Editorial opinion may not coincide with the opinion of the authors. When using and borrowing materials reference to the publication is required.

License type supported CC: Attribution 4.0 International (CC BY 4.0).

Address of the editorial office:
214038, Smolensk, Klovskaya str., 23-a, 63.
Official site: naukavestnik.ru.
Phone: +7 905 696-6338.
E-mail: info@naukavestnik.ru.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ	1
<i>Протасова О.Л.</i> Элементы гражданского общества в идеологической платформе Трудовой народно-социалистической партии	1
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	8
<i>Бокатина Ю.И.</i> Этимология как средство развития языковой компетенции обучающихся	8
<i>Бушуев А.Ю., Федосеева И.А.</i> Тьюторское сопровождение профессиональной подготовки призывников	14
<i>Васюкова Л.К.</i> Формирование проектных компетенций у студентов современного университета: «мода» или взгляд в будущее?	20
<i>Мулендейкина Т.А.</i> Применение интерактивных методов обучения как средства развития иноязычной профессиональной коммуникативной компетентности курсантов военного вуза	26
<i>Рунова А.А.</i> Интерактивный метод в обучении иностранному языку	33
<i>Липина О.А., Черепанова А.Л.</i> Формирование мотивации студентов к активизации речемыслительной деятельности	38
ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ	43
<i>Do Ngoc Hanh</i> Features of Ho Chi Minh's diplomatic style and strengthen Vietnam – Russia comprehensive strategic partnership	43
<i>Хлопов О.А.</i> Наступательные стратегии кибероружия как угроза международной безопасности	51
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ	60
<i>Габбасова И.М., Наумова О.А.</i> Снижение занятости населения как угроза экономической безопасности РФ	60
<i>Гатина Л.И.</i> Значение спортивного туризма в экономике и обществе	70
<i>Ефремова Е.А.</i> Особенности внедрения социальных технологий: проблемы и перспективы	76

<i>Метелева Е.Р., Кузнецов Д.А.</i>	
Изучение перспектив включения безусловного основного дохода в модель социальной политики России	83
<i>Мацута В.В., Мундриевская Ю.О., Сербина Г.Н., Мищенко Е.С.</i>	
Анализ текстового контента девиантных онлайн-сообществ (на примере сообществ скулшутинга)	90
<i>Саратова Д.Е., Безпалов В.В.</i>	
Совершенствование механизмов реализации государственной программы «Развитие культуры и туризма»: отечественный и зарубежный опыт	102
<i>Стаканова Н.С., Татаровская Т.Е.</i>	
Концептуальные основы проведения финансовых расследований	110
<i>Родионова П.В., Татаровский Ю.А.</i>	
Организационно-нормативные аспекты банкротства физических лиц	117
<i>Чуднова О.В.</i>	
Самооценка персонала как способ повышения эффективности труда	123
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	127
<i>Баранова Н.А.</i>	
Дискурсивный анализ ситуации попытки (на материале немецких онлайн – СМИ)	127
<i>Берестнев Г.И., Бойко Л.Б., Дорошева Н.В.</i>	
Типология синхронистических явлений	134
<i>Ван Цзя</i>	
К вопросу о методах изучения культурных концептов	143
<i>Иванова Н.К.</i>	
Упрощение английского языка как следствие его международного статуса	146
<i>Имаева Е.З.</i>	
Прерванная интенциональность и эффект déjà vu	153
<i>Карпухина Т.П.</i>	
Дискурсивные стратегии отражения и конструирования в масс-медийной репрезентации предвыборных дебатов в американском политическом дискурсе	158
<i>Лысенко Л.А.</i>	
Генезис метода духовного реализма в творчестве И.С. Шмелева и Б.К. Зайцева	170
<i>Усачев В.В.</i>	
Некоторые тенденции функционирования жаргонизмов в профессиональной английской и русской лексике (на материале терминов в сфере судостроения)	177

<i>Чэн Цзяци</i>	
Лингвокультурологическое описание концепта деревня в рассказах И.А. Бунина	181
<i>Шафаревич К.В., Кушнарёва Т.В.</i>	
Молодежный сленг в Великобритании: культурный и лингвистический аспекты	185
<i>Шевякина С.В.</i>	
Лингвостилистические параметры интернет-дискурса психологии ЗОЖ	191
<i>Шиповская А.А., Циленко Л.П., Тишкина И.А., Болтнева Н.А.</i>	
Направленный ассоциативный эксперимент при определении особенностей образа мужчины в сознании молодежи	197
ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ	205
<i>Игошева М.А.</i>	
Адаптационный потенциал этнической идентичности в условиях глобализации: социально-психологический ресурс	205
<i>Май К Да</i>	
Концепция культурной интеграции христианства	211
ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ	216
<i>Самохвалов И.Ю.</i>	
Противодействие незаконной миграции в России. Криминологический аспект	216
<i>Соболев Д.В.</i>	
Инновационная преступность. Оружие, созданное путем 3D печати: мировая практика и противодействие	222

TABLE OF CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES	1
<i>Protasova O.L.</i> Elements of civil society in the ideological platform Labour people's socialist party	1
PEDAGOGICAL SCIENCES	8
<i>Bokatina Yu.I.</i> Etymology as a means of developing the language competence of pupils	8
<i>Bushuev A. Yu., Fedoseeva I.A.</i> Tutor's support of professional training of draftees	14
<i>Vasyukova L.K.</i> Formation of design competencies among students of a modern university: «fashion» or a look into the future?	20
<i>Mulendeikina T.A.</i> Application of interactive methods of teaching as a means of developing foreign language professional communicative competence of cadets of military high school	26
<i>Runova A.A.</i> The Interactive Method in teaching a foreign language	33
<i>Lapina O.A., Cherepanova A.L.</i> Formation of motivation of students to enhance speech-thinking activity	38
POLITICAL SCIENCES	43
<i>Do Ngoc Hanh</i> Features of Ho Chi Minh's diplomatic style and strengthen Vietnam – Russia comprehensive strategic partnership	43
<i>Khlopov O.A.</i> The Offensive Strategies of Cyber Warfare as Threat to International security	51
<i>Gabbasova I.M., Naumova O.A.</i> Decrease in employment as a danger for the economic security of Russian Federation	60
<i>Gatina L.I.</i> The importance of sports tourism in the economy and society	70
<i>Efremova E.A.</i> Features of the introduction of social technologies: problems and prospects	76
<i>Metleva E.R., Kuznetsov D.A.</i> Studying the prospects of including unconditional basic income in the model of social policy in Russia	83

<i>Matsuta V.V., Mundrievskaya Y.O., Serbina G.N., Mischenko E.S.</i>	
Analysis of the text content of deviant online communities (on the example of school shooting communities)	90
<i>Saratova D.E., Bezpалov V.V.</i>	
Improvement of mechanisms of the «Development of culture and tourism» state program: national and foreign experience	102
<i>Stakanova N.S., Tatarovskaya T.E.</i>	
Conceptual framework for conducting financial investigations	110
<i>Rodionova P.V., Tatarovsky Y.A.</i>	
Organizational and regulatory aspects of individuals' bankruptcy	117
<i>Chudnova O.V.</i>	
Personnel self-assessment as a way to increase labor efficiency	123
PHILOLOGICAL SCIENCES	127
<i>Baranova N.A.</i>	
Discursive analysis of attempt situation (on the corpus of online mass media)	127
<i>Berestnev G.I., Boyko L.B., Doroscheva N.V.</i>	
Typology of synchronistic phenomena	134
<i>Wang Jia</i>	
To the question of methods for studying cultural concepts	143
<i>Ivanova N.K.</i>	
Simplification of the English Language as the Effect of its International Status	146
<i>Imaeva E.Z.</i>	
Interrupted intentionality and effect déjà vu	153
<i>Karpukhina T.P.</i>	
Discourse strategies of reflection and construction in mass-media representation of primary presidential debates in American political discourse	158
<i>Lysenko L.A.</i>	
The genesis of the method of spiritual realism in the works of I.S. Shmelev and B.K. Zaitsev	170
<i>Usachev V.V.</i>	
Some trends in the functioning of jargon in professional English vocabulary (on the term material in shipbuilding sphere)	177
<i>Cheng Jiaqi</i>	
Linguocultural description of the village concept in the stories of I.A. Bunin	181
<i>Shafarevich K.V., Kushnareva T.V.</i>	
Youth slang in Great Britain: cultural and linguistic aspects	185
<i>Shevyakina S.V.</i>	
Linguistic and stylistic parameters of internet discourse of health psychology	191
<i>Shipovskaya A.A., Tsilenko L.P., Tishkina I.A., Boltneva N.A.</i>	
Directed associative experiment in determining man image features in the worldview of today's youth	197

PHILOSOPHICAL SCIENCES	205
<i>Igosheva M.A.</i> Adaptive potential of ethnic identity in the context of globalization: a socio- psychological resource	205
<i>Mai K Da</i> The concept of cultural integration of Christianity	211
JURIDICAL SCIENCES	216
<i>Samokhvalov I.U.</i> Countering illegal migration in Russia. Criminological aspect	216
<i>Sobolev D.V.</i> Innovative crime. Weapons created by 3D printing: world practice and counteraction	222

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

<https://doi.org/10.5281/zenodo.3760794>

УДК 94 (47). 08

Протасова О.Л.

Протасова Ольга Львовна, кандидат исторических наук, доцент, Тамбовский государственный технический университет, 392000, Россия, г. Тамбов, ул. Советская, 106. E-mail: olia.protasowa2011@yandex.ru.

Элементы гражданского общества в идеологической платформе Трудовой народно-социалистической партии

Аннотация. В статье анализируются некоторые базовые положения политической платформы Трудовой народно-социалистической партии, в которых можно увидеть стремление создать в российском обществе будущего (на пути к социализму и при социализме) такие социальные институты и механизмы взаимодействия государства и населения, которые отвечают современным представлениям о гражданском обществе. Показано, что основные компоненты программы рассматриваемой партии доказывают демократизм ее представителей, нравственный подход к политической деятельности, отрицание крайностей в методах и средствах общественной борьбы, а также искреннюю заботу о развитии гражданского и человеческого сознания «трудового народа», в первую очередь – трудового крестьянства.

Ключевые слова: Трудовая народно-социалистическая партия, гражданское общество, демократический социализм, государство, трудовой народ, культура.

Protasova O.L.

Protasova Olga Lvovna, Candidate of Historical sciences, Associate Professor, Tambov State Technical University, 392000, Russia, Tambov, Sovetskaya str., 106. E-mail: olia.protasowa2011@yandex.ru.

Elements of civil society in the ideological platform Labour people's socialist party

Abstract. The article analyzes some basic provisions of the political platform of the Labor people's socialist party, in which one can see the desire to create in the Russian society of the future (on the way to socialism and under socialism) such social institutions and mechanisms of interaction between the state and the population that meet modern ideas about civil society. It is shown that the main components of the program of the party in question prove the democracy of its representatives, the moral approach to political activity, the rejection of extremes in methods and means of social struggle, as well as a sincere concern for the development of civil and human consciousness of the "working people", first of all – the working peasantry.

Key words: Labor people's socialist party, civil society, democratic socialism, state, labor people, culture.

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 19-09-00059А.

Трудовая народно-социалистическая партия (народные социалисты, энесы) – самобытное явление отечественной политической культуры начала XX века. Она была невелика количественно (численность ее не превышала 1,5-2 тыс. человек), но чрезвычайно ярка по своему составу и независима по политическому поведению среди более массовых и популярных политических «соседей»-соперников – эсеров и кадетов. По идеологической окраске эту организацию без всяких оговорок можно отнести к направлению «демократический социализм»: тот вариант социалистического общества, к которому стремились ее представители, содержал практически все требования, предъявляемые к социализму европейской социал-демократией (конечно, с «поправкой» на социодемографические реалии России). При этом следует сказать, что платформа партии пережила ее саму, поскольку многие программные постулаты народных социалистов, казавшиеся недостаточно решительными в годы системных потрясений, выглядят сегодня, в период нормального, эволюционного развития весьма разумными и очень современными. Тенденции развития мирового демократического социализма второй половины XX века, идейные трансформации внутри этого течения, ослабление радикализма и консенсус в целом ряде вопросов с либерализмом также подтверждают прозорливость народно-социалистических идеологов начала прошлого столетия, доказывая, что взвешенность, умеренность и такт – универсальные качества для любого политического движения, которое относит себя к разряду демократических.

В первой четверти XX века словосочетание «гражданское общество» ни в Европе, ни тем более в России было не в ходу. Однако в программах и европей-

ских, и отечественных демократов можно довольно отчетливо увидеть очертания общественных институтов, которые сегодня отнесли бы к гражданским. То же самое можно сказать о стремлении российских демократических партий, особенно социалистического (в первую очередь – народнического) направления, развить общую и политическую культуру населения, довести народ до того уровня правосознания и человеческой, личностной сознательности, когда эти институты бы заработали не по указке центральных (пусть и демократических) властей, а естественно, органично, силами низовых инициатив. В программах российских социалистов-демократов эти идеи были проработаны пока еще недостаточно четко и последовательно, но такая эклектичность прощительна русским идейным первопроходцам, строившим схемы будущего общества во времена, когда в стране еще не было граждан – были лишь подданные, среди которых едва ли четверть элементарно владела грамотой. Необходимо подчеркнуть, что по сравнению с марксистами русские народники особое внимание уделяли разъяснительной, пропагандистской, культуртрегерской работе с крестьянством, которое составляло большую часть «трудового народа» и, с их точки зрения, гораздо больше нуждалось в воспитании гражданского и человеческого самосознания, чем относительно развитой городской рабочий класс.

Народно-социалистическая (с июня 1917 г., после объединения с Трудовой группой – Трудовая народно-социалистическая) партия была фактически основана в 1905 г. и официально зарегистрирована в 1906 г. Она позиционировала себя как эволюционно-народническая партия, ставившая своей задачей движение по пути построения социалистического общества. В отличие

от социалистов-революционеров, энесы были более правыми, умеренными (нередко их называют «либеральными») народниками. Наиболее активными и эффективными периодами деятельности этой партии можно назвать годы Первой русской революции (1905-1906 гг.) и февраль – октябрь 1917 г., когда в составе революционных органов власти и учреждений местного самоуправления насчитывалось немало народных социалистов. Всей культурной России были известны имена экономиста-аграрника А.В. Пешехонова, который в наибольшей степени занимался «продвижением» этой партии и ее идей, историков В.А. Мякотина, В.И. Семевского и С.П. Мельгунова, земского статистика Н.Ф. Анненского, врача и литератора С.Я. Елпатьевского, химика А.А. Титова, географа и этнографа О.А. Шкапского и других. Среди представителей ТНСП традиционно было много ярких публицистов, и, помимо партийных изданий у них была авторитетная литературная «база» – журнал «Русское богатство», который в большой степени способствовал популяризации и разъяснению взглядов умеренного народничества в достаточно просвещенных кругах. Для «народа» издавались популярные брошюры, в упрощенном стиле излагавшие базовые ценности партии. При этом ни в одном из источников не чувствуется снисходительности или некоего интеллигентского превосходства авторов над адресатом своей социальной заботы – простым человеком из народной среды.

Справедливости ради нужно сказать, что в работе с беднейшим крестьянством народные социалисты заметно уступали эсерам, выступавшим более массово и с более радикальных позиций. Целевой аудиторией энесов было крепкое, хозяйственное население деревни, обладающее чувством собственного достоинства, которое нужно было приобщить к интересам, выходящим за рамки чисто домашних, семейных и общинных. По мере роста культуры этой категории населения планировалось активно подключать ее

лучших представителей к работе в системе местного самоуправления (прежде всего земствах) и даже органов власти (пример – Трудовая группа в Государственных Думах, состоявшая именно из зажиточных крестьян). С ростом общего благосостояния деревни, которого народные социалисты планировали достичь посредством национализации земли и предоставления земледельцам наделов по трудовой норме, крестьянский управленческий селекторат должен был расширяться и еще более демократизироваться. «Государством должен управлять сам народ... Чиновники же должны только выполнять то, что прикажут народные представители» [5, с. 1-2]. Наиболее универсальной формой народовластия энесы считали референдум. Практическое участие, пусть даже поначалу не самое прочувствованное, в избирательных делах, станет в деле пробуждения политического самосознания гораздо полезнее, чем долгие годы учительства, был уверен А.В. Пешехонов [6, с. 159]. В качестве официального лозунга партии было выбрано изречение «всё для народа, всё через народ», казавшееся народным социалистам чрезвычайно емким и удачным (хотя другие партии находили его не вполне внятным). Народ в целом, как и каждая личность в частности, пояснял А.В. Пешехонов, для партии – не только цель, но и средство осуществления социалистического будущего [4, с. 39].

В концепции народных социалистов не было намека на либертариизм. Государство, в отличие от большинства социалистов иных окрасок, они считали не только неизбежным, необходимым во все времена, но и исключительно полезным социально-политическим институтом, конечно, при условии, что оно будет сильным, однако при этом справедливым – таким, что в настоящее время называется правовым. Законы, по убеждению народных социалистов, не должны мешать каждому жить согласно своему вкусу и желанию, лишь бы «от этого не было вреда и убытка для других и для всего общества» (как видим, формулировка

вполне либеральная) [5, с. 46]. У каждого человека должны быть права, которые никто не смел бы нарушать. Главное, законы не должны давать одним людям распоряжаться по своему произволу другими. Перед законом должны быть все равны. В общественных делах «хозяйном» должен быть народ, то есть население той местности, «до которой данное дело относится» [5, с. 68]. Этот постулат перекликается с сегодняшним статусом народа как источника власти, с тезисом о правомерности решения местных вопросов местными же силами. Важнейшие права человека и гражданина (народники их именовали также «вольностями») должны быть изложены в конституции. К таковым они относили прежде всего: неприкосновенность личности, жилища и переписки; свободу передвижения и занятий; свободу совести и отделение церкви от государства; свободу слова и печати, собраний и союзов; право подачи петиций [5, с. 56]. Перед законом должны быть ответственны все должностные лица; министры отвечают, помимо закона, и перед собранием народных представителей [5, с. 75]. Форма государственного правления – монархическая или республиканская – не была для умеренных народников вплоть до 1917 г. предметом принципиального обсуждения: парламентская монархия их вполне бы устраивала, при условии неукоснительного соблюдения законности, прав и свобод каждого. Требование демократической республики в их программу вписано не было, чтобы не смущать малопонятными словами крестьянство, среду весьма консервативную [8, с. 48]. К осознанию необходимости республиканского строя население России должно, по замыслам народных социалистов, подойти самостоятельно, добровольно и обдуманно, и выразить свою волю по этому поводу посредством Учредительного собрания [там же]. Но когда Россия стала республикой, ни один социалист о возвращении монархии, разумеется, уже не помышлял.

И на пути к социализму, и при социализме крестьяне должны, ощущая мощь

государства, чувствовать в нем не поработителя, а союзника и защитника. В национализации земли и крупного производства правые народники видели непременное условие осуществления общества свободы и равенства, однако оговаривали, что фабрики, заводы и прочие средства производства возможно будет передать в государственную собственность лишь тогда, когда народ «привыкнет устраивать свои общественные дела», то есть будет готов к самоуправлению и признает, что государственное – не ничье, а принадлежит каждому [5, с. 27]. Путь к этому виделся долгим и трудным, так как царское правительство разных составов, по оценке А.В. Пешехонова, занималось тем, чтобы, руководствуясь принципом «разделяй и властвуй», превратить население империи из «бессвязных толп» в «людскую пыль» [8, с. 73].

Не идеализируя общину (поскольку ее юридическое положение в общественном строе России расценивалось ими как двусмысленное – не то товарищество, не то государственно-территориальная единица), правонароднические идеологи в целом негативно оценили столыпинскую аграрную реформу, считая, что она разобщает крестьян, будит в крестьянской среде хищнические инстинкты и зависть. Общинное распоряжение землей вносило в жизнь крестьянина элемент принуждения, не способствовало экономическому прогрессу, не позволяло вести хозяйство сообразно требованиям рынка. Как форма совместной обработки земли община народных социалистов вполне устраивала, поскольку в целом они были сторонниками коллективизма. Самоуправление в общине, при условии обретения ею статуса трудовой кооперации (своего рода гражданский институт), может послужить примером и трамплином для участия выходцев из крестьянской среды в ответственных учреждениях самого разного уровня.

Следует сказать и об отношении народных социалистов к динамике социально-исторического процесса. Безусловно, принцип «цель оправдывает средств-

ва» был им абсолютно чужд. В своей политической практике энесы слышали множество обвинений в свой адрес, главным образом от более радикальных партий; среди них были упреки в бернштейнианстве, которые народные социалисты категорически отвергали [10, с. 76]. Правых народников обижало непонимание их позиции другими сторонниками социализма (в первую очередь эсерами; мнение марксистов, особенно большевиков, почти ни о ком не отзывавшихся одобрительно, энесов трогало гораздо меньше). Бернштейн и его сторонники, поясняли народные социалисты, принципиально отрицает революцию, подменяя единую социальную реформу цепью реформ; сами же они революцию не отрицали, а рассматривали ее как сконцентрированный, насыщенный период эволюции, идущий в ускоренном темпе, в результате чего происходит переход накопленных количественных изменений в новое качество общественного и государственного порядка [9, с. 9-10]. Форма такой трансформации, на взгляд умеренных народников, в идеале должна быть мирной.

Февраль 1917 г. заставил российских демократов переходить от теории к практике: в весенние месяцы либеральные и социалистические лидеры принимали деятельное участие в построении организационных начал нового государства. Социалисты заседали в Советах рабочих и солдатских депутатов. Представители народных социалистов, игравшие там довольно заметную роль, расценивали Советы не как постоянный, а как временный, революционный орган переходного периода, пока не установилась устойчивая государственная власть (какой она будет, должно было решить Учредительное собрание). Один из главных идеологов народных социалистов, В.А. Мякотин, отдавая Советам должное как примеру демократического представительства, видел в чрезмерном их разрастании угрозу утраты работоспособности, отрыва от масс, превращения из квалифицированного собрания депутатов в митинг [2, с. 5]. По мнению народных социали-

стов, Советы своей деятельностью и фразеологией ни в коем случае не должны дискредитировать Временное революционное правительство, поскольку это обессилит не только исполнительную власть, но и самую революцию. Элементы конструктивной критики допустимы – это признак демократии, но в условиях войны и социально-экономического кризиса от имени государства вместо правительства не смеет выступать ни одна группа, ни одна организация, считали энесы. Эта убежденность еще раз подчеркивает их твердую приверженность этатизму. К слову, два члена ТНСП были министрами (А.В. Пешехонов – продовольствия, А.С. Зарудный – юстиции) Временного правительства; также партия дала революционному органу исполнительной власти 6 товарищей министров и ряд ответственных работников [7, с. 90].

Большое внимание в революционный период уделялось организации управления на местах. В гигантской стране, привыкшей к централизму и единоначалию, совсем не просто было за короткое время перестроить государственную машину так, чтобы инициировать деятельность местных органов власти и самоуправления. Знаменитый писатель В.Г. Короленко, идейно близкий к народным социалистам, летом 1917 г., когда в России шла волна выборов в муниципалитеты и земства, написал: «Я горячо убежден, что... основная кристаллизационная ось творческих сил революции должна быть проводима последовательно от центров до провинций» [3, с. 161]. Построение социализма, считали эволюционные народники, целесообразно начать именно с мест – с учетом социально-хозяйственной специфики каждой губернии, каждого уезда. «Муниципальный социализм» мог стать первым шагом к обобществлению производства и удовлетворению общественных потребностей. В общественное пользование, согласно предвыборному проекту партии летом 1917 г., должна быть передана вся городская земля, запрещена продажа земельных участков в частную собственность [1, д. 1, л. 1]. Жи-

лица планировалось изъять из свободно-торгового оборота с тем, чтобы регулированием распределения жилья занималась городская власть. Таким образом, возможность получить достойное жилье появилась бы не только у обеспеченных горожан, но и у всех трудящихся. В руки городского самоуправления, согласно данному проекту, передавались бы «общественно полезные предприятия» (освещение, водопровод и канализация, транспорт, телефон, лечебные учреждения, хлебопекарни и пр.) [1, д. 1, л. 1-1об.]. К участию в решении хозяйственно-управленческих вопросов необходимо было привлекать как можно больше трудящихся, развивая в них гражданский активизм без разделения на «более революционные» и «менее прогрессивные» классы. Народное самоуправление виделось энесам основой и школой демократии, как бы громко это ни звучало. Его главной задачей должно было стать, по словам народных социалистов, «обслуживание интересов большинства», то есть трудового народа – рабочих, крестьян, мелких ремесленников, трудовой интеллигенции. У социалистов-революционеров в части реформирования муниципального и земского самоуправления был весьма похожий проект и большая общественная поддержка. Однако по причине объективных и субъективных, идеологических и тактических расхождений такой союз демократических партий, который мог бы обеспечить дружное и согласованное осуществление этой и других демократических реформ, не удался. Революционные начинания либералов и демократических социалистов периода от

февраля к октябрю 1917 г. вскоре были сведены на нет, а затем и вовсе уничтожены большевиками.

Итак, местное самоуправление в проекте ТНСП было самым настоящим первичным, низовым институтом гражданского общества в его сегодняшнем понимании, а сопутствующие его реформе меры настраивали население, не привыкшее к самостоятельности и инициативности, на участие в осуществлении собственных правовых и хозяйственных интересов. Резюмируя вышесказанное, можно оценить отношение деятелей партии к социализму и пути к нему как синтез их собственного, ориентированного на отечественные реалии, народнического восприятия, и традиций западноевропейского (преимущественно французского) социализма. Умеренность, поступательность движения общества по социалистическому пути, внимательное и уважительное отношение к человеческой личности, убежденность в необходимости альянса гражданина, государства и права – все эти пункты идеологической платформы объединяют эволюционных народников первой четверти XX века с международным демократическим социализмом – движением, которое достигло после Второй мировой войны огромных успехов как в популяризации своих идеалов, так и в деле государственного управления и местного самоуправления. Не просто правовое, а социальное государство – предмет стремления большинства сегодняшних демократий – было «запланировано» уже в начале XX столетия программой Трудовой народно-социалистической партии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. И-216. Оп. 1.
2. Мякотин В.А. Великий переворот и задачи момента. М.: Задруга, 1917. 16 с.
3. Неизданный В.Г. Короленко [В 3 т. Т.2]. Публицистика. 1917-1918: [сб. ст.] / Российская гос. б-ка, НИО рукописей; [публ., сост. и коммент. Т.М. Макагоновой, И.Т. Пяттвоевой]. М.: Пашков дом, 2012. 448 с.
4. Пешехонов А.В. Программные вопросы. В 2 вып. Вып. 1. Основные положения. Пг: Задруга, 1917. 47 с.
5. Пешехонов А.В. Хлеб, свет и свобода. СПб: Типография Н.Н. Клобукова, 1906. 79 с.

6. Пешехонов А.В. Хроника внутренней жизни // Русское богатство. 1905. №5. С. 149-174.
7. Политическая история России в партиях и лицах. М.: ТЕРРА, 1994. 304 с.
8. Протасова О.Л. А.В. Пешехонов: Человек и эпоха. М.: РОССПЭН, 2004. 240 с.
9. Сиг-ъ А. [Сигов А.]. О народно-социалистической партии. Пг. М.: Моск. комитет Народно-социалистической партии, 1917. 29 с.
10. Сыпченко А.В. Социальная концепция народных социалистов в контексте идей западноевропейского демократического социализма // Судьбы демократического социализма в России: Сборник материалов конференции / Предисл. К.Н. Морозова. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2014. С. 74-80.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Gosudarstvennyj arhiv Voronezhskoj oblasti (GAVO). F. I-216. Op. 1.
2. Mjakotin V.A. Velikij perevorot i zadachi momenta. M.: Zadruga, 1917. 16 s.
3. Neizdannyj V.G. Korolenko [V 3 t. T.2]. Publicistika. 1917-1918: [sb. st.] / Rossijskaja gos. b-ka, NIO rukopisej; [publ., sost. i komment. T.M. Makagonovoj, I.T. Pjattoevoj]. M.: Pashkov dom, 2012. 448 s.
4. Peshehonov A.V. Programmnye voprosy. V 2 vyp. Vyp. 1. Osnovnye polozhenija. Pg: Zadruga, 1917. 47 s.
5. Peshehonov A.V. Hleb, svet i svoboda. SPb: Tipografija N.N. Klobukova, 1906. 79 s.
6. Peshehonov A.V. Hronika vnutrennej zhizni // Russkoe bogatstvo. 1905. №5. S. 149-174.
7. Politicheskaja istorija Rossii v partijah i licah. M.: TERRA, 1994. 304 s.
8. Protasova O.L. A.V. Peshehonov: Chelovek i jepoha. M.: ROSSPJeN, 2004. 240 s.
9. Sig-A. [Sigov A.]. O narodno-socialisticheskij partii. Pg. M.: Mosk. komitet Narodno-socialisticheskij partii, 1917. 29 s.
10. Sypchenko A.V. Social'naja koncepcija narodnyh socialistov v kontekste idej zapadnoevropejskogo demokraticeskogo socializma // Sud'by demokraticeskogo socializma v Rossii: Sbornik materialov konferencii / Predisl. K.N. Morozova. M.: Izd-vo im. Sabashnikovyh, 2014. S. 74-80.

Поступила в редакцию 09.04.2020.
Принята к публикации 13.04.2020.

Для цитирования:

Протасова О.Л. Элементы гражданского общества в идеологической платформе Трудовой народно-социалистической партии // Гуманитарный научный вестник. 2020. №3. С. 1-7.
URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2020/03/Protasova.pdf>

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<https://doi.org/10.5281/zenodo.3763006>
УДК 372.881.161.1

Бокатина Ю.И.

Бокатина Юлия Игоревна, кандидат педагогических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва», 430005, Россия, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68. E-mail: bokatina@yandex.ru.

Этимология как средство развития языковой компетенции обучающихся

Аннотация. Статья посвящена вопросу использования этимологии в процессе обучения русскому языку. Для повышения орфографической грамотности автор предлагает использовать на уроках элементы этимологического анализа. При помощи сведений из этимологии школьники осознанно усваивают написание словарных слов. В статье показываются способы применения сведений о происхождении слов и обосновывается необходимость их использования для формирования языковой компетенции школьников. Этимология знакомит обучающихся с историческими закономерностями развития языка, расширяет их кругозор, способствует осознанному овладению правилами русского языка.

Ключевые слова: компетентностный подход, языковая компетенция, этимология, этимологический анализ, орфография, орфографическая грамотность, уроки русского языка.

Bokatina Yu.I.

Bokatina Yulia Igorevna, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, National Research Ogarev Mordovia State University, 430005, Russia, Republic of Mordovia, Saransk, Bolshevistskaya Str., 68. E-mail: bokatina@yandex.ru.

Etymology as a means of developing the language competence of pupils

Abstract. The article is devoted to question of usage etymology in learning Russian. The author offers to use the elements of the etymological analysis at the lessons for increasing of the level of spelling literacy. By using information about history of words students consciously learn its spelling. The author shows the ways of practical application of information about history of words and justifies the necessity of the use for forming the language competence of pupils. Etymology acquaints students with historical regularities of the language, expands their outlook, motivates them to learn the rules of Russian.

Key words: competence approach, language competence, etymology, etymological analysis, orthography, spelling literacy, Russian language lessons.

Современное образование ориентировано на развитие человека как целостной личности, его творческих способностей, самостоятельности, информированности, умения действовать в новых нестандартных ситуациях. Задачи образовательного процесса, связанные с освоением школьником определённого круга знаний по каждому отдельному предмету, перестали быть актуальными. В современном мире ученик должен уметь не только получать знания, но и применять их в конкретных ситуациях. Изменению подверглись и основные принципы преподавания учебного предмета «Русский (родной) язык». На первый план выходит системно-деятельностный подход к обучению, а цели обучения русскому языку приближаются к реальным жизненным потребностям школьника и определяются с позиций компетентностного подхода. Ученик уже не усваивает знания в готовом виде, а включается в исследовательскую и практико-ориентированную деятельность, апробирует различные способы действий.

Согласно современным образовательным стандартам, компетентностный подход определяет особенности содержания курса русского (родного) языка в основной школе, обеспечивающего формирование и развитие коммуникативной, языковой и лингвистической (языковедческой), культуроведческой компетенций. Необходимо учесть, что разграничение языковой и лингвистической компетенции носит условный характер и является важным в преподавании русского языка как родного для достижения целей обучения. По мнению Е.А. Быстровой, языковая компетенция включает в себя овладение богатством самого языка, владение всеми нормами языка, включая орфографические и пунктуационные [2, с. 39].

Следует отметить, что новые тенденции в преподавании русского языка, новые образовательные стандарты и новые подходы вовсе не предполагают отказ от традиционных, проверенных временем

методов и приемов обучения. Одним из них является историко-лингвистическое комментирование, основанное на данных этимологического анализа слова. Этимология традиционно считается одним из самых интересных разделов науки о языке. Человеку всегда было свойственно желание осмыслить незнакомое слово, восстановить его «биографию», сделать понятным для себя.

В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» дается следующее определение термина «этимология»: «Этимология (греч. *etymologia*, от *etymon* – истина, *logos* – слово, учение) – 1) раздел языкознания, изучающий происхождение слов; 2) совокупность исследовательских приемов, направленных на раскрытие происхождения слова, а также сам результат этого раскрытия; 3) происхождение слова [3, с. 596]. Как видим, в некоторых случаях понятие «этимология» может выступать в качестве эквивалента понятия «этимологический анализ слова». Мы согласны с Е.И. Дибровой, Е.А. Земской, Ю.В. Откупщиковым, В.Н. Топоровым, О.Н. Трубачевым, по мнению которых, этимологический анализ направлен не только на выявление источника происхождения слова, но и на показ развития, становления его современного облика и значения. Как отмечал О.Н. Трубачев, прежняя функция этимологии – доистория слова и сравнительно-историческая фонетика – сменяется новой функцией – «биографией» слова [8, с. 59].

Проблемам использования сведений из этимологии в процессе обучения школьников русскому языку посвящены работы Т.А. Бобровой, А.И. Власенкова, А.П. Еремеевой, В.В. Иванова, О.Н. Левушкиной, С.И. Львовой, З.А. Потихи, Н.М. Шанского и др. Как считает А.И. Власенков, этимологический анализ является приемом обучения русскому языку, который носит попутный характер, а также представляет одну из форм реализации историзма в преподавании [4, с. 235].

Информация о происхождении слов, как правило, вызывает большой интерес у обучающихся. Учителю нужно преодолеть стереотип, связанный с тем, что экскурсии в этимологию трудны для восприятия школьников, что их использование в образовательном процессе требует много времени и является неэффективным. Необходимо отметить, что знания о происхождении слов способствуют развитию языкового чутья и лингвистической интуиции, памяти и абстрактного мышления подростков [1, с. 108]. В рамках формирования языковой компетенции сведения из этимологии позволяют совершенствовать орфографическую грамотность обучающихся, формировать у них осознанное отношение к правилам современного написания слов. Как считает С.И. Львова, написание слова становится понятным, когда в процессе этимологического анализа восстанавливается его утраченный образ [5]. Эксперименты М.М. Разумовской показали, что усвоение написания безударных гласных в корне путем обычных тренировочных работ, сопровождаемых выявлением лексического значения и подбором однокоренных слов, менее эффективно, чем усвоение, сопровождаемое этимологическим анализом [7].

Обратимся к конкретным примерам. Так, в слове *обаяние* мы видим орфограмму «Непроверяемый безударный гласный в корне слова». И школьники, и взрослые часто сталкиваются с трудностями при его написании. Объяснение можно получить, обратившись к этимологии:

«Слово *обаяние* образовано от глагола *обаяти* «околдовать словами», которое, в свою очередь, произошло от глагола *баять* «говорить». Первоначально *обаяние* означало «колдовство при помощи слов». Родственным словом *обаяние* было слово *басня*, которое раньше означало «рассказ», а также *баловать*, прежде имевшее значение «говорить ребёнку приятное» [10, с. 42].

В русском языке слово *обаяние* до XVIII века употреблялось только в про-

изведениях высокого стиля. Современное значение «очарование, притягательная сила» появилось у него не раньше первых десятилетий XIX века.

Проверяем: обаяние – баять, басня. В слове *обаяние* в корне пишем *а*».

Школьник, которому известна информация о происхождении слова *обаяние*, сразу вспомнит его первоначальное значение и всегда сможет объяснить его орфографию при помощи слов *баять* и *басня*.

Этимология имеет большое значение при объяснении написания заимствованных слов. Например, в ходе проведения орфографической работы педагог может обратить внимание обучающихся на связь написания слова *территория* с его происхождением:

«Запомнить правописание словарного слова *территория* помогут сведения из его истории. *Терра* по латыни означает «земля». Это слово послужило основой для образования других слов, которые были заимствованы русским языком. Одно из них – слово *территория*. Территория – это ограниченное земельное пространство. В корне слова мы пишем гласный *е* и два согласных *р* (территория – *тёрра*).

От латинского *terra* также произошли слова: *терраса* – площадка на наклонной поверхности земли или летняя открытая пристройка к дому, зданию; *террариум* – специальное помещение с землёй, песком для содержания некрупных пресмыкающихся и земноводных животных».

Продуктивным является прием, когда педагог объединяет в группы трудные по написанию слова, являющиеся родственными по своей этимологии. При этом важно, чтобы обучающиеся осознавали первоначальную мотивированность слова, чтобы на основе выявления его происхождения у них создавалось образное представление о предмете, явлении действительности, которое оно называет.

Так, в процессе работы над ошибками педагог может познакомить обучающихся

ся с этимологией слов, имеющих в себе латинский корень *порт*:

«Даны слова: *портфель*, *портативный*, *портмоне*, *португя*, *импорт*, *экспорт*, *депортация*, *транспорт*. Что связывает их? Эти слова пришли в русский язык в разное время из разных языков, но все они восходят к латинскому корню *-порт-* со значением «нести, везти» [10, с. 318].

Так, слово *портфель* в буквальном переводе означает «то, в чем носят листы», слово *портативный* – «удобный для ношения при себе», слово *портмоне* – «то, в чем носят деньги», слово *португя* – «то, в чем носят оружие». Импорт – это ввоз (товаров, капитала, технологий). Экспорт – вывоз (товаров, капитала, технологий). Под словом *депортация* мы понимаем высылку, изгнание из страны, а значение слова *транспорт* связано с перевозкой, перемещением людей и грузов.

Следовательно, написание этих слов мы можем объяснить, обратившись к латинскому корню *-порт-*. Проверяем: портфель, портмонé, португя, портативный, импорт, экспорт, депортация, транспорт – порт.

Необходимо отметить, что использование этимологии в процессе обучения русскому языку не утрачивает своей значимости в свете требований федерального государственного образовательного стандарта, успешно интегрируется с его концептуальными положениями. Как писал русский историк и философ П. Н. Савицкий, «нет традиции вне непрерывного творчества, вне утверждения её в наиболее совершенных, наиболее отвечающих характеру именно данного времени формах...» [Цит. по: 6, с. 162]. Правда, изменение образовательных тенденций повлекло за собой некую трансформацию использования сведений из этимологии, проявляющуюся в ориентации на самостоятельность ученика и практико-ориентированную творческую деятельность подростка. Применение сведений из языкового прошлого в настоящее время основывается на реализации основных принципов личностно-ориентированного

и системно-деятельностного подходов к обучению. Обращение к историко-лингвистическому комментированию позволяет объяснить подросткам неизвестные языковые факты через известные им данные, уже имеющийся у них опыт. При этом важно, чтобы информация из истории языка ученик старался добывать самостоятельно, проявляя свои интеллектуальные и творческие способности.

Например, в ходе орфографической работы над словом *ипподром* учитель-словесник предлагает учащимся объяснить его написание при помощи выявления его происхождения. Далее для решения этой проблемы педагог организует диалогическую беседу:

Учитель: Что такое ипподром?

Ученики: Ипподром – это специально оборудованный участок для конных скачек и бегов.

Учитель: Слово *ипподром* пришло в древнерусский язык из греческого. В греческом языке оно было сложным, состояло из двух корней. Каких?

Ученики: Из корней *ипп* (в греческом языке *hippos*) и *дром* (в греческом языке *dromos*).

Учитель: Первый корень *ипп* указывает на связь предмета с лошадьми (в греческом языке *hippos* означало «лошадь»). А в каких словах до сих пор обнаруживается второй корень *дром*?

Ученики: Он обнаруживается в словах: *аэродром*, *космодром*.

Учитель: В греческом языке *dromos* имело значение «место для бега». Так как же мы можем буквально перевести слово ипподром?

Ученики: Слово *ипподром* буквально переводится как «место для бега лошадей» [9].

Учитель: Как выявление происхождения слова *ипподром* помогает нам запомнить его написание?

Ученики: В слове *ипподром* в начале слова пишется гласный *и* и два согласных *п*, так как оно происходит от греческого корня *ипп* (*hippos*) со значением «лошадь».

В рассмотренной выше учебной ситуации педагог сообщает информацию учащимся при помощи частично-поискового (эвристического) метода обучения, что позволяет школьникам быть активными при решении лингвистической проблемы, проявить творческие и интеллектуальные способности.

Таким образом, использование в процессе обучения русскому языку сведений из этимологии и формирование у школьников умений применять их при объяснении современных лингвистических фактов играют большую роль в развитии языковой компетенции и функциональ-

ной грамотности обучающихся. Обращение к происхождению слов позволяет связать жизненный опыт школьника с учебным материалом, подлежащим усвоению, объяснить подросткам сложные языковые явления через известную и доступную для их восприятия информацию. При этом у школьников формируются осознанные правописные умения. Кроме того, использование этимологии в учебном процессе способствует развитию интеллектуальных и творческих способностей подростков, мотивирует обучающихся к самостоятельному поиску новых знаний и самосовершенствованию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бокатина Ю.И. Историко-лингвистический компонент при реализации личностно-ориентированного подхода к обучению русскому языку. Монография. Саранск: Мордов. гос. пед. ин-т, 2010. 118 с.
2. Быстрова Е.А. Цели обучения русскому языку, или какую компетенцию мы формируем на уроках // Русская словесность. 2003. № 1. С. 35–40.
3. Варбот Ж.Ж. Этимология // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 596–597.
4. Власенков А.И. Общие вопросы методики русского языка в средней школе: пособие для учителя. М.: Просвещение, 1973. 384 с.
5. Львова С.И. Этимологический анализ на уроках русского языка: пособие для учителя. М.: Мнемозина, 2013. 143 с.
6. Мацеевский Г.О. Инновации и традиции в образовании // Успехи современного естествознания. 2010. № 9. С. 160–162.
7. Разумовская М.М. Методика обучения орфографии в школе. М.: Дрофа, 2007. 187 с.
8. Трубочев О.Н. Об этимологическом словаре русского языка // Вопросы языкознания. 1960. № 3. С. 60–70.
9. Шанский, Н. М. Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов / Н. М. Шанский, Т. А. Боброва. М.: Дрофа, 2004. 398 с.
10. Этимологический словарь русского языка для школьников / сост. М.Э. Рут. Екатеринбург: У-Фактория, 2003. 432 с.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Bokatina Ju.I. Istoriko-lingvisticheskiy komponent pri realizacii lichnostno-orientirovannogo podhoda k obucheniju russkomu jazyku. Monografija. Saransk: Mordov. gos. ped. in-t, 2010. 118 s.
2. Bystrova E.A. Celi obuchenija russkomu jazyku, ili kakuju kompetenciju my formiruem na urokah // Russkaja slovesnost'. 2003. № 1. S. 35–40.
3. Varbot Zh.Zh. Jetimologija // Lingvisticheskiy jenciklopedicheskiy slovar'. M.: Sov. jenciklopedija, 1990. S. 596–597.
4. Vlasenkov A.I. Obshhie voprosy metodiki russkogo jazyka v srednej shkole: posobie dlja uchitelja. M.: Prosveshhenie, 1973. 384 s.
5. L'vova S.I. Jetimologicheskij analiz na urokah russkogo jazyka: posobie dlja uchitelja. M.: Mnemozina, 2013. 143 s.

-
6. Macievskij G.O. Inovacii i tradicii v obrazovanii // Uspehi sovremennogo estestvoznanija. 2010. № 9. S. 160–162.
 7. Razumovskaja M.M. Metodika obuchenija orfografii v shkole. M.: Drofa, 2007. 187 s.
 8. Trubachev O.N. Ob jetimologicheskom slovare russkogo jazyka // Voprosy jazykoznanija. 1960. № 3. S. 60–70.
 9. Shanskij, N. M. Shkol'nyj jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka. Proishozhdenie slov / N. M. Shanskij, T. A. Bobrova. M.: Drofa, 2004. 398 s.
 10. Jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka dlja shkol'nikov / sost. M. Je. Rut. Ekaterinburg: U-Faktorija, 2003. 432 s.

Поступила в редакцию 17.04.2020.

Принята к публикации 21.04.2020.

Для цитирования:

Бокатина Ю.И. Этимология как средство развития языковой компетенции обучающихся // Гуманитарный научный вестник. 2020. №3. С. 8-13. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2020/03/Bokatina.pdf>

<https://doi.org/10.5281/zenodo.3763042>

УДК 378.635.5

Бушуев А.Ю., Федосеева И.А.

Бушуев Алексей Юрьевич, аспирант, ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет», 630126, Россия, г. Новосибирск, ул. Виллюйская, 28. E-mail: buschuev78@mail.

Федосеева Ирина Александровна, доктор педагогических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет», 630126, Россия, г. Новосибирск, ул. Виллюйская, 28. E-mail: fedoseevairina60@gmail.com.

Тьюторское сопровождение профессиональной подготовки призывников

Аннотация. Данная статья посвящена анализу тьюторского сопровождения профессиональной подготовки призывников. Методологическая основа исследования представлена теоретическим анализом, синтезом, сравнением и обобщением научных источников зарубежных и отечественных авторов. Установлено, что на современном этапе развития Вооружённых Сил предъявляются повышенные требования как к личностным особенностям, так и к физическим данным призывников, поскольку профессиональная деятельность военнослужащих связана со сложными и стрессогенными ситуациями, угрожающими как их психическому, так и физическому здоровью. Выявлено, что призывников отличает более высокий интеллектуальный уровень, но при этом они обладают низкой мотивацией к выполнению военных задач. Все это обусловлено несформированностью у них патриотических ценностей, социальных установок, ответственности, низкой социальной активностью и самостоятельностью. Для решения проблем мотивации и адаптации необходимо тьюторское сопровождение призывников. Тьюторское сопровождение рассматривается как процесс определения траектории развития, направленный на социализацию сопровождаемого с учетом изменяющихся жизненных обстоятельств. Оно ориентировано на содействие в реализации профессиональной роли в условиях военно-профессиональной деятельности и основано на принципах центрирования, персонификации, оптимистичности. Проанализированы условия тьюторского сопровождения, способствующие эффективному формированию военно-профессиональной направленности.

Ключевые слова: тьюторское сопровождение, призывники, военно-профессиональная деятельность, недостаточная мотивация, патриотические ценности, мотивация, самореализация, социальная среда, социализация.

Bushuev A. Yu., Fedoseeva I.A.

Bushuev Alexei Yurievich, post-graduate student, Novosibirsk State Pedagogical University, 630126, Russia, Novosibirsk, Vilyuiskaya st., 28. E-mail: buschuev78@mail.ru.

Fedoseeva Irina Alexandrovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Novosibirsk State Pedagogical University, 630126, Russia, Novosibirsk, Vilyuiskaya st. 28. E-mail: fedoseevairina60@gmail.ru.

Tutor's support of professional training of draftees

Abstract. This article is devoted to the analysis of tutor's support for professional training of draftees. The methodological basis of the study is presented by theoretical analysis, synthesis, comparison and generalization of scientific sources of foreign and domestic authors. It has been established that at the present stage of the development of the Armed Forces, increased demands are made both on personal characteris-

tics and on the physical data of conscripts, since the professional activity of military personnel is associated with complex and stressful situations that threaten both their mental and physical health. It was revealed that draftees are distinguished by a higher intellectual level, but at the same time, they have low motivation to perform military tasks. All this is due to the lack of formation of patriotic values, social attitudes, responsibility, low social activity and independence. To solve the problems of motivation and adaptation, tutorial accompaniment of draftees is necessary. Tutoring is considered as a process of determining the development path, aimed at the socialization of the follower, taking into account changing life circumstances. It is focused on assisting in the realization of a professional role in the conditions of military professional activity and is based on the principles of centering, personification, optimism. The conditions of tutor's support, contributing to the effective formation of a military-professional orientation, are analyzed.

Key words: tutoring, draftees, military professional activity, lack of motivation, patriotic values, motivation, self-realization, social environment, socialization.

В настоящее время происходят выраженные трансформации в военно-профессиональной деятельности, что обусловлено непредсказуемостью и многозначностью социально-политических событий. Требования к военнослужащим изменяются под воздействием многочисленных контекстуальных факторов, в том числе напряженности и недоверия в обществе, что детерминирует необходимость организации современных педагогических технологий, способствующих эффективности военно-профессиональной подготовки [11; 13]. При этом важно учитывать, что военная профессия предъявляет повышенные требования как к личностным особенностям, так и к физическим данным призывников, поскольку профессиональная деятельность военнослужащих связана со сложными и стрессогенными ситуациями, угрожающими как психическому, так и физическому здоровью призывников [12]. Тем не менее, призывники должны быть готовы к различным задачам, с которыми они столкнутся в военной сфере, что обуславливает актуальность изучения проблемы тьюторского сопровождения профессиональной подготовки призывников.

Методология исследования представлена теоретическим анализом, синтезом, сравнением и обобщением научных источников зарубежных и отечественных авторов, посвященных проблеме тьюторского сопровождения профессиональной подготовки призывников. Практическая

значимость исследования заключается в использовании педагогических условий тьюторского сопровождения профессиональной подготовки призывников для определения оптимальной траектории развития и формирования военно-профессиональной направленности у призывников.

В отечественных исследованиях отмечается значительное изменение состава призывников. В частности, в исследовании М.А. Сумароковой с соавторами отмечается, что призывники отличаются, с одной стороны, более высоким интеллектуальным уровнем, но, с другой стороны, более выраженной склонностью к невротическому поведению, связанному с различными вегетативными нарушениями [9]. Р.А. Лайшев считает, что призывники недостаточно мотивированы к выполнению военных задач, что обусловлено несформированностью патриотических ценностей [8]. Эти данные подтверждают результаты исследования Г.П. Звездиной, Е.Н. Приймак, согласно которым у призывников не выражены и не осмыслены патриотические ценности, недостаточно сформированы социальные установки и ответственность, снижена общественная активность и самостоятельность [2]. По мнению А.В. Зюкина, Р.А. Лайшева, призывникам свойственен низкий уровень ориентации на военную службу и физической подготовки [3]. Исследование О.А. Кузнецовой показало значительную распространенность аддиктивного поведения среди призывников, в частности,

склонности к алкоголизму и табакокурению [7]. Л.И. Холина, А.Ю. Бушуев отмечают сниженный уровень склонности к самообразованию у призывников, подчеркивая необходимость создания педагогических условий для тьюторского сопровождения профессиональной подготовки призывников [10].

В отечественной педагогике тьюторское сопровождение рассматривается как

процесс определения траектории развития, направленный на социализацию сопровождаемого с учетом изменяющихся жизненных обстоятельств [4]. Тьюторское сопровождение профессиональной подготовки призывников ориентировано на содействие в реализации профессиональной роли в условиях военно-профессиональной деятельности и основано на ряде принципов (рисунок 1).

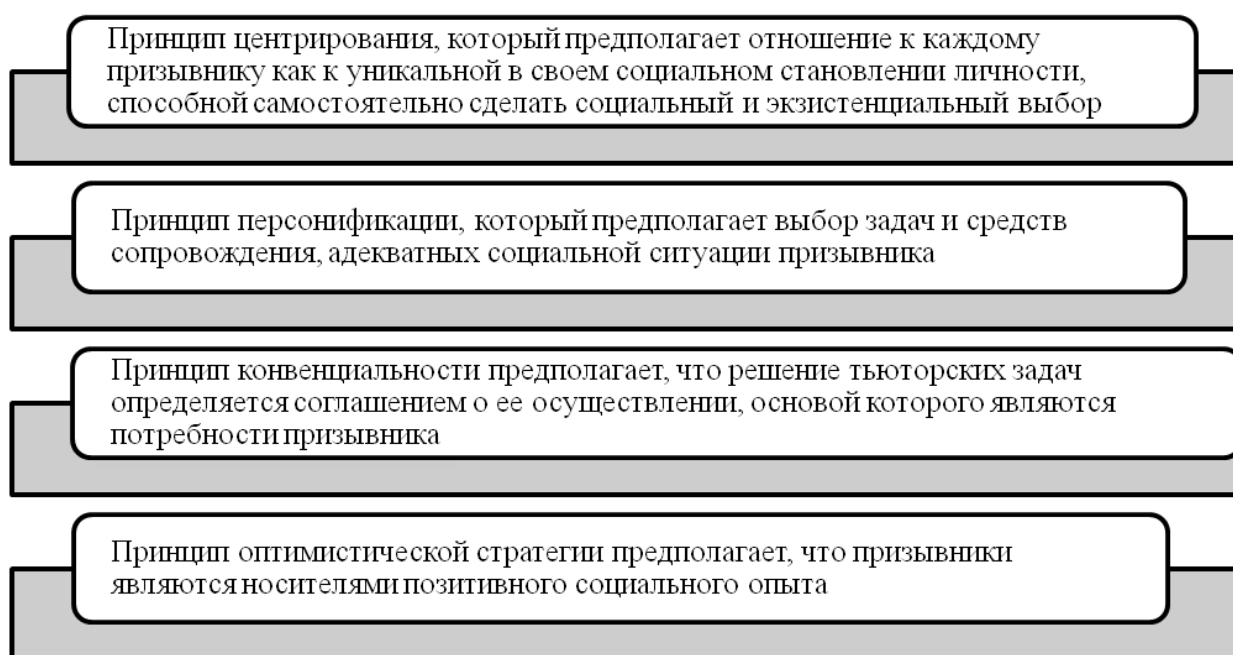

Рисунок 1. Принципы тьюторского сопровождения профессиональной подготовки призывников [1]

Реализация данных принципов будет способствовать повышению мотивации и интереса к военной службе у призывников, формированию патриотических ценностей, самоактуализации и самореализации лиц данной категории, повышению уровня психологического и физического здоровья, развитию социальной и личной активности, а также военно-профессиональной направленности и компетентности в целом [6].

Р.А. Кандидат отмечает, что формирование военно-профессиональной направленности у призывников непосредственно связано с их адаптацией к новой социальной среде и системе общественных отношений, что целесообразно учитывать при организации тьюторского со-

провождения профессиональной подготовки призывников, включающего в себя ряд основополагающих условий (рисунок 2) [5].

Обобщая данные теоретического обзора научной литературы, посвященной специфике тьюторского сопровождения профессиональной подготовки призывников, можно утверждать, что значимость данной проблемы обусловлена выраженной склонностью у призывников к невротическому поведению, недостаточной мотивированностью к выполнению военных задач, несформированностью патриотических ценностей и общественной активности, значительной распространенностью аддиктивного поведения среди призывников.

Рисунок 2. Условия тьюторского сопровождения профессиональной подготовки призывников [5]

Тьюторское сопровождение рассматривается как процесс определения траектории развития, направленный на социализацию сопровождаемого с учетом изменяющихся жизненных обстоятельств. Тьюторское сопровождение профессиональной подготовки призывников ориентировано на содействие в реализации профессиональной роли в условиях военно-профессиональной деятельности. Формирование военно-профессиональной направленности у призывников непосредственно связано с их адаптацией к новой социальной среде и системе общественных отношений, что целесообразно учитывать при организации тьюторского сопровождения профессиональной подготовки призывников. Результаты проведенного анализа зарубежных и отечественных источников расширяют теоретико-методологическую базу исследования проблем, связанных с тьюторским сопровождением профессиональной подготовки призывников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гриненко А.Я., Петрова Н.Г., Петров М.В., Блинов А.В. Здоровье призывников как важнейшая медико-социальная проблема // Вятский медицинский вестник. 2007. №2-3. С. 125-127.

2. Звездина Г.П., Приймак Е.Н. Ценностная оценка современными призывниками основных категорий бытия // Российский психологический журнал. 2013. №4. С. 32-39.
3. Зюкин А.В., Лайшев Р.А. Показатели ориентации на военную службу у школьников и призывников // Ученые записки университета Лесгафта. 2012. №8 (90). С. 19-23.
4. Игнатьева Е.П. Тьюторское сопровождение как педагогический феномен // Вестник ЮУрГГПУ. 2009. №6. С.86-92.
5. Кандидат Р.А. Организационно-педагогические условия, необходимые для формирования ценностных ориентаций у призывной молодежи на воинскую службу // Ученые записки университета Лесгафта. 2012. №10 (92). С. 85-88.
6. Коряковцева О.А., Тарханова И.Ю., Доссэ Т.Г. Тьюторское сопровождение взрослых обучающихся: возможности и перспективы // Ярославский педагогический вестник. 2015. №5. С. 100-103.
7. Кузнецова О.А. Медико-социальные факторы риска у допризывников и призывников // Вестник ВолГМУ. 2009. №2 (30). С. 66-68.
8. Лайшев Р.А. Педагогическая технология подготовки призывников к воинской службе // Ученые записки университета Лесгафта. 2013. №2 (96). С. 88-92.
9. Сумарокова М.А., Палатов С.Ю., Лебедев М.А., Изотова Е.А. Проявления невротических расстройств у призывников // Здоровье – основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. 2012. №2. С. 637.
10. Холина Л.И., Бушуев А.Ю. Социализация военнослужащих по призыву в условиях учебного центра военного вуза // МНКО. 2017. №6 (67). С. 296-300.
11. Inzunza M., Wikström Ch. European police recruits' views on ideal personal characteristics of a police officer // Policing and Society. 2019. doi: 10.1080/10439463.2019.1685514
12. Rech M.F. Recruitment, counter-recruitment and critical military studies // Global Discourse. 2014. Vol. 4, no. 2-3. P. 244-262. doi: 10.1080/23269995.2014.909243
13. Wieslander M. Controversial diversity: diversity discourses and dilemmas among Swedish police recruits // Policing and Society. 2019. doi: 10.1080/10439463.2019.1611818

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Grinenko A.Ja., Petrova N.G., Petrov M.V., Blinov A.V. Zdorov'e prizyvnikov kak vazhnejshaja mediko-social'naja problema // Vjatskij medicinskij vestnik. 2007. №2-3. S. 125-127.
2. Zvezdina G.P., Prijmak E.N. Cennostnaja ocenka sovremennymi prizyvnikami osnovnyh kategorij bytija // Rossijskij psihologicheskij zhurnal. 2013. №4. S. 32-39.
3. Zjukin A.V., Lajshev R.A. Pokazateli orientacii na voennuju sluzhbu u shkol'nikov i prizyvnikov // Uchenye zapiski universiteta Lesgafta. 2012. №8 (90). S. 19-23.
4. Ignat'eva E.P. T'jutorskoe soprovozhdenie kak pedagogicheskij fenomen // Vestnik JuUrGGPU. 2009. №6. S.86-92.
5. Kandidat R.A. Organizacionno-pedagogicheskie uslovija, neobhodimye dlja formirovanija cennostnyh orientacij u prizyvnoj molodezhi na voinskuju sluzhbu // Uchenye zapiski universiteta Lesgafta. 2012. №10 (92). S. 85-88.
6. Korjakovceva O.A., Tarhanova I.Ju., Dossje T.G. T'jutorskoe soprovozhdenie vzroslyh obuchajushhihsja: vozmozhnosti i perspektivy // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2015. №5. S. 100-103.
7. Kuznecova O.A. Mediko-social'nye faktory riska u doprizyvnikov i prizyvnikov // Vestnik VolGMU. 2009. №2 (30). S. 66-68.
8. Lajshev R.A. Pedagogicheskaja tehnologija podgotovki prizyvnikov k voinskoj sluzhbe // Uchenye zapiski universiteta Lesgafta. 2013. №2 (96). S. 88-92.
9. Sumarokova M.A., Palatov S.Ju., Lebedev M.A., Izotova E.A. Projavlenija nevroticheskikh rasstrojstv u prizyvnikov // Zdorov'e – osnova chelovecheskogo potenciala: problemy i puti ih reshenija. 2012. №2. S. 637.
10. Holina L.I., Bushuev A.Ju. Socializacija voennosluzhashhih po prizyvju v uslovijah uchebnogo centra voennogo vuza // MNKO. 2017. №6 (67). S. 296-300.
11. Inzunza M., Wikström Ch. European police recruits' views on ideal personal characteristics of a police officer // Policing and Society. 2019. doi: 10.1080/10439463.2019.1685514

-
12. Rech M.F. Recruitment, counter-recruitment and critical military studies // Global Discourse. 2014. Vol. 4, no. 2-3. P. 244-262. doi: 10.1080/23269995.2014.909243
 13. Wieslander M. Controversial diversity: diversity discourses and dilemmas among Swedish police recruits // Policing and Society. 2019. doi: 10.1080/10439463.2019.1611818

Поступила в редакцию 10.04.2020.

Принята к публикации 13.04.2020.

Для цитирования:

Бушуев А.Ю., Федосеева И.А. Тьюторское сопровождение профессиональной подготовки призывников // Гуманитарный научный вестник. 2020. №3. С. 14-19. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2020/03/BushuevFedoseeva.pdf>

<https://doi.org/10.5281/zenodo.3763044>

УДК 378.1

Васюкова Л.К.

Васюкова Людмила Константиновна, кандидат экономических наук, доцент, Дальневосточный федеральный университет, 690091, Россия, Приморский край, г. Владивосток, ул. Суханова, 8. E-mail: vasyukova_ludmila@mail.ru.

Формирование проектных компетенций у студентов современного университета: «мода» или взгляд в будущее?

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы развития образования в России. Автор исследует проблемы формирования компетенций, которые позволят выпускникам университетов оставаться востребованными и эффективными в течение всей жизни. Выделяются факторы, влияющие на развитие успешности в выстраивании своей карьерной траектории человека. В статье анализируется опыт формирования эмоциональной и цифровой грамотности, умений и навыков командной работы, навыков критического мышления, творческого подхода к решению задач посредством внедрения практики проектно-ориентированного обучения в университете. Выделяются признаки успешности внедрения проектного подхода в учебные программы современных университетов.

Ключевые слова: компетенции, базовые навыки, сложное общество, университеты будущего, практика проектно-ориентированного обучения, критическое мышление.

Vasyukova L.K.

Vasyukova Lyudmila Konstantinovna, Candidate of Economical Sciences, Associate Professor, Far Eastern Federal University, 690091, Russia, Primorsky Territory, Vladivostok, Sukhanova st., 8. E-mail: vasyukova_ludmila@mail.ru.

Formation of design competencies among students of a modern university: «fashion» or a look into the future?

Abstract. The article discusses the development of education in Russia. The author explores the problems of building competencies that will allow university graduates to remain in demand and effective throughout their lives. The factors that influence the development of success in building a person's career trajectory are highlighted. The article analyzes the experience of the formation of emotional and digital literacy, teamwork skills, critical thinking skills, a creative approach to solving problems through the introduction of project-oriented teaching practice at the university. There are signs of successful implementation of the project approach in the curriculum of modern universities.

Key words: competencies, basic skills, a complex society, universities of the future, the practice of project-oriented training, critical thinking.

Стремительное развитие общества, внедрение современных цифровых технологий во все сферы деятельности человека, огромный объём информации, поступающей каждому из нас

из разных источников, реализация проектов, которые ещё недавно считались плодом воображения писателей-фантастов, формируют систему вызовов не только для каждого социально активного чело-

века, но и в целом для системы образования: от дошкольного уровня до университетов.

Школе, вузам, да и детскому саду мы традиционно передаём, как эстафетную палочку, функции формирования компетенций – знаний, умений и навыков, которые помогут нашим детям состояться не только в профессиональной, но и социальной роли. Длительное время – десятки лет, традиционные образовательные институты действительно выполняли социальный заказ общества – прививали базовые навыки, формировали гражданина в соответствии с социальным заказом общества, давали профессиональные знания и умения. Этими навыками выпускники вузов могли пользоваться практически всю свою жизнь, положительную оценку в обществе имели те работники, кто много лет работал на одном предприятии – бухгалтером, инженером, водителем. Уровень безработицы в стране был одним из самых низких (по данным Федеральной службы государственной статистики (ФСГС), уровень безработицы в марте 2019 г. не превышал 4,7%, а в таких мегаполисах, как Москва – 1,6%, в Санкт-Петербурге – ещё ниже – 1,6%) [4], организационная и функциональная структура отраслевых рынков формировалась в соответствии с задачей обеспечения всеобщей трудовой занятости населения страны. Отсутствие фактической конкуренции на рынке труда не требовало от работника постоянной работы над совершенствованием своих профессиональных навыков, расширения знаний и умений. Отраслевые стандарты требовали от работников повышения квалификации не реже одного раза в пять лет, а само понятие квалификации работника появилось в статье 195.1 Трудового Кодекса РФ в 2012 г.

Развитие процессов глобализации, территориальная и межсегментная конвергенция приводят к активному изменению общепринятой классификации не просто профессий, но видов деятельности. В будущем (а университет – это всегда о будущем), основные профессио-

нальные задачи будут требовать решений, построенных на междисциплинарных подходах. Например, историки должны будут овладеть навыками анализа больших данных (BigData), врачи уметь работать с базами данных, чиновники знать технологии работы в распределённых системах. Практика внедрения современных цифровых технологий, повышение доступности различного вида услуг привела к изменению ландшафта на рынке труда: некоторые профессии потребовали от работников дополнительных компетенций, некоторые профессии в ближайшем будущем «умрут», т.е. вообще исчезнут с рынка труда. Современное состояние общества в Докладе Global Education Future (GEF) «Навыки будущего: что нужно знать и уметь в новом сложном мире» характеризуется, как «эпоха стратегических неопределённостей» в сложном обществе [3]. В докладе «Школа будущего: куда движется мир?» [6] на панельной сессии Сбербанка, прошедшей в рамках деловой программы Восточного экономического форума – 2019, Герман Греф отметил, что в ближайшем будущем выпускники университета будут менять направления своей деятельности 5-6 раз за свою трудовую жизнь. Средняя продолжительность жизни, по данным Всемирной организации здравоохранения увеличился, увеличилась и продолжительность трудовой деятельности граждан в разных странах. Это означает, что процесс образования, формирования новых компетенций у работника «будущего» должен стать постоянным, непрерывным. Какие новые компетенции необходимо сформировать в тот или иной период своей жизни должен решать работник в соответствии с индивидуальной карьерной траекторией.

Какими же ключевыми компетенциями должен обладать современный выпускник университета (а университет – это площадка, где должны формироваться ответы на вызовы будущего), чтобы быть готовым к трансформации рынка труда, быть социально успешным?

В сложном обществе ключевыми компетенциями становятся способность мыслить нестандартно, принимать креативные решения, способность создавать инновационные товары и услуги. Инновационные решения всегда связаны с междисциплинарным взаимодействием.

Процессы конвергенции на различных рынках и территориальная конвергенция требуют от работников формирования коммуникационных навыков, способности взаимодействовать в междисциплинарных командах, толерантно воспринимать социальные, этнические, культурные, конфессиональные различия. Эмоциональная грамотность, как способность понимать и управлять своими эмоциями, эмпатия, сочувствие, становятся базовыми навыками для работника «будущего». Экзистенциальные навыки универсально применяются человеком не только в профессиональной деятельности, но и в обычной жизни – в семье, в общении с друзьями, соседями, делают человека социально успешным. Именно о низком уровне эмоциональной грамотности, несформированности коммуникационных навыков свидетельствует статистика семейных разводов в России: поданным ФСГС в 2018 г. доля разводов в соотношении с числом заключенных браков составила 68%, а 17% браков распались в период, когда семья существовала менее двух лет.

Отвечая на вызовы быстро меняющегося мира, человек должен научиться выстраивать свою образовательную траекторию сроком в жизнь, т.е. развить способность к постоянному и непрерывному обучению, очень часто к самообучению.

В условиях стремительного развития современных цифровых технологий цифровая грамотность становится базовой компетенцией каждого социально активного человека. По данным исследования Национального агентства финансовых исследований (НАФИ) по состоянию на март 2019 г. высоким уровнем цифровой грамотности обладали 45% россиян. В состав интегрального показателя цифровой грамотности, рассчитанного по мето-

дике, предложенной экспертами на Саммите G20 в 2017 г. [7], входит и показатель коммуникационной грамотности. 28 млн человек в России, а это практически четверть россиян, обладают крайне низким уровнем цифровой, в том числе коммуникационной в цифровой среде, грамотности.

Американская некоммерческая ассоциация Partnership for 21st Century Skills (P21) разработала концепцию формирования базовых компетенций, которая очень популярна в российском образовательном сообществе, получившую название Модель «4К: коммуникация, креативность, критическое мышление и командная работа» [5].

Разработанная много лет назад Модель «4К» позволяет сформировать компетенции, которыми должны обладать современные востребованные сотрудники и социально успешные люди, сформулированные Клаусом Швабом, президентом Всемирного экономического форума в Давосе в 2016 г.

Обладая навыками критического мышления, человек сможет структурировать информационные потоки, идентифицировать риски, принимать управленческие решения в любых ситуациях, понимать и, что важно, принимать последствия своих успешных и неудачных решений.

Развитие креативности позволит научиться принимать нестандартные решения в сложном обществе, научиться генерировать идеи, развивать начинания других членов сообщества, если эти начинания способствуют достижению целей. Творческое мышление становится главной компетенцией востребованного сотрудника и социально успешного человека.

Умения осуществлять коммуникации, которые выражаются в умении договариваться, слушать, и, главное, слышать мнения других членов сообщества. Навыки критического мышления в сочетании с коммуникативными навыками позволяют преодолевать часто встречающийся стереотип участников иерархиче-

ски-организованных команд – «я прав, потому что я – старше, сильнее, у меня должность выше, я преподаватель и т.д.». Важность умений разговаривать и договариваться, как залог разрешения любых кризисных ситуаций, подчёркивали ключевые докладчики online-конференции «Антихрупкость. Как пережить идеальный шторм» Татьяна Митрова, Павел Лукша и др., которая состоялась 25 марта 2020 г. [2].

Навыки сотрудничества, умение определять цели совместной работы, разрабатывать и реализовывать стратегии, направленные на достижение этих целей, адекватно оценивать результаты достижения целей становятся приоритетными для современных участников различных коллективов.

Сформировать умения и навыки командной работы, лидерские навыки, умения думать критически, коммуникативные навыки, умения творчески мыслить можно с помощью внедрения практик проектно-ориентированного обучения в университете. Внедрение технологий проектно-ориентированного обучения в университетах позволяет преодолеть разрыв между теоретическими знаниями, которые получают студенты на лекциях и семинарах, и практическими навыками, которые им понадобятся в реальной профессиональной деятельности. Более того, в процессе реализации проектов студенты развивают не только, и не столько, контекстные (узкоспециальные) навыки – анализа финансовой отчётности, создания программного обеспечения для решения какой-то задачи, разработки бизнес-плана и т.д., а и развивают кроссконтекстные, метанавыки и экзистенциальные навыки [3].

В современных университетах, широко используется практика сквозного внедрения проектно-ориентированных образовательных технологий в учебный процесс не только магистрантов, но и бакалавров, начиная с первого года обучения [1]. Координирует работу по проектному обучению в университете, как правило, Центр проектной деятельности

(ЦПД). ЦПД разрабатывает методические материалы по внедрению проектного подхода в образовательную деятельность. Для профессорско-преподавательского состава организуются курсы по обучению навыкам проектной работы, организованы постоянно-действующие методические консультации для преподавателей-руководителей проектов. Важнейшим звеном этой работы является создание сообщества предприятий и организаций – представителей реального бизнеса, которые выступают заказчиками проектов. Предприятия-заказчики проектов не только выступают экспертами проектов и оценивают полученные продуктовые результаты, но и становятся наставниками студентов – участников проектных групп в вопросах формирования базовых профессиональных навыков. Таким образом, через проектный формат образовательного процесса сокращается время на формирование контекстных навыков студентов, но и кросс-контекстных навыков.

На 1 и 2 курсе бакалавриата и в первом семестре обучения на магистерских программах студентам предлагается принять участие в проектах, которые предполагают решение задач, напрямую не связанных с получением контекстных навыков. Студенты занимаются исследованием спроса и предложением на определённые группы товаров, налоговики разрабатывают новые туристские маршруты, товароведы разрабатывают алгоритмы для создания программных продуктов и т.д. Такой междисциплинарный подход позволяет развивать экзистенциальные навыки, способность учиться и переучиваться. В результате такого «перемешивания», создания междисциплинарных команд у ребят, да и преподавателей – руководителей проектов, появляется способность рассматривать проблему с разных сторон. По мнению экспертов, эти очень часто интереснейшие решения формулируются не теми участниками команд, у кого сформированы, хотя бы частично, узкоспециализированные навыки, а теми, кто может посмотреть на проблему критично, оценить ситуацию с

другой стороны, выработать нестандартное решение. Практика показывает, что нехватка узкопрофессиональных компетенций очень быстро ликвидируется, если участники проектных команд могут декомпозировать проблему, найти необходимую информацию и не только самообучиться, но и научить других членов команды. Понимание, что успех проекта связан с успехом каждого участника проектной команды, формирует коммуникационные навыки, способность сопереживать успеху или неудаче другим участникам команды.

Процесс внедрения в образовательный процесс ведущих университетов страны проектно-ориентированных технологий, конечно, был непростым. Работа была начата 4 года назад, когда с помощью преподавателей Бизнес-школы СКОЛКОВО, преподаватели вузов начали обучаться проектным технологиям и методикам внедрения их в образовательный процесс. Основная трудность начального периода была в том, что значительная часть преподавателей не понимала целей внедрения проектно-ориентированных технологий в образовательный процесс. В настоящее время конкуренция среди преподавателей, желающих инициировать и реализовывать проект, огромна, проектных заявок в два раза больше, чем можно одновременно реализовать в текущем периоде.

Ещё одним замечательным признаком успешности внедрения проектно-ориентированных технологий, является увеличение случаев, когда студенты сами инициируют проекты стартапов, которые затем ими же успешно реализуются на старших курсах бакалавриата и магистратуры. Это проекты развития компании по доставке товаров для маломобильных граждан (а в настоящее время, в период развития пандемии COVID-19 мы все стали вынужденно маломобильными), создания интернет-магазинов с перечнем

социально-значимых товаров, социальных проектов для обучения навыкам цифровой и финансовой грамотности жителей отдалённых, малонаселённых и труднодоступных регионов страны и др. Формирование у студентов метанавыков, как один из результатов внедрения проектно-ориентированного обучения позволяет выпускниками университета быстро реагировать на вызовы изменяющегося мира и быть успешными в сложном обществе.

Выводы.

1. Мы живем в сложном обществе в эпоху стратегических неопределённостей. Востребованными сотрудниками и социально успешными смогут стать те, кто примет концепцию непрерывного развития, постоянного обучения (самообучения).

2. Ключевыми компетенциями в сложном обществе становятся коммуникационные навыки, способность критически мыслить, генерировать идеи, принимать нестандартные решения, осуществлять взаимодействие с разными людьми, толерантно относясь к социальным, культурным, этническим, конфессиональным различиям. Умение разговаривать, слушать и слышать, договариваться, сострадать, эмоционально поддерживать других людей становится ключевой не только профессиональной и общекультурной компетенцией успешного человека.

3. Одной из лучших практик формирования современных компетенций востребованного сотрудника и социально успешного человека является практика «обучение действием» через реализацию проектной деятельности в университете. Внедрение проектно-ориентированных технологий в практику организации образовательного процесса ДВФУ позволяет развивать все уровни компетенций современного работника и социально-успешного человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гансуар, К. Др. Опыт проектно-ориентированного обучения и организации командной работы студентов вуза / К. Др. Гансуар, Е. А. Неретина, Ю. В. Корокошко // Интеграция образования. 2015. Т. 19, № 2. С. 22–30. DOI: 10.15507/Inted.079.019.201502.022
2. Лукша, П. Глобальные тренды в развитии личности // Материалы онлайн-конференции «АНТИХРУПКОСТЬ. Как пережить «идеальный шторм», 25.03.2020. URL: <https://skolkovo.ru/anti-fragility/2503/>
3. Навыки будущего. Доклад Global Education Futures / Лошкарева Е., Лукша П., Ниненко И., Смагин И., Судаков Д. URL: https://futuref.org/futureskills_ru
4. Статистические данные об уровне безработицы в России в 2019. URL: <https://www.gks.ru>
5. Фейдл Чарльз. Четырёхмерное образование: Компетенции, которые нужны для успеха / Чарльз Фейдл, Майя Бялик, Берни Триллинг. Центр перепроектирования учебных программ, Бостон, МА, 02130, 2015. 212 с.
6. Школа будущего: куда движется мир? Новые образовательные платформы. Материалы панельной дискуссии 5 сентября 2019 г. / Деловая программа Восточного экономического форума – 2019. URL: <https://roscongress.org/sessions/eef-2019-shkola-budushchego-kuda-dvizhetsya-mir-novye-obrazovatelnye-platformy/discussion/>
7. K. Chetty, Q. Liu, L. Wenwei. Bridging the Digital Divide: Measuring Digital Literacy, 2017.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Gansuar, K. Dr. Opyt proektno-orientirovannogo obuchenija i organizacii komandnoj raboty studentov vuza / K. Dr. Gansuar, E. A. Neretina, Ju. V. Korokoshko // Integracija obrazovanija. 2015. T. 19, № 2. S. 22–30. DOI: 10.15507/Inted.079.019.201502.022
2. Luksha, P. Global'nye trendy v razvitii lichnosti // Materialy onlajn-konferencii «ANTIHRUPKOST'". Kak perezhit' «ideal'nyj shtorm», 25.03.2020. URL: <https://skolkovo.ru/anti-fragility/2503/>
3. Navyki budushhego. Doklad Global Education Futures / Loshkareva E., Luksha P., Ninenko I., Smagin I., Sudakov D. URL: https://futuref.org/futureskills_ru
4. Statisticheskie dannye ob urovne bezraboticy v Rossii v 2019. URL: <https://www.gks.ru>
5. Fejdl Charl'z. Chetyrjohmernoje obrazovanie: Kompetencii, kotorye nuzhny dlja uspeha / Charl'z Fejdl, Majja Bjalik, Berni Trilling. Centr pereproektirovanija uchebnyh programm, Boston, MA, 02130, 2015. 212 s.
6. Shkola budushhego: kuda dvizhetsja mir? Novye obrazovatel'nye platformy. Materialy panel'noj diskussii 5 sentjabrja 2019 g. / Delovaja programma Vostochnogo jekonomicheskogo foruma – 2019. URL: <https://roscongress.org/sessions/eef-2019-shkola-budushchego-kuda-dvizhetsya-mir-novye-obrazovatelnye-platformy/discussion/>
7. K. Chetty, Q. Liu, L. Wenwei. Bridging the Digital Divide: Measuring Digital Literacy, 2017.

Поступила в редакцию 12.04.2020.

Принята к публикации 15.04.2020.

Для цитирования:

Васюкова Л.К. Формирование проектных компетенций у студентов современного университета: «мода» или взгляд в будущее? // Гуманитарный научный вестник. 2020. №3. С. 20–25. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2020/03/Vasyukova.pdf>

<https://doi.org/10.5281/zenodo.3763075>

УДК 378.147

Мулендейкина Т.А.

Мулендейкина Татьяна Александровна, кандидат педагогических наук, доцент, Омский автобронетанковый инженерный институт, 644098, Россия, г. Омск, 14-й Военный городок. E-mail: tatjonka@mail.ru.

Применение интерактивных методов обучения как средства развития иноязычной профессиональной коммуникативной компетентности курсантов военного вуза

Аннотация. В статье автором актуализируется проблема развития иноязычной коммуникативной компетентности курсантов, предлагается вариант решения данной проблемы посредством применения интерактивных методов обучения и реализации современной стратегии взаимодействия. Раскрывается содержание понятий «интерактивный метод» и «модерация», представлены точки зрения авторов о формах работы в интерактивном режиме, описываются теоретические основы модерации. Предлагаются варианты работы с применением метода интеллект-карты для введения и актуализации лексического материала, приемов clustern и «карусель» для развития диалогической и монологической речи курсантов.

Ключевые слова: коммуникативная компетентность, курсант, модерация, интерактивные методы и приемы, интеллект-карта, clustern, «карусель».

Mulendeikina T.A.

Mulendeikina Tatyana Aleksandrovna., Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Omsk Tank Automotive Engineering Institute, 644098, Russia, Omsk, 14th Voenniy gorodok. E-mail: tatjonka@mail.ru.

Application of interactive methods of teaching as a means of developing foreign language professional communicative competence of cadets of military high school

Abstract. In the article the author actualizes the problem of developing foreign language communicative competence of cadets, offers a solution of this problem through the use of interactive teaching methods and the implementation of a modern strategy of interaction. The contents of the concepts «interactive method» and «moderation» is revealed, the authors' points of view on the forms of work in interactive mode are presented, and the theoretical foundations of moderation are described. The paper offers options for using the mind-map method for introducing and updating lexical material, clustern and «roundabout» techniques for developing students' dialogical and monologic speech.

Key words: communicative competence, cadet, moderation, interactive methods and techniques, mind-map, clustern, roundabout.

Расширение межкультурного взаимодействия, увеличение международных контактов с партнерами, необходимость изучения актуальных исследований и разработок о зарубежной военной технике, обуславливают спрос на специалистов, владеющих иностранным языком. Целью обучения иностранному языку в военном вузе является развитие способности к реализации коммуникативной функции языка. Иноязычная коммуникативная компетентность рассматривается многими исследователями как важная часть профессиональной компетентности.

Вопросом развития иноязычной коммуникативной компетентности курсантов военных вузов занимаются К.Э. Безукладников, О.В. Вахрушева, Б.А. Круз, Г.С. Максимцева, Ю.В. Тропкина, М.В. Туровцева, О.В. Фадейкина. Следует отметить, что уровень иноязычной коммуникативной компетентности зависит от активности и самостоятельности обучающихся. Анализ научных исследований и публикаций позволяет отметить, что все большее число преподавателей модифицируют собственные технологии обучения, склоняясь к применению интерактивного режима работы. Так же следует отметить, что изменение методов, технологий обучения влечет за собой смену ролевого амплуа преподавателя, смену стратегии взаимодействия между преподавателем и обучающимся, где активность преподавателя уступает место активности обучающихся. Данный факт дает нам основание предположить, что регулярное применение интерактивных методов обучения на занятиях по иностранному языку, а также реализация такой стратегии взаимодействия между преподавателем и курсантом, как модерация будет способствовать развитию иноязычной коммуникативной компетентности курсанта. На основании выдвинутого предположения преподавателями Омского автобронетанкового института предпринимается попытка реализации обучения курсантов в рамках указанной стратегии и с применением ин-

терактивных методов для развития иноязычной профессиональной коммуникативной компетентности.

Новый словарь методических терминов определяет «интерактивный» как «основанный на взаимодействии. Применительно к процессу обучения означает наличие обратной связи между педагогом или средством обучения и учащимися» [1, с. 84].

По мнению Н.А. Моревой, интерактивный режим работы строится на диалоговом взаимодействии субъектов педагогического процесса. При интерактивном взаимодействии преподаватель и студент автономны, но при внешней независимости и свободе субъекты педагогического процесса находятся в постоянном сотрудничестве [2, с. 57].

Относительно перечня интерактивных методов следует отметить, что разные авторы называют различные методы и приемы. Так, Н.А. Морева указывает, что интерактивный режим взаимодействия между студентом и преподавателем, студентом и студентом, студентом и учебными средствами реализуется с помощью коллективных и групповых способов организации учебной деятельности. Коллективные и групповые способы обучения включают в себя групповую, парную (постоянного\сменного состава), индивидуальную формы работы [2, с. 58].

А.П. Панфилова делает акцент на игровых технологиях и относит к интерактивным те обучающие и развивающие личность игровые технологии, которые построены на целенаправленной специально организованной групповой и межгрупповой деятельности, «обратной связи» между всеми ее участниками для достижения взаимопонимания и коррекции учебного и развивающего процесса, индивидуального стиля общения на основе рефлексивного анализа («здесь» и «сейчас») [3, с. 14]. Интерактивные технологии, по мнению автора, – имитационные и деловые игры, ролевые упражнения и тренинги, анализ ситуаций и игровое проектирование [3, с. 16].

Нам импонирует мнение как Н.А. Моревой, так и А.П. Панфиловой, поэтому в рамках нашей практической деятельности под интерактивными методами мы будем понимать все те методы, которые обеспечивают взаимодействие между участниками, их физическую, социальную и познавательную активность, реализуемую в рамках групповой и коллективной формах работы.

Под физической активностью вслед за А.П. Панфиловой мы понимаем изменения активности обучающегося в физическом окружении и в пространственной среде, например: обучающиеся меняют рабочее место, пересаживаются, делают презентацию у доски, перед аудиторией, работают в малой группе, говорят, пишут, слушают т.д.

Социальная активность проявляется в том, что обучающиеся инициируют взаимодействие друг с другом, например: задают вопросы, отвечают на вопросы, обмениваются мнениями, репликами, комментариями, выступают в роли «обучаемого», выступают в «игровой» роли и т.д.

Познавательная активность проявляется в том, что обучаемые сами формулируют проблему и ее постановку, сами определяют способы решения проблемы, трудности, сами находят решение проблемы, корректируют материалы, предлагаемые организатором игры, вносят поправки, дополнения, выступают как один из источников профессионального опыта, предлагают рекомендации, вырабатывают советы, создают программу или проект и обосновывают его [3, с. 15].

Как уже отмечалось, при интерактивном обучении существенно меняется роль преподавателя и его стратегия взаимодействия с обучающимися. В нашем практическом опыте выбор пал на стратегию «модерация», так как в настоящее время в образовательной среде модерацию рассматривают как стратегию организации интерактивного общения. В педагогической практике имеется богатый опыт применения данной стратегии. Так, в работах И.С. Батраковой, В.А. Бордовского, С.А. Жезловой, С.А. Мыльнико-

вой, М.А. Лобановой, А.В. Тряпицына и др. раскрывается опыт применения модерации в образовании взрослых. В исследованиях Е.Г. Бабаскиной, И.К. Дракиной, Н.А. Дьяченко, Е.В. Поповой, И.В. Чичикина и др. представлен опыт применения модерации в работе со студентами.

По мнению М.Н. Певзнера и О.М. Зайченко, модерация – это деятельность, направленная на раскрытие потенциальных возможностей работника. В основе модерации лежит использование специальных приемов, методов и техник, помогающих организовать процесс свободной коммуникации, обмена мнениями, суждениями, и подводящих работника к принятию профессионально грамотного решения за счет реализации его внутренних возможностей. Она не привносит нового, а лишь помогает потенциальное сделать актуальным [4, с. 10].

По утверждению А.В. Петрова, в основе модерации групповой работы лежат базовые процессы, которые можно условно назвать четырьмя «китами модерации»: 1) визуализация – это процесс оптического представления мнений, идей, с использованием графических схем, пинборда и других средств наглядности; 2) вербализация – это процесс вербального сопровождения коммуникации участников групповой работы; 3) презентация – представляет собой невербальное сопровождение коммуникации участников групповой работы; 4) обратная связь – один из базовых процессов модерации, представляющий собой взаимообмен информацией (содержательного и эмоционального плана) между участниками групповой работы [4, с. 42].

Итак, представим несколько вариантов работы с курсантами 3 курса, обучающимися по специальности «Танкотехническое обеспечение войск», в рамках темы «Военные гусеничные и колесные машины» с применением интерактивных методов обучения: интеллектуальная карта, clustern, «карусель», при которых реализуется такая стратегия взаимодей-

ствия преподавателя и курсанта, как модерация.

Метод создания интеллект-карт (картирование мышления) принадлежит Тони Бьюзену. Интеллект-карты как один из приемов модерации подходит, по мнению А. Эдмюллера, Т. Вильгельма, для структурирования и углубленного изучения

конкретной темы, для выявления связей и отношений [5, с. 69].

Для введения и актуализации лексического материала по теме занятия «Основной танк Т-90С, Россия» каждому курсанту выдается карта, составленная преподавателем с помощью программы Coogler, которую необходимо дополнить отсутствующими словами (Рис. 1).

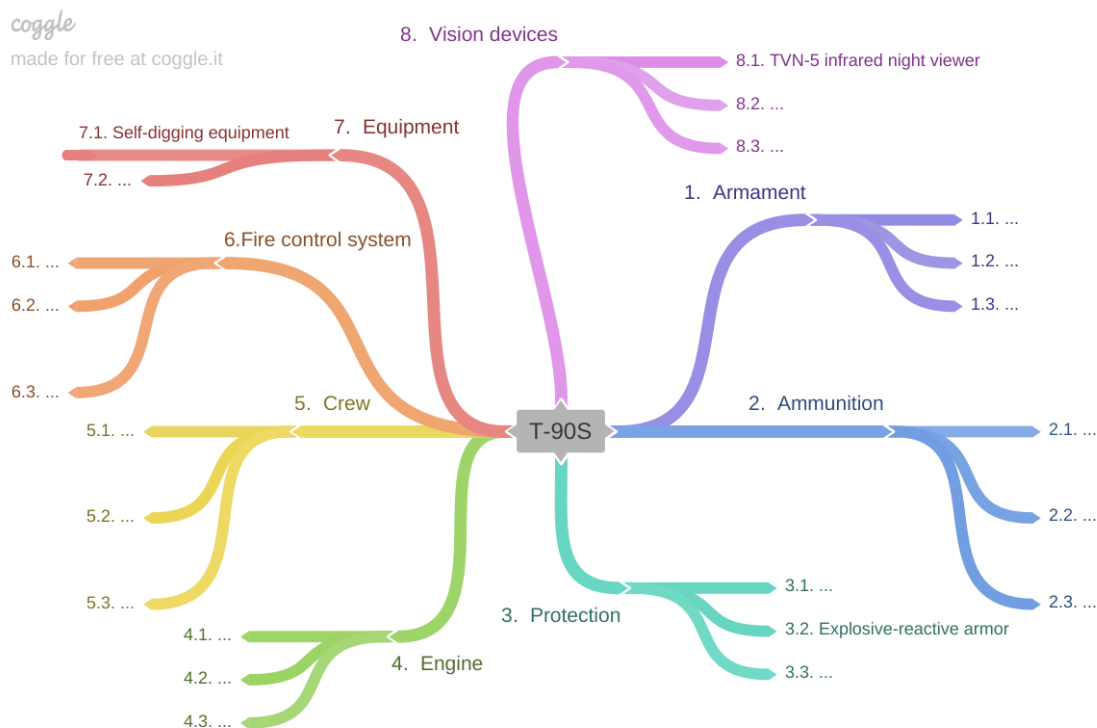

Рис. 1. Интеллект-карта к занятию по теме «Основной танк Т-90С, Россия»

Так, под цифрой 2 от обобщающего слова ammunition (боеприпасы) курсанты дописывают 2.1. Armour Piercing Discarding Sabot (подкалиберный бронебойный снаряд с отделяющимся поддоном), 2.2. High Explosive Anti-Tank (бронебойный снаряд с кумулятивным действием), 2.3. High Explosive Fragmentation (осколочно-фугасный). Следует отметить, что курсанты 3-го года обучения хорошо владеют информацией о российских танках, предмет обсуждения не является для них новым, поэтому затруднения могут вызывать лишь формулировки специальных терминов на английском языке.

Курсанты, имеющие высокий уровень языковой подготовки и обширные знания по предмету обсуждения, могут дополнить как центральные, так и побочные ветви.

Далее для осуществления интерактивного взаимодействия курсантам предлагается выполнить задание по составлению 3–4 вопросительных предложений на основе данной интеллект-карты. С составленными вопросами один из курсантов обращается к собеседнику из группы, собеседник же формулирует ответ с опорой на собственную интеллект-карту. В ходе такой вопросно-ответной беседы, с одной стороны, проверяется знание курсантом лексики по теме и его знание

предмета обсуждения, а с другой стороны – реализуется коммуникативное взаимодействие. В беседе курсанты могут выражать согласие/несогласие с высказыванием собеседника, а также дополнять его ответ, используя фразы-клише: I agree/disagree ...; I shouldn't say so ...; I'm of the same opinion; If I'm not mistaken ...; I'm afraid that's wrong ...; I can add that ...

Представим вариант организации работы курсантов с помощью приема «Clustern» в рамках изучения той же темы «Основной танк Т-90С, Россия». Использование данного приема может быть логическим продолжением после актуализации лексики.

Проблема – какими характеристиками должен обладать современный основной боевой танк?

Цель – обсудить основные характеристики современного боевого танка.

Результат – образец современного основного боевого танка.

Время работы 30 минут.

Последовательность шагов:

1. на доске записывается тема для обсуждения «Main specifications of modern main battle tank» (Основные характеристики современного боевого танка);

2. преподаватель-модератор раздает каждому курсанту по 6-7 карточек для ответов на вопрос: What main specifications must possess modern main battle tank? (Какими основными характеристиками должен обладать современный боевой танк?);

3. на каждой карточке курсант прописывает по одной необходимой, по его мнению, характеристике, затем карточки собираются и спонтанно размещаются на рабочем столе/парте;

4. преподаватель-модератор просит одного курсанта зачитать содержание карточек;

5. после озвучивания все курсанты группы выполняют работу по распределению карточек и их группировке по смысловому единству, получая «проблемное облако»;

б. по центральному понятию дается название «проблемного облака», так получают следующие основные характеристики современного боевого танка: fire power (огневая мощь), engine (двигатель), protection (защищенность), mobility (подвижность), control systems (системы управления), vision devices and equipment (приборы наблюдения и оснащение).

7. определение приоритетности ранга той или иной характеристики.

Далее для дальнейшего развития коммуникации между курсантами, а также для перехода к конкретному предмету обсуждения – танку Т-90С – организуется работа по составлению вопросно-ответной беседы с использованием слов из «проблемного облака». Для этого из группы вызываются по желанию 2 курсанта, которые задают вопросы группе о основных характеристиках танка Т-90С, используя слова «проблемных облаков». В процессе данного диалога выясняется, насколько глубокими знаниями обладают курсанты об обсуждаемом танке.

Приведем пример организации групповой работы с приемом «карусель», в ходе которого развивается навык чтения, а также навык диалогической и монологической речи. При изучении информации о танке Т-90С группа курсантов делится на две подгруппы по восемь человек. Каждая восьмерка в свою очередь делится на две четверки: одна четверка формирует «внутреннюю» неподвижную часть «карусели», вторая – внешнюю «подвижную» часть. Каждый курсант получает индивидуальную информацию о танке Т-90С и незаполненную таблицу, состоящую из восьми колонок, названия которых соответствуют индивидуальной информации. Так, в каждой восьмерке имеется информация следующего содержания: 1) история создания танка и его применение; 2) вооружение; 3) защищенность; 4) двигатель; 5) подвижность; 6) система управления огнем; 7) приборы наблюдения; 8) модификация. Изучив индивидуальную информацию за определенное количество времени, курсанты заполняют соответствующую колонку

таблицы, затем по команде преподавателя формируется карусель (внутренний и внешний круг): курсанты под номерами 1-4 – внутренний круг, 5-8 – внешний. По команде преподавателя курсанты внутреннего круга представляют свою часть информации о танке собеседнику из внешнего круга, который ее заносит в таблицу. Затем курсанты внешнего круга рассказывают свою часть информации собеседнику из внутреннего круга, которая им также кратко конспектируется. Далее курсанты, образующие внешнюю часть карусели, по команде преподавателя передвигаются по часовой стрелке и представляют свою часть информации уже другому курсанту, который ее конспектирует и представляет, в свою очередь, собственную информацию. Итого, по окончании движения «карусели», когда курсант вернется к своему первому собеседнику, у каждого участника будет опыт четырехкратного воспроизведения собственной информации, а также полно-

стью заполненная таблица информацией о танке Т 90С.

Следующий этап работы с информацией из таблицы – рассказать кратко, что они узнали о танке Т-90С от своих одногруппников.

Следует отметить, что реализация процесса обучения с применением интерактивных методов и стратегии взаимодействия модерации будет способствовать развитию такого ряда умений, как выделять главное, систематизировать информацию, вставить на точку зрения другого, работать сообща, а также будет способствовать активизации познания и иницированию иноязычной речевой деятельности каждого курсанта. Таким образом, предполагая регулярное осуществление образовательного процесса в указанной логике, мы считаем возможным достижение повышения уровня иноязычной профессиональной коммуникативной компетентности курсанта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азимов Э.Г. Шукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Издательство ИКАР. Э. Г. Азимов, А. Н. Шукин. 2009. 449с.
2. Морева Н.А. Технологии профессионального образования: учебное пособие для студ. высш. учеб.заведений/ Н.А. Морева. 3-е изд., стер. М.: Издательский центр «Академия», 2008. 432с.
3. Панфилова А.П. Игротехнический менеджмент. Интерактивные технологии для обучения и организационного развития персонала: Учебное пособие. СПб: ИВЭСЭП, «Знание», 2003. 536 с
4. Петров А. В. Дискуссия и принятие решений в группе: технология модерации. СПб.: Издательство «Речь», 2005. 80 с.: ил.
5. Эдмюллер, Андреас Модерация: искусство проведения заседаний, конференций, семинаров/ Андреас Эдмюллер, Томас Вильгельм; [пер. с нем. М.М. Дрёмина, К.А. Мартыновой]. М.: изд-во «Омега-Л» 2007. 219 с.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Azimov Je.G. Shhukin A.N. Novyj slovar' metodicheskikh terminov i ponjatij (teorija i praktika obuchenija jazykam). M.: Izdatel'stvo IKAR. Je. G. Azimov, A. N. Shhukin. 2009. 449s.
2. Moreva N.A. Tehnologii professional'nogo obrazovanija: uchebnoe posobie dlja stud. vyssh. ucheb.zavedenij/ N.A. Moreva. 3-e izd., ster. M.: Izdatel'skij centr «Akademija», 2008. 432s.
3. Panfilova A.P. Igrotehničeskij menedzhment. Interaktivnye tehnologii dlja obuchenija i organizacionnogo razvitija personala: Uchebnoe posobie. SPb: IVJeSJeP, «Znanie», 2003. 536 s
4. Petrov A. V. Diskussija i prinjatie reshenij v gruppe: tehnologija moderacii. SPb.: Izdatel'stvo «Rech'», 2005. 80 s.: il.

-
5. Jedmjuller, Andreas Moderacija: iskustvo provedenija zasedanij, konferencij, seminarov/ Andreas Jedmjuller, Tomas Vil'gel'm; [per. s nem. M.M. Drjomina, K.A. Martynovoj]. M.: izd-vo «Omega-L» 2007. 219 s.

Поступила в редакцию 16.04.2020.
Принята к публикации 19.04.2020.

Для цитирования:

Мулендейкина Т.А. Применение интерактивных методов обучения как средства развития иноязычной профессиональной коммуникативной компетентности курсантов военного вуза // Гуманитарный научный вестник. 2020. №3. С. 26-32. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2020/03/Mulendeikina.pdf>

<https://doi.org/10.5281/zenodo.3763093>

УДК 372.881.1

Рунова А.А.

Рунова Анна Александровна, старший преподаватель, Мурманский государственный технический университет, 183010, Россия, г. Мурманск, ул. Спортивная, 13. E-mail: annarounova@yandex.ru.

Интерактивный метод в обучении иностранному языку

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые теоретические и практические аспекты использования интерактивного обучения на занятиях по иностранному языку. Представлены основные преимущества данного метода. Автор статьи освещает деловые и психолого-педагогические особенности взаимодействия обучающихся, рассуждает о роли преподавателя в процессе их интерактивной работы. Особое внимание уделяется интерактивным приемам, описываются способы их внедрения в учебный процесс. Интерактивный метод представляет собой способ достижения целей обучения, в ходе которого у обучающихся активизируется мыслительная деятельность, повышаются мотивация, самостоятельность и ответственность, развиваются коммуникативные умения и реализуется принцип коммуникативной направленности в обучении иностранному языку.

Ключевые слова: взаимодействие обучающихся, коммуникативные умения, групповая работа, интерактивный метод, иностранный язык, речевое взаимодействие, интерактивное обучение.

Runova A.A.

Runova Anna Aleksandrovna, senior lecturer, Murmansk state technical University, 183010, Russia, Murmansk, Sportivnaya st., 13. E-mail: annarounova@yandex.ru.

The Interactive Method in teaching a foreign language

Abstract. This article considers some academic and practical aspects of the interactive teaching method at the foreign language lessons. It demonstrates the main advantages of this method. The author of the article illustrates formal and also psychological and pedagogical peculiarities of the interaction in the classroom, analyses the role of the teacher in the process of interactive student activity. Particular attention is paid to interactive techniques; their practical application in the educational process is shown. The interactive method is a way to reach educational goals; it intensifies mental activity, increases motivation, independent behaviour and responsibility, develops social skills and implements the principle of the communicative approach in teaching a foreign language.

Key words: student interaction, social skills, group work, interactive method, foreign language, spoken interaction, interactive education.

В последние годы теория и практика образования направлена на поиск форм, методов и приемов обучения, способных создавать среду для развития и совершенствования коммуникативных умений, то есть для формирования и улучшения социальной компетенции. Эти формы, методы и приемы основаны на взаимодействии всех обу-

чающихся 1) друг с другом, 2) с преподавателем и 3) с учебными материалами.

Рассмотрим каждый тип взаимодействия.

Большим потенциалом для соответствия современным образовательным требованиям обладает такая форма организации процесса обучения, как работа в группе. Работа любой группы строится на

взаимодействии ее членов. Такая форма обучения дает возможность обучающимся вступать в коммуникацию друг с другом, отстаивать свою позицию, находить компромисс, согласовывать свои действия при поиске решения проблемы – все это способствует развитию социальной и межличностной компетенции, коммуникативной культуры, сотрудничества и взаимопомощи.

Говоря о взаимодействии обучающихся с преподавателем, нужно подчеркнуть то, что роль преподавателя меняется. Его функция – не транслировать готовые знания обучающимся, а мотивировать и подталкивать их к формированию самостоятельных суждений, к поиску нестандартных решений.

При поиске информации и решении некоторых задач бывает недостаточным взаимодействия обучающихся друг с другом или с преподавателем-наставником. В таких случаях необходимо обратиться к внешним источникам информации – учебникам, картам, схемам, видеопрезентациям, электронным ресурсам и т.п.

Все вышеперечисленные типы взаимодействия характеризуют интерактивный метод обучения. Этот метод обучения является одним из наиболее эффективных на данный момент. При индивидуальной, самостоятельной учебе обучающийся, допустив ошибку, не справившись с заданием, может замкнуться на своих неудачах и потерять дальнейшую мотивацию к учебе. Интерактивный же метод обучения практически полностью исключает возможность появления подобной ситуации. Здесь ответственность распределяется равномерно между всеми обучающимися, от успеха одного будет зависеть успех всей группы, а, следовательно, потерять интерес к обучению будет означать подвести всю свою группу. Поэтому все члены группы не заинтересованы к проявлению слабой позиции хотя бы одного из своих членов и готовы всегда оказать ему помощь. Еще больше уверенность обучающихся подкрепляется возможностью в любой момент обра-

титься за помощью к преподавателю или к учебным материалам.

Рассматривая специфику дисциплины «Иностранный язык», интерактивный метод может в полной мере обеспечить условия для развития познавательной и речевой деятельности всех обучающихся и предоставить возможность каждому из них осмыслить новый лексико-грамматический материал и получить речевую практику для формирования и развития необходимых компетенций.

Взаимодействие обучающихся между собой и с преподавателем основывается на двух аспектах: деловом и психолого-педагогическом. Деловой аспект является первостепенным. Он подразумевает, например, работу над текстом, обсуждение темы/проблемы, поиск общего решения. Психолого-педагогический аспект отражает желания и страхи обучающихся при взаимодействии, их симпатии и антипатии, общую атмосферу работы, возможность преподавателя внести свои коррективы в учебный процесс с целью сделать его более доброжелательным и эффективным. Если преподаватель некомпетентен и игнорирует психолого-педагогический аспект, сосредоточивая все свое внимание только на деловом аспекте, то такое обучение даст лишь временные положительные результаты на начальном этапе. Но со временем нарастающие и не получающие внутреннего разрешения психологические проблемы (антипатии, недоверие, настороженность, отстраненность) приведут к ярко выраженному конфликту и сведут на нет все ранее достигнутые результаты. Поэтому при делении обучающихся на малые группы с целью осуществления интерактивной деятельности следует учитывать следующие критерии: уровень подготовленности обучающихся по дисциплине, учебные и внеучебные интересы, работоспособность, эмоциональность, темп работы, личный опыт и т.п. [1, с. 97]. Эти критерии следует стараться учитывать постоянно. Составы групп могут меняться на разных занятиях или даже в рамках одного занятия. Так, в начале занятия

можно разбить обучающихся на группы по интересам и дать им изучить тексты соответствующей тематики. А в середине занятия перераспределить обучающихся в смешанные группы, где они будут доказывать важность своих увлечений остальным, а также слушать доводы других обучающихся в группе о значимости их интересов.

Роль преподавателя-наставника обязывает его следить за взаимодействием обучающихся в группе, контролировать дисциплину, оказывать помощь при необходимости, но делать он все это должен завуалированно, непрямо, например, он может кивнуть в знак согласия или покачать головой в случае несогласия. Преподавателю следует избегать строгого контроля взаимодействия обучающихся, давая им возможность проявить инициативу и самостоятельность, взять на себя ответственность.

Говоря о частоте использования интерактивной работы с обучающимися на занятиях по иностранному языку, можно отметить, что такая работа происходит практически на каждом занятии. К интерактивным видам работы относятся и фронтальная работа с преподавателем, и работа в парах, и работа в малых группах, и даже работа с учебником – здесь везде присутствует взаимодействие. Интерактивное обучение уместно применять на занятиях формирования, развития и совершенствования лексико-грамматических навыков, при работе с текстом, при изучении новой темы или при повторении и активизации материала, изученного ранее, а также при обучении диалогической речи и общению на иностранном языке. Организация общения обучающихся на занятии кажется для преподавателя несложной, она сводится к предоставлению возможности каждому обучающемуся высказать свое мнение и принять участие в совместном общении. Но зачастую обучающиеся не справляются с этой задачей должным образом. Опыт показывает, что на занятии по иностранному языку часто произносятся заранее запланированные последователь-

ности реплик, как будто каждый обучающийся играет свою «роль». И естественное речевое взаимодействие обучающихся заменяется «инсценировкой». Чтобы избежать возникновения подобных ситуаций, нужно снимать психологические трудности, приучать обучающихся к интерактивным видам работы постепенно, создавать доброжелательную атмосферу на занятии, не критиковать неудачи обучающихся.

Речевое взаимодействие характеризуется объединением, координацией и взаимодополнением усилий участников общения с целью достижения коммуникативных целей и результатов речевыми средствами. Речевое взаимодействие является основополагающим при организации общения на иностранном языке [1, с. 102]. Для организации речевого взаимодействия обучающихся на занятиях по иностранному языку можно использовать нижеперечисленные приемы интерактивной работы.

Собеседование. Общим признаком этого приема является задача опросить как можно больше обучающихся, чтобы выяснить их мнения и ответы на поставленные вопросы. Например, при изучении темы «Медицина» один из обучающихся (с более высоким уровнем подготовленности) назначается «главным врачом больницы». Его задача – провести собеседование с остальными обучающимися, которые изображают из себя врачей различных специализаций, с целью расширить персонал своей «больницы». Здесь можно отработать лексику по изучаемой теме, активизировать грамматический материал по теме «Модальный глагол Can» (Can you perform an operation?). В конце собеседований «главврач» приглашает всех претендентов, озвучивает плюсы и минусы каждого, выбирает тех, кого возьмет к себе в штат, и объясняет свое решение. «Врачи» могут быть несогласными с его позицией и могут пытаться переубедить его поменять свою точку зрения. Таким образом, возникает интенсивная речевая тренировка.

Поиск истины. Возьмем в качестве примера тему «Emergencies». Обучающиеся получают карточки, где расписаны их роли участников какого-то чрезвычайного происшествия – например, пожара в здании. Все они прямые или косвенные свидетели, но целостной картиной происшествия никто из них не владеет. Один из обучающихся получает роль «следователя». Он должен поговорить со всеми остальными, чтобы собрать воедино все подробности и найти причину возникновения чрезвычайного происшествия.

Поиск единомышленника. В основе этого приема заложено условие, что в группе у каждого обучающегося есть один единомышленник. Речевой материал может быть самым разнообразным. Каждый обучающийся получает карточку, на которой изложено мнение по какой-то проблеме. Рассмотрим тему «Distance Learning». У одного из обучающихся в карточке написано: «I like to study from home. It saves much time». Его задача – с помощью вопросов найти второго, кто думает схожим образом. Прежде чем он найдет совпадающую карточку «Computers are very useful. They help to get remote education», он расспросит других обучающихся об их отношении к дистанционному обучению.

Моя точка зрения. Возьмем тему «Environmental Problems». Преподавателем предлагается некое спорное утверждение: «Plants and animals have been dying out since the beginning of time. It's natural. And it's pointless trying to stop it happening». Каждый обучающийся кратко высказывает свою точку зрения по данному утверждению и, в случае согласия с ним, садится справа от преподавателя, а, в случае несогласия, – слева. Таким образом, все обучающиеся делятся на две группы. Возможно появление третьей группы – тех, кто затрудняется определиться со своей позицией по данному вопросу. Две противоположные группы начинают дискуссию, приводя свои доводы «за» и «против». Группа неопределившихся (обычно в нее входят обучающиеся

с более низким уровнем подготовленности, чем все остальные) внимательно слушает обе стороны. В ходе дебатов они должны принять ту или иную сторону и объяснить свой выбор.

Выгодный обмен. Этот прием эффективен на начальном уровне обучения при изучении предметной лексики. Каждый обучающийся получает по две карточки. На одной карточке написано (или изображено) то, что у него есть, а на другой – то, что он хочет иметь. Содержание карточек выглядит так:

- You have a red dress. You want to have a yellow T-shirt.

- You have a yellow T-shirt. You want to have black shoes.

- You have black shoes. You want to have a blue tie.

- You have a blue tie. You want to have a red dress.

Как видно из этих примеров, прямого обмена у обучающихся не получится. Им придется расспрашивать друг друга о том, что у них есть, и только через серию обменов получить желаемое.

Сломанный телефон. Этот прием может быть эффективен при обучении говорению. При его использовании также активизируются такие виды речевой деятельности, как чтение, аудирование и письмо. Первый обучающийся читает небольшой текст, стараясь его запомнить. Его задача – по памяти передать шепотом содержание текста следующему. Второй передает третьему и так далее. Последний в этой цепочке обучающийся выслушивает предпоследнего, а затем самостоятельно записывает полученную информацию на листочке. После всей проделанной интерактивной работы преподаватель зачитывает изначальный текст и запись с листочка обучающегося. Чем более похожи два текста, тем лучше результаты проделанной работы.

При интерактивном методе обучения соревновательность между обучающимися отсутствует. Обучающиеся соревнуются не между собой, а сами с собой, то есть со своими ранее достигнутыми результатами. У каждого из них своя план-

ка [2, с. 333]. Очень важно в период взаимодействия оценивать не столько реальные результаты, сколько усилия, который обучающийся приложил для их достижения.

Интерактивный метод обучения предполагает не только взаимодействие, но и взаимозависимость его участников. Они могут зависеть:

- от единой цели, задачи, которую они смогут достичь только совместными усилиями;

- от источников информации, когда каждый обучающийся владеет только частью информации и должен внести свой вклад в прояснение общей картины происходящего;

- от одного на всех учебного материала (одного текста, одной карты, схемы) или инвентаря, необходимого для выполнения общего задания (одной ручки, одного компьютера и пр.) [2, с. 332].

Мы рассмотрели некоторые интерактивные формы работы, с помощью которых можно вызвать интерес у обучающихся и организовать их речевое взаимодействие на занятиях по иностранному языку. Систематическая и целенаправленная интерактивная работа значительно увеличивает время устной и речевой практики каждого обучающегося на занятии.

Практика показывает, что в условиях реализации вышеперечисленных интерактивных приемов обучения активизируется мыслительная деятельность всех обучающихся, повышается мотивация к говорению на иностранном языке, развиваются коммуникативные умения, улучшаются межличностные отношения. Интерактивный метод способствует реализации основного принципа обучения иностранному языку – принципа коммуникативной направленности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конышева А. В. Организация самостоятельной работы учащихся по иностранному языку. СПб.: КАРО, Мн.: Издательство «Четыре четверти», 2005. 208 с.
2. Методика обучения иностранным языкам: традиции и современность / Под ред. А. А. Миролюбова. Обнинск: Титул, 2012. 464 с.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Konysheva A. V. Organizacija samostojatel'noj raboty uchashhihsja po inostrannomu jazyku. SPb.: KARO, Mn.: Izdatel'stvo «Chetyre chetverti», 2005. 208 s.
2. Metodika obuchenija inostrannym jazykam: tradicii i sovremennost' / Pod red. A. A. Miroljubova. Obninsk: Titul, 2012. 464 s.

Поступила в редакцию 17.04.2020.

Принята к публикации 20.04.2020.

Для цитирования:

Рунова А.А. Интерактивный метод в обучении иностранному языку // Гуманитарный научный вестник. 2020. №3. С. 33-37. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2020/03/Runova.pdf>

<https://doi.org/10.5281/zenodo.3763103>
УДК 37.02

Лапина О.А., Черепанова А.Л.

Лапина Олимпиада Александровна, доктор педагогических наук, профессор, Иркутский государственный университет, 664011, Россия, г. Иркутск, ул. Нижняя Набережная, 6. E-mail: olimpiada2005@mail.ru.

Черепанова Анастасия Леонидовна, старший преподаватель, Иркутский государственный университет путей сообщения, 664074, Россия, г. Иркутск, ул. Чернышевского, 15. E-mail: anastlcher@mail.ru.

Формирование мотивации студентов к активизации речемыслительной деятельности

Аннотация. Речь - это один из главных показателей культуры человека и его интеллекта, а также культурного развития общества. В настоящее время мы наблюдаем снижение уровня речи у студентов. Поэтому проблема речемыслительной деятельности является сегодня общепедагогической и требует поиска решения. В работе делается акцент на использовании потенциала всех учебных дисциплин для решения проблемы. В статье описывается подход к организации мотивационного этапа, предшествующего активизации речемыслительной деятельности обучающихся. Указываются особенности мотивации современных студентов. Приводятся методы форм организации мотивации.

Ключевые слова: активизация, информатика, мотивация, мышление, речемыслительная деятельность, речь, формы мотивации.

Lapina O.A., Cherepanova A.L.

Lapina Olimpiada Aleksandrovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Irkutsk State University, 664011, Russia, Irkutsk, Nizhnyaya Naberezhnaya str., bld. 6. E-mail: olimpiada2005@mail.ru.

Cherepanova Anastasiia Leonidovna, senior lecturer, Irkutsk State Transport University, 664074, Russia, Irkutsk, Chernyshevskogo str., bld. 15. E-mail: anastlcher@mail.ru.

Formation of motivation of students to enhance speech-thinking activity

Abstract. Speech is one of the main indicators of a person's culture and intellect, as well as the cultural development of society. Currently, we are seeing a decrease in the level of speech in students. Therefore, the problem of speech-thinking activity is today general pedagogical and requires a search for a solution. The work focuses on using the potential of all academic disciplines to solve the problem. The article describes the approach to the organization of the motivational stage, preceding the activation of speech-thinking activity of students. The motivation features of modern students are indicated. The methods of forms of organization of motivation are given.

Key words: activation, computer science, motivation, thinking, speech-thinking activity, speech, forms of motivation.

Изменения, происходящие в обществе, затрагивают не только мировоззрение людей, но и когнитивные процессы человека, такие как речь и мышление. В наибольшей степени такому влиянию подвержено молодое поколение. Преподаватели высших учебных заведений обеспокоены снижением уровня речемыслительной деятельности студентов. Это проявляется в сложностях построения аргументативных и описательных текстов, неумении формулировать свои мысли при ответах на занятиях, снижении возможностей к анализу, синтезу, обобщению у обучающихся. Часто студенты проявляют нежелание отвечать устно на вопросы преподавателя. В результате анкетирования студентов выяснено, что более 70% предпочитают тестовую форму проверки знаний.

Исследуя вопрос речемыслительной деятельности, мы рассматриваем речь с позиции психолингвистики как «способ формирования и формулирования мысли посредством языка» [5, с. 40]. Продуктом речемыслительной деятельности является текст. В учебном процессе это будут устные и письменные ответы студентов на занятиях.

Причины снижения уровня речемыслительной деятельности студентов авторами статьи представлены в публикации «Reflection as a condition of activation of students' speech activity» [9].

Не будет преувеличенным факт, что современные информационные и цифровые технологии «показывают» молодому поколению, что говорить, формулировать свои мысли, пытаться правильно построить текст не является обязательным. Например, сейчас в программах обмена мгновенными сообщениями и в электронной почте есть функция «интеллектуальные ответы». Пользователь может, не печатая текст, выбрать ответ из предлагаемых программой. Аксиоматичность связи речи и мышления указывает, что такие функции приложений приведут не только к снижению уровня речи, но и к снижению мыслительных способностей.

Считаем, что в высших учебных заведениях работа над повышением уровня речемыслительной деятельности возможна посредством её активизации.

Активизация – это «1) усиление, оживление деятельности; побуждение к решительным действиям; 2) мобилизация интеллекта, воли, нравственных сил учащихся» [3, с.15]. Как и многие исследователи, мы придерживаемся мнения, что активизация любого когнитивного процесса является двусторонним процессом. Это всегда совместная деятельность преподавателя и обучающегося.

Каждая учебная дисциплина обладает потенциалом к активизации этого вида деятельности, в том числе информатика и информационные технологии. Трудность заключается в том, чтобы студенты осознали и приняли роль нелингвоинтенсивных дисциплин в активизации речемыслительной деятельности. Поэтому нами в процесс обучения информационным технологиям введены два этапа предшествующих активизации: этап рефлексии и этап мотивации.

Для проведения рефлексии были введены приёмы «найди речевые неточности», «объясните», «подтвердите» и осуществлялась работа со студентами над осознанием причин неграмотного построения текстов [9, с. 107].

«Мотивация – внешнее или внутреннее побуждение субъекта к деятельности во имя достижения каких-либо целей, наличие интереса к такой деятельности и способы его инициирования, побуждения. Мотивация учения формируется под влиянием всей системы педагогических воздействий, но, прежде всего, она воспитывается в процессе непосредственной учебной деятельности. Воспитание положительной мотивации зависит от содержания обучения, организации учебного процесса, личности преподавателя» [3, с. 175].

Обратимся к статье «Формирование учебной мотивации студентов технических вузов», где автор подчеркивает, что «в числе психолого-педагогических проблем высшей школы наиболее значимой

является проблема формирования учебной мотивации студентов, поскольку ее высокий уровень является одним из наиболее действенных средств повышения эффективности и качества учебного процесса. Таким образом, вопрос об учебной мотивации – это, по существу, вопрос о качестве учебной деятельности» [7, с. 207]. Мы считаем, что то же самое можно сказать о мотивации студентов к активизации речемыслительной деятельности. Подход к организации мотивации должен быть таким, чтобы педагогические цели преподавателя превратились в цели студентов. Необходимо помнить, что мотивация какой-либо деятельности – это развивающийся во времени сложный психический процесс.

Для формирования мотивации к активизации речемыслительной деятельности студентов мы организовали проведение беседы со студентами на учебном занятии. Следует учитывать, что «апеллировать к авторитету, возрасту, опыту, традиции и проверенности временем в общении с современным студентом бесполезно. «Единственный способ взаимодействовать с ними – убеждать: объяснять, обсуждать и приводить аргументы» [1, с. 43].

В беседе мы использовали неимперативные формы внешней организации мотивации: предложение (совет) и убеждение. «Убеждение – это метод воздействия на сознание личности через обращение к ее собственному критическому суждению. Основой убеждения служит разъяснение сути явления, причинно-следственных связей и отношений, выделение социальной и личной значимости решения того или иного вопроса» [6, с. 92].

Разъяснение причинно-следственных связей состояло в том, чтобы объяснить связь между мышлением и речью. Для объяснения мы провели эксперимент. В эксперименте участвовали студенты, которые защищали работу по теме «Вычисления в таблицах MS Excel» и испытывали затруднения, когда нужно было пояснить назначение функций СУММЕСЛИ,

СЧЁТЕСЛИ, ЕСЛИ и привести примеры их использования. В качестве аргументов, обучающиеся называли отсутствие практики в объяснении выполненных заданий. Многие студенты говорили: «Задание же выполнено, зачем объяснять?» Во время беседы, мы обращались к таким студентам и просили их рассказать о теме, которую они хорошо знают. Один из студентов, профессионально занимался созданием сайтов. Он с большим удовольствием рассказывал об этапах создания сайта и о своей работе. После его объяснения мы обратили внимание студентов на то, что текст построен правильно, никаких затруднений не было. Но когда необходимо было определить назначение функций, то этот студент сказал, что у него мало практики в устных объяснениях.

Затем мы задали студентам вопрос: «Может быть, неумение создавать тексты и правильно оформлять свои мысли связано с тем, что вы не разобрались в материале?». Большинство студентов с таким предположением были согласны.

Рассматривая социальную и личную роль в повышении уровня речемыслительной деятельности, мы привели данные о компетенциях, которым работодатели уделяют большое внимание. Данные мы взяли из исследований других авторов [2; 8]. Например, 62% из 392 опрошенных работодателей значимой компетенцией считают умение проводить самопрезентацию (грамотная речь, умение выражать свои мысли в устной и письменных формах) [2]. По мнению работодателей, необходимо формировать на повышенном уровне в процессе обучения студентов также умение «аргументированно, ясно и логически верно осуществлять коммуникацию, изучать научно-техническую литературу на русском и иностранном языках, демонстрируя культуру мышления и понимания при обобщении, анализе и восприятию информации, постановке цели и выбора путей ее достижения» [8, с. 40].

Мы привели данные о том, что первым признаком, по которому определяют

аналитические навыки соискателей, является хорошая речь. К характеристикам хорошей речи работодателя относят чёткость, логичность изложения, наличие обобщений, точность в использовании понятий и категорий [4].

При построении беседы для убеждения студентов мы использовали методы «Да, но...», метод кажущейся поддержки. Метод «Да, но...» состоит в том, что мы сначала соглашаемся с собеседником, а потом приводим доказательства недостатков его подхода. Например, в беседе мы соглашались с обучающимися, что большая часть общения между студентами происходит с помощью мессенджеров, в которых используются средства упрощения речи.

Действительно, не всегда в общении нужно задумываться над тем, как правильно построить текст, есть картинки, интеллектуальные ответы, которыми можно воспользоваться. Но потом мы спросили: «А как вы будете общаться с работодателем, как вы будете проводить самопрезентацию?» Метод кажущейся поддержки, заключается в том, что «доводы собеседника не опровергаются, а, напротив, приводятся новые аргументы в их поддержку. Затем, когда у него сложится впечатление о хорошей осведомленности убеждающего, приводятся контраргументы»[6, с.94].

При общении мы не говорили студентам, что они не правы, а стремились к тому, чтобы все наши аргументы были максимально понятны студенту.

В беседе со студентами важно было сделать так, чтобы по её окончанию они поняли, что идея о важности активизации речемыслительной деятельности принадлежит им самим. Для этого нужно было подвести студентов к самостоятельному выводу. В процессе беседы мы обратили внимание обучающихся на то, что умение правильно строить тексты невозможно сформировать только одной дисциплиной культура речи и русский язык.

В формировании мотивации мы придерживаемся теории В.Г. Асеева о дву-модальном характере мотивации, несмотря на то, что многие исследователи обращают внимание только на работу с положительной мотивацией при развитии речевой и речемыслительной деятельности. Мы ввели требования к защитах лабораторных работ: обязательное умение раскрывать определение понятий, ясность, точность и логичность речи.

Обобщая опыт, отметим, что студенты проявили интерес в процессе беседы о необходимости повышения качества их речи. Мы видели, что обучающимися осознается проблема низкого уровня их речемыслительной деятельности. Этот первоначальный интерес позволил построить процесс обучения информатике и информационным технологиям так, чтобы активизация речемыслительной деятельности студентов стала их обычной привычкой, влияющей на степень успешности и личностного роста и вне рамок учебного процесса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. 30 фактов о современной молодёжи. URL: https://www.sberbank.ru/common/img/uploaded/files/pdf/youth_presentation.pdf
2. Большедворская М.В. Ключевые (общекультурные) компетенции работников с точки зрения работодателей // Успехи современной науки и образования. 2016. №1. С.83-85.
3. Вишняков С.М. Профессиональное образование: Словарь. Ключевые понятия, термины, актуальная лексика. М.: НМЦ СПО, 1999. 538 с.
4. Ефимова Д.Л. Аналитические навыки: оценка и развитие // Корпоративные университеты. 2010. № 24. С.3-7.
5. Зимняя И.А. Лингвopsихология речевой деятельности. М.: Московский психолого-социальный институт, Воронеж: НПО "МОДЭК", 2001. 432 с. (Психологи Отечества). URL: <http://psychlib.ru/inc/absid.php?absid=11420>
6. Ильин Е. П. Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2002. 512 с.

7. Мамаева Н.А., Агапова Ю.Б. Формирование учебной мотивации студентов технических вузов // Вестник астраханского государственного технического университета. 2008. №1. С. 207-210.
8. Общекультурные компетенции бакалавра-электроэнергетика: взгляд работодателей и академического сообщества/ Е.Л. Егорова, С.Г. Новиков, В.Н. Тульский, Г.В. Шведов // Актуальные задачи и пути их решения в области кадрового обеспечения электро- и теплоэнергетики. Сборник трудов учебно-методической конференции 20-21 октября 2016 г. Москва.: Издательский дом МЭИ, 2016. С. 40-43.
9. Lapina O.A., Cherepanova A.L. Reflection as a condition of activation of students' speech activity // Social science and humanity. 2019. №2. С. 103-109.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. 30 faktov o sovremennoj molodjozhi. URL: https://www.sberbank.ru/common/img/uploaded/files/pdf/youth_presentation.pdf
2. Bol'shedvorskaja M.V. Kljuchevye (obshhekul'turnye) kompetencii rabotnikov s točki zrenija rabotodatelej//Uspehi sovremennoj nauki i obrazovanija. 2016. №1. S.83-85.
3. Vishnjakov S.M. Professional'noe obrazovanie: Slovar'. Kljuchevye ponjatija, terminy, aktual'naja leksika. M.: NMC SPO, 1999. 538 s.
4. Efimova D.L. Analiticheskie navyki: ocenka i razvitie // Korporativnye universitety. 2010. № 24. S.3-7.
5. Zimnjaja I.A. Lingvopsihologija rechevoj dejatel'nosti. M.: Moskovskij psihologo-social'nyj institut, Voronezh: NPO "MODJeK", 2001. 432 s. (Psihologi Otechestva). URL: <http://psychlib.ru/inc/absid.php?absid=11420>
6. Il'in E. P. Motivacija i motivy. SPb.: Piter, 2002. 512 s.
7. Mamaeva N.A., Agapova Ju.B. Formirovanie uchebnoj motivacii studentov tehniceskikh vuzov // Vestnik astrhanskogo gosudarstvennogo tehniceskogo universiteta. 2008. №1. S. 207-210.
8. Obshhekul'turnye kompetencii bakalavra-jelektrojenergetika: vzgljad rabotodatelej i akademicheskogo soobshhestva/ E.L. Egorova, S.G. Novikov, V.N. Tul'skij, G.V. Shvedov // Aktual'nye zadachi i puti ih reshenija v oblasti kadrovogo obespechenija jelektro- i teplojenergetiki. Sbornik trudov uchebno-metodicheskoi konferencii 20-21 oktjabrja 2016 g. Moskva.: Izdatel'skij dom MJeI, 2016. S. 40-43.
9. Lapina O.A., Cherepanova A.L. Reflection as a condition of activation of students' speech activity // Social science and humanity. 2019. №2. S. 103-109.

Поступила в редакцию 17.04.2020.

Принята к публикации 20.04.2020.

Для цитирования:

Лапина О.А., Черепанова А.Л. Формирование мотивации студентов к активизации речемыслительной деятельности // Гуманитарный научный вестник. 2020. №3. С. 38-42. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2020/03/LapinaCherepanova.pdf>

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

<https://doi.org/10.5281/zenodo.3763157>

УДК 32.019.5

Do Ngoc Hanh

Do Ngoc Hanh, Candidate of Philosophical Sciences, Lecturer, Deputy Dean, Faculty of Philosophy, Political University, Ministry of Defense, Hanoi, Vietnam. E-mail: dohanh2402hvct@mail.ru.

Features of Ho Chi Minh's diplomatic style and strengthen Vietnam – Russia comprehensive strategic partnership

Abstract. In the article, the author focuses on analyzing the features of Ho Chi Minh's diplomatic style on its 5 aspects: the truthfulness, the kindness and the beauty; wise diplomatic intelligence, independent, autonomy and creativity; cultural diplomacy; diplomatic conduct; the principle of «firm in objectives, flexible in strategies and tactics» and the art of «mindfulness». Thereby, the article continues to affirm the great merits and great contributions of President Ho Chi Minh to the Vietnamese diplomacy and revolutionary career, which is a clear demonstration of diplomatic style, scientific thinking, sharp political visions, the falling of one leaf heralds the autumn and the skill of «conquering people's hearts». This is a scientific basis for foreign policy, especially in order to strengthen the comprehensive strategic partnership between Vietnam and Russia and to celebrate the 70th anniversary of establishing diplomatic relations between the two peoples in the context of globalization.

Key words: diplomatic culture, Ho Chi Minh, strategic partnership, Vietnam - Russia, political culture.

Ho Chi Minh was known as a Vietnamese hero of national liberation, a great man of culture, a diplomat, and a talented architect, who founded modern Vietnamese diplomacy. The diplomatic approach is a cultural activity. Specifically, Ho Chi Minh's diplomatic style represents the Vietnamese culture in the cultural exchange with the other nations. Thanks to this diplomatic style, Ho Chi Minh, who is an eminent culturalist and diplomat, showed his revolutionary and progressive goal because this diplomatic style includes the universal cultural values of humanity. The study of the authors Song Thanh, Duong Trung Quoc, Duong Quoc Thanh and Vo Van Sung says «Ho Chi Minh's diplomatic style has been

identified as a diplomatic performance that reaches a cultural level, a way of thinking, rich culturally diplomatic conduct, is a human philosophy» [12, p. 12].

In order to formulate the concept of Ho Chi Minh's diplomatic style, it is necessary to clearly understand that his diplomatic way is not only the behaviors, the tactful methods and the art of diplomacy but also the ideologies and the diplomatic knowledge that he accumulated in the revolutionary struggle to shape his worldview and human outlook. First of all, Ho Chi Minh's diplomatic style is manifested in a unity, in which heart (thinking) - action (actions) - speech (word) operate on the same axis of value which includes truth, kindness and beauty [15, p. 46].

Additionally, Ho Chi Minh's diplomatic style represents the crystallization of great cultural values, national traditional diplomacy, cultural quintessence and worldwide diplomatic experience, which is embodied in ideologies, diplomatic art. This crystallization ensures sustainability, forever leads the way and become a guide to the development of Vietnamese diplomacy; demonstrates convincingly deep political thinking and the falling of one leaf heralds the autumn.

1. Noteworthy feature of truth - kindness - beauty of diplomacy

Truth, kindness, and beauty are the most common and eternal values, which symbolize the useful things and create perfection for human life and human society. Ingeniously, the truth, the kindness and the beauty are also the core content throughout Ho Chi Minh's diplomatic culture. The values of the truth, the kindness and the beauty in Ho Chi Minh's diplomatic culture influence the evaluation, sentiment and attitude of many leaders, politicians and people all over the world about Ho Chi Minh and Vietnam. Because of these values, Ho Chi Minh may be considered a longtime enemy of the opposition in terms of political stance, however he is forever praised by mankind as the «saint», one of the most honorable persons. «Truth» in Ho Chi Minh's diplomatic culture is understood in the sense of truthfulness and sincerity - as opposed to the false, the reluctance. When discussing the true value in Ho Chi Minh's diplomatic culture, it is unforgettable to mention sincerity. All actions and behaviors of Ho Chi Minh frequently come from conscience, right and the attitude that is very sincere, honest with people and with work. N.S Khrushchev, the First Secretary of the Soviet Communist Party recounted the first impression in a meeting with Ho Chi Minh when he made a diplomatic visit to Soviet union in 1950: «Ho Chi Minh was a true saint of the revolution. In his sightseeing, I can hardly forget that pure and sincere light. That is the sincerity of a steadfast communist and the purity of a person who completely sacrificed his life for his cause in principle and in action» [3, p.58]. His sincerity nurtured the sentiment and the respect of

others. When talking about Ho Chi Minh, W.Shaw - an American pilot could not control his emotions and had to say: Ho Chi Minh – «it was a fairy in Asian myth» [5, p. 19].

«The kindness» is inherently the best morality of human. The kindness and the good deeds coexist in Ho Chi Minh. Ho Chi Minh's most concentrated manifestation of kindness is, altruistic sentiment, kindness, love for people. He believed that «kindness is to properly implement the Communist Party's policies, to meet the obligations of most people (workers and farmers), to practice being truly hardworking, thrifty, honest, righteous and impartial, to benefit the revolution and the people on priority, on the contrary, it is evil» [9, p. 113]. Therefore, in his whole life, he persisted with the goal of fighting for national independence, people's happiness and peace for all humanity. This is Ho Chi Minh's desire and choice which he never changed. After all, this political goal is the cultural goal, crystallization of cultural values, the most noble thing. As a result, he advocated for the kindness in order to win, to convert, to deal with people: «Every human being has kindness and evil in his heart. We must know how to make the kindness parts of each person blossom like spring flowers and the bad ones fade away» [10, p. 672].

Firstly, «the beauty» must be true and kind. The truth, the kindness, and the beauty lead to special values and noble appearance of Ho Chi Minh's diplomatic culture. The unity of the truth, the kindness and the beauty in Ho Chi Minh's diplomatic style is clearly reflected in Ho Chi Minh's thought about the proletarian international spirit which focuses on establishing friendship and cooperation among nations so as to achieve the aim of peace, development and prosperity. The pure international spirit is the morality of diplomat Ho Chi Minh and closely attached even to his true patriotism. He desired the independence and freedom of his nation and respected the independence and freedom of other nations. His concept was that supporting other nations could protect his nation. It was a carefree, enthusiastic and

meaningful support for fostering solidarity. He was heartbroken when the fraternal parties were in disagreement. When the death was near, he did not forget to say the desire to «rationally rebuild solidarity between brother parties based on Marxism - Leninism and the proletarian internationalism» [10, p. 623]. Ho Chi Minh's point of view partly demonstrates the unity between the values of the truth, the kindness and the beauty in his diplomatic culture.

2. Noteworthy feature in the erudite diplomatic wisdom and independent skill and spirit, autonomy and creativity

Ho Chi Minh left a mark in the history of national diplomacy by the erudite wisdom and an independent, autonomous and creative skill and spirit. Because of the broad and conceptual understanding, creative thinking and superior vision, he created a unique and special diplomacy to successfully solve national practical problems. He deeply understood of motto of the Five senses has been summarized by the East to operate smoothly in foreign affairs: the five knowing - knowing oneself, knowing people, knowing the times, knowing and turning variables. Based on patriotism, the will of national liberation and practical research, Ho Chi Minh was precisely aware of the era trends to choose the right path. He determined to seek international support for the revolutionary career of his nation. This expressed the combination of national strength and the power of the intellectual age of Ho Chi Minh. Because of the progressive vision, overcoming the limitations of its predecessors, Ho Chi Minh contributed greatly to changing national consciousness and national destiny.

Diplomatic intelligence Ho Chi Minh also manifests in analyzing and handling conflicts that arised in the diplomatic process. After having imbued Marxist-Leninist theory, Ho Chi Minh said: «Everything is contradictory», «the contradiction is available in everything» [13, p. 52]. More specifically, in order to resolve conflicts, Ho Chi Minh proactively and patiently exploits each positive similarity even the smallest as a basis, suspending the differences or trying to

handle discernible differences to talk together. He is a diplomat with a knack for negotiating, always looking for common ground in every conversation to come to the most positive deal. He effectively applied the thought V.I. Lenin: «It is only possible to win against a stronger enemy with a great effort, and under a mandatory condition we must know how to take advantage of it very meticulously, very attentively, very carefully, very wisely for the smallest «cracks» of interests among enemies» [4, p. 68].

Ho Chi Minh is always proactive in conduct whether the interlocutor is the president, leader of the Communist Party, politician, intellectual or ordinary people. That initiative is both natural, simple, sincere, and considerate and sensitive, expressed in a very lively and plentiful manner. Due to his subtlety and agility, he is able to take the initiative and turn around the situation when it is necessary to achieve his external goals. General Secretary of the Communist Party of England, John Gollan expressed: «Meeting and talking with Ho Chi Minh is an unforgettable impression. This is a great person, but he never proved himself to be a great person» [1].

3. Noteworthy feature of diplomatic language

Ho Chi Minh has a full convergence of Eastern and Western cultural quintessence, reaching the top of the knowledge of human culture. Especially, he not only mastered many different languages, but also proficiently used them to write newspapers, texts, plays, poems and make diplomatic efforts. Ho Chi Minh is one of the few leaders in the world does not need translators in diplomatic conferences. He was fluent in 6 languages (Chinese, French, English, Russian, German and Thai). Foreign language not only becomes one of the important «tools» to achieve diplomatic goals, but also creates a confident style and diplomatic bravery of Ho Chi Minh. In many interviews of international correspondents, he directly answered in foreign languages. Since then, all the meanings of his nation's struggle have been conveyed to the other nations in the world without any means of translating.

Diplomatic language of Ho Chi Minh is diverse, rich in nuances, emotional, understandable, highly inspiring and persuasive. Ho Chi Minh's diplomatic language shows the natural harmony between national culture and human culture. According to professor Dang Xuan Ky, Ho Chi Minh's language has the humor of French literature, the clarity of Anatole France, the reality of Goethe, the elegant level of Chinese Tang poetry's emotion, the sharpness of Lu Xun. In fact, in communication Ho Chi Minh often cited the Eastern philosophical sentences, especially Confucius's sentences. He always thinks that «words must be simple, clear and practical» [8, p. 191]. He teaches cadres: Words cost nothing, how to say simply and understandably so as to please the listeners, [9, p. 460]. In diplomacy and in the communication with international friends, Ho Chi Minh practiced this smoothly.

In diplomacy, Ho Chi Minh sometimes used style of logical and close reasoning. He used sharp words and persuasive language which were based on the principle of homogeneity, he skillfully added the cultural type of dialogue to diplomacy. He expressed: «although East and West are inherently different, they are not isolated, separated from each other, they all share the view that what you do not want, do not do for others». Thanks to a logical view and strict deduction based on certain premises, Ho Chi Minh forced the opponent not to give a rebuttal. For journalists, especially Western journalists, what convinced them almost was the sharp, concise, deep but clever style of Ho Chi Minh's reasoning and Ho Chi Minh's sincere attitude. The French journalist J. Lakouture said: «President Ho Chi Minh has the ability to conquer his interlocutor from his second sentence» [14, p. 109].

In diplomatic negotiations Ho Chi Minh advocated doing the easy tasks first and doing the hard tasks then, gradually decreasing the scopes of the negotiations, gradually reducing the disagreement in order to reach a «balance» of interest. He upholds the position of building trust with countries. Accord-

ing to Ho Chi Minh, trust and sincerity played an important role in helping relationships between the parties overcome all obstacles: «Only trust each other and equal, honest cooperation, then come a friendly result between the two countries». This characteristic contributes to the world, humanity, and modernity of Ho Chi Minh's diplomatic culture: «Without foreign language skills, it is impossible to mention so-called world and modernity of culture».

4. Noteworthy feature in diplomatic behavior

Ho Chi Minh diplomatic conduct is cultural conduct which includes cultural values. His diplomatic conduct is both natural and fine, brings a message about peace, reaches «artistic range, almost perfection». Since Ho Chi Minh was well-versed in multifaceted culture, so he formed a multidimensional diplomatic conduct, which is both delicate and civilized. There is a harmonious, subtle combination of the poet's soul, the essence of the Eastern sage and the elegant manner of the modern West. Helene Tourmaire said that Ho Chi Minh's image was complete «with the combination of Buddha's wisdom, God's charity, Marxist philosophy, Lenin's revolutionary genius and the affection of a national president, all combined in a very natural manner» [6, p. 92]. Behavior of Ho Chi Minh's diplomacy is delicate, sincere, intelligent, soft and flexible. Uncle Ho was always skillful and tactful, avoiding offending others. Be gentle, polite but not deceiving. In the minds of many people, Ho Chi Minh was a «soft, patient, peaceful person who always sought a reconciliation of the transformative form, unforgiving in principle» [6, p. 119]. He is seeking a skillful harmonious manner, minimizing the cultural impact in diplomatic contact that affects relationships.

The deep understanding of other ethnic cultures, the feeling of the beauty and the respect for the differences makes Ho Chi Minh's diplomatic behavior natural, close and intimate. This is one of the reasons for the charm and attraction of diplomat Ho Chi Minh. The delicate, sincere diplomatic behavior is the anchor point of Ho Chi Minh's

heart, the value that makes Ho Chi Minh different from all other politicians and diplomats. Because of subtlety, Ho Chi Minh captured the psychology of other people, analyzed their strengths and weaknesses, understood them and chose appropriate behaviors to suit each subject in each specific situation. Ho Chi Minh showed clever diplomatic behavior on many subject, many different relationships, such as dealing with countries, behaving at the negotiating, dealing with politicians, with people of countries ... Ho Chi Minh showed his smart behavior when there is a disagreement between the two countries Soviet Union - China, Vietnam got into the middle position. However, Ho Chi Minh still showed a great and unique culture of behavior so that it does not displease either Communist Party; moreover, he also made an important contribution to the Soviet-Chinese diplomatic relations. American historian John Prados remarked: «There is at least one Soviet-Chinese cooperation in this world, that is Vietnam» [11, p. 22].

Flexibility, dexterity, strength, determination and tolerance are the noteworthy features of Ho Chi Minh's diplomatic conduct. Ho Chi Minh's tolerance manifests in respecting the difference, unlike himself, but being equal to him, knowing generosity, sympathy, forgiveness, tolerance for all subjects including enemies. Ho Chi Minh built the principle of freedom, equality, respect for morality and righteousness, does not accept unscrupulous compromise with injustices, acts of denying human happiness. That tolerance is not the humility of the weak to the strong, the gift of the strong to the weaker. Ho Chi Minh followed the flow of national diplomacy, raising it into a consistent message throughout his entire diplomatic career. Professor Song Thanh said: «Ho Chi Minh is a symbol, the quintessence of the spirit of tolerance and kindness in Vietnam. Merciful and kindness Ho Chi Minh has been considered a symbol of peaceful culture in this age» [13, p. 93].

5. *The principle of «firm in objectives, flexible in strategies and tactics» and the art*

of «mindfulness»- The most noteworthy feature in Ho Chi Minh's diplomatic culture

Ho Chi Minh's principle of «firm in objectives, flexible in strategies and tactics» is a close combination of traditional diplomatic knowledge that is consistent in principle, flexible in strategy and Marxist materialist dialectic, the art of the war... This combination brings science, practice and right in Ho Chi Minh's diplomatic culture. Together with dialectical materialist worldview, Ho Chi Minh used the principle of «firm in objectives, flexible in strategies and tactics» to successfully solve the national diplomacy practices. Ho Chi Minh conceived: «Even though our principles must be firm, our strategies are flexible» [9, p. 555]. Meaningfully, the basic goal, long-term is unchanged, but specific goals, immediate goals can be variables. Multivariable but necessarily revolving around the basic and long-term value axis. The way of expressing is to select the priority, the level of the need to be flexible depending on the correlation of domestic forces and international circumstances, firmly grasping the opportunity to turn the force into a force. The principle of «firm in objectives, flexible in strategies and tactics» is applied smoothly by Ho Chi Minh in diplomacy.

Ho Chi Minh imbued with the folk philosophy that «people are often influenced by circumstances», in diplomacy he was commonly flexible, willing and ready to do any task for gaining benefits of his national interest. Ho Chi Minh emphasized method of diplomacy positive accept negative, hard blended with soft, get soft won hard. This method is not only theoretical, but also close to the practical of Vietnam. Ho Chi Minh consistent but not weak, flexible but not prone, losing his stance. In diplomacy, a multitude and complex relationships had to be dealt with, Ho Chi Minh saw what to do and how to avoid the highest disadvantages. Mastering the noteworthy of each relationship, Ho Chi Minh correctly handled, promoted and expanded the advantages. He knew how to use the conversation instead of confrontation, how to soothe disagreement, how to avoid face-to-face confrontation in

order to minimize the opponent's attacks, make them less aggressive and disable them. Ho Chi Minh said: «When stones crashed in collision, the two eggs smashed when crushed together. It should one hard hit one soft, so one can be kept» [8, p. 69-70]. The principle of «firm in objectives, flexible in strategies and tactics» was also introduced by Ho Chi Minh to resolve disputes. V.I. Lenin said: «It is impossible to swear that there will be no compromise. Because of the circumstances required, at times even the most revolutionary Communist Party of the most revolutionary class would need to practice compromise» [2, p. 336]. Ho Chi Minh knew the concessions and stopped at the right time to protect the national interests and preserve the nation. The Ho Chi Minh concession is made in the spirit of principle of «firm in objectives, flexible in strategies and tactics» which is a manifestation of the flexible revolutionary struggle method.

Along with the clever application of the principle of «firm in objectives, flexible in strategies and tactics», Ho Chi Minh also promoted the diplomatic art of «mindfulness». The art of «mindfulness» is the essence of national diplomacy that Ho Chi Minh had continued and developed in the new period. Ho Chi Minh's «mindfulness» art is the diplomacy that uses justice and common values that have been recognized by mankind to gain advantage over opponents, to enlist the support and assistance of the world in the struggle for liberation in Vietnam. In order to carry out «mindfulness» diplomacy, Ho Chi Minh used the advantages of Vietnam on the one hand, and on the other hand sought to evoke the revolutionary spirit and national conscience of other countries. He focused on exploiting the good values of these nations such as the spirit of loving freedom, equality and charity. Therefore, in the struggle for liberation, the Vietnamese people have always received the strong support of the people in the socialist countries, Asia, Africa, Latin America and of peace-loving forces around the world, including those who have invaded themselves.

Awakening the conscience is recognized as the self-discipline and the art of «mindfulness» of Ho Chi Minh. Apden Malech Khalin acknowledged: «If Vietnam is the awakening of the conscience of our time, then Uncle Ho Chi Minh is the creator of that conscience» [7, p. 105]. «Mindfulness» diplomacy Ho Chi Minh is not simply a diplomatic method but a diplomatic art - The art of conquering people.

6. Ho Chi Minh's diplomatic culture - the «torch lead the road» for strengthening Vietnam - Russia comprehensive strategic partnership

Since Vietnamese imbued with Ho Chi Minh's diplomatic culture as well as his love, respect, and love for his brother Soviet union (the present Russian Federation), for many years, Vietnam have consistently considered Russia one of the top priorities in foreign policy. The two countries established diplomatic relations in 1950, became a strategic partner in 2001 and upgraded relationship to a comprehensive strategic partnership in 2012. The people of the two countries are practically celebrating 70 years of the diplomatic relation Russian - Vietnam. Accordingly, the fields of cooperation have been increasingly expanded, which has strengthened and deepened in terms of politics, defense - security, science - technology, education - training, culture and tourism, especially in the field of economy and trade with encouraging results.

Regarding trade cooperation, since the Trade Agreement between Vietnam and the Eurasian Economic Union (VN - EAEU FTA) was signed in 2015 and came into force in 2016, the growth of trade turnover between Vietnam and Russia has made strong progress with an average increase of about 30% / year. Based on statistics of the General Department of Vietnam Customs, the two-way trade turnover between Vietnam and Russia in the first 7 months of 2018 had the highest growth rate since 2012, reaching US \$ 2.67 billion, up 34.2% over the same period in 2017. Vietnam's exports to the Russian market reached US \$ 1.47 billion (up 21%) and imports of Russian goods reached US \$ 1.2 billion (up 55%). As

of July 2018, Russia was Vietnam's 24th largest commodity export market, and the 15th largest importer of Vietnam. As a result, in 2018, Vietnam - Russia back & forth trade turnover increased by 28.63% compared to 2017. In 2019, import and export turnover between the two countries also had a strong increase. In January 2019, Vietnam's export turnover to Russia reached US \$ 230 million, up 29% over the same period last year. Among Vietnamese exports to the Russian market, there are some items with impressive growth, such as textiles, footwear, computers, electronics and components, seafood, cashew nuts, coffee and etc.

About import, the number of goods which Vietnamese companies imported from Russia reached nearly US \$ 193 million, up 23.4% compared to January 2018. Vietnam mainly increased imports of raw materials that Russia has strengths such as iron, steel, seafood, coal, wood and fertilizer. In January 2019, Vietnam's seafood imports from Russia increased by nearly 30%. The items with strong growth such as iron and steel reached US \$ 49 million (up nearly 230% over the same period last year), coal reached US \$ 24 million (up 84%)... Thus, the total trade turnover the back & forth between Vietnam and Russia in January 2019 reached 422.6 million USD, an increase of nearly 27% over the same period in 2018

Regarding investment, in 2018, Russia ranked 24th out of 129 countries and territories investing in Vietnam, there were 123 projects and a total registered capital of 932 million USD. In the opposite direction, Vietnam has also had 22 investment projects in Russia with a total of new and increased capital of nearly US \$ 3 billion. Dairy projects and processing worth more than USD 2 billion invested by TH True Milk Company

in Moscow and Kaluga have become a highlight in Vietnam-Russia investment relations [16].

Energy is also a traditional, effective and strategic area of cooperation, generating significant revenue for Vietnam and Russia budgets. In addition to continuing cooperation within the framework of Vietsovpetro Joint Venture Enterprise by 2030, the two countries have established Rusvietpetro, Vietgazprom, Gazpromviet Joint Ventures to expand oil and gas cooperation in Vietnam, Russia and third countries. The two sides signed and ratified the Agreement and Protocol on cooperation in the oil and gas sector under the Rusvietpetro and Vietsovpetro joint ventures to create conditions for these joint ventures to continue to operate effectively in the coming time.

In order to promote and strengthen the comprehensive strategic partnership between Vietnam and the Russian Federation to be more strongly developed in the coming time, it is necessary to focus on two ways.

Firstly, strengthening cooperation in the field of trade to increase two-way import and export turnover. Efforts are required from state agencies and businesses of the two countries, as well as agencies of the Eurasian Economic Commission.

Secondly, further strengthen cooperation in the field of investment, including Vietnam's investment in Russia and Russia's in Vietnam. To promote cooperation, it is necessary to redefine the investment priorities of the two sides. The authorities of Vietnam, especially the Vietnamese agencies in Russia, need to survey and provide information to investors of the two sides in order to choose the right investment direction. Domestic agencies should take measures to support Russian investors so that they can quickly access Vietnam market.

REFERENCES

1. People's Army Newspaper. November 15, 1969.
2. Duy T. President Ho Chi Minh, the thinker and the great man of culture. Social Sciences Publishing. Hanoi, 1990.
3. Duong.T, Huong N.T.M President Ho Chi Minh with international politicians. News Agency Publishing. Hanoi, 2007.

4. Communist Party of Vietnam. Communist Party of Vietnam Document. Full Episode. Volume 8. National Political Publishing House. Hanoi, 2000.
5. Khoan N.V. Tolerance Ho Chi Minh. Lao Dong Publishing. Hanoi, 1995.
6. Linh D.H, Diep P.H Ho Chi Minh in the memory of international friends. National Political Publishing House. Hanoi, 2009.
7. Loc V.V. President Ho Chi Minh's Aspiration for Peace and National Independence through a number of letters and articles to US Presidents. National Political Publishing, Hanoi, 2016.
8. Minh H.C. Ho Chi Minh: Full Episode. Vol. 5. National Political Publishing. Hanoi, 2011.
9. Minh H.C. Ho Chi Minh: Full Episode. Vol. 8. National Political Publishing, Hanoi, 2011.
10. Minh H.C. Ho Chi Minh: Full Episode. Vol. 15. National Political Publishing. Hanoi, 2011.
11. John Prados The arterial road named Ho Chi Minh in the Vietnam War. Journal of Past and Present, 2005.
12. Thanh Q.D Cultural diplomacy, the third pillar of Vietnam's comprehensive diplomatic strategy. Journal of International Studies, No. 4. 2011.
13. Thanh S. Ho Chi Minh - Brilliant thinker. Publisher of Political Theory. Hanoi, 2005.
14. Thanh S. Ho Chi Minh - Great man of culture. National Political Publishing. Hanoi, 2015.
15. Thuy H.D «Ho Chi Minh Diplomatic Culture and its application in the context of international cooperation in Vietnam today». PhD dissertation of Ho Chi Minh studies. Ho Chi Minh National Academy of Politics. Hanoi, 2019.
16. Happy signals early cross Vietnam - the Russian Federation. URL: <http://www.nhandan.org.vn/kinhte/item/39343202-tin-hieu-vui-dau-nam-cheo-viet-nam-lb-nga.html>

Поступила в редакцию 16.04.2020.
Принята к публикации 19.04.2020.

Для цитирования:

Do Ngoc Hanh Features of Ho Chi Minh's diplomatic style and strengthen Vietnam – Russia comprehensive strategic partnership // Гуманитарный научный вестник. 2020. №3. С. 43-50.
URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2020/03/DoNgocHanh.pdf>

<https://doi.org/10.5281/zenodo.3763255>

УДК 327.2

Хлопов О.А.

Хлопов Олег Анатольевич, кандидат политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, 125993, Россия, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6. E-mail: rggu2007@rambler.ru.

Наступательные стратегии кибероружия как угроза международной безопасности

Аннотация. В статье рассматриваются подходы к понятию кибервойна и киберугрозы. Автором отмечается, что участники киберпространства предпочитают наступательные стратегии, в то же время в киберпространстве со стороны многих государств доминируют киберзащитные действия. Это, в свою очередь, может служить основой для заключения эффективного международного соглашения о контроле над киберпространством. В заключении подчеркивается необходимость принятия международной конвенции о применении кибероружия, а международный контроль над вооружениями и стремление укрепить индивидуальный потенциал государств могут служить основой для глобальной кибербезопасности.

Ключевые слова: киберугрозы, кибервойна, наступательная стратегия, США, международные отношения, международная безопасность.

Khlopov O.A.

Khlopov Oleg Anatolyevich, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Russian State Humanitarian University, 125993, Russia, GSP-3, Moscow, Miuskaya square, 6. E-mail: rggu2007@rambler.ru.

The Offensive Strategies of Cyber Warfare as Threat to International security

Abstract. The article discusses approaches to the concept of cyber war and cyber threat. The author argues that participants in cyberspace prefer offensive strategies, while at the same time in many countries cyber security dominates cyberspace. This, in turn, can serve as the basis for concluding an effective international agreement on the control of cyberspace. The conclusion emphasizes the need for an international convention on the use of cyber weapons, and international arms control and the desire to strengthen the individual capacities of states that can be the basis for global cyber security.

Key words: cyber threats, cyber warfare, offensive strategy, USA, international relations, international security.

Способность государств использовать современные информационные и коммуникационные технологии для нанесения серьезного вреда своим противникам была в достаточной степени продемонстрирована в последние годы. Многие страны сообщают о широкомасштабных кибератаках против своих

военных систем, водоснабжения и другой критически важной инфраструктуры. Способность государств использовать современные информационные и коммуникационные технологии (ИКТ) для нанесения серьезного экономического, политического и материального была наглядно продемонстрировано перед втор-

жением в Ирак в марте 2003 г. США нанесли «упреждающий удар»- отрезали иракские компьютерные сети и интернет-сеть, чтобы подорвать политическую и военную оборону режима.

Когда израильские истребители подвергли бомбардировке предполагаемый ядерный объект в Дияя-аль-Сахир в Сирии, в 2007 г., они впервые взломали сирийские системы противовоздушной обороны, чтобы скрыться их от нападения. Позже в том же году Америка и Израиль использовали изощренную вредоносную программу «Stuxnet», чтобы отключить ядерный реактор в Натанзе, Иран. В 2017 г. Пентагон использовал киберудары по ракетной программе Северной Кореи для саботажа испытательных пусков [1].

Между тем американские спецслужбы сообщают о множестве попыток кибератак на критически важную инфраструктуру в США, включая системы управления воздушным движением, спутниковые системы и национальные электрические сети. По мнению экспертов, Пекин успешно взломал американские базы данных и критическую инфраструктуру, такую как атомные и электрические электростанции и спутниковые системы. Северная Корея стремилась подавить электронные сигналы для управляемых США ракет, а хакеры, связанные с иранским правительством, взломали небольшую плотину в Нью-Йорке и сети AT & T, Bank of America и Нью-Йоркской фондовой [2].

Перспектива подобных атак на военные средства противовоздушной обороны, системы водоснабжения, химические и атомные электростанции или нефте- и газопроводы заставили политических и военных лидеров обратить внимание на необходимость принятия более эффективных средств кибер сдерживания. В 2009 г. в рамках Министерства обороны США было создано «Киберкомандование США», задача которого состоит в том, чтобы «проводить военные операции в киберпространстве полного спектра... [чтобы] обеспечить свободу действий

США и союзников в киберпространстве и отрицать то же самое для наших противников» [3]. Подобные военные структуры были созданы во многих других странах. По крайней мере, 29 правительств в настоящее время имеют военные или разведывательные подразделения, специально предназначенные для наступательных киберопераций, и более 60 стран разрабатывают кибероружие.

Сегодня в мире происходит развертывание международной гонки кибервооружений. Разработка ядерного оружия произвела революцию в стратегическом мышлении после Второй мировой войны и вызвала десятилетия гонки ядерных вооружений, которая лишь постепенно становилась под контролем благодаря интенсивной международной дипломатии и формальным соглашениям о контроле над вооружениями. Подобным образом новые кибертехнологии сегодня вызвали яростную борьбу за развитие кибертехнологий. наступательный вооружений и разработать новые стратегии для защиты от них [4].

История показывает, что гонку вооружений лучше всего контролировать с помощью официальных многосторонних соглашений, тщательно разработанных для уменьшения опасений и напряженности, повышения прозрачности и содействия взаимным сокращениям вооружений. От изобретения огнестрельного оружия до эволюции современного химического, биологического и ядерного оружия, внедрение новых военных технологий, как правило, приводит к усилиям и стремлениям со стороны международного сообщества для управления и ограничения их использования. Несмотря на нынешнюю гонку по размещению вооружений в киберпространстве, все призывы к международным договорам для регулирования кибервойн были решительно отклонены [5].

В настоящее время не существует согласованных международных правил или норм, регулирующих международные конфликты в киберпространстве. Многие правительства предпочитают не разраба-

тывать их, утверждая, что трудности проверяемости и проблемы, связанные с быстрыми технологическими изменениями, исключают соглашение о международной киберконвенции. Вместо этого страны предпочитают полагаться на неформальное сотрудничество и стратегическое сдерживание для ограничения прямого конфликта.

Очевидно, не стоит надеяться на то, что политические и военные лидеры откажутся от текущих целей укрепления киберинфраструктуры своих государств в пользу особой опоры на международную дипломатию в борьбе с кибер соперничеством. Как и во время ядерного противостояния в годы «холодной войны», международный контроль над вооружениями и стратегическое сдерживание должны идти рука об руку с целью уменьшения рисков глобального киберконфликта.

Определения кибервойны.

В научной и общественно-политической литературе не существует четкого однозначного понимания содержания таких терминов, как «кибервойна» и «киберугрозы», и эксперты концентрируют внимание на различных проблемах или угрозах. Поэтому прежде чем продолжить, необходимо кратко определить ключевые концепции анализа.

Чтобы определить термины, относящиеся к анализу киберконфликта, мы должны сначала определить что есть «киберпространство». Киберпространство - это искусственная среда, состоящая из информации, данных и инфраструктуры управления – информационные и коммуникационные технологии (information and communication technology) ИКТ. Эта среда ежедневно используется сотнями миллионов людей для общения, поиска информации и проведения обычных деловых операций. В настоящее время, однако, киберпространство быстро «превращается в оружие». Это вооружение принимает две формы.

Во-первых, киберпространство становится оружием, поскольку в киберсреде вводятся наступательные вооружения,

которые способны разрушать или повреждать объекты в той же среде.

Во-вторых, само киберпространство все чаще рассматривается государствами как военный актив. Современные системы вооружений часто сильно зависят от инфраструктуры ИКТ, и поэтому киберпространство становится предметом горячих споров. О важности киберпространства как военной области свидетельствует заявление Министерства обороны США о том, что «Министерство будет выполнять кинетические задачи, чтобы сохранить свободу действий и стратегические преимущества в киберпространстве. Кинетические действия могут быть как наступательными, так и оборонительными и использоваться совместно с другими районами миссии для достижения оптимальных военных эффектов» [6].

Аналогичное заявление, но с большим упором на оборону, было сделано лидерами НАТО в 2016 г., когда они обозначили киберпространство как «оперативная область, в которой Североатлантический союз должен защищать себя так же эффективно, как и в воздухе, на суше и на море» [7].

Продолжающаяся вооруженная борьба с киберпространством значительно повышает риск возникновения международных конфликтов, возможно, поднимаясь до уровня кибервойны. В современной литературе термин «кибервойна» обычно используется для обозначения любого враждебного действия, которое происходит в киберпространстве или через него. Как отмечает Джозеф Най, киберпространство таит в себе широкий спектр угроз для государств и отдельных лиц - от кражи личных данных и кибершпионажа до различных форм электронных преступлений и саботажа низкого уровня посредством атак типа «отказ в обслуживании» или порчи интернет-сайты [8]. В то время как это враждебные и преступные действия, лишь немногие достигают уровня «военных действий».

Более узкое определение кибервойны как преднамеренного и враждебного ис-

пользования государством кибероружия с целью причинения телесных повреждений или смерти людям или значительного разрушения, повреждения или уничтожения стратегические активы другого государства или критическая национальная инфраструктура.

Это определение аналогично тому, которое предлагается в «Таллинском руководстве» от 2013 г. (Talinn Manual) в котором кибератаки определяются как «наступательные или оборонительные кибердействия, которые, как ожидается, приведут к травмам или смерти людей или повреждению или разрушению объектов» [9]. Другое определение данное Метте Сангиованни отличается тем, что для того, чтобы квалифицировать акцию как кибервойна, кибератаки должны совершаться государственными субъектами и иметь целью уничтожение или повреждение объектов, имеющих стратегическое значение для страны. В содержании этого определения акцент делается на субъектности исполнителя – государство, которое обладает значительными ресурсами и преимуществами перед другими участниками.

Такое определение основывается на трех критериях, касающихся происхождения, средств и последствий враждебных действий в киберпространстве.

Первый критерий указывает, что кибервойна относится к враждебным действиям, совершаемым государствами и направленным против них. Некоторые исследователи не согласны с этим определением, делающим акцент на межгосударственных конфликтах, возражая, что многие нынешние киберугрозы исходят от негосударственных акторов. Но в то время как многие негосударственные акторы все больше разбираются в киберпространстве они, как правило, не имеют возможности самостоятельно проводить сложные кибер атаки против критической инфраструктуры. Среди кибер-экспертов растет понимание того, что негосударственные субъекты, такие как «хакеры и «кибер-ополченцы», в основном работают в тандеме или по указанию нацио-

нальных правительств [10]. Кроме того, борьба с киберугрозами со стороны негосударственных акторов представляет собой иной набор проблем для системы международного сотрудничества, нежели управление межгосударственными конфликтами.

Второй критерий указывает, что кибервойна относится к актам войны, совершаемым с использованием кибероружия. Кибероружие, в свою очередь, определяется как оружие, построенное в основном из программного обеспечения и данных, которые предназначены для нанесения целевого вреда или широкомасштабного уничтожения [11]. Отсюда следует, что кинетический удар по национальной инфраструктуре ИКТ не будет представлять собой акт кибервойны, но может представлять собой акт обычной войны.

Третий критерий предусматривает, что для того, чтобы считаться кибервойной, кибератака должна наносить серьезный ущерб. В дополнение к умышленным травмам или смерти людей это может включать стремление нанести значительный ущерб или разрушить стратегические активы другого государства или критически важную национальную инфраструктуру. «Стратегические активы» как определяют их эксперты, «жизненно важные активы, разрушение которых может оказать колоссальное влияние на национальную безопасность государства и его способность нормально функционировать» [10].

К ним могут относиться военные группировки государства, оборонно-промышленная база, спутниковая связь, электросеть, подключение к Интернету, центральная банковская система, фондовый рынок и правительственные учреждения.

Таким образом, можно отметить, что кибервойна относится к враждебным действиям, которые: а) совершаются государствами, в том смысле, что они направляются или контролируются государственными органами [8]; б) используется кибероружие; в) ее цель нанести

серьезный вред или ущерб людям или стратегическим объектам.

Как отмечает эксперт по кибербезопасности Лукас, вирус «Struxnet» уникален тем, что предлагает первый пример виртуального оружия, наносящего прямой физический урон по ценной стратегической цели в реальном мире, и поэтому его использование относительно легко классифицировать как акт военной киберагрессии [12].

Такое определение, однако, не предусматривает, что кибератаки должны вызывать физическое разрушение качества как акты войны. Виртуальные атаки на важные объекты (такие как правительственные учреждения или структуры военного командования) могут иметь одинаково разрушительные последствия, если им удастся отключить критически важную инфраструктуру или подорвать доверие к политической системе. Поэтому, трудно определить, когда виртуальная атака пересекает порог быть «эквивалентной применению вооруженной силы» в общепринятом смысле, и в настоящее время это один из самых горячих спорных вопросов среди юристов-международников [13].

Тем не менее, именно по этому вопросу необходимо выработать международное соглашение, чтобы избежать эскалации киберконфликта. Проведение этой линии в международном праве, несомненно, будет очень трудным и потребует долгих и трудных переговоров с участием экспертов по правовым и техническим вопросам.

Ложные преимущества кибернаступления

Ученые в области международной безопасности и военные и широко согласны с тем, что киберпространству присущи наступательные стратегии и операции нежелезные оборонительные [14]. Согласно традиционной теории нападения/защиты, когда при наступлении имеются явные преимущества, то относительно легче «продвигаться вперед, разрушать и завоевывать территорию», чем защищаться и защищать ее [15].

Эксперты перечисляют три основные причины, по которым наступательные стратегии в киберпространстве превосходят оборонительные.

Во-первых, атаки в киберпространстве происходят с большой скоростью, подвергая оборону огромному давлению, «поскольку атакующий должен быть успешным только один раз, тогда как защитник должен быть успешным все время» [16].

Во-вторых, перспектива запуска атак с относительной анонимностью и, следовательно, безнаказанностью, снижает ожидаемую стоимость наступательных стратегий в киберпространстве.

В-третьих, физическое расстояние относительно неважно в виртуальном мире. Кибератаки могут возникать практически из любого места, предоставляя злоумышленникам значительные возможности захватить инициативу и заставить защитников врасплох [16]. При этом кибертехнологии приводят к значительному улучшению мобильности и достижению силы - оба эти фактора используются для увеличения наступательных преимуществ.

Теория международных отношений указывает на четыре основных стратегических последствия наступательного доминирования. Во-первых, когда наступление является сильным по отношению к обороне, для государств становится обязательным быстрое и решительное реагирование на возникающие угрозы, поскольку даже небольшое первоначальное изменение в соотношении возможностей может привести к решающему сдвигу в способности субъектов превалировать в конфликте.

В киберпространстве принуждение к быстрым действиям и реакциям еще больше усиливается изменяющейся уязвимостью большинства киберцелей. Кибероружие состоит из сложного программного обеспечения, разработанного для использования уязвимостей, присутствующих в другом программном обеспечении, таких как компьютерные операционные системы или промышленные

системы управления. Смысл наступления, по мнению многих кибер-экспертов, заключается в том, что «если вы не будете действовать быстро, вы, возможно, не сможете действовать вообще» [11].

Вторым следствием наступательных преимуществ является поощрение гонок вооружений. Как объясняют эксперты Глейзер и Кауфман, когда наступление является сильным, государства могут обнаружить, что силы одинакового размера не способны поддержать оборонительную стратегию. Вместо этого они, скорее всего, придут к выводу, что им требуется существенное преимущество в военной силе для защиты от нападений. [17, с 48] Это вызывает динамику конкурентного наращивания вооружений, когда даже государства, которые просто хотят отстоять статус-кво, стремятся наращивать свои военные арсеналы быстрее, чем их конкуренты, для обеспечения адекватной защиты.

Третий эффект наступательного преимущества - это увеличение вознаграждения за первый удар, что увеличивает вероятность упреждающих или превентивных атак. Киберстимулы для атаки на врагов преимущественно возникают отчасти из-за того, что действия в киберпространстве движутся настолько быстро, что у целевых государств остается мало времени для защиты. Мотивация нанести первый удар может быть дополнительно усилена перспективой использования тщательно нацеленных киберударов для нейтрализации обычных систем обороны противника и, таким образом, ограничения его ответных возможностей.

В-четвертых, согласно теории международных отношений, когда нападение является сильным по отношению к защите, способность сдерживать атаки, в отличие от попыток защиты от них, становится жизненно важной. Логично, что в стратегической среде, которая, как считается, благоприятствует наступательным операциям, способность сдерживать агрессоров в решающей степени зависит от способности сигнализировать или демон-

стрировать превосходные наступательные возможности. *Следовательно, в соответствии с традиционной теорией нападения/защиты, самый надежный способ достижения эффективного стратегического киберсдерживания состоит в том, чтобы развить сильные наступательные возможности, которые обещают сокрушительный ответный удар против потенциальных злоумышленников.*

Подводя итог, можно сказать, что общепринятая теория международных отношений указывает на четыре стратегических значения кибернаступательных преимуществ: 1) акцент на быстрые действия, 2) тенденция к гонки вооружений, 3) сильные стимулы для упреждающих атак, 4) акцент на усиление сдерживания путем усиления наступательных возможностей.

Важность принятия фактических мер подчеркивается в ведущих национальных стратегиях кибербезопасности. Согласно американской «Национальной военной стратегии для киберпространства» киберпространство предоставляет командирам возможность быстро принимать решения, проводить операции и создавать эффекты на скоростях, которые ранее были непостижимы. Кроме того, увеличение скорости процесса принятия решений потенциально приведет к большей эффективности возможностей киберпространства [18].

Во многих стратегических документах и в публичных заявлениях представителей обороны четко отражена осознанная необходимость в усилении наступательных возможностей в качестве средства усиления сдерживания. Командующий военным киберкомандованием адмирал Майкл С. Роджерс неоднократно указывал на необходимость «увеличить наши возможности в атакующей стороне, чтобы достичь этой точки сдерживания» [19]. Администрация Трампа также продемонстрировала агрессивную киберпозицию. Во время своей президентской кампании Дональд Трамп неоднократно обещал расширить наступательные ки-

бернетические возможности Америки - обязательство, за которым последовали планы увеличения военных расходов на кибербезопасность на 15% в бюджете Министерства обороны США на 2017 г. [20].

Другие страны делают аналогичные выводы. Россия, Иран и Северная Корея имеют военные подразделения, специально предназначенные для наступательных киберопераций. С 2005 г. Китай начал включать операции наступательных компьютерных сетей в свои военные учения, в первую очередь в комплексных первых ударах по сетям противника, и китайцы недавно признали существование чисто наступательных киберподразделений в НОАК. Немцы публично заявили, что они разрабатывают наступательное кибероружие, Аргентина, Франция, Дания и Нидерланды также запустили программы по развитию возможностей кибернаступления [21].

Таким образом, нынешние политические и военные лидеры в подавляющем большинстве сосредоточены на совершенствовании потенциала своих стран в области кибернаступления и, похоже, исходят из того, что национальные стратегии кибербезопасности основаны на твердой уверенности в том, что защитные стратегии недостаточны для сдерживания врагов в киберпространстве.

Опасность, возникающая из наступательных преимуществ, заключается в том, что оно увеличивает риск простых недоразумений, ведущих к непреднамеренной эскалации кризиса. Это может привести к тому, что решения будут основаны на предположениях «наихудшего сценария» о намерениях злоумышленника.

Тенденция реагировать на вторжения агрессивными контрмерами до того, как станут известны даже базовые факты, определяются как активная киберзащита (АКБ), которая относится к «упреждающим электронным мерам», предназначенным для «обнаружения, анализа и устранения нарушений безопасности сети в режиме реального времени» и для при-

нятия «агрессивных, наступательных контрмер против сетей злоумышленника» [22].

По сути, АКБ включает в себя настройку систем для обнаружения и автоматического удара по атакующим компьютерным системам с целью прекращения кибератак в середине потока до того, как будет точно известен точный источник или характер атаки.

Хотя активная киберзащита может помочь защитить критически важную инфраструктуру и может достичь некоторой степени сдерживания путем эффективного «отказа от инициативы», этот подход сопряжен с высокими рисками непреднамеренной эскалации кризиса [23]. Нанося удар по злоумышленникам без разбора, АКБ расширяет возможности для ошибок. Более того, активная киберзащита ограничивает возможности для снижения эскалации, выпуская четкие предупреждения или реагируя на вторжения небольшими, но постепенно усиливающимися контрмерами, чтобы убедить претендента отступить, тем самым ограничивая возможности для активного кризисного управления.

Это подразумевает явную угрозу перехода от киберконфликта к кинетической войне, где США сильно опережают большинство потенциальных противников. В то же время предполагаемое наступательное преимущество также побуждает государства быть более скрытными в своих военных возможностях и планах. Эта комбинация воинственной и скрытной дипломатии увеличивает риск конфликта из-за неправильного расчета возможностей или интересов других и порождает призрак непреднамеренного перехода от случайного кибератаки к полномасштабной кинетической войне посредством последовательности полу- или полностью автоматических контратак.

Подводя итог, можно сказать, что культ кибернаступления создает нестабильную стратегическую среду со значительными рисками быстрого обострения кризиса. На самом деле есть веские основания полагать, что оборонительные

стратегии кибербезопасности окажутся в целом сильнее, чем наступательные. Большинство случаев военного соревнования и гонки вооружений в конечном итоге обусловлены политическими соображениями и выбором. История учит нас тому, что гонка вооружений лучше всего сдерживаются официальными международными соглашениями, тщательно разработанными для того, чтобы уменьшить страх и неуверенность и умерить вооруженную конкуренции путем установления четких правил для приемлемого поведения.

Во время самого враждебного периода «холодной войны» постоянно существовавший риск ядерной войны решался двумя основными стратегиями: стратегическим ядерным сдерживанием, основанным на доктрине взаимно гарантированного уничтожения, и контролем над вооружениями, что проявлялось в подписанных двусторонних и многосторонних соглашениях.

Однако в современной киберсфере активно реализуется только одна стратегия предотвращения конфликтов, а именно стратегическое сдерживание посредством ответных мер. Односторонняя зависимость от стратегического киберсдерживания продиктована современным технологическим состоянием, которое, поддерживает наступательные стратегии и исключает согласованные решения конфликта. Хотя технологический импульс может играть важную роль в формировании международного конфликта, технологические факторы редко бывают определенными. Политический выбор может и должен изменить соотношение нападение/защита в пользу более оборонительных стратегий. Всем странам необходимо принять ограничения на использование кибероружия и начать переговоры по заключению договора о международной конвенции о запрете его применения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Sanger D. E. William J. B. Trump Inherits a Secret Cyberwar against North Korean Missiles // New York Times. March, 4. 2017. URL: <https://www.nytimes.com/2017/03/04/world/asia/north-korea-missile-program-sabotage.html>.
2. Damian P., Yadron D, Valentino-Devries J. Cyberwar Ignites a New Arms Race // Wall Street Journal. 2015
3. Cyber Command Fact Sheet. U.S. Department of Defense. 21 May 2010. URL: https://web.archive.org/web/20140416192156/http://www.stratcom.mil/factsheets/2/Cyber_Command/
4. Sanger D. E., Markoff Jh., Shanker Th. U.S. Steps up Effort on Digital defenses // NY Times, April 27. 2009.
5. Singer P. W., Friedman, A. Cybersecurity and Cyberwar: What Everyone Needs to Know? Oxford: Oxford University Press. 2014
6. US DOD, National Military Strategy for Cyber Operations, Dec. 11, 2006. URL: <http://nsarchive.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB424/docs/Cyber-023.pdf>.
7. Cyber Defence / NATO. Last updated: 17 Mar. 2020. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_78170.htm
8. Nye Joseph S. International Norms in Cyberspace. Project Syndicate, May, 11. 2015. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/international-norms-cyberspace-by-joseph-s-nye-2015-05?barrier=true>
9. Tallinn Manual on the International Law Applicable to Cyber Warfare. 2013. URL: <https://ccdcoe.org/tallinn-manual.html>
10. Saltzman, I. Cyber Posturing and the Offense-Defense Balance // Contemporary Security Policy. 2013 # 34(1), Pp. 40–63.
11. Clarke, R. A., Knake, R. K. Cyber War: the Next Threat to National Security and What to Do About it. New York: Harper Collins. 2010.

12. Lucas, G. Ethics of Cyber Warfare. The Quest for Responsible Security in the Age of Digital Warfare. Oxford: Oxford University Press. 2017.
13. Schmitt M. N., Liis Vihul The Emergence of International Legal Norms for Cyberconflict. In Fritz Allhoff, Adam Henschke and Bradley J. Strawser (eds.), Binary Bullets. The Ethics of Cyberwarfare (pp. 34–55). Oxford University Press, 2016.
14. Lonergan Sh. W. Cooperation Under the Ccybersecurity Dilemma” in Confronting Inequality: Wealth, Rights, and Power, eds. Hugh Liebert, Thomas Sherlock, and Cole Pinheiro. New York: Sloan, 2016.
15. Evera, V., Stephen. . The Cult of the Offensive and the Origins of the First World War // International Security, 1984 # 9(1), Pp. 58–107.
16. Sheldon , J. B. Deciphering Cyberpower Strategic Purpose in Peace and War // Strategic Studies Quarterly. 2011
17. Glaser, C. L., Kaufmann, C. . What is the Offense-Defense Balance and Can We Measure it? // International Security, 1998 # 22(4), pp.44–82.
18. United States Department of Defense. National Military Strategy for Cyber Operations. December 11, 2006. URL: <http://nsarchive.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB424/docs/Cyber-023.pdf>.
19. Statement by Admiral Michael S. Rogers Commander US Cyber Command before the Senate Committee on Armed Services. 19 March 2015.
20. Gady Franz-Stefan. Trump and Offensive Cyber Warfare. // The Diplomat, January 16. 2017. URL: <http://thediplomat.com/2017/01/trump-and-offensive-cyber-warfare>
21. Linnéll Jarno. Offensive Cyber Capabilities are Needed Because of Deterrence. In the Fog of Cyber Defence, eds. Jari Rantapelkonen and Mirva Salminen. Helsinki: Juvex Print. 2013. pp 200–208.
22. Dewar R. S. The “Triptych of Cyber Security”: a Classification of Aactive Cyber Defence. 6th Intl Conference on Cyber Conflict. Tallinn: NATO CCD COE Publications. 2014.
23. Schelling T. C. The Strategy of Conflict. Cambridge, MA: Harvard University Press. 1994.

Поступила в редакцию 13.04.2020.
Принята к публикации 16.04.2020.

Для цитирования:

Хлопов О.А. Наступательные стратегии кибероружия как угроза международной безопасности // Гуманитарный научный вестник. 2020. №3. С. 51-59. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2020/03/Khlopov.pdf>

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

<https://doi.org/10.5281/zenodo.3773489>

УДК 331.5

Габбасова И.М., Наумова О.А.

Габбасова Ирина Маратовна, Самарский государственный экономический университет, 443090, Россия, г. Самара, ул. Советской Армии, д. 141. E-mail: gabbasova.o@mail.ru.

Наумова Ольга Александровна, кандидат экономических наук, доцент, Самарский государственный экономический университет, 443090, Россия, г. Самара, ул. Советской Армии, д. 141. E-mail: naumovaoa@gmail.com.

Снижение занятости населения как угроза экономической безопасности РФ

Аннотация. В данной статье анализируется влияние «трудовых показателей» (распределение численности занятых в экономике по уровню образования, доля работников с заработной платой ниже величины прожиточного минимума трудоспособного населения и некоторых других) на уровень экономической безопасности РФ. В ходе исследования были установлены связи между показателями национальных проектов и индикаторами экономической безопасности, приведенными в Стратегии экономической безопасности РФ.

Ключевые слова: экономическая безопасность, занятость населения, численность трудоспособного населения, производительность труда, уровень безработицы, человеческий потенциал.

Gabbasova I.M., Naumova O.A.

Gabbasova Irina Maratovna, Samara State University of Economics, 443090, Russia, Samara, Sovetskoy Armii st., 141. E-mail: gabbasova.o@mail.ru.

Naumova Olga Alexandrovna, Candidate of Economical Sciences, Associate Professor, Samara State University of Economics, 443090, Russia, Samara, Sovetskoy Armii st., 141. E-mail: naumovaoa@gmail.com.

Decrease in employment as a danger for the economic security of Russian Federation

Abstract. This article analyzes the influence of «labor indicators» (the distribution of the number of workers in the economy by level of education, the share of workers with salaries below the minimum subsistence level of the able-bodied population and some others) on the level of economic security of the Russian Federation. In the course of the research, links were established between the indicators of national projects and the indicators of economic security set out in the Russian Federation's economic security strategy.

Key words: economic security, employment, manpower, labour efficiency, the unemployment rate, human potential.

Понятию экономической безопасности довольно сложно дать единственное определение, поскольку имеется несколько точек зрения на этот счет.

В связи с этим его целесообразно рассматривать данную дефиницию с нескольких сторон. Во-первых, экономическая безопасность - это способность экономики поддерживать суверенитет страны и геополитическое положение в мире, самостоятельно определять ее экономическую политику и адаптироваться к новым условиям развития. Во-вторых, это системная оценка состояния экономики с позиции защиты национальных интересов страны. И в-третьих - готовность институтов власти противодействовать угрозам и вызовам современности путем повышения эффективности и результативности управления и создания благоприятных условий для конкуренции и развития предпринимательства; укрепление законодательства и судебной власти, рационализацию налоговой системы на основе сочетания интересов центра и субъектов РФ; создание экономических и правовых условий, включающих криминализацию [15, с. 89].

В 2000 году Научным советом при Совете Безопасности РФ впервые был принят перечень индикаторов экономической безопасности, разработанный ИЭ РАН. Тогда количество этих показателей составляло 19. В Указе Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» число индикаторов доведено до 40 [2]. В документе содержатся некоторые показатели состояния экономической безопасности (далее-ЭБ), неразрывно связанные с проблемой занятости населения. Ими являются:

- индекс производительности труда;
- доля граждан с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума;

- распределение численности занятых в экономике по уровню образования;
- доля работников с заработной платой ниже величины прожиточного минимума трудоспособного населения.

Согласно вышеупомянутому Указу Президента РФ от 13.05.2017 № 208 к основным вызовам и угрозам экономической безопасности относятся в том числе:

- снижение качества человеческого потенциала;
- усиление международной конкуренции за кадры высшей квалификации;
- недостаточность трудовых ресурсов.

Перечисленные угрозы имеют непосредственное отношение к исследуемой проблеме и приобретают особую актуальность ввиду чрезвычайной ситуации, связанной с пандемией COVID-19. Угроза жизни людей редко воспринималась как предпосылка дефицита кадров. Однако уже сейчас, когда пик пандемии еще не пройден, очевидно, что мир испытывает дефицит медицинских работников в силу их высокой смертности в 2020 году.

Рассмотрим упомянутые выше угрозы более подробно. Говоря о качестве человеческого потенциала, обратимся к самому понятию. Человеческий потенциал – это сочетание человеческого капитала и социально-экономических условий его формирования, развития и использования [9, с. 449-456]. Другими словами, в этом понятии соединены и экономический аспект инвестиций в человека, и характеристика социальной среды, которая формирует личность, систему ее ценностей и преимуществ, структуру интересов, степень активности, а также качество жизни населения, которое вместе с уровнем здравоохранения и образования характеризуется такими социально-экономическими показателями, как степень занятости населения, ее платежеспособность, доступ к участию в политической жизни.

Очевидно, что снижение человеческого потенциала приведет к снижению всех вышеперечисленных показателей, поэтому необходимо предотвратить этот процесс.

Во-вторых, при отсутствии вакансий в России высококвалифицированные работники могут покинуть страну в поисках предложения за рубежом, что приведет к еще более негативным последствиям, которые скажутся на состоянии всей экономики государства в недалеком будущем. Хотя, в ситуации закрытых границ, данная угроза безусловно ослабевает. В-третьих, отсутствие средств на самостоятельное обучение с целью повышения квалификации и расширения своей компетенции, нежелание или неспособность предприятий финансировать программы переподготовки кадров с целью внедрения современных технологий и повышения производительности труда, а также негативное отношение в обществе к некоторым востребованным профессиям приводит к острому дефициту кадров.

Так, по данным Минтруда РФ количество свободных рабочих мест и вакантных должностей, заявленных работодателями в органы службы занятости, на 28 января 2020 года составило 1,45 млн единиц [5]. При этом количество безработных в конце предыдущего года, как упоминалось немногим выше, составляла 3 507 тыс. человек. Безусловно, необходимо критически относиться к обеим цифрам: некоторые работодатели могут оставлять вакансии открытыми, даже после принятия соискателя на работу, если он находится на испытательном сроке или не устраивает работодателя. Исходя из этой информации можно сделать следующие выводы: во-первых, даже при условии полного «закрытия» вакансий экономически незанятыми останутся около двух миллионов граждан. Таким образом, спрос на рынке труда превышает предложение как минимум в 2,3 раза. Во-вторых, такое количество вакансий означает несоответствие кандидатов требованиям работодателей. В-

третьих, такая ситуация может также складываться ввиду заработной платы и обязанностей, возлагаемых на работника, а также условиям труда.

Требуют особого внимания и некоторые другие вытекающие из данной проблемы явления. В их числе повышение уровня бедности, что отражается на бизнесе, так как покупательская способность падает пропорционально снижению доли общего числа занятого населения. Один из основателей научного направления «Обеспечение экономической безопасности России» В. К. Сенчагов отмечал, что рост денежных доходов населения является вторым по значимости фактором роста внутреннего спроса после инвестиций, а значит и фактором экономического роста [11, с. 7]. В случае снижения доли занятого населения внутренний спрос будет падать, а экономическое развитие замедлится. Финансовые издержки государства в виде расходов на программы помощи безработным и вмененных издержек, величина которых измеряется суммой недополученных налогов, также представляют серьезную угрозу экономической безопасности страны. Кроме того, урон наносят также экономические издержки, равные величине ВВП, недополученного в результате недоиспользования трудового потенциала экономически активного населения. Несут финансовые издержки и работодатели, так как выплачивают выходное пособие.

Обратимся к опыту зарубежных стран. Расчеты, проведенные Министерством финансов Великобритании в 1981 г., показали, что в среднем один безработный обходился казне в 3,4 тыс. фунтов стерлингов, а совокупные финансовые издержки государства составили 9,8 млрд фунтов стерлингов [15, с. 677]. Эта оценка включает государственные расходы, сопряженные с безработицей, а также недополученные прямые налоги, однако не учитывает потери косвенных налогов и затрат работодателей на выплату выходного пособия. Было проведено обследование расходов семей, данные которого позволили оценить и недополу-

ченые в связи с безработицей косвенные налоги. В результате была получена более высокая цифра финансовых издержек за тот же год – 12,9 млрд фунтов стерлингов. Анализ данного исследования позволяет выявить скрытые угрозы снижения занятости в государстве.

Однако самым негативным побочным эффектом снижения занятости населения в стране является вытекающий из всего вышеперечисленного растущий уровень преступности. Согласно данным ВНИИ МВД РФ с 2013 по 2017 гг. 65,7 % всех выявленных за совершение преступлений являются лицами, не имевшими постоянного источника дохода [4].

Именно поэтому, согласно Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года одной из целей государственной политики в сфере обеспечения экономической безопасности является повышение уровня и улучшение качества жизни населения, а одним из основных направлений - развитие человеческого потенциала.

Согласно Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года первым этапом реализации направления перехода к инновационному социально ориентированному типу экономического развития является развитие человеческого потенциала России [3]. С одной стороны, это предполагает создание благоприятных условий для развития способностей каждого человека, улучшение условий жизни российских граждан и качества социальной среды, с другой - повышение конкурентоспособности человеческого капитала и обеспечивающих его социальных секторов экономики.

Отметим основные задачи, поставленные Президентом РФ по реализации направления, касающегося развития человеческого потенциала:

1) совершенствование системы общего и профессионального образования на основе современных научных и технологических достижений;

2) развитие системы непрерывного образования, в том числе с использовани-

ем механизмов государственно-частного партнерства;

3) развитие национальной системы квалификаций, совершенствование квалификационных требований к работникам, информирование граждан о востребованных и новых профессиях;

4) профессиональная ориентация граждан;

5) снижение уровня бедности и имущественного неравенства населения;

6) содействие эффективной занятости населения и мобильности трудовых ресурсов.

Одним из стимулов развития человеческого потенциала является всеобщая цифровизация экономики. В связи с этим целесообразно вернуться к такому показателю состояния ЭБ, как распределение численности занятых в экономике по уровню образования. Учитывая новые тенденции на рынке труда, роль качественного образования в жизни специалиста резко возрастает.

По оценкам Фонда развития интернет-инициатив (ФРИИ), в течение следующих 10 лет в России при активной модернизации отраслей могут быть сокращены до 6 млн человек, при этом для 25 млн рабочих мест могут радикально измениться требования и состав работы, что говорит о фактическом исчезновении и этих мест, что схематично представлено на рис. 1 ниже [13].

Также работникам придется проходить переобучение, чтобы найти новые места и привыкать к тому, что образовательный процесс должен быть непрерывным.

Нобелевский лауреат по экономике Кристофер Писсаридес заявил, что на данный момент осталось шесть областей, где человека не вытесняют роботы, которые представлены ниже на рис. 2.

Однако по поводу незаменимости человека в сфере образования можно по дискутировать: в настоящее время появляется все большее количество онлайн-ресурсов для обучения. Услуги на электронных образовательных платформах могут стоить значительно ниже услуг

преподавателя, а отсутствие необходимости тратить временные и финансовые ресурсы на транспорт делают их еще более привлекательными.

Стартовый уровень образования в современном мире уже не может обеспечить специалисту востребованность, достойную заработную плату и карьерный рост. В современном формате образова-

ния, называемым «Life-long education» (непрерывное образование) необходимо постоянно дополнять свои знания, овладевать профессиональными и надпрофессиональными навыками, расширять общий кругозор и область своих компетенций). Однако фундаментальное образование все еще имеет значение базы для дальнейшего развития.

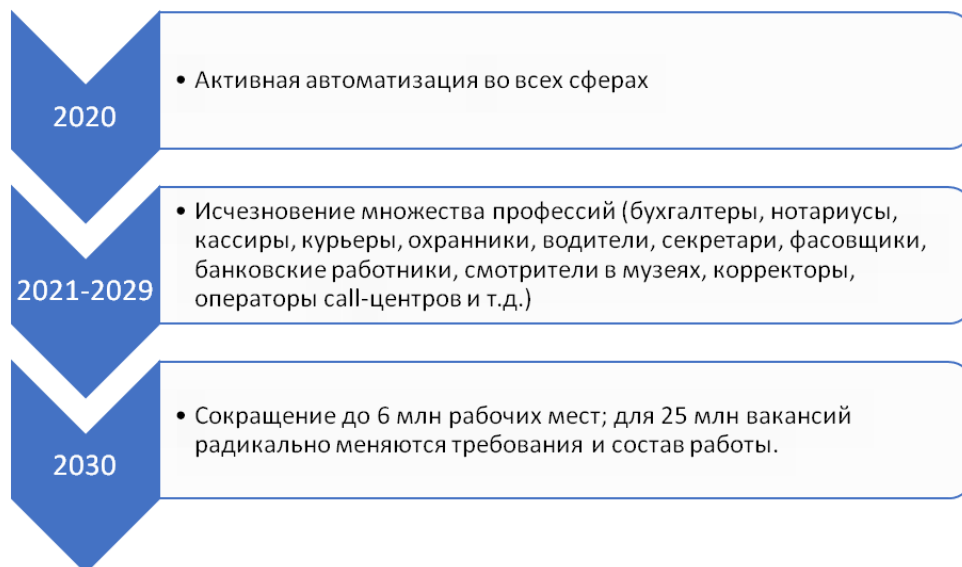

Рис. 1. Динамика рынка труда в России в течение следующих 10 лет

Рис. 2. Шесть областей (по К. Писсаридесу), где человека не вытесняют роботы

Ниже, на рис. 3, представлена структура трудоспособного населения РФ по уровню образования по данным за 2018 год (в тыс. чел.).

В России на 2018 год число занятых, имеющих высшее образование, составило 33,6%, занятых со средним профессиональным образованием - 44,5% и занятых, не имеющих профессионального об-

разования - 21,9% [14, с. 20]. Из приведенных данных можно сделать следующий вывод: качественная образовательная основа отсутствует у значительного количества населения. В связи с этим у 17 миллионов человек в недалеком будущем могут возникнуть серьезные трудности с поиском работы.

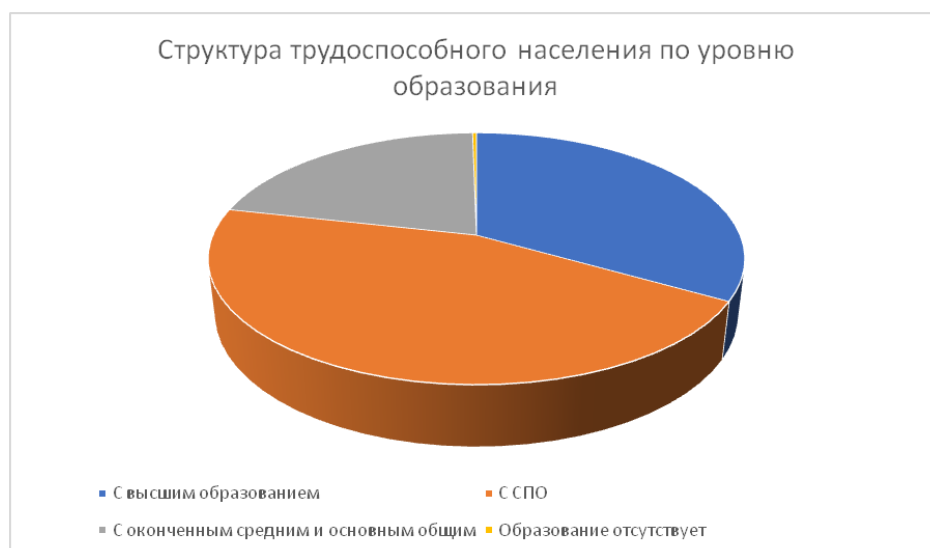

Рис. 3. Структура трудоспособного населения РФ по уровню образования по данным за 2018 год (в тыс. чел.)

В 2018-2019 годах в России произошел запуск сразу нескольких десятков национальных, федеральных и приоритетных проектов по 12 направлениям стратегического развития [6]. Основные цели национальных проектов - обеспечение прорывного научно-технологического и социально-экономического развития России, повышение уровня жизни, создание условий и возможностей для самореализации и раскрытия таланта каждого человека, как анонсировало 11 февраля 2019 года Правительство РФ.

В их числе - национальный проект «Производительность труда и поддержка занятости», рассчитанный на период с 1 октября 2018 года по 31 декабря 2024 года, включающий в себя три федеральных проекта [8].

Наиболее близким к тематике данной работы представляется «Поддержка занятости и повышение эффективности рынка труда для обеспечения роста производительности труда», ключевые направления которого - переобучение работников предприятий и модернизация служб занятости населения. Отметим, что акцент сделан на несырьевые отрасли экономики.

Согласно паспорту проекта, базовыми несырьевыми отраслями являются промышленность, сельское хозяйство, торговля, транспорт и строительство.

Рассмотрим целевые показатели проекта, представленные в начале работы, и их влияние на экономическую безопасность РФ.

Одним из целевых показателей нацпроекта является рост производительности труда на средних и крупных предприятиях указанных несырьевых отраслей, выраженный в процентах к предыдущему году. Это один из ключевых факторов, влияющих на уровень экономической безопасности, из приведенных в данном документе: чем менее экономика зависит от сырьевых отраслей, тем более она устойчива. Другими целевыми показателями проекта являются:

- количество привлеченных к нацпроекту субъектов РФ;
- количество средних и крупных предприятий, вовлеченных в национальный проект;
- количество средних и крупных предприятий, на которых прирост производительности труда соответствует целевым показателям.

Первые два показателя больше всего соотносятся с такими показателями состояния экономической безопасности, как доля граждан с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, а также доля работников с заработной платой ниже величины прожиточного минимума трудоспособного населения:

переобучение работников предотвратит сокращение численности занятых на данных предприятиях, и, как следствие, данные показатели как минимум останутся

на прежнем уровне. Эту взаимосвязь иллюстрирует рис. 4. Третий из представленных целевых показателей коррелирует к индексу производительности труда.

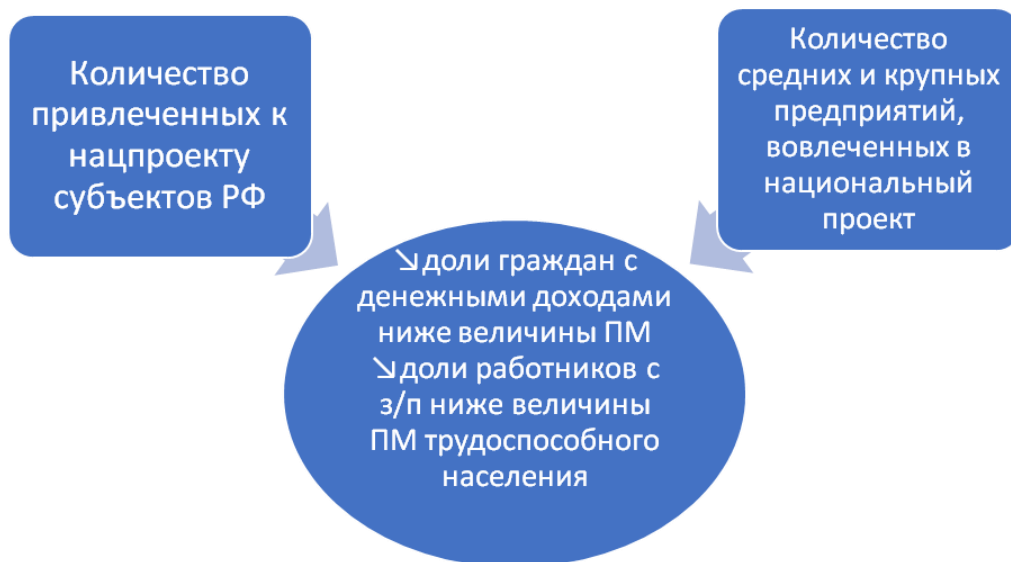

Рис. 4. Взаимосвязь показателей состояния экономической безопасности

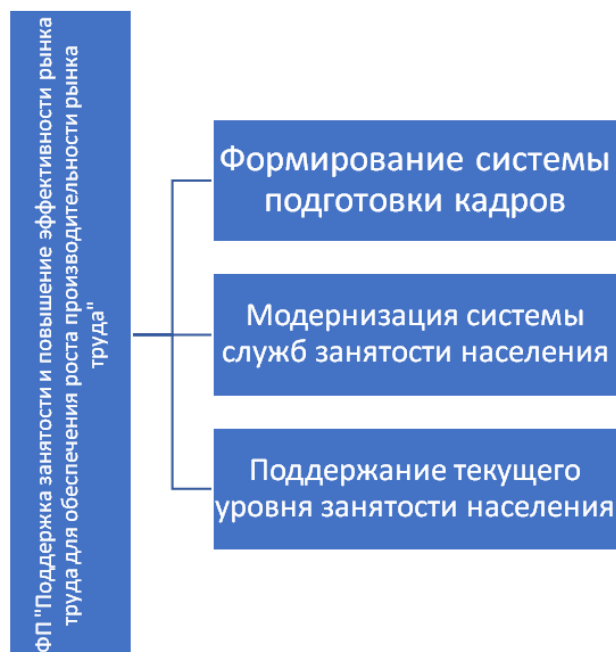

Рис. 5. Структура ФП «Поддержка занятости и повышение эффективности рынка труда для обеспечения роста производительности рынка труда»

Работа в рамках федерального проекта (далее-ФП) ведется по следующим основным направлениям: формирование системы подготовки кадров, поддержание текущего уровня занятости населения и модернизация системы служб занятости населения [10]. Структура проекта отра-

жена на рис. 5. Прокомментируем последнее: согласно нормативно-правовому акту имеется в виду разработка типового решения для создания новой модели центров занятости населения на базе внедрения цифровых и платформенных решений для эффективного анализа и прогно-

зирования данных об актуальных вакансиях и повышения удовлетворенности соискателей и работодателей услугами служб занятости населения.

Однако не только уровень знаний работников, соответствие их компетенций требованиям быстро меняющегося мира и желание трудиться являются важными факторами, влияющим на уровень занятости населения. Также ими являются условия труда, оплата труда и другие факторы, в совокупности определяемые как достойная занятость.

Отдельно отметим значение такого фактора, как оплата труда. По данным Аналитического центра Росстата численность работников организаций с начисленной заработной платой ниже величины прожиточного минимума трудоспособного в 2017 году составила 2 млн человек [12, с. 7]. Проявлением позитивной тенденции в этом направлении является

внесение изменения в Федеральный закон от 19.06.2000 N 82-ФЗ (ред. от 27.12.2019) "О минимальном размере оплаты труда": согласно статье 1, начиная с 1 января 2019 года и далее ежегодно с 1 января соответствующего года минимальный размер оплаты труда устанавливается федеральным законом в размере не ниже величины прожиточного минимума трудоспособного населения в целом по Российской Федерации за второй квартал предыдущего года [1].

Обращаясь к Стратегии экономической безопасности до 2030 года, можно проследить взаимозависимость показателей численности населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума и величину прожиточного минимума. Здесь же отметим дефицит денежного дохода. Показатели представлены ниже (Таблица 1).

Таблица 1. Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума (далее-ПМ) и дефицит денежного дохода в РФ на 2016-2018 годы [7]

Год	Численность населения с денежными доходами ниже величины ПМ и дефицит денежного дохода		Дефицит денежного дохода		Величина ПМ рублей в месяц
	млн чел	% от общей численности населения	млрд рублей	% от общ. объема денежных доходов населения	
2016	19,4	13,2	701,8	1,3	9828
2017	18,9	12,9	702,5	1,3	10088
2018	18,4	12,6	699	1,2	10287

Исходя из представленных данных можно отметить положительную динамику снижения доли населения с доходами ниже ПМ, что положительно сказывается и на экономической безопасности страны. Закрепление соответствия минимального размера оплаты труда прожиточному минимуму, несомненно, приведет к сокращению численности населения с денежными доходами ниже его величины.

По результатам проведенного исследования можно говорить о значительном

влиянии на уровень экономической безопасности трудовых показателей. Намеченные в стране изменения и реализуемые проекты должны положительно повлиять не только на рост человеческого потенциала, производительности труда и покупательской способности граждан, но и на снижение уровня трудовой иммиграции, уровня бедности и преступности. В совокупности все эти факторы положительно отразятся на уровне экономической безопасности РФ. Однако следует обратить внимание на такие проблемные

моменты, как неверное толкование каких-либо мер и указаний в регионах, дефицит регионального бюджета для исполнения проектов и отсутствие поддержки нововведений со стороны граж-

дан (например, нежелание осваивать новую профессию даже при наличии предоставленной государством возможности) и некоторые иные.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федеральный закон от 19 июня 2000 г. № 82-ФЗ «О минимальном размере оплаты труда». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_27572/
2. Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71572608/>
3. Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 N 1662-р (ред. от 28.09.2018) «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/
4. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации и расчетные варианты ее развития: аналитический обзор / Ю. М. Антонян, Д. А. Бражников, М. В. Гончарова и др. М.: ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2018. – 86 с.
5. На 21 января численность официально зарегистрированных безработных граждан составила 660,6 тыс. человек / Официальный сайт министерства труда и социальной защиты РФ. URL: <https://rosmintrud.ru/employment/employment/782>
6. Национальные проекты: ключевые цели и ожидаемые результаты / Официальный сайт Правительства РФ. URL: <http://government.ru/projects/selection/741/35675/>
7. Неравенство и бедность / Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://www.gks.ru/folder/13723?print=1>
8. Паспорт национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» / Официальный сайт Правительства РФ. URL: <http://static.government.ru/media/files/uahTsGOc72APotuEQUjhoENhq1qYz4H.pdf>
9. Переверзева А.В. Человеческий потенциал и человеческий капитал: взаимосвязь и взаимовлияние // В сборнике «Проблемы развития инновационно-креативной экономики». 2011. С. 449-456. URL: <http://bgscience.ru/lib/10847>
10. Поддержка занятости и повышение эффективности рынка труда для обеспечения роста производительности труда / Официальный сайт министерства экономического развития РФ. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/nacionalnyy_proekt_proizvoditelnost_truda_i_podderzhka_zanyatosti/podderzhka_zanyatosti_i_povyshenie_effektivnosti_rynka_truda_dlya_obespecheniya_rosta_proizvoditelnosti_truda/
11. Сенчагов В.К., Иванов Е.А. Структура механизма современного мониторинга экономической безопасности России. Москва, 2015. 46 с. URL: https://inecon.org/docs/Senchagov_Ivanov.pdf
12. Социальный бюллетень «Работающие бедные в России и за рубежом». Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. Выпуск №10, октябрь 2017. 34 с. URL: <https://ac.gov.ru/news/page/problema-rabotausih-bednyh-trebuetsenia-14617>
13. Статья «Какие профессии могут исчезнуть в ближайшем будущем?» // Информационное агентство. URL: <https://www.rbc.ru/trends/education/5d8ba02a9a7947fec16449a4>
14. Труд и занятость в России. Статистический сборник. Москва, 2019. 135 с. URL: https://www.gks.ru/storage/mediabank/Trud_2019.pdf
15. Экономическая безопасность России: Общий курс: Учебник / Под ред. В.К. Сенчагова. 2-е изд. М.: Дело, 2005. 896 с.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Federal'nyj zakon ot 19 ijunja 2000 g. № 82-FZ «O minimal'nom razmere oplaty truda». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_27572/

2. Ukaz Prezidenta RF ot 13 maja 2017 g. № 208 «O Strategii jekonomicheskoy bezopasnosti Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71572608/>
3. Rasporjazhenie Pravitel'stva RF ot 17.11.2008 N 1662-r (red. ot 28.09.2018) «O Konceptcii dolgosrochnogo social'no-jekonomicheskogo razvitija Rossijskoj Federacii na period do 2020 goda». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/
4. Kompleksnyj analiz sostojanija prestupnosti v Rossijskoj Federacii i raschetnye varianty ee razvitija: analiticheskij obzor / Ju. M. Antonjan, D. A. Brazhnikov, M. V. Goncharova i dr. M. : FGKU «VNII MVD Rossii», 2018. – 86 s.
5. Na 21 janvarja chislennost' oficial'no zaregistrovannyh bezrobotnyh grazhdan sostavila 660,6 tys. chelovek / Oficial'nyj sajt ministerstva truda i social'noj zashhity RF. URL: <https://rosmintrud.ru/employment/employment/782>
6. Nacional'nye proekty: ključevye celi i ozhidaemye rezul'taty / Oficial'nyj sajt Pravitel'stva RF. URL: <http://government.ru/projects/selection/741/35675/>
7. Neravenstvo i bednost' / Oficial'nyj sajt Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki. URL: <https://www.gks.ru/folder/13723?print=1>
8. Pasport nacional'nogo proekta «Maloe i srednee predprinimatel'stvo i podderzhka individual'noj predprinimatel'skoj iniciativy» / Oficial'nyj sajt Pravitel'stva RF. URL: <http://static.government.ru/media/files/uahTsGOc72APotuEQUjhoENhq1qYz4H.pdf>
9. Pereverzeva A.V. Chelovecheskij potencial i chelovecheskij kapital: vzaimosvjaz' i vzaimovlijanie // V sbornike «Problemy razvitija innovacionno-kreativnoj jekonomiki». 2011. S. 449-456. URL: <http://bgscience.ru/lib/10847>
10. Podderzhka zanjatosti i povyšenie jeffektivnosti rynka truda dlja obespečenija rosta proizvoditel'nosti truda / Oficial'nyj sajt ministerstva jekonomicheskogo razvitija RF. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/nacionalnyy_proekt_proizvoditelnost_truda_i_podderzhka_zanyatosti/podderzhka_zanyatosti_i_povyšenie_effektivnosti_rynka_truda_dlya_obespečeniya_rosta_proizvoditelnosti_truda/
11. Senchagov V.K., Ivanov E.A. Struktura mehanizma sovremennogo monitoringa jekonomicheskoy bezopasnosti Rossii. Moskva, 2015. 46 s. URL: https://inecon.org/docs/Senchagov_Ivanov.pdf
12. Social'nyj bjulleten' «Rabotajushhie bednye v Rossii i za rubezhom». Analiticheskij centr pri Pravitel'stve Rossijskoj Federacii. Vypusk №10, oktjabr' 2017. 34 s. URL: <https://ac.gov.ru/news/page/problema-rabotajushih-bednyh-trebuetsya-reshenia-14617>
13. Stat'ja «Kakie professii mogut ischeznut' v blizhajšem budušhem?» // Informacionnoe agentstvo. URL: <https://www.rbc.ru/trends/education/5d8ba02a9a7947fec16449a4>
14. Trud i zanjatost' v Rossii. Statisticheskij sbornik. Moskva, 2019. 135 s. URL: https://www.gks.ru/storage/mediabank/Trud_2019.pdf
15. Jekonomicheskaja bezopasnost' Rossii: Obshhij kurs: Uchebnik / Pod red. V.K. Senchagova. 2-e izd. M.: Delo, 2005. 896 s.

Поступила в редакцию 16.04.2020.

Принята к публикации 19.04.2020.

Для цитирования:

Габбасова И.М., Наумова О.А. Снижение занятости населения как угроза экономической безопасности РФ // Гуманитарный научный вестник. 2020. №3. С. 60-69. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2020/03/GabbasovaNaumova.pdf>

<https://doi.org/10.5281/zenodo.3763340>

УДК 796.5.371.7

Гатина Л.И.

Гатина Лейсан Ильясовна, кандидат социологических наук, доцент, Казанский национальный исследовательский технологический университет, 420015, Россия, г. Казань, ул. К. Маркса, 68. E-mail: gli@yandex.ru.

Значение спортивного туризма в экономике и обществе

Аннотация. Туризм является потенциальной сферой экономического развития России и ее регионов. Туризм представляет собой неоднородную отрасль, отдельные ее элементы могут оказывать неодинаковое влияние на экономику и на общество в целом. Спортивный туризм как вид туризма имеет долгую историю в России, однако в последнее время данный вид туризма представлен в основном пассивным наблюдением за спортивными мероприятиями. В данном материале представлен анализ существующего положения спортивного туризма в экономике России и его значения для общества в целом.

Ключевые слова: спортивный туризм, туризм, здоровый образ жизни, государственная поддержка туризма.

Gatina L.I.

Gatina Leysan Ilyasovna, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Kazan national research technological university, 420015, Russia, Kazan, K. Marx st., 68. E-mail: gli@yandex.ru.

The importance of sports tourism in the economy and society

Abstract. Tourism is a potential area of economic development in Russia and its regions. Tourism is a heterogeneous industry, and its individual elements may have a different impact on the economy and on society generally. Sports tourism as a type of tourism has a long history in Russia, but recently this type of tourism is mainly represented by passive observation of sports events. This article presents an analysis of the current situation of sports tourism in the Russian economy and its significance for society generally.

Key words: sports tourism, tourism, healthy lifestyle, governmental support for tourism.

В последние десятилетия туризм приобрел существенное значение для экономики разных стран, заняв в некоторых из лидирующую позицию по доходности и вкладу в валовый национальный продукт. Кроме того туризм прямо и косвенно связан с другими отраслями экономики, интегрируясь в продукцию и услуги. Поэтому не может быть сомнений относительно важности туризма как инструмента социально-

экономического развития стран, регионов, городов.

Потребность в туристических услугах и продуктах обусловлен в настоящее время стилем и ритмом жизни, необходимостью отдыха для человека, поддержания и укрепления здоровья. В учебной литературе понятие «туризм» многогранно. При определении «туризма» авторы и исследователи отмечают такие его ключевые составляющие, как цель поездки,

нахождение в местах, отличающихся от ежедневных мест пребывания, туристское поведение, финансово-экономические взаимодействия между путешественниками и производителями товаров и услуг, взаимоотношения туристической сферы и окружающей среды [1, с. 82]. Приверженцы количественных представлений о явлениях и процессах от статистического подхода предлагают рассматривать «туризм» как «активность людей, путешествующих и пребывающих в местах за пределами их привычной среды в промежутки времени, не более года с различными целями». В таком понимании туризма во внимание берутся все передвижения людей без изменения места жительства, к которым относятся поездки для рекреации, оздоровления, осуществления деловых встреч и задач, участия в разных мероприятиях [2, с. 219].

Функциональный подход к туризму предлагает рассматривать его как «общее понятие для всех форм временного выезда людей с места постоянного жительства в оздоровительных целях, для удовлетворения познавательных интересов в свободное время или профессионально-деловых целей без занятий оплачиваемой деятельностью в месте временного пребывания» (Академия туризма в Монте-Карло) [3, с. 17].

Отраслевой подход смешивает туризм и туристическую отрасль, предлагая определять туризм через производственную сферу, удовлетворяющую потребности в материальных и нематериальных услугах [4, с. 15].

Системный подход видит туризм как взаимосвязанные между собой элементы, а именно, географический компонент (регион, территория), собственно туристы и туристские предприятия (организации, предоставляющие туристические услуги и продукты). Можно привести определения культурологического, антропологического, институционального и иных подходов, каждый из которых раскрывает его с определенной точки зрения. Однако необходимо обратиться к нормативным определениям в нашей стране. Федераль-

ный закон от 5 февраля 2007 г. №12-ФЗ трактует туризм как «временные выезды (путешествия) граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства с постоянного места жительства в лечебно-оздоровительных, рекреационных, познавательных, физкультурно-спортивных, профессионально-деловых, религиозных и иных целях без занятия деятельностью, связанной с получением дохода от источников в стране (месте) временного пребывания» [5].

Как видно из экскурса многочисленных определений понятия «туризм» общим является все же необходимость учета временных перемещений людей без цели материального дохода от него.

Различные цели туризма влекут за собой его подразделение на виды, культурный туризм, оздоровительный туризм и т.д. Спортивный туризм является также сложным понятием, в котором сочетаются и вид спорта, и образ жизни, и форма дипломатии, и демократичный вид отдыха [6, с. 325]. Цели спортивных туристов отсюда также отличаются, но объединяет их пристрастие к этому времяпрепровождению занятие спортивно-оздоровительными практиками. Спорт высших достижений также относится к предметам ведения спортивного туризма.

Спортивный туризм может иметь виды пешеходного, горного, лыжного, водного, велосипедного, парусного, автото, конного и их сочетаний [7, с. 154]. Можно выделить и направления в спортивном туризме в соответствии с возрастом туристов. Спортивно-оздоровительный туризм охватывает деятельность, связанную с поддержкой людей в сложных и трудных жизненных ситуациях. По целям спортивный туризм может иметь познавательную, учебную, спортивную, экологическую, исследовательскую и иную направленность.

В России спортивный туризм имеет потенциал развития, проводимые в последние годы международные спортивные мероприятия способствовали увеличению потока туристов в страну, что по-

влекло развитие туристической инфраструктуры, реконструкцию культурного наследия и исторических памятников, созданию разных туристических продуктов и услуг. В целом по России структура въездного и выездного туризма представлены на Рис. 1 и 2, как видно, в структуре

туризма не фигурирует спортивный вид туризма. Также в стратегии развития туризма до 2025 года нет определения такого вида, как спортивный туризм, при этом рассматриваются оздоровительный, активный туризм, близкие к спортивному, но не тождественные ему.

Преобладающий тип программ отдыха (в %)

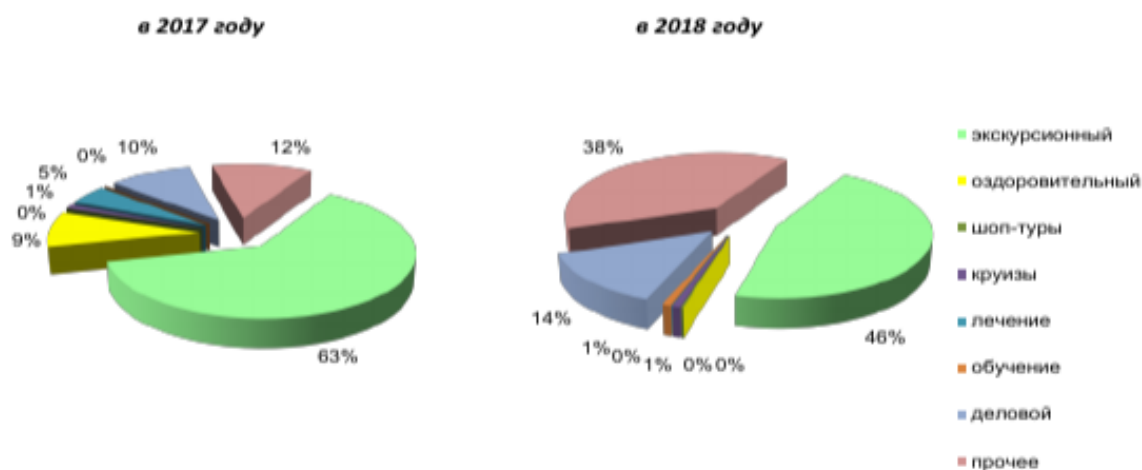

Рис. 1. Структура въездного туризма в России в 2017-2018 гг. [8, с. 13]

Преобладающий тип программ отдыха (в %)

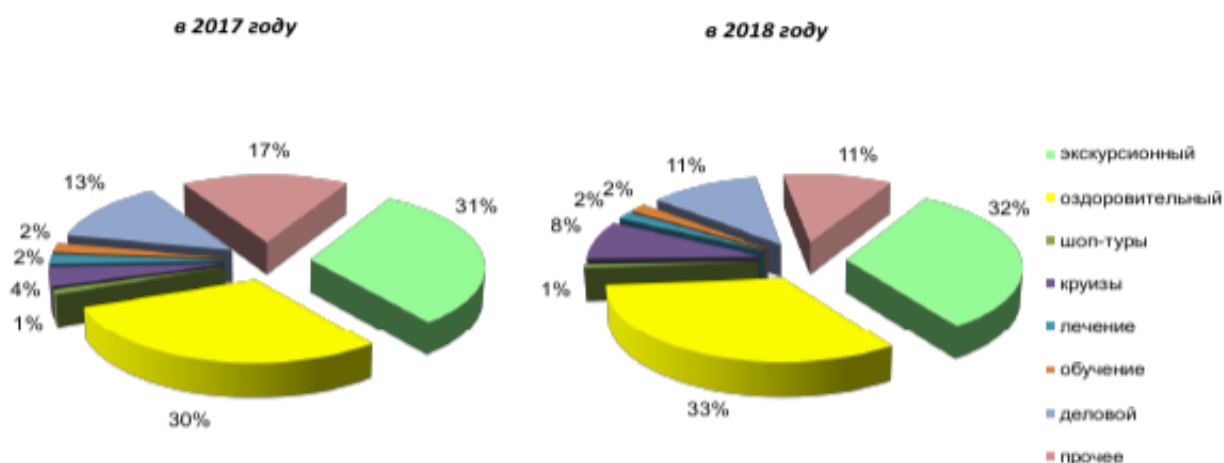

Рис. 2. Структура выездного туризма в России в 2017-2018 гг. [8, с. 6]

В рамках задач развития оздоровительного и активного туризма предлагается пять перспективных туристских укрупненных инвестиционных проектов,

призванные развивать определенный вид туризма сразу в нескольких регионах страны, что потребует от регионов выстраивание эффективного взаимодей-

вия и нацеленность на достижение общей цели [9].

Как видно отсутствие в стратегических нормативных документах спортивного вида туризма может повлечь за собой исчезновение данного вида, его ассимиляцию в другие виды, несмотря на то, что есть его приверженцы и любители. Спортивный туризм разделяется на активный и пассивный. Активный вид представляет собой занятие каким-либо видом спорта на протяжении туристического маршрута. Второй вид реализуется, когда люди следят за теми, кто участвует в спортивных соревнованиях. Значение спортивного туризма состоит не только в увеличении количества людей, посещающих спортивные мероприятия, спортивные объекты, спортивные маршруты. А в том, что данное направление туризма способствует формированию здорового образа жизни, стиля жизни, связанного с культурой сохранения здоровья и оздоровления организма, во-вторых, способствует сохранению физического здоровья тела человека, в-третьих, способствует воспитанию личностных качеств человека. Эти положительные результаты от занятий спортивным туризмом особенно актуальны для молодежи и детей, которым необходимо прививать модели поведения, связанные со здоровым образом жизни.

Значение туристической отрасли для экономики нашей страны и ее регионов заключается не только в увеличении ее вклада в валовый национальный продукт, в мультипликационном эффекте в экономике, но и в том, что отдельные виды туризма способствуют в сохранении и преумножении социального (человеческого) капитала. Среди таких видов можно назвать оздоровительный и спортивный туризм. И если первый находится в фокусе внимания системы государственного управления в нашей стране, фигурируя в стратегиях развития туристических кластеров на территории разных регионов, то второй как вид анализируется только в

научных и образовательных источниках. И это перечеркивает значительный опыт спортивного туризма в советский период России. Если взять во внимание пассивный спортивный туризм, то его значение для экономики также недооценено. И только в последние годы событийный спортивный туризм стал первооткрывателем туристического потенциала для других видов туризма. Примером является Республика Татарстан, когда спортивные мероприятия (Универсиада 2013, Мировой чемпионат по водным видам спорта 2015, Чемпионат мира по футболу 2018) поспособствовали формированию туристического интереса среди соотечественников и зарубежных туристов на посещение региона, способствовали развитию туристической инфраструктуры и туристических продуктов и услуг [10, с. 51], и уже в 2019 году количество туристов в регионе составило 3,6 млн человек, что на 9% больше, чем в 2018 году [11] и в 3,5 раза больше, чем в 2009 году [12, с. 4].

Таким образом, спортивный туризм имеет два вида позитивных результатов. Первый заключается в мультипликативном эффекте, когда спортивный событийный туризм способствует увеличению туристического потока, развитию туристической сферы, что отражается на количестве занятых в туристической отрасли и её доходах. Второй вид позитивных результатов заключается в том, что активный спортивный туризм способствует формированию здорового образа жизни, культуры здоровой жизни. И этот результат немаловажен для общества по сравнению с первым для экономики. И такое важное значение спортивного туризма государственная политика в сфере туризма не замечает и не вводит его в число стратегических задач, что отражается в государственных нормативных документах. И в этом противоречии видится проблема, связанная со значением спортивного туризма для экономики страны и общества в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Самарина В.П. Основы туризма. М.: КноРус, 2016. 400 с.
2. Потапова К.К. Влияние туризма на социально-экономическое развитие регионов // Молодой ученый. 2016. № 24. С. 219-222.
3. Бюллетень туристской информации. 1992. №1. 17 с.
4. Организация туризма / Под общ. ред. Н.И. Кабушкина. Мн.: Новое знание, 2003. 236 с.
5. Федеральный закон Российской Федерации «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» от 05.02.2007 №12-ФЗ. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=299538&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.9279020432437204#07102888525857172>.
6. Залоилов В.В. Спортивный туризм // Материалы V Международной студенческой Интернет-конференции. Под общей редакцией Е.Н. Артемовой, Н.В. Глебовой. 2017. С. 325-327.
7. Павлова Л.П. Спортивный туризм в системе физической культуры, спорта и туризма // Проблемы, опыт и перспективы развития туризма, сервиса и социокультурной деятельности в России и за рубежом. Материалы V Международной научно-практической интернет-конференции. 2018. С. 151-156.
8. Комментарий по результатам выборочного обследования туристических компаний за 2018 год декабрь 2019 / Банк России. 2019. 53 с. URL: <https://businessstat.ru/catalog/id1877/>.
9. Концепция федеральной целевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2019-2025 годы)». URL: <https://www.russiatourism.ru/upload/iblock/b6a/Концепция.pdf>.
10. Вагапова Ф.Г., Салимгараева Л.А., Тимофеева Л.С. Анализ развития спортивно-событийного туризма в республике Татарстан // Сервис в России и за рубежом. 2017. Т.11. №1 (71). С. 49-57.
11. Турпоток в Татарстан за год вырос до 3,6 млн человек. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4233813>.
12. Итоги работы Государственного комитета по туризму Республики Татарстан. URL: http://tourism.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_457462.pdf

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Samarina V.P. Osnovy turizma. M.: KnoRus, 2016. 400 s.
2. Potapova K.K. Vlijanie turizma na social'no-jekonomicheskoe razvitie regionov // Molodoy uchenyj. 2016. № 24. S. 219-222.
3. Bjulleten' turistskoj informacii. 1992. №1. 17 s.
4. Organizacija turizma / Pod obshh. red. N.I. Kabushkina. Mn.: Novoe znanie, 2003. 236 s.
5. Federal'nyj zakon Rossijskoj Federacii «O vnesenii izmenenij v Federal'nyj zakon «Ob osnovah turistskoj dejatel'nosti v Rossijskoj Federacii» ot 05.02.2007 №12-FZ. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=299538&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.9279020432437204#07102888525857172>.
6. Zaloilov V.V. Sportivnyj turizm // Materialy V Mezhdunarodnoj studencheskoj Internet-konferencii. Pod obshhej redakciej E.N. Artemovoj, N.V. Glebovoj. 2017. S. 325-327.
7. Pavlova L.P. Sportivnyj turizm v sisteme fizicheskoy kul'tury, sporta i turizma // Problemy, opyt i perspektivy razvitija turizma, servisa i sociokul'turnoj dejatel'nosti v Rossii i za rubezhom. Materialy V Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy internet-konferencii. 2018. S. 151-156.
8. Kommentarij po rezul'tatam vyborochnogo obsledovaniya turisticheskikh kompanij za 2018 god dekabr' 2019 / Bank Rossii. 2019. 53 s. URL: <https://businessstat.ru/catalog/id1877/>.
9. Konceptija federal'noj celevoj programmy «Razvitie vnutrennego i v#ezdnogo turizma v Rossijskoj Federacii (2019-2025 gody)». URL: <https://www.russiatourism.ru/upload/iblock/b6a/Konceptija.pdf>.
10. Vagapova F.G., Salimgaraeva L.A., Timofeeva L.S. Analiz razvitija sportivno-sobyitjnogo turizma v respublike Tatarstan // Servis v Rossii i za rubezhom. 2017. T.11. №1 (71). S. 49-57.

-
11. Turpotok v Tatarstan za god vyros do 3,6 mln chelovek. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4233813>.
 12. Itogi raboty Gosudarstvennogo komiteta po turizmu Respubliki Tatarstan. URL: http://tourism.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_457462.pdf

Поступила в редакцию 11.04.2020.

Принята к публикации 14.04.2020.

Для цитирования:

Гатина Л.И. Значение спортивного туризма в экономике и обществе // Гуманитарный научный вестник. 2020. №3. С. 70-75. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2020/03/Gatina.pdf>

<https://doi.org/10.5281/zenodo.3763728>

УДК 316. 354:351/354

Ефремова Е.А.

Ефремова Евгения Анатольевна, аспирант, Новосибирский государственный университет экономики и управления, 630099, Россия, ул. Каменская, 56. E-mail: Eea-207@yandex.ru

Особенности внедрения социальных технологий: проблемы и перспективы

Аннотация. Статья посвящена некоторым особенностям социальных технологий. Представлены различные подходы к определению социальных технологий, их специфические особенности. Обозначены проблемы и риски, возникающие при внедрении социальных технологий в управлении. Затрагивается вопрос о значимости человеческого фактора при внедрении социальной технологии. При этом важную роль должны играть гуманистические основания использования любой социальной технологии.

Ключевые слова: социальные технологии, управление, гуманистические принципы социальных технологий.

Efremova E.A.

Efremova Evgenia Anatolyevna, post-graduate student, Novosibirsk State University of Economics and Management, 630099, Russia, Kamenskaya st., 56. E-mail: Eea-207@yandex.ru.

Features of the introduction of social technologies: problems and prospects

Abstract. The article is devoted to some features of social technologies. Various approaches to the definition of social technologies, their specific features are presented. The problems and risks arising from the introduction of social technologies in management are identified. It raises the question of the significance of the human factor in the implementation of social technology. At the same time, the humanistic grounds for using any social technology should play an important role.

Key words: social technologies, management, humanistic principles of social technologies.

Необходимость разработки и применения социальных технологий в регулировании социальных процессов обусловлена как многими проблемами современного общества [10; 13; 16; 18], так и признанной эффективностью их решений, ввиду непосредственного влияния на интересы субъектов социальных отношений.

Существенный вклад в изучение социальных технологий внесли отечественные социологи В.В. Щербина, В.Н. Иванов, В.И. Патрушев, В.А. Ядов,

А.Г. Здравомыслов, Ж.Т. Гощенко и другие. Вопросам изучения социальных технологий посвящены современные работы И.В. Бурмыкиной, К.Э. Бурнашева, В.В. Щербины, И.Т. Касавина, и других.

Социальные технологии всегда обусловлены социальными проблемами развития общества и направлены на поиск оптимальных способов их решения. В этом случае общество само выходит на необходимость создания социальной технологии. Но они могут быть созданы и преднамеренно человеком для реализа-

ции конкретных целей [2, с. 16]. В процессе создания и применения они должны исходить из положений и методов социальных наук [22, с. 121].

Система управления в этом исследовании, согласно В.И. Патрушеву, выступает как социальное явление, как социальный институт и как процесс [16, с. 39].

Социальные технологии имеют важное значение для всех сфер управления [5, с. 15]. По мнению Г.А. Пестовой, социальные технологии применяются для управления людьми, социальными явлениями, социальными процессами и социальными системами. Их ценность заключается в том, что они рационализируют управление, включая в него лишь наиболее эффективные операции для достижения намеченной цели [17].

Смысл любой технологии – оптимизировать управленческий процесс, исключить из него все виды деятельности, которые не являются необходимыми для получения социального результата [20, с. 138].

К этой группе проблем можно отнести проблемы ценностного характера, раскрывающие вопрос «почему и зачем» важно формировать и внедрять социальные технологии. Ключевым здесь является то, что социальная технология не сводится к механическому выполнению операций, реализует не просто этапность, а скоординированную этапность, изменения социального объекта и процесса самой технологии. При этом более вариативна, динамична и базируется на принципе саморегуляции [9, с. 329].

Следует отметить и риски для социума при внедрении новой социальной технологии в практику управления, так как любые решения по преобразованию процессов управления на их основе, должны соответствовать критериям социальной целесообразности [12, с. 21].

Одной из проблем, с которой сталкиваются ученые в процессе разработки и внедрения социальных технологий, прежде всего, является неопределенность и многогранность интерпретации этого по-

нятия, поэтому единой точки зрения не существует [8; 22].

Так, В.В. Щербина остро поднимает вопрос о возрастании числа трактовок социальных технологий, часто не совпадающих с исходным пониманием этого термина и противоположных по содержанию [22, с. 113]. И.Т. Касавин, отмечает, что социальные технологии до сих пор не составляют систематического и целенаправленного предмета исследования какой-либо научной дисциплины, их вовлечение в образование и управление носит случайный характер [7, с. 10].

В социологическом словаре, определение дается в сочетании «технология социальная» и раскрывается через «совокупность приемов, методов и воздействий, применяемых для достижения поставленных целей в процессе социального планирования и развития, решения разного рода социальных проблем» [15, с. 368].

В.В. Щербина под социальными технологиями понимает «инструментальные стандартизированные средства, созданные для решения типовых практических задач, возникающих в сфере социальной практики...., связанных с осуществлением социальных изменений в социуме» [22, с. 144]. В.Н. Патрушев говорит как о системе инновационных способов и средств оптимизации социального управления [16, с. 103]. Схожей точки зрения придерживается и В.И. Курбатов, рассматривая социальные технологии как деятельность людей, реализацию их социального потенциала, умений и возможностей [9, с. 315], как разработку методов и методик эффективного и рационального целенаправленного социального воздействия [Там же, с. 328].

Большинство специалистов социальных наук рассматривают в качестве приоритетных признаков технологии результативность, стандартизированность, упорядоченность, согласованность, алгоритмизированность [2; 4; 5; 16; 22]. По мнению В.И. Патрушева, признаками технологии являются разграничение, разделение этого процесса на взаимосвязанные

этапы, фазы, операции, учитывая лучший опыт, научную основу; координированность и поэтапность действий как признак любой технологии; однозначность выполнения включенных процедур и операций в технологию [16, с. 75]. Еще одним из признаков является, что они возникают в различных сферах социальной практики (управлении, образовании и т.д.) для выполнения разнородных типовых задач [22, с. 145].

Схожей точкой зрения для многих ученых в понимании термина социальные технологии является то, что они, во-первых, рассматривают их как практическую деятельность; во-вторых, присутствуют определённые процедуры, способные оптимизировать выполнение того или иного социального процесса или явления; в третьих, наличие идеи улучшить отношения и взаимосвязи между людьми; в-четвертых, в целом повышение эффективности управленческих процессов.

В силу многообразия проблем, как самого общества, так и системы социальных отношений, социальные технологии, сохранив основные общие черты, дополняются определенными специфическими характеристиками: в литературе представлен социокультурный подход к социальной технологизации, в котором учитывается связь с процессами социализации [3, с. 96], социальные технологии рассматриваются как социокультурный механизм регуляции отношений между участниками совместной деятельности [1, с. 154]. При внедрении социальных технологий важно учитывать специфику развития региональных особенностей [2, с. 14], национально-культурных особенностей [1, с. 160]. Подчеркивается актуальность внедрения социальных технологий в образовательный процесс [19, с. 79]. В управлении образованием социальные технологии в большей степени связаны с воплощением коммуникационных и информационных возможностей [4, с. 95].

Позиции того, что социальные технологии приобретают статус синергетического фактора общественного развития

придерживается К.Э. Бурнашев [2, с. 113] и И.В. Бурмыкина [1, с. 154]. Именно синергетический потенциал социальных технологий, с учетом социального контекста, по их мнению, дает дополнительные возможности системе социального управления, оптимизируя ее за счет механизмов самоорганизации.

Таким образом, создание социальных технологий должно строиться с учетом, как достижений глобальных процессов современного мира, так и с учетом специфики региональных отличий образа жизни людей, их традиций [2, с. 114].

Социальные технологии имеют широкий диапазон действий и соответственно по-разному классифицируются учеными.

Так, В.В. Щербина выделяет тип социальных технологий «рационализирующих деятельность». Их разработка и применение наиболее характерна для сферы управления, в частности управления человеческим ресурсом, где объектом привлечения, активизации и рационального использования выступают непосредственно люди [22, с. 121].

И.Т. Касавин предлагает к рассмотрению интегральные типы социальных технологий: аналитические (оценка социальной реальности) – «консультирование», «экспертиза»; гомеостатические (обеспечение социальной стабильности) – например, «мониторинг»; генеративные (формирующие новую социальную реальность) – «социальное проектирование», «социальное конструирование» [7, с. 9].

При реализации выделяют субъектную триаду социальных технологий: заказчик (человек или группа лиц, нуждающихся в создании той или иной технологии); исполнитель заказа (социальный технолог, который создает и внедряет социальную технологию); объект воздействия социальных технологий [2, с. 122], в качестве которого могут выступать люди, социальные группы, институты и организации, а также взаимосвязи и отношения, которые возникают

между ними в процессе жизнедеятельности [9; 14].

Анализируя взгляды ученых, В.В. Щербина отмечает, что социальная технология по свойствам и функциям аналогична технологиям, созданным в рамках технической сферы и социальные технологии в процессе создания и эксплуатации должны опираться на положения и методы социальных наук [22, с. 120], где в качестве ключевой определяют функцию рационализации деятельности (или социальных отношений). С.Б. Мурашов в связи с этим, рассуждает, что целерациональная алгоритмизация повышает социальную стабильность управленческих взаимодействий и снижение их зависимости от человеческого фактора [12, с. 21].

А.А. Доценко, отмечает, что следует разделять понятия «социальные технологии» и «технология социальная», так как это «серьезнейшая методологическая проблема, игнорирование которой приводит нас к противоестественным последствиям» [3, с. 202]. Он говорит о социальном факте столкновения двух типов мышления: технократического и гуманистического. В этом аспекте, центральным элементом эффективного управления становится человек, личность и его лучшие качества, которые проявляются в деятельности. [3; 8].

Тенденция усиления гуманистических оснований социальных технологий, их экологичности и гибкости по отношению к социальным процессам все активнее дискутируется в междисциплинарных исследованиях [1; 3; 10; 13; 16].

Так, В.И. Слободчиков, рассматривает технологии как «инструментальные регулятивы потенциально возможной практики вочеловечивания человека» [10, с. 57]. В.Н. Патрушев говорит о принципах гуманизма, духовности, диалога, ответственности и других принципах, при решении социальных проблем [16, с. 103]. В этом случае, по его мнению, социальные технологии предстают в виде технологий создания благоприятных условий для воспроизводства жизни лю-

дей, реализации их творческого потенциала (технология ведения переговоров, технология диагностики социальных резервов, технология социального партнерства, социальная мобилизация жизненных сил человека и др.).

Правомерно обращает наше внимание Карл Манхейн на то, что социальная технология ни хороша и ни плоха сама по себе. Все зависит от того, как будет использовать ее человек. И если она направлена на «служение добрым целям, если не технология господствует над человеком, а человек над технологией, то ее можно считать одним из самых великодушных достижений человечества» [11, с. 414].

Эта мысль отражена и нашими современниками в докладе «Образование для сложного общества», в котором поднимается вопрос о том, что сегодня образовательные технологии не оправдывают предъявленных ожиданий, так как необходимо изменить именно «человеческий фактор», без учета которого не возможно в полной мере учесть потребности человека [13]. В управлении организацией также актуализированы категории «человеческие отношения» и «человеческий фактор производства» [17].

И.В. Бурмыкиной поднимается вопрос и о требованиях к субъектам социальных технологий, их социально-технологической культуре в социальном взаимодействии – действовать конструктивно, инновационно, гуманно, выбирать наилучшие с точки зрения социального контекста, средства и методы достижения цели [1, с. 156]. В управлении человеческими ресурсами необходимо применять ту технологию, которая обеспечивает социально-значимую полезность [3, с. 206], подходить к технологии управления людьми через гуманитарные средства воздействия [21, с. 61].

С учетом синергетического подхода, важнейшей задачей социальной технологии является получение оптимального социального результата, с целью создания благоприятных условий жизнедеятельности.

тельности людей, опираясь на принцип «не навреди» [2, с. 114].

Таким образом, неизбежность внедрения социальных технологий, связана, прежде всего, с усложнением общественных отношений в процессе развития социума. Они выступают потенциально нужным ресурсом в оптимизации и регулировании социальных процессов и явлений. Их перспектива в современном обществе обусловлена потребностью в повышении эффективности системы управления и воспроизведении различных социальных инноваций.

В заключение можно сказать следующее:

– социальные технологии занимают важное место в области технологий. Их можно представить как сегмент техноло-

гий, обусловленный общественными процессами;

– социальные технологии возникают с совершенствованием и усложнением системы общества как необходимое условие развития и оптимизации управленческого процесса;

– поскольку социальные технологии непосредственно связаны с людьми, то основной целью они ставят помощь человеку, основываясь на гуманистических основаниях;

– социальные технологии, не смотря на требование «воспроизведения», не могут быть использованы без учета специфики социальных условий конкретных социальных объектов, без учета социокультурных и региональных особенностей

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бурмыкина И.В. Социология управления и социальных технологий // Вестник Моск. Унта. Сер.18. Социология и политология. 2013. № 4. С.151-161.
2. Бурнашев К.Э. Стандартизация человека и социальные технологии как феномены современной науки и практики: монография. Йошкар-Ола: Поволжский государственный технологический университет, 2013. 148 с.
3. Доценко А.А. Социальные технологии в управлении человеческими ресурсами // Система ценностей современного общества. 2012. № 22. С.200-207.
4. Дьяченко Е.И. Социальные технологии в системе образования // Человек. История. Культура. Исторический и философский альманах. 2012. Т.11. С.90-96.
5. Иванов В.Н. Социальные технологии в современном мире. Н. Новгород. Издательство Волго-Вятской академии государственной службы, 1996. 196 с.
6. Караваева Ю.В. Социокультурный подход к социальной технологизации // Теория и практика общественного развития. 2015. № 24. С. 96- 98.
7. Касавин И.Т. Наука и социальные технологии / рос. Акад наук, ин-т философии; отв.ред И.Т.Касавин. М. : ИФ РАН, 2011. 203 с.
8. Касавин И.Т. Социальные технологии и научное знание / Epistemology & Philosophy of Science. 2010. № 4. С. 5-15. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-tehnologii-i-nauchnoe-znanie>
9. Курбатов В.И. Социальное проектирование. Ростов н/Д: Феникс, 2001. 416 с.
10. Лествица полноты образования человека. Опыт научной дискуссии / научн.ред и сост. А.А. Остапенко. М.:НИИ школьных технологий, 2019. 232 с.
11. Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. 700 с.
12. Мурашов С.Б. Социальные технологии в системе управления: сущность и преимущества // Общество: социология, психология, педагогика. 2019. № 2. С. 19-22. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-tehnologii-v-sisteme-upravleniya-suschnost-i-preimuschestva>
13. Образование для сложного общества «Образовательные экосистемы для общественной трансформации» / Доклад Global Education Futures. Режим доступа URL: <http://vcht.center/wp-content/uploads/2019/06/Obrazovanie-dlya-slozhnogo-obshhestva.pdf>

14. Оганян К.М. Социальные технологии как форма социальной самоорганизации, средство социального познания и социального преобразования // Тез. докл. на межвуз. научн.-практ. конф. Социальные технологии: теория и практика, г. Санкт-Петербург, 13,14 июня. 2003. Санкт-Петербург, 2003. С.4-9.
15. Осипов Г.В. Социологический энциклопедический словарь. М., Издательская группа ИН-ФА. М-НОРМА, 1998. 488 с.
16. Патрушев В.И. Введение в теорию социальных технологий. М.: Издательство ИКАР, 2018. 228 с.
17. Пестова Г.А. Социология управления: учеб. пособие. М.: Академия Естествознания, 2011. Режим доступа URL: <https://monographies.ru/en/book/section?id=3476>
18. Психология формирования личности и коллектива в мире неопределённости: Коллективная монография / Е.Э. Кригер, Д.В. Каширский, Г.Б. Ховрина. М.: РГГУ, 2018. 225 с.
19. Социальное картирование как метод оценки и формирования личностных результатов / Вавилина Н.Д., Ефремова Е.А. // Сборник избранных статей по материалам научных конференций ГНИИ «Нацразвитие», г. Санкт-Петербург, декабрь 2019, С. 77-82.
20. Тощенко Ж.Т. Социология управления. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2011. 300 с.
21. Удальцова М.В. Социология управления: Учебное пособие. М.: ИНФРА-М, Новосибирск: НГАЭиУ, 2001. 144 с.
22. Щербина В.В. Рационализирующие социальные технологии // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2016. № 1. С. 141-161. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ratsionaliziruyuschiesotsialnye-tehnologii>

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Burmykina I.V. Sociologija upravljenija i social'nyh tehnologij // Vestnik Mosk. Un-ta. Ser.18. Sociologija i politologija. 2013. № 4. S.151-161.
2. Burnashev K. Je. Standartizacija cheloveka i social'nye tehnologii kak fenomeny sovremennoj nauki i praktiki: monografija. Jashkor-Ola: Povolzhskij gosudarstvennyj tehnologicheskij universitet, 2013. 148 s.
3. Docenko A.A. Social'nye tehnologii v upravlenii chelovecheskimi resursami // Sistema cennostej sovremenного obshhestva. 2012. № 22. S.200-207.
4. D'jachenko E.I. Social'nye tehnologii v sisteme obrazovanija // Chelovek. Istorija. Kul'tura. Istoricheskij i filosofskij al'manah. 2012. T.11. S.90-96.
5. Ivanov V.N. Social'nye tehnologii v sovremennom mire. N. Novgorod. Izdatel'stvo Volgo-Vjatskoj akademii gosudarstvennoj sluzhby, 1996. 196 s.
6. Karavaeva Ju.V. Sociokul'turnyj podhod k social'noj tehnologizacii // Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija. 2015. № 24. S. 96- 98.
7. Kasavin I.T. Nauka i social'nye tehnologii / ros. Akad nauk, in-t filosofii; otv.red I.T.Kasavin. M.: IF RAN, 2011. 203 s.
8. Kasavin I.T. Social'nye tehnologii i nauchnoe znanie / Epistemology & Philosophy of Science. 2010. № 4. S. 5-15. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-tehnologii-i-nauchnoeznanie>
9. Kurbatov V.I. Social'noe proektirovanie. Rostov n/D: Feniks, 2001. 416 s.
10. Lestvica polnoty obrazovanija cheloveka. Opyt nauchnoj diskussii / nauchn.red i sost. A.A. Ostapenko. M.:NII shkol'nyh tehnologij, 2019. 232 s.
11. Manhejm K. Diagnost nashego vremeni. M.: Jurist, 1994. 700 s.
12. Murashov S.B. Social'nye tehnologii v sisteme upravlenija: sushhnost' i preimushhestva // Obshhestvo: sociologija, psihologija, pedagogika. 2019. № 2. S.19-22. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-tehnologii-v-sisteme-upravleniya-suschnost-i-preimuschestva>
13. Obrazovanie dlja slozhnogo obshhestva «Obrazovatel'nye jekosistemy dlja obshhestvennoj transformacii» / Doklad Global Education Futures. Rezhim dostupa URL: <http://vcht.center/wp-content/uploads/2019/06/Obrazovanie-dlya-slozhnogo-obshhestva.pdf>

14. Oganjan K.M. Social'nye tehnologii kak forma social'noj samoorganizacii, sredstvo social'nogo poznaniya i social'nogo preobrazovanija // Tez. dokl. na mezhvuz. nauchn.-prakt kofn. Social'nye tehnologii: teorija i praktika, g. Sankt-Peterburg, 13,14 ijunja. 2003. Sankt-Peterburg, 2003. С.4-9.
15. Osipov G.V. Sociologicheskij jenciklopedicheskij slovar'. M., Izdatel'skaja gruppa INFA. M-NORMA, 1998. 488 s.
16. Patrushev V.I. Vvedenie v teoriju social'nyh tehnologij. M.: Izdatel'stvo IKAR, 2018. 228 s.
17. Pestova G.A. Sociologija upravlenija: ucheb. posobie. M.: Akademija Estestvoznaniya, 2011. Rezhim dostupa URL: <https://monographies.ru/en/book/section?id=3476>
18. Psihologija formirovanija lichnosti i kollektiva v mire neopredeljonnosti: Kollektivnaja monografija / E.Je. Kriger, D.V. Kashirskij, G.B. Hovrina. M. : RGGU, 2018. 225 s.
19. Social'noe kartirovanie kak metod ocenki i formirovanija lichnostnyh rezul'tatov / Vavilina N.D., Efremova E.A. // Sbornik izbrannyh statej po materialam nauchnyh konferencij GNII «Nacrazvitie», g. Sankt-Peterburg, dekabr' 2019, S. 77-82.
20. Toshhenko Zh.T. Sociologija upravlenija. M.: Centr social'nogo prognozirovaniya i marketinga, 2011. 300 s.
21. Udal'cova M.V. Sociologija upravlenija: Uchebnoe posobie. M.: INFRA-M, Novosibirsk: NGAJeiU, 2001. 144 s.
22. Shherbina V.V. Racionalizirujushhie social'nye tehnologii // Vestnik RUDN. Serija: Sociologija. 2016. № 1. S. 141-161. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ratsionaliziruyuschie-sotsialnye-tehnologii>

Поступила в редакцию 10.04.2020.

Принята к публикации 13.04.2020.

Для цитирования:

Ефремова Е.А. Особенности внедрения социальных технологий: проблемы и перспективы // Гуманитарный научный вестник. 2020. №3. С. 76-82. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2020/03/Efremova.pdf>

<https://doi.org/10.5281/zenodo.3763757>

УДК 364.013

Метелева Е.Р., Кузнецов Д.А.

Метелева Елена Растиславна, доктор экономических наук, профессор, Байкальский государственный университет, 664003, Россия, г. Иркутск, ул. Ленина, 11. E-mail: elenameteleva@ya.ru.

Кузнецов Дмитрий Александрович, Байкальский государственный университет, 664003, Россия, г. Иркутск, ул. Ленина, 11. E-mail: kuzdmitalex93@mail.ru.

Изучение перспектив включения безусловного основного дохода в модель социальной политики России

Аннотация. На современном этапе развития мировой экономики остро встает ряд вопросов экономической и социальной организации общественной жизни. Так, достаточно серьезной представляется угроза сокращения занятости и, соответственно, роста безработицы. Появление огромного слоя безработного населения, в свою очередь, создает угрозу социального расслоения, обнищания части населения, а также означает замедление темпов экономического роста в результате снижения платежеспособного спроса. Поиск новых моделей социальной политики является актуальным направлением экономической мысли в настоящее время. Концепция безусловного основного дохода обсуждается учеными развитых стран в качестве одного из вариантов организации социальной политики государства в новых условиях.

Ключевые слова: безусловный основной доход, социальная политика, модели социальной политики государства, прогрессивное налогообложение, трудовое поведение, перераспределительная политика, социальные трансферты.

Metelleva E.R., Kuznetsov D.A.

Metelleva Elena Rastislavna, Doctor of Economical Sciences, Professor, Baikal State University, 664003, Russia, Irkutsk, Lenin Street, 11. E-mail: elenameteleva@ya.ru.

Kuznetsov Dmitry Alexandrovitch, Baikal State University, 664003, Russia, Irkutsk, Lenin Street, 11. E-mail: kuzdmitalex93@mail.ru.

Studying the prospects of including unconditional basic income in the model of social policy in Russia

Abstract. Some issues of economic and social organization of a society's life are in the center of discussions at a present stage of development of the world economy. So, the threat of employment reduction and, therefore, the unemployment growth is considered as very serious one. The emergence of a huge group of the unemployed, in its turn, creates a threat of the significant social disintegration and impoverishment of part of the population, and it means that the economic growth will be slow down because of the effective demand reducing. Search of new models of social policy is very important line of the economic investigation of our days. The concept of unconditional basic income is discussed by scientists in developed countries as one of the options for organizing the social policy of the state in the new conditions.

Key words: universal basic income / unconditional basic income, social policy, models of state social policy, progressive tax, labour behaviour, redistribution policy, social transfers.

Национальная модель социальной политики любого современного экономически развитого государства является смешанной, включает заимствования наиболее эффективных практик и опыта других стран в сочетании с различными теоретическими подходами к социальному обеспечению. Эта тенденция характерна для европейских стран, которые осознали необходимость пересмотра социальной политики, проводившейся до и после кризиса государства всеобщего благосостояния 1980-х гг. в постоянно меняющейся экономической среде.

Российскому обществу и государству тоже необходимо сформировать модель социальной политики, которая объединит элементы либеральной и социал-демократической моделей социальной политики. Большинство граждан страны пока предпочитают модель социал-демократии, которая совпадает с восприятием граждан и наилучшим образом соответствует их ожиданиям. С учетом того, что часть более молодого населения готова в большей мере полагаться на собственные силы, а представители возрастных групп ориентированы на активную поддержку государства, вероятно, для Российской Федерации было бы целесообразно сочетать некоторые атрибуты моделей социальной политики большинства западных стран с достижениями советской модели.

В среде отечественной науки и в широкой общественной полемике в масс-медиа проблема выбора вектора социальной политики государства обсуждается регулярно, и в связи с кризисом, вызванным эпидемией коронавируса, эти дискуссии заметно активизировались.

В течение последнего десятилетия набрала популярность идея так называемого безусловного основного дохода (БОД). По уверениям сторонников этой идеи, применение на практике элементов БОД могло бы помочь в решении ряда острых проблем. Во-первых, решить задачу масштабного сокращения бедности, которая препятствует развитию челове-

чества. Во-вторых, помочь сохранить свободное время и способствовать созданию благоприятной обстановки для творческого развития населения. В-третьих, увеличить потребительский спрос и создать условия для поддержания экономического роста.

Один из отцов-основателей американского государства философ Т. Пейн впервые высказал идею безусловного базового дохода еще в XVIII в. С его точки зрения, каждый гражданин страны владеет определенной частью национального производства, поэтому все члены общества должны получать в процессе некоего справедливого распределения определенную долю национального дохода.

Безусловный базовый доход – социальная концепция, согласно которой каждый гражданин страны получает определенную сумму денег на регулярной основе. Выплаты может производить государство или другой институт всем членам общества, и при этом не имеет значения, какой имеется доход у гражданина и занят ли он вообще в производстве.

Отечественными исследователями безусловный основной доход (БОД) трактуется как экономическая модель, которая подразумевает ежемесячный доход, законодательно закрепленный, предоставляемый всем членам общества без каких-либо условий. Каждый гражданин имеет право на получение дохода, не облагаемого налогом, без подтверждения материального состояния и без необходимости трудовой занятости, а также без подтверждения потребности [1].

Мы обобщили предлагаемые зарубежными исследователями трактовки понятия БОД (табл. 1).

Итак, каковы основные тезисы, следующие из рассмотрения зарубежных трактовок БОД.

Во-первых, безусловный основной доход не является разновидностью заработной платы в любом ее понимании, так как выплачивается государством вне зависимости от того, трудоустроен или нет гражданин. Поэтому здесь целесообразно говорить об особой форме трансферта. Во-

вторых, базовый доход имеет универсальный характер, это говорит о его специфике и отличает его от трансферта, который выделяется определенным целе-

вым группам. В- третьих, данный доход будет использоваться преимущественно для личных нужд.

Таблица 1 Сравнение трактовок понятия «безусловный основной доход»

Автор	Трактовка	Отличительная особенность
Д. Равентос [6]	Безусловный основной доход является таким доходом, который выплачивается государством всем гражданам, независимо оттого, работают они или нет	Безусловный базовый доход не зависит от материального положения членов общества. Он также не зависит от семейного положения человека.
Э. Скидельски и Р. Скидельски [7]	Безусловный базовый доход – это высокий уровень безусловного платежа всем гражданам, достаточный для того, чтобы дать членам общества уникальный выбор оптимального распоряжения своим рабочим временем	Благодаря БОД, люди смогут выбирать, как и где им работать, не думая только о том, что им нужно зарабатывать деньги. Эти авторы дают четкую картину базового дохода и минимального дохода. Цель выплаты БОД состоит в том, чтобы предотвратить снижение доходов ниже черты бедности.
Э. Шмидт и Д. Хэни [8]	Безусловный основной доход – это выплаты всем гражданам	С введением базового дохода люди смогут работать для удовольствия, а не только для материального обогащения. Если люди будут получать такой доход, то они не станут выполнять работу, которая не приносит удовлетворения.
С. Бриттан [5]	Безусловный основной доход – это выплаты всем гражданам. Право на получение БОД – такое же неотъемлемое право человека, как право на воду, чистый воздух и качественное образование	Целью безусловного основного дохода является обеспечение собственностью всех граждан страны и, тем самым, содействие их развитию. Однако спорным является тот момент, что автор имеет в виду под «обеспеченностью собственностью».

Величина дохода, согласно Р. Скидельски и Э. Скидельски, должна быть достаточной для того, чтобы в сознании человека существенно изменились его представления о работе [7]. Выплата БОД не окажет существенного влияния на выбор работы, поскольку не способствует увеличению количества привлекательных рабочих мест для сотрудников. Введение базового дохода, в первую очередь, повлияет на рабочее время. Соотношение эффекта дохода и замещения оказывает прямое воздействие на величину желаемого рабочего времени. Введение базово-

го дохода будет являться предпосылкой действия первого эффекта, так что можно спрогнозировать сокращение для работника времени его труда.

Считается, что для мотивированных людей труд – это потребность, самостоятельная ценность. Поэтому многие исследователи говорят о том, что опасаться массовых увольнений по случаю введения дохода не стоит. С. Либерман считает, что любой труд будет по-прежнему желателен для человека [4].

По нашему мнению, безусловный базовый доход должен быть достаточным

для сокращения оплачиваемого рабочего времени, пока он не удовлетворит потребности рабочей силы. Безусловный базовый доход уменьшит снижение доходов и повысит уровень безопасности работников.

В настоящее время 8-часовой рабочий день намного длиннее рабочего времени, которое действительно необходимо для производства востребованного объема товаров и услуг. Так, М. Кейнс предсказывал, что к 2030 г. потребность в труде снизится до 3 часов и 15 минут [3]. Однако данный прогноз слишком смел. Это объясняется тем, что люди будут продолжать работать больше, потому что им будет необходимо зарабатывать себе на жизнь, полностью выполняя объем работы, который требует работодатель, а не исходя из своей потребности в труде. Согласно социальным опросам, работники готовы сократить рабочее время, и согласны с тем, чтобы их доход также изменился пропорционально снижению отработанного времени. Время для них стоит столько, сколько они готовы принести в жертву материальному благополучию.

Мы считаем, что введение БОД и гибкое регулирование рабочего времени предотвратят такие «жертвы» в будущем и приведут трудовой период в соответствие с желаниями людей.

Подобные нововведения также дополнительно повысят спрос на труд, и последствия будут положительными в виде сокращения безработицы.

Принимая во внимание индивидуальные потребности работников, введение базового дохода наряду с гибким регулированием рабочего времени позволит избежать таких «жертв» и приблизить рабочее время к желаемой продолжительности. Даже в условиях неполного рабочего дня проблема повышения уровня жизни граждан, получающих безусловный базовый доход, будет не столь серьезной, как в настоящее время и особенно далее, когда страны начнут выходить из режима самоизоляции в связи с эпидемией коронавируса. Дополнительно повлия-

ет на трудовое поведение людей тот факт, что трансферт (БОД) полагается и детям. Это поможет им избавиться от мыслей, что необходимо зарабатывать на удовлетворение потребностей семьи.

Безусловный основной доход предназначен для всех граждан государства, однако его получение на наиболее обеспеченные слои влиять никаким образом не будет. Если бы концепция была ориентирована на уровень жизни богатых людей, то она была бы утопичной. Безусловный базовый доход наиболее важен для наемных работников и их семей, потому что он связывает размер БОД с потребностями и поведением в отношении работы.

Разумеется, основным источником финансирования являются налоговые поступления. Для поддержания такой системы социальных трансфертов государство должно получать экономические выгоды за счет налоговых поступлений. Другими словами, выплаты БОД в качестве экономической базы имеют перераспределение национального дохода. В широких масштабах такое перераспределение осуществляется на территории всех развитых стран. Благодаря этому эффективно функционирует система общедоступного образования, которая на сегодняшний день выходит далеко за рамки школьного уровня. Также на бюджетные деньги существует система здравоохранения и многое другое. Безусловный базовый доход – это дополнение уже существующих достижений в формировании предпосылок для развития каждого члена общества. БОД подразумевает получение средств для него из того же фонда поступлений, который традиционно использовался для выплаты социальных пособий.

Предполагая, что введение БОД дополняет существующие социальные расходы, возможно, речь идет о повышении налоговой ставки только в краткосрочной перспективе.

Существуют определенные макроэкономические ограничения для увеличения ставок налогов. Налоговые ставки не должны подрывать общественное производство. Государство не должно

делать налоговое бремя непосильным и изымать значительную часть прибыли. Предприниматели-владельцы малых и средних предприятий должны получать доход от инвестиций. Поэтому облагаться должны только сверхдоходы. В российском обществе все чаще звучит предложение о введении прогрессивного налогообложения. Заработная плата в современной жизни играет как репродуктивную, так и стимулирующую функцию. Поэтому традиционный доход работников должен быть сохранен и не должен быть обременен высокими налогами. Речь должна идти только о повышенном обложении доходов, вероятно, не более чем 1-2% членов общества. В долгосрочной перспективе создание базы для выплаты БОД должно быть достигнуто за счет увеличения налогообложения сверхдоходов, а также за счет роста налоговой базы.

Можно предположить, что уровень БОД должен увеличиваться по мере национального экономического развития и не должен быть постоянным.

Конечно, существуют и аргументы против осуществления подобной меры. Многие эксперты видят в ней «призрак коммунизма» [2]. В действительности, характерной чертой современных стран с развитой экономикой является как раз перераспределение национального дохода, который обеспечивает улучшение положения бедных слоев населения. Концепция БОД говорит только о более последовательном перераспределении.

По нашему мнению, реальной проблемой является корректировка спроса и предложения на рынке труда в новых условиях. Так, если многие работники поменяют свои предпочтения в работе, то может произойти дисбаланс производства. При выплате безусловного основного дохода необходимо определить нормальную продолжительность рабочего времени, при этом ее нужно установить в соответствии с законом или коллективным договором. Ведь совсем другое дело, когда эта продолжительность будет сокра-

щена в связи с потребностью в увеличении свободного времени работника.

Таким образом, безусловный основной доход (БОД) определяется как экономическая модель и социальная концепция, подразумевающая ежемесячный, гарантированный законом доход, предоставляемый всем гражданам без исключения и без каких-либо условий. Каждый гражданин получает фиксированную сумму от государства не облагаемую налогами, без проверки материального положения, без необходимости трудовой занятости и без подтверждения потребности (безусловно). Безусловный основной доход не является разновидностью заработной платы, он выступает в роле особого социального пособия (трансферта). Данный вид дохода используется преимущественно для личного потребления. Введение данного дохода, прежде всего, повлияет на продолжительность рабочего времени.

Конечно, внедрение безусловного дохода требует полной реструктуризации налогообложения, социального и пенсионного обеспечения. Будет реалистичным предположить, что экономическая устойчивость БОД потребует ряда непопулярных решений, включая новые формы налогообложения – например, микроналоги посредством электронных платежей, а также эффективной международной кооперации в борьбе с уклонениями от налогов.

В ближайшем будущем, однако, нужно отметить, что в западных странах предпринимаются скромные, но значительные шаги в отношении разработки и обсуждения концепции БОД. Для начала там предлагают осуществлять выплаты БОД наименее обеспеченным гражданам (имеющим доход приблизительно в размере 15 или 20% от национального ВВП на душу населения) [8]. Эта мера предположительно будет действовать в качестве замены мер социальной поддержки или жилищных грантов, и в качестве получателей на первом этапе будут выступать городские домохозяйства, состоящие из одного человека.

Необходимость внедрения БОД обособляется не только необходимостью обеспечения экономического благополучия, но и стремлением не допустить значительной дифференциации в безопасности, переговорных позициях и свободе выбора наиболее уязвимых категорий на-

селения. По мнению зарубежных защитников этой концепции, даже в краткосрочной перспективе внедрение БОД является экономически устойчивым шагом и нуждается только в политической поддержке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Безусловный основной доход. URL: <http://anthropcl.ru/bezuslovnyy-osnovnoy-bazovy-dokhod/>
2. Безусловный основной доход: «призрак коммунизма» или веление времени? URL: <http://vzagranke.ru/razvitie/grani/bezuslovnij-osnovnoj-doxod-prizrak-kommunizma-ili-velenie-vremeni.html>.
3. Кейнс Дж. М. Экономические возможности наших внуков // Вопросы экономики. 2009. № 6. С. 60-67.
4. Либерман С. Предложение безусловного основного дохода для всех граждан – определение и последствия // Идея освобождающего безусловного основного дохода. URL: http://www.psgd.info/files/publications/extern/bge_book_3.pdf
5. Brittain S. Promoting Income Security as a Right // Europe and North America Press, Citizens Income Newsletter, № 2. (2005). URL: <http://www.anthempress.com/promotingincome-security-as-a-right>.
6. Raventos D. The Material Conditions of Freedom // London: Pluto Press, 2007. P. 8.
7. Skidelsky R. & E. How Much Is Enough // London: PenguinBooks, 2013, P. 198.
8. The Worldwide March To Basic Income: Thank You Switzerland! // Social Europe Publishing & Consulting GmbH. URL: <https://www.socialeurope.eu/worldwide-march-basic-income-thank-switzerland>.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Bezuslovnij osnovnoj dohod. URL: <http://anthropcl.ru/bezuslovnyy-osnovnoy-bazovy-dokhod/>
2. Bezuslovnij osnovnoj dohod: «prizrak kommunizma» ili velenie vremeni? URL: <http://vzagranke.ru/razvitie/grani/bezuslovnij-osnovnoj-doxod-prizrak-kommunizma-ili-velenie-vremeni.html>.
3. Kejns Dzh. M. Jekonomicheskie vozmozhnosti nashih vnukov // Voprosy jekonomiki. 2009. № 6. S. 60-67.
4. Liberman S. Predlozhenie bezuslovnogo osnovnogo dohoda dlja vseh grazhdan – opredelenie i posledstvija // Ideja osvobozhdajushhego bezuslovnogo osnovnogo dohoda. URL: http://www.psgd.info/files/publications/extern/bge_book_3.pdf
5. Brittain S. Promoting Income Security as a Right // Europe and North America Press, Citizens Income Newsletter, № 2. (2005). URL: <http://www.anthempress.com/promotingincome-security-as-a-right>.
6. Raventos D. The Material Conditions of Freedom // London: Pluto Press, 2007. P. 8.
7. Skidelsky R. & E. How Much Is Enough // London: PenguinBooks, 2013, P. 198.
8. The Worldwide March To Basic Income: Thank You Switzerland! // Social Europe Publishing & Consulting GmbH. URL: <https://www.socialeurope.eu/worldwide-march-basic-income-thank-switzerland>.

Поступила в редакцию 17.04.2020.
Принята к публикации 20.04.2020.

Для цитирования:

Метелева Е.Р., Кузнецов Д.А. Изучение перспектив включения безусловного основного дохода в модель социальной политики России // Гуманитарный научный вестник. 2020. №3. С. 83-89. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2020/03/MetelevaKuznetsov.pdf>

<https://doi.org/10.5281/zenodo.3763848>

УДК 316.624.3

Мацута В.В., Мундриевская Ю.О., Сербина Г.Н., Мищенко Е.С.

Мацута Валерия Владимировна, кандидат психологических наук, доцент, Томский государственный университет, 634050, Россия, г. Томск, пр. Ленина, 36. E-mail: matsuta-vv@mail.ru.

Мундриевская Юлия Олеговна, младший научный сотрудник, Томский государственный университет, 634050, Россия, г. Томск, пр. Ленина, 36. E-mail: muo@data.tsu.ru.

Сербина Галина Николаевна, заместитель директора, Научная библиотека, Томский государственный университет, 634050, Россия, г. Томск, пр. Ленина, 36. E-mail: ekaterina.mish@data.tsu.ru.

Мищенко Екатерина Сергеевна, лаборант, Томский государственный университет, 634050, Россия, г. Томск, пр. Ленина, 36. E-mail: ekaterina.mish@data.tsu.ru.

Анализ текстового контента девиантных онлайн-сообществ (на примере сообществ скулшутинга)

Аннотация. Интернет сыграл особую роль в стрельбе в школах после инцидента в Колумбайне в 1999 году. Школьные стрелки были вдохновлены предыдущими атаками и стрелками, а также их представлением в средствах массовой информации. В рамках существующей государственной цензуры, скулшутинговые онлайн-сообщества преследуются и запрещаются. Однако их члены используют различные тактики для сохранения целостности своих сообществ. Наше исследование сфокусировано на уникальном аспекте, в котором существуют скулшутинговые онлайн-сообщества, а также на влиянии глобальных тенденций и государственной цензуры на выживание таких сообществ. Мы проанализировали текстовый контент скулшутинговых онлайн-сообществ социальной сети ВКонтакте, крупнейшей в России. На основании текстового анализа и семантических сетей были выявлены основные смысловые категории, раскрывающие характер отношения к личности скулшутеров, структуру мировоззрения «мы–они», а также основные темы обсуждений со стороны участников «фан-сообществ» скулшутеров.

Ключевые слова: девиантное поведение, онлайн-сообщества, скулшутинг, идентичность, социальные сети, контент-анализ.

Matsuta V.V., Mundrievskaya Y.O., Serbina G.N., Mischenko E.S.

Matsuta Valeria Vladimirovna, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Tomsk State University, 634050, Russia, Tomsk, pr. Lenina, 36. E-mail: matsuta-vv@mail.ru.

Mundrievskaya Yuliya Olegovna, Junior researcher, Tomsk State University, 634050, Russia, Tomsk, pr. Lenina, 36. E-mail: muo@data.tsu.ru

Serbina Galina Nikolaevna, Deputy Director, Science Library, Tomsk State University, 634050, Russia, Tomsk, pr. Lenina, 36. E-mail: gnserbina@gmail.com.

Mishchenko Ekaterina Sergeevna, Laboratory assistant, Tomsk State University, 634050, Russia, Tomsk, pr. Lenina, 36. E-mail: ekaterina.mish@data.tsu.ru.

Analysis of the text content of deviant online communities (on the example of school shooting communities)

Abstract. Internet has played a very special role in school shootings after the Columbine incident in 1999. The school shooters were inspired by the previous attacks and the shooters, as well as by their representation in the media. According to the increased censorship, school shooting online communities are chased and banned. However, their members utilize various tactics to preserve the integrity of their communities. Our study is focused on the unique aspect within which online school shooting communities exist, as well as on the impact of the global trends and the state censorship on such communities' survival. We analyzed the textual content of online school shooting communities on the social network VKontakte, the largest one in Russia. On the basis of text analysis and semantic networks, the main semantic categories were revealed that describe the nature of the attitude towards the personalities of school shooters, the structure of the «we – they» contradistinction, as well as the main topics of discussion by the participants of the «fan communities» of the school shooters.

Key words: deviant behavior, online communities, cheloving, identity, social networks, content analysis.

Актуальность данного исследования обосновывается активацией относительно нового (для России) субкультурного девиантного движения – скулшутеров. Интернет сыграл особую роль в развитии данной субкультуры после трагедии в американской школе «Колумбайн» в 1999 г. Скулшутеры были вдохновлены предыдущими стрельбами и стрелками, а также их изображениями в СМИ [4, 10]. В России же громкий случай вооруженного нападения подростка на педагога произошел в 2014 г., после чего СМИ стали всё чаще писать о стрельбе в школах, а в 2018 г. за одну неделю произошло 2 инцидента. Еще один случай, ставший печально известным в России, произошел в 2018 г. в Керченском политехническом колледже, где школьным стрелком, унесшим жизни 21 человека и ранившего 67 человек, а затем покончившим жизнь самоубийством, стал Владислав Росляков. 14 ноября 2019 г. студентом Благовещенского колледжа Даниилом Засориным было совершено нападение на одноклассников. Один человек погиб, сам Засорин покончил жизнь самоубийством. Эти и другие инциденты сразу же обретают своих фанатов среди подростков. В социальных сетях, в частности, в российской социальной сети «ВКонтакте», начали формироваться так называемые «сообщества поддержки». В среднем, в социальной сети «ВКонтакте» ежедневно регистрируется около 5 интернет-сообществ, пропагандирующих деструктивную идеологию. Эти молодежные сообщества и «группы

смерти», как их называют СМИ, воспевающие культ самоубийства и подростков-убийц, сегодня на слуху. Администраторы подобных групп постепенно формируют свою среду, сообщество молодежи, для которой деструктивное поведение является нормальным и приемлемым. Государство, со своей стороны, борется с данным девиантным движением через блокировки сообществ и привлечению к уголовной ответственности самых активных участников. Как подобные сообщества существуют в условиях государственной цензуры и какой контент они формируют – вопрос данного исследования.

В уже существующих исследованиях девиантные онлайн-сообщества были проанализированы в основном в изоляции – не были вписаны в контекст явления, а рассматривались как самостоятельные сообщества. Исследования, посвященные описанию в социальных сетях употребления наркотиков и алкоголя, основаны на содержательной перспективе и анализе контента. Исследователи стремятся выявить элементы, которые повышают популярность контента, анализируя влияние гендера на вовлеченность и изучая представления о том, какой девиантный контент возникает в молодежной среде [13]. В частности, исследования строятся вокруг онлайн-сообществ, ориентированных на анорексию, а также на изучение микроблогов Tumblr [3, 7, 8, 15]. Изучается широкий спектр вопросов, включая конструирование и управление идентичностями членов сообществ, про-

цессы социального признания, появление групповых норм и использование маркеров языкового стиля.

За прошедшие годы были опубликованы аналогичные исследования сообществ, посвященные самоповреждению (селфхарм, self-harm), группам поддержки против отрицательных стереотипов (negative enabling support groups), члены которых поощряют негативное или вредное поведение [9]. Меньшее количество исследований затрагивает аспекты, связанные с сетью.

Одним из важных концептов исследования девиантных сообществ является идентичность их участников. Интернет стал средством реализации «подлинных» идентичностей, что может быть особенно важно для людей, которые не участвуют в субкультурах и очном взаимодействии [19]. Такие концептуализации основываются на классических теориях девиантного или субкультурного вовлечения, когда находящиеся в сходном положении (или маргинализированные) индивиды коллективно развивают альтернативную систему взглядов, когда они не могут или не хотят соответствовать стандартам основного общества [6]. Относительная анонимность киберпространства позволяет более эфемерному, гибкому и «освобожденному» самому себе проявиться в онлайн-средах, что не позволительно в офлайн-реальности. Следовательно, одна из проблем групповой принадлежности в виртуальных условиях в значительной степени связана с попытками участников подтвердить эти подлинные идентичности. Анализируя девиантные сообщества, исследователи отмечают, что участники таких виртуальных сообществ обычно стараются избегать устойчивых негативных или оскорбительных взаимодействий с другими членами [11]. Кроме того, часто можно наблюдать существование иерархий членов сообщества, основанных на частоте участия и воспринимаемом качестве этого участия. Фактически, анонимность, предлагаемая виртуальными пространствами, может побудить членов группы вступить в конфронтационные

взаимодействия, обычно оправдываемые со стороны антагониста как попытка укрепить целостность группы путем выявления или «вылазки» претендента. И, наоборот, наиболее преданные и вовлеченные члены сообщества иногда принимают на себя административные и модераторские роли в группе, часто с большими личными затратами, поскольку эта роль «привратника» может вызвать их конфликт с остальной частью сообщества. Таким образом, виртуальные пространства предоставляют возможность наблюдать за производством неформальных взаимодействий в сочетании с возникающей ролевой игрой и работой по идентификации участников, тем самым раскрывая важную информацию о социальной организации отклоняющихся онлайн-сообществ, а также о личной, коллективной и социальной идентичности.

Глубокий интерес к скулшутингу как явлению связан с публикациями СМИ о школьных расстрелах. Как подчеркивали теоретики пост-субкультуры, существующие субкультуры все больше связаны с традиционными и социальными сетями [2, 19]. Эта субкультура использует Интернет и социальные сети для взаимодействия, и быстрый доступ к глобальной сети пользователей является ключом к существованию субкультуры. Социальные сети позволяют пользователям быть активными потребителями, а отдельные пользователи постоянно редактируют, обновляют и комментируют контент [16]. Следовательно, люди, явно интересующиеся темой скулшутинга, не только пассивно получают медиа-контент, но и воссоздают его и распространяют в Интернете. Посредством этого процесса данному контенту придаются новые значения, и создаются новые объекты, в т.ч. и произведения искусства.

Raitanen и Oksanen, проводя этнографическое исследование, обнаружили, что подростки, интересующиеся тематикой скулшутинга, не образуют однородную группу, и делятся внутри субкультуры на четыре подгруппы в зависимости от их интересов и моделей поведения: исследо-

ватели, фанаты, колумбайнеры и подражатели [14]. Причем, именно подражатели являются единственной подгруппой, явно заинтересованной в тиражировании действий, хотя членство в подгруппе может перекрываться, и участники могут переходить из одной подгруппы в другую. Помимо подражателей, другие подгруппы также участвуют в прославлении преступников и распространении идей скулшутинга.

Цель данного исследования – на основании анализа высказываний в аккаунтах определить основные смысловые категории, раскрывающие характер отношения к личности скулшутеров со стороны их «фан-сообществ» и таким образом определить модели поведения фанатов.

Задачи исследования:

1. Разработать алгоритм поиска через средства Интернет сообществ, посвященных тематике скулшутинга.

2. Определить основную тематику сообщений в группах.

3. Выявить основные понятия, используемые участниками сообществ и связь между ними.

4. Проанализировать самоидентификацию участников сообществ и их взаимоотношения с другими лицами, причастными к теме скулшутинга.

Методология идентификации сообществ. Первично для решения задачи идентификации девиантных скулшутинговых онлайн-групп в нашем исследовании был разработан словарь лингвистических маркеров. В него вошли специализированные тематические слова и словосочетания, используемые участниками для коммуникации внутри сообществ. В полученный словарь были включены слова, словосочетания, аббревиатуры, численные символы, связанные с тематикой скулшутинга и массовых расстрелов, а также отражающие актуальные события.

Пример:

– Засорин, (Данил | Даниил) & Засорин;

– колледж & стрельба;

– (благовещенск | благовещенский) & колледж;

– (благовещенск | благовещенский) & (стрелок | стрельба).

Дополнительный поиск:

– Яровая

– массшутинг

– выпилить себя

– выпилиться

– каламберы

В рамках исследования поиск информации начался с анализа активных пользователей сообщества «Даниил Засорин // Благовещенский стрелок» через ПО Gephi, а также ручной поиск среди подписчиков. За период наблюдения посредством анализа активных пользователей группы, посвященной событию в Благовещенске, было найдено еще несколько сообществ, посвященных теме скулшутинга. Таким образом, был осуществлен так называемый «метод снежного кома». Данный метод основывается на выделении известных, устойчивых и многочисленных экстремистских организаций и групп, и выявлении связанных с ними меньших по численности и малоизвестных организаций и групп через «friendly links». Выявленные организации и группы подвергаются такой же процедуре поиска, до тех пор, пока получившийся «снежный ком» не вберет в себя максимальное количество доступных организаций, составляющих целевую аудиторию исследования.

Методология анализа. В рамках анализа был проанализирован текстовый контент 5 сообществ. Выгрузка постов и сообщений осуществлялась с помощью «Платформы по сбору и анализу данных ТГУ», классификация и анализ проводился ручным методом, картирование сетей слов выполнялось с помощью инструмента лингвистического анализа PolyAnalyst. В случае, если содержание поста не было понятно только по тексту, просматривался визуальный контент сообщения. Всего постов выгружено – 351, всего комментариев выгружено – 1714. В результате первичной чистки 46% постов

и комментариев были помечены как мусор.

Метод-контент анализа использовался для сообществ, где ведется активное обсуждение какого-то события. В нашем случае, таких сообществ было 2 из 5, они были посвящены обсуждению трагедии в Благовещенске и Даниилу Засорину. Однако, такой классический метод, как контент-анализ для данного исследования не являлся полноценным в силу того, что, во-первых, активность в других подобных сообществах зачастую очень мала, как правило, она проходит в «закрытых сообществах» или на других платформах, доступ куда обеспечен только избранным. Сама же социальная сеть «ВКонтакте» необходима в первую очередь для поиска своей целевой аудитории. Во-вторых, специфика общения в данных

сообществах такова, что сообщения являются весьма краткими, содержательной информации достаточно мало. Однако, вместе они порождают различные смысловые поля вокруг самого феномена. В связи с этим, метод контент-анализа в данном исследовании был дополнен методом сетевого анализа связи семантических единиц.

Описание данных. В рамках анализа мы взяли несколько сообществ, посвященных тематике и событиям, связанных со скулштуингом и культурой колумбайнеров. В качестве единиц анализа фигурировали слова, словосочетания, отдельные законченные сообщения. В таблице приведен перечень анализируемых сообществ, количество подписчиков, постов и сообщений.

Таблица 1. Перечень сообществ и их основные характеристики (на 14.04.2020 г.)

Название сообщества и ссылка на него	Кол-во участников	Кол-во постов	Кол-во комментариев
На нет и суда нет https://vk.com/public188154938	2	135	0
Я люблю Ирину Яровую https://vk.com/fanclubyarovoi	11	131	365
Даниил Засорин/14.11.19 Благовещенск/Петиция/ https://vk.com/club189028234	114	60	1231
Даниил Засорин // Благовещенский стрелок https://vk.com/public188792881	29	14	104
GOD IS DEAD 2.0 https://vk.com/club180886665	140	11	14
Итого	Среднее количество подписчиков – 59	Всего постов – 351	Всего комментариев – 1714

Перед проведением основного анализа текстов постов и комментариев мы проанализировали основные половозрастные и географические характеристики сообществ. В этот анализ не включена

группа «Даниил Засорин/14.11.19 Благовещенск/Петиция/», поскольку список участников сообщества закрыт и не может быть идентифицирован.

Все сообщества имеют общие характеристики: большинство подписчиков не указывают свою страну проживания, на втором месте по распространенности – участники из России. Общей чертой для сообществ также остается отсутствие указания на город проживания у большинства участников, что обеспечивает им анонимность. В группах, посвященных культуре колумбайна в целом, есть часть подписчиков, указывающих местом своего проживания Littletown/Columbine – город самых известных скулшутеров, ставших кумирами субкультуры колумбайнеров (Эрик Харрис и Дилан Клиболд). Что касается пола участников, то в целом можно говорить, что и мужчины, и женщины одинаково интересуются темой скулшутинга. Тенденция на анонимность, увиденная в других характеристиках, повторяется в категории «возраст»: большинство подписчиков скрывают свой возраст. Из тех участников, которые указывают свой возраст, самый распространенный – от 19 до 22 лет. Однако в группе, посвященной событиям в Благовещенске, виден перевес в другой возрастной категории – 16% подписчиков старше 30 лет. Это не характерно для сообществ, посвященных скулшутингу, однако эта группа преследует немного другие цели, чем развлечение и общий интерес к теме. Здесь участники отслеживают резонанс события.

Хотя все группы посвящены одной тематике, каждая из них имеет свои специфические характеристики. Так, группы «Даниил Засорин/14.11.19 Благовещенск/Петиция/» и «Даниил Засорин // Благовещенский стрелок» посвящены скулшутингу в Амурском колледже Благовещенска, совершенному 14 ноября 2019 г. студентом колледжа Даниилом Засориным. Даниил убил одного человека, ранил нескольких, после чего покончил жизнь самоубийством. Группы посвящены анализу причин трагедии, наблюдению за ходом следствия и защите памяти Даниила.

Группа «На нет и суда нет» представляет собой онлайн-дневник поклонницы

Владислава Рослякова – скулшутера из Керчи, совершившего в 2018 г. массовое убийство в Керченском политехническом колледже и убившего 21 человека, после чего застрелившегося. Часть сообщений – незаконченные предложения, отдельные слова и словосочетания, большинство посвящены одной тематике – памяти Рослякова. По названию видно, что администратор сообщества старается защитить группу от блокировок Роскомнадзора и судебных разбирательств по обвинению в экстремизме. Этим же отличаются и посты – утверждения делаются осторожно, обтекаемо, стараются не затрагивать тему самого нападения и убийств.

Группа «god is dead 2.0» – более широкой тематики, в настоящее время ведется неактивно, посты, судя по всему, удалялись во избежание блокировок. О том, что это группа, посвященная скулшутингу, свидетельствуют немногочисленные комментарии – «Ребят, вы не курсе, есть ли еще действующие группы и паблики по Колумбайну и вообще ТСС? Новые и те, кто пережил волны банов» – «Нашла тогда пару штук, но и их заблокировали через несколько дней. Я сдалась и наконец зарегалась в телеграме».

Последняя группа в анализе – «Я люблю Ирину Яровую» посвящена критике «закона Яровой», он же «Пакет Яровой». В группе большинство постов посвящено заместителю председателя Государственной думы Федерального собрания Ирине Яровой. Группа интересна тем, что в условиях действия государственной цензуры в интернете и особому вниманию к скулшутинговым и экстремистским сообществам участники сообщества адаптировались к новым условиям через высказывания, противоположные собственному мнению и, тем не менее, они достигают понимания среди участников сообществ. Основная прямая тема постов – признания в любви к Ирине Яровой, ее красивой внешности и ее деятельности. Скрытая – критика действий власти, представителей власти (посредством иронии и сарказма).

Результаты. Для определения тематики постов сообщений был подготовлен классификатор (см. Таблицы 2 и 3). Проанализировав посты, опубликованные в группах, мы выделили несколько основных тем сообщений. Так, самой распространенной является общение с подписчиками администраторов групп, обращение к ним по разным поводам (30,53%). Вторая по распространенности тематика – оправдание, защита, понимание действий скулшутеров (17,37%). На третьем

месте – категория «Критика действий власти» (12,63%) по отношению к событиями, связанным со скулшутингом. Здесь стоит привести в пример группу «Я люблю Ирину Яровую». Хотя большинство сообщений содержали высказывания в стиле «люблю Яровую и что она делает», мы включили эти посты в категорию «Критика действий власти». Негативно высказываются по отношению к ситуации и порицают действия скулшутеров только 5% постов.

Таблица 2. Классификация тематики постов (%)

Тема	%
Общение с подписчиками	30,53
Оправдание, защита, понимание	17,37
Критика действий властей	12,63
Заинтересованность Колумбайном, обсуждения АУЕ, шутки по поводу экстремизма и т.д.	10,53
Официальные СМИ, показания официальных лиц	8,95
Порицание, негативная оценка ситуации	5,26
Версии происшествия (со стороны общественности)	4,21
Свидетельские показания	3,68
Действия местных властей и активистов по факту инцидента	3,68
Общая информация о скулшутинге (мировые случаи), неформальных группировках, травле	3,16

Таблица 3. Классификация тематики комментариев (%)

Тема	%
Версии происшествия со стороны общественности, сомнения в действиях правоохранительных органов и властей	33,30
Интерес к ситуации (заинтересованность в новостях и развитии событий), действия в отношении ситуации (поддержка петиций, митингов и т.д.), издевательства над участниками ситуации	29,84
Оправдание, защита, понимание	26,78
Порицание, негативная оценка ситуации	3,56
Критика действий власти	3,56
Заинтересованность Колумбайном, обсуждения АУЕ, шутки по поводу экстремизма и т.д.	2,44
Отсылка к нормативным документам, цитатам представителей государственной власти	0,51

эти определения касаются пользователей сообществ, посвященных Даниилу Засорину. Они испытывают чувство боли, жалости, утраты, шока, несправедливости по отношению к произошедшему, и в то же время, надеются на «справедливое расследование». Отметим, для них «справедливым расследованием» является оправдание действий Даниила и признание факта его травли другими студентами колледжа, наказание виновных студентов.

Рис. 1. подтверждает и дополняет данные, полученные при качественном анализе сообщений – важным для участников сообществ является «следствие», «дело», в нем задействованы такие институты, как «власть», «сотрудник», «орган», «государство», «система», «следователь». Произошедшее событие классифицируется не как, например, «скулшутинг», или «массовое убийство», а «травля», оно является «трагедией»,

здесь есть «жертва» и ее «суицид». В связи с этим становятся важными такие понятия, как: «справедливость», признание «издевательств» и отрицательная характеристика людей, совершивших травлю («ублюдки» и т.п.).

Интересным является рассмотрение того, как участники оценивают колледж, где произошел скулшутинг. Так, на рис. 2 мы видим кластер связанных значений со словом «колледж». Здесь участники упоминают директора, ЧОП, охранника, называют произошедшее «кошмаром», «шоком», уделяют внимание сообщениям в инстаграм. Близкими к центру кластера оказываются такие понятия, как «снюс», «туалет», «патрон», «пивас», что, конечно, находится далеко от привычных ассоциаций с местом получения среднего специального образования и одновременно показывает негативную оценку и отношение участников к ситуации в колледже.

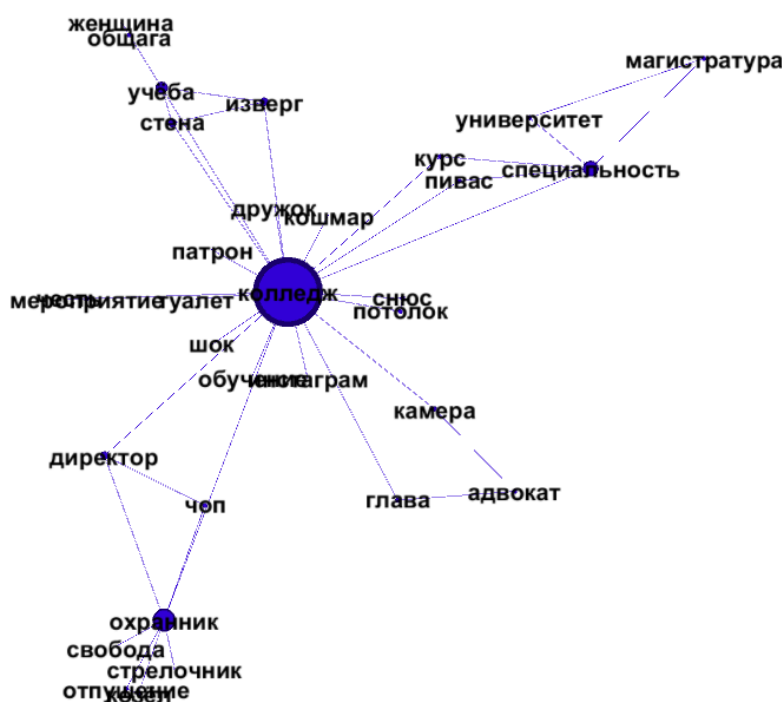

Рис. 2. Кластер понятия «колледж»

Кто такой Даниил Засорин?

По отношению к Даниилу Засорину участники испытывают положительные чувства. Это видно из их характеристик Даниила – чаще всего его называют Да-

ней, парнем, бедным ребенком, светлым мальчиком, тихим и спокойным, адекватным. В высказываниях участников Даниил стрелял, покончил с собой, потому что «не смог найти в нашем обществе уваже-

ние и понимание, а встретил агрессию и злобу, которые сломали его». Также участники высказывают сомнение в том, что Даниил мог себя застрелить («застрелился или менты»). С другой стороны, с Даниилом поступили очень жестоко – над ним издевались, его довели до самоубийства, достали, травили, и никому не было до этого дела. Таким образом, Даниил Засорин в сообщениях участников сообществ выглядит жертвой и пострадавшим, что и объясняет сочувствие к нему со стороны пользователей.

Кто такой Владислав Росляков?

Владиславу Рослякову посвящено не так много сообщений, в частности, это онлайн-дневник пользовательницы сети, где она обращается к нему или рассуждает о нем, что он был еще и сыном, что у него «не мамин носяка, а свой носяка», ищет общие с ним моменты: «ты жил на третьем этаже, а я на восьмом».

Интересно, что участники сообществ, посвященных Даниилу Засорину, однозначно противопоставляют Даниила Другим скулшутерам и не причисляют Даниила к таковым. Так, в отношении Рослякова они отмечают, что, в отличие от Засорина, Росляков «действовал из ненависти к людям», тогда как Даниил стал жертвой травли.

Что для нас Колумбайн, колумбайнеры и другие скулшутеры?

Интересным было рассмотреть самоидентификацию групп, посвященных скулшутингу по отношению к движению «Колумбайн» в целом. Здесь прослеживается несколько разных стратегий. Так, участники сообщества «God is Dead 2.0» спрашивают напрямую в комментариях, где найти «группы по колумбайну и ТСС действующие, новые, пережившие баны», то есть показывают свой интерес к этой тематике.

Участники группы «Я люблю Ирину Яровую» в большей части своих сообщений используют отрицание интереса к этой тематике: «фуу колумбайнер 2006», «фуу колумбайн». Но, поскольку вся группа построена на отрицании данной темы и в то же время борьбы с контролем

государства в этой сфере, мы делаем предположение, что они осуждают политику государства и поддерживают таким образом интерес к теме колумбайновых сообществ, идентифицируют себя как интересующихся данной темой.

Участники групп, посвященных Даилу Засорину, наоборот, резко противопоставляют себя (и действия Даниила) движению Колумбайн – так, они возмущены тем, что в другой группе «фото Даниила ставят с надписями колумбайнеров», и в целом общество ставит «Даню в один ряд с колумбайнами и Росляковым». Они сочувствуют, что «первая группа свалилась в колумбайн» (предыдущая группа по Даниилу Засорину, достигшая размера более 900 подписчиков и заблокированная администрацией «ВКонтакте»). Также участники сообщества отмечают, что «нельзя искать выход на агрессивных колумбайн пабликах», и даже что они сами «про Колумбайн ничего не знают».

Выводы. В результате анализа текстового контента групп, посвященных скулшутингу, можно сделать несколько выводов. Во-первых, формат групп разнообразен. Это может быть: онлайн-дневник, обсуждение проблемы и поиск единомышленников, призыв к действиям (петиция, митинг, честное расследование), критика действий властей. Во-вторых, контент таких групп отражает реальный общественный резонанс. Если группа, посвященная Даниилу Засорину, собрала активистов, отреагировавших на «трагедию в Благовещенске», то группа «Я люблю Ирину Яровую» является реакцией на действия государства в области контроля Интернета. В-третьих, мы не увидели общности между скулшутинговыми сообществами – все они существуют в рамках отдельно выбранной повестки, параллельны друг другу, разобщены. В-четвертых, часть групп отрицают поддержку скулшутинга и даже противопоставляют себя движению «колумбайн», однако, по факту они симпатизируют скулшутерам и высказывают им свое сочувствие. В-пятых, у групп есть общая

цель – поддержка друг друга, поиск единомышленников. Основные задачи, которые решают такие группы для своих подписчиков – обсуждение ситуации, поддержка, общение, критика действий властей, интерес к теме. В-шестых, вопреки распространенному мнению, что скулшутингом интересуются только подростки, мы увидели, что «настоящее» обсуждение проблемы было только в группах, посвященных событиям в Благовещенске, где среди участников были люди старше 30 лет. Отметим, что в целом содержание сообщений, полнота обсуждений были выше именно в этих группах – взрослые пользователи не так боятся высказывать свое мнение по проблеме в Интернете, как подростки.

Исследования скулшутинговых сообществ показывают отношение пользователей к проблемам девиантного поведения подростков в учебных заведениях. Актуальными темами дальнейших исследований видятся анализ визуального контента сообществ, поскольку это позволяет увидеть более полную картину интереса к этой теме, а также изучение психологического портрета участников сообществ в зависимости от их возраста.

Благодарность. Исследование профинансировано Российским научным фондом, проект 19-78-10122 «Разработка алгоритма идентификации факторов риска безопасности пользователей социальных сетей на основе анализа контента и психологических характеристик его потребителей».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Adler, P. A., & Adler, P. The Cyber Worlds of Self-Injurers: Deviant Communities, Relationships, and Selves. *Symbolic Interaction*. 2008. V. 3. N. 1. S. 33–56.
2. Bennett, A., & Kahn-Harris, K. After subculture. *Critical studies in contemporary youth culture*. New York, NY: Palgrave Macmillan. 2004
3. Boero, N., Pascoe, C. J. 2012. Pro-anorexia communities and online interaction: Bringing the pro-ana body online. *Body & Society*. 2012. V. 18. N. 2. S. 27–57
4. Bondü, R., Scheithauer, H., Media consumption in German school shooters. In Muschert, G. W., Sumiala, J. (Eds.), *School shootings, mediatized violence in a global age*, Bingley, England: Emerald Group. 2012. S. 69 – 89.
5. Caiani, Manuela and Claudius Wagemann. Online networks of the Italian and German Extreme Right.» *Information, Communication & Society*. 2009. V. 12. N.1. P. 66–109.
6. Cohen, Albert K. *Delinquent Boys*. New York, NY: Free Press. 1955
7. De Choudhury, M. Anorexia on Tumblr: A Characterization Study. In *Proceedings of the 5th International Conference on Digital Health 2015 (DH '15)*. Association for Computing Machinery. New York, NY, USA. S. 43–50.
8. Gavin, J., Rodham, K., Poyer, H. The Presentation of «Pro-Anorexia» in Online Group Interactions. *Qualitative Health Research*. 2008. V. 18. N. 3. 325–333
9. Haas, S. M., Irr, M. E., Jennings, N. A., Wagner, L. M. Online negative enabling support groups. *New Media & Society*. 2010
10. Kiilakoski, T., Oksanen, A. Soundtrack of the school shootings, cultural script, music and male rage. *Young*, 19, (2011), 247-269.
11. Maratea, R. J., & Kavanaugh, P. R. Deviant Identity in Online Contexts: New Directives in the Study of a Classic Concept. *Sociology Compass*. 2012. V.6. N.2. S. 102–112.
12. Luca Maria Aiello, Mauro Coletto, Claudio Lucchese, Fabrizio Silvestri. On the behaviour of deviant communities in online social networks. In *ICWSM '16: International AAAI Conference on Web and Social Media*. 2016.
13. Morgan, E. M., Snelson, C., Elison-Bowers, P. Image and video disclosure of substance use on social media websites. *Computers in Human Behavior*. 2010. V. 26. N.6. S. 1405–1411.
14. Raitanen, J., & Oksanen, A.. Global Online Subculture Surrounding School Shootings. *American Behavioral Scientist*. 2018 V. 62 N.2. S. 195–209.

15. Ramos, J. d. S.; Pereira Neto, A. d. F.; and Bagrichevsky. Pro-anorexia cultural identity: characteristics of a lifestyle in a virtual community. *Interface (Botucatu)*. 2011. V.15. N.37. S. 447–460.
16. Ritzer, G., & Jurgenson, N. (2010). Production, Consumption, Prosumption: The nature of capitalism in the age of the digital 'prosumer.' *Journal of Consumer Culture*. 2010. V. 10. N.1. S. 13–36.
17. Waskul, Dennis D., Matt Lust. Role Playing and Playing Roles: The Person, the Player, and Persona in Fantasy Role-Playing. *Symbolic Interaction*. 2004. V. 27. S. 333–56.
18. Waskul, Dennis D. Ekstasis and the Internet: Liminality and Computer-Mediated Communication. *New Media & Society*. 2005, V. 7. S. 47–63.
19. Williams, P. *Subcultural theory*. Cambridge, England: Polity Press. 2011.

Поступила в редакцию 17.04.2020.

Принята к публикации 20.04.2020.

Для цитирования:

Анализ текстового контента девиантных онлайн-сообществ (на примере сообществ скул-шутинга) / Мацута В.В., Мундриевская Ю.О., Сербина Г.Н., Мищенко Е.С. // Гуманитарный научный вестник. 2020. №3. С. 90-101. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2020/03/Matsuta.pdf>

<https://doi.org/10.5281/zenodo.3763846>

УДК 30.304.44

Саратова Д.Е., Безпалов В.В.

Саратова Дарья Евгеньевна, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, 117997, Россия, Москва, Стремянный переулок, д. 36. E-mail: dasha-saratova@mail.ru.

Безпалов Валерий Васильевич, доктор экономических наук, доцент, профессор, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, 117997, Россия, Москва, Стремянный переулок, д. 36. E-mail: valerib1@yandex.ru.

Совершенствование механизмов реализации государственной программы «Развитие культуры и туризма»: отечественный и зарубежный опыт

Аннотация. В статье рассматривается современное состояние российской сферы культуры и искусства, анализируются основные финансово-экономические показатели реализации государственной программы «Развитие культуры и туризма», что позволило выявить ряд проблем как в части недостаточного доступа к культуре и туризму в сельской местности и малых городах, так и в части финансирования данного направления. Кроме того, проанализирован зарубежный опыт взаимодействия государства и бизнеса в сфере развития культуры и искусства на примере Великобритании, подтверждающий возможность использования внебюджетного финансирования проектов в данной сфере с целью повышения доступности для граждан страны его культурного потенциала, а также для развития внутреннего и внешнего туризма на всей территории страны.

Ключевые слова: государственная программа, сфера культуры и туризма, бюджетные и внебюджетные расходы, культурный потенциал, государственно-частное партнерство, безопасность в сфере культуры, меценатство.

Saratova D.E., Bezpалov V.V.

Saratova Daria Evgenievna, Plekhanov Russian University of Economics, 117997, Russia, Moscow, Stremyanny pereulok, 36. E-mail: dasha-saratova@mail.ru.

Bezpалov Valery Vasilyevich, Doctor of Economical Sciences, Associate Professor, Professor, Plekhanov Russian University of Economics, 117997, Russia, Moscow, Stremyanny pereulok, 36. E-mail: valerib1@yandex.ru.

Improvement of mechanisms of the «Development of culture and tourism» state program: national and foreign experience

Abstract. The current state of the sphere of culture and art in Russia and main economic and financial indicators of the state program “Development of culture and tourism” are considered in the article which helped to find out a number of problems both in the way of difficult access to culture and tourism in small towns and countryside and in the way of financing of this sphere. The foreign experience of business and government interaction on the example of Great Britain is analyzed which confirmed the opportunity of co-financing for increasing of accessibility of cultural potential and development of domestic and international tourism throughout the country.

Key words: state program, sphere of culture and tourism, budgetary and extrabudgetary costs, cultural potential, public-private partnership, cultural security, arts patronage.

Современное состояние российской сферы культуры и искусства в условиях нарастающих темпов глобализации, неизбежного иностранного влияния на национальную идентичность посредством деятельности средств массовой информации, геополитического кризиса, оказывающего негативное воздействие на восприятие российской культуры как собственными гражданами, так и мировым сообществом, создают условия для формирования государственных программ, способствующих поддержанию и развитию сферы отечественного искусства. Этап переосмысления культурных ценностей во многом происходит под воздействием формирования социальной и гражданской позиции каждого россиянина, однако этот процесс на сегодняшний день протекает не менее противоречиво. В 1990-е годы значительно подорваны основы культуры, накопленные за многолетнюю историю развития российского общества, чрезвычайно сложна складывающаяся в рассматриваемой сфере ситуация, недостаточно ясны глубина и масштаб происходящих в культуре перемен, а существующие объемы государственного финансирования не позволяют в полной мере реализовывать мероприятия, направленные на развитие и популяризацию культуры, а государственная политика в области культуры является недостаточно эффективной. В совокупности перечисленные факторы обуславливают падение общего уровня культуры граждан, ухудшение состояния объектов культурно-исторического наследия, что в конечном счете порождает угрозу уничтожения национальной идентичности. По состоянию на сегодняшний день государственное регулирование в сфере культуры и искусства является неэффективным, что обуславливает необходимость пересмотра государственной политики и формирования государственных программ, направленных в первую очередь на предотвращение потери национальной идеи и утраты русской культуры, влекущих за собой возможность внутреннего раскола в обществе.

Система государственных программ в России на сегодняшний день включает одну государственную программу, направленную на реализацию стратегической роли культуры как духовно-нравственного основания для формирования гармонично развитой личности, укрепления единства российского общества и гражданской идентичности. Данная программа носит название «Развитие культуры и туризма» и планируется к реализации в период 2013-2024 гг. Предполагается, что государственная программа в том числе поспособствует комплексному развитию туризма на территории всей Российской Федерации, приобщению граждан к культурному и природному наследию с учетом обеспечения экономического и социокультурного прогресса в регионах.

Достижение цели предполагается вследствие реализации следующих задач:

- сохранение культурного и исторического наследия народа, обеспечение гражданам доступа к культурным ценностям;
- создание условий для реализации каждым человеком его творческого потенциала;
- повышение качества и конкурентоспособности туристского продукта Российской Федерации на внутреннем и мировом рынках;
- создание благоприятных условий для устойчивого развития сфер культуры и туризма [4].

Ответственным исполнителем за реализацию рассматриваемой государственной программы назначено Министерство культуры Российской Федерации. Кроме того, предполагается и участие таких органов, как Федеральное агентство по туризму, Федеральное агентство по делам национальностей в качестве соисполнителей программы.

Участниками программы являются различные органы исполнительной власти, научные и культурные организации, в числе которых – Федеральное агентство по строительству и жилищно-

коммунальному хозяйству, Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям, Федеральное архивное агентство, Российская академия наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный академический Большой театр России», Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный Эрмитаж» и др.

Государственная программа «Развитие культуры» включает в себя несколько подпрограмм, а также Федеральные целевые программы:

- Подпрограмма 1. Наследие;
- Подпрограмма 2. Искусство;
- Подпрограмма 3. Туризм;
- Подпрограмма 4. Обеспечение условий реализации государственной программы Российской Федерации «Развитие культуры и туризма»;
- ФЦП 5. Федеральная целевая программа «Культура России (2012 – 2018 годы)»;
- ФЦП 6. Федеральная целевая программа «Развитие внутреннего и въездно-

го туризма в Российской Федерации (2011 – 2018 годы)»;

– Подпрограмма 7. Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2011 – 2016 годы);

– ФЦП 8. Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2015 – 2016 годы).

Реализация программы предполагается в несколько этапов:

- Этап 1: 01.01.2013 – 31.12.2014;
- Этап 2: 01.01.2015 – 31.12.2018;
- Этап 3: 01.01.2019 – 31.12.2020;
- Этап 4: 1.01.2021 – 31.12.2024 (утвержден Постановлением Правительства РФ от 29 марта 2019 г. N 374 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. N 317»).

В 2019 году Постановлением Правительства были внесены изменения в связи с отсутствием успеха в реализации государственной программы. Программа была продлена до 2024 года, увеличен объем финансирования (рис.1).

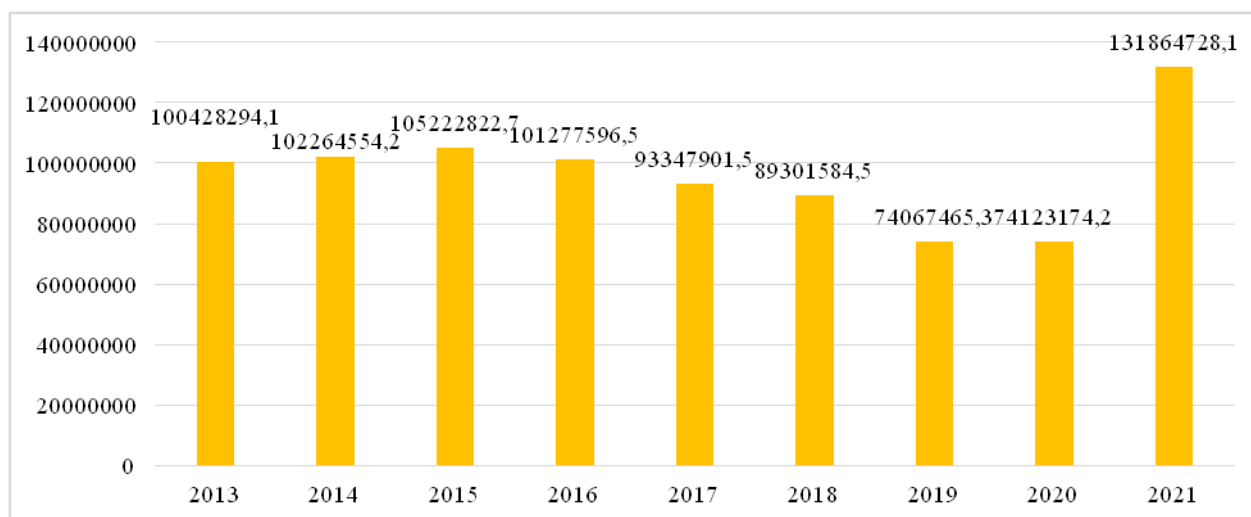

Рис. 1. Объем бюджетных ассигнований на реализацию государственной программы по годам, тыс. руб., 2013 – 2021 гг. [4]

Наибольший вес финансирования на начальных периодах обусловлен необходимостью проведения масштабных работ по созданию недостающей инфраструктуры с долгосрочным эффектом и модернизации уже имеющейся, реставрации

объектов культуры, подготовке кадров и т.д. На рисунке 1 отражено, что в 2021 году планируется увеличение финансирования практически вдвое: такой большой разрыв в уровнях финансирования свидетельствует о том, что первоначаль-

но спланированного объема средств оказалось недостаточно, чтобы устранить имеющиеся пробелы в гармоничном развитии сферы культуры и туризма и привести в надлежащее состояние парки, заповедники, музеи, театры и другие учреждения культуры.

Сфера культуры и искусства представляет собой сложную и многоуровневую систему: сюда включаются не только накопленные человечеством достижения, но и культурные технологии, проекты и программы, механизмы управления культурой и культурная политика. Именно поэтому эффективное решение проблем, возникающих в рассматриваемой сфере,

возможно лишь за счет комплексного государственного регулирования, учитывающего совокупность влияющих на сферу факторов, объединяющего усилия различных ведомств, общественных институтов и бизнеса и формирующего общественное сознание граждан.

Важным показателем, отражающим степень участия государства в процессе развития культуры, являются расходы консолидированного бюджета Российской Федерации на культуру и кинематографию, измеряемые в % к ВВП. На рисунке 2 представлена динамика данного показателя за период 2013-2017 гг.

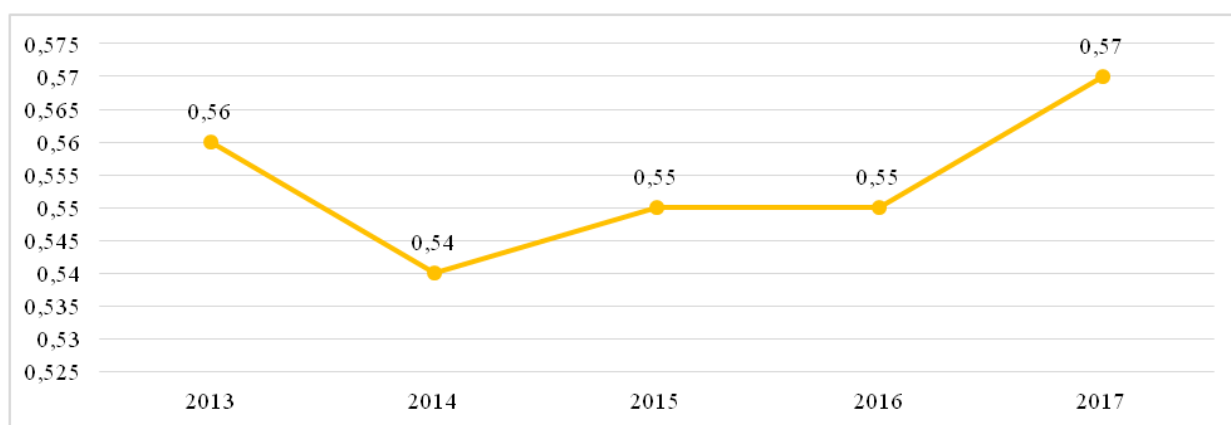

Рис. 2. Динамика расходов консолидированного бюджета Российской Федерации на культуру и кинематографию, % к ВВП, 2013-2017 гг. [5]

Как было отмечено ранее, реализация государственной программы была начата в 2013 году, однако, судя по статистическим данным, начало ее реализации оказалось не столь успешным, как предполагалось изначально: в 2014 году резко снизилась по сравнению с предыдущим годом доля расходов на сферу культуры в структуре ВВП, что во многом было обусловлено влиянием внешнеэкономических факторов и необходимостью перераспределения средств в пользу других отраслей (сельское хозяйство, промышленность в связи с введением антироссийских санкций). Однако уже в 2017 году после двухлетней стагнации показателя на уровне 0,55% ВВП расходы на культуру увеличились. Тем не менее, при сравнении с развитыми странами с про-

цветающей культурой и развитым туризмом становится понятно, что показатель является недостаточным: например, в Финляндии расходы на культуру составляют 2,6% к ВВП, во Франции и Германии – 2,3%, в Великобритании – 1,5% [3].

Однако отечественный и зарубежный опыт свидетельствуют о том, что финансирование сферы культуры и искусства целесообразно производить не только за счет бюджетных средств, но и за счет средств внебюджетных фондов и бизнеса (рис.3).

Можно заметить, что, начиная с 2014 года, в реализации программы возрастает участие бизнеса, что свидетельствует о росте взаимодействия между государственными и частными структурами и приносит положительный эффект: это связа-

но, прежде всего, с более высокой степенью реагирования бизнеса на происходящие в культурной среде изменения,

быстрой адаптацией и способностью учитывать кратковременные нециклические процессы.

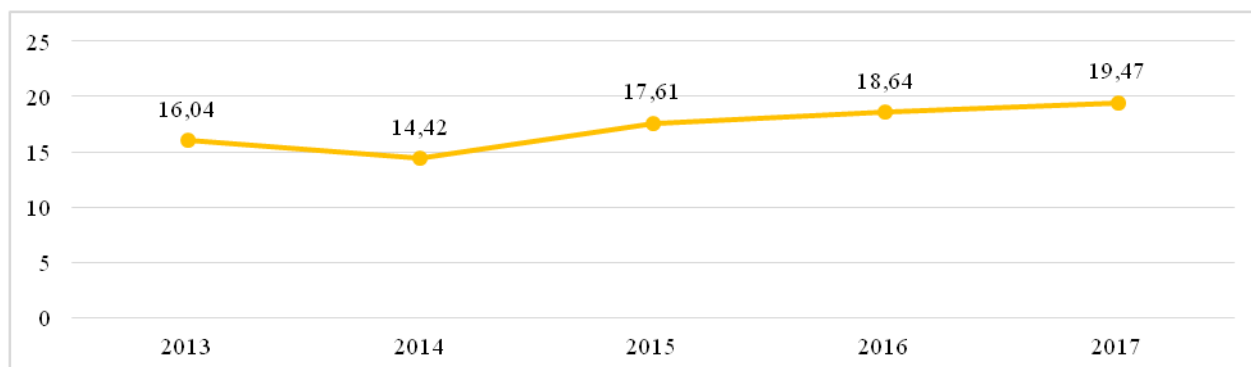

Рис. 3. Динамика доли средств внебюджетных источников в общем объеме финансирования Программы, %, 2013 – 2017 гг. [4]

В результате анализа показателей, характеризующих текущее состояние сферы культуры и искусства, можно выделить ряд основных проблем, препятствующих эффективной реализации государственной программы и требующих решения посредством пересмотра инструментов, используемых программой. Одной из наиболее значимых проблем, препятствующих реализации государственной программы «Развитие культуры и туризма», является отсутствие четкой системы мониторинга показателей. Запоздывают статистические данные, необходимые для анализа текущей ситуации и своевременной корректировки реализуемого этапа с учетом меняющихся условий, наблюдается отставание контрольных событий от запланированных значений. Для устранения этого недостатка требуется пересмотр механизмов и инструментов реализации государственной программы, внедрение более эффективных средств достижения поставленной цели, в частности укрепление взаимодействия между государственными и частными структурами, реализующими мероприятия в рамках программы. Поскольку стремительно развиваются новые формы и виды деятельности в сфере культуры, финансирование которых происходит за счет внебюджетных средств, финансовые органы видят в этом возможность сокращения бюджетного финансирования, од-

нако для сохранения баланса между различными формами культурной деятельности необходимо пропорциональное увеличение финансирования культуры малых народов и немногочисленных культурных сообществ, а также так называемой «высокой» культуры — авторского кино, театра, классической музыки, оперы и т.д. В противном случае возникает риск утраты тех ценностей, которые составляют основу национального единства и многообразия российской культуры [6].

Помимо этого, необходимо заметить, что наблюдается недостаточный доступ к культуре и туризму в сельской местности и малых городах, находящихся в удалении от туристических центров: как правило, основные объекты культуры концентрируются в больших городах, привлекая человеческие и финансовые ресурсы лишь в определенные точки. В то же время важно понимать, что сфера культуры является одним из важнейших компонентов в создании благоприятного микроклимата территорий, позволяя привлекать талантливых жителей, предотвращение отток молодого поколения, привлечение финансирования для развития территорий путем создания на них культурных кластеров. В настоящее время функции сферы культуры реализуются наряду с такими явлениями, как «потребительский спрос», «эффективность», «менеджмент», «услуга» и пр., что не-

возможно не учитывать на данном этапе развития экономики [7].

Еще одним существенным недостатком реализации государственной программы является отсутствие в задачах и механизмах системной работы с меценатами: в данном случае проблема может быть решена путем развития государственно-частного партнерства, государственного поощрения меценатства, спонсорства и благотворительности. При этом речь идет не только о сотрудничестве с российскими партнерами, но и с привлечением зарубежных инвесторов и меценатов, начавшемся еще до реализации государственной программы и продолжающегося до сих пор: так, например, в 2013 г. конкурс Правительства Москвы на лучший проект в области сохранения и популяризации объектов культурного наследия «Московская реставрация – 2013» был выигран проектом по восстановлению усадьбы Муравьевых-Апостолов, курируемым бразильским меценатом. В результате музей первым в Москве получил право платить аренду в размере 1 рубль за 1 квадратный метр в год, что является значительным стимулом для деятельности культурных объектов [1]. Такая же мера поощрения может применяться и на примере других объектов культурно-исторического наследия, требующих восстановления, но не имеющих достаточно собственных средств и возможности полномасштабного государственного финансирования.

На сегодняшний день ярким зарубежным примером тесного взаимодействия государственных и частных структур в целях поддержки сферы культуры и искусства является национальное агентство развития творчества и культуры «Английский искусствоведческий совет». Этот орган является вневедомственным государственным учреждением, направленным на:

– вовлечение детей и молодежь в сферу культуры и искусства, обеспечение возможности самовыражения;

– обеспечение разнообразия форм культуры для поддержания ее жизнеспособности;

– подготовку управленческих кадров в сфере культуры;

– поддержание экологической устойчивости;

– развитие цифровой культуры для повышения динамичности деятельности организаций;

– взаимодействие с местными органами власти;

– повышение качества, объема и охвата цифрового контента в области культуры и искусства;

– поиск инвесторов и взаимодействие с различными организациями, занятыми в области культуры и искусства.

В конечном счете, деятельность национального агентства сосредоточена на проведении исследований, экспертных консультациях и развитии партнерских отношений, способствующих развитию творческого и культурного сектора.

Одной из важнейших задач национального агентства является обеспечение согласованности между государственным и частным инвестированием в развитие сферы культуры и искусства. Стратегия Английского искусствоведческого совета направлена на несколько основных результатов, среди которых, прежде всего, закрепление многообразия организаций, осуществляющих деятельность в данной сфере, формирование всеобщего доступа к достоянию культуры, обеспечение возможности самореализации в области искусства, а также устранение диспропорций в финансировании культуры на уровне муниципалитетов. По мнению экспертов, развитие творческого потенциала находится в прямой взаимосвязи с доступом граждан к библиотекам, музеям и другим учреждениям культуры, что должно быть доступно в том числе на местном уровне, но при этом являться частью национальной культуры [9].

Еще одной организацией, осуществляющей поддержку культуры и искусства, является агентство ArtsandBusiness,

основанное в 1976 г. и взявшее на себя роль посредника между культурой, бизнесом и государством. Для каждой стороны-участницы было приведено несколько аргументов:

– для государства: мы можем помочь вам привлечь деньги бизнеса для культуры, получив от вас некоторую сумму;

– для бизнеса: вкладывая деньги в культуру, вы получаете выгоду, и возможность развивать свое дело;

– для культуры: поддержка со стороны бизнеса не замещает, а дополняет государственное финансирование.

В результате была разработана программа совместных грантов «Matching Grants Programme», в рамках которой средства частного сектора складывались с государственными средствами. Основной стратегией в этот период стало взаимовыгодное сотрудничество, в противовес помощи из милосердия, а принципиальный аргумент звучал так: «Поддержка культуры может быть выгодна» [2].

Таким образом, исследование показало, что Российская Федерация обладает огромным культурным потенциалом, безоговорочно признанным как отечественным, так и мировым сообществом, однако этот потенциал используется не в пол-

ной мере. Главными угрозами национальной безопасности в сфере культуры по-прежнему остаются засилье продукции массовой культуры, ориентированной на духовные потребности маргинальных слоев общества, а также противоправные посяательства на объекты культуры [8]. Несмотря на положительную динамику отдельных показателей, реализуемый комплекс государственных мер воздействия еще не оказал решающего позитивного воздействия на сложившуюся в сфере культуры ситуацию. В последнее время во многом благодаря запуску государственной программы удалось преодолеть спад в развитии культуры, увеличить количество продуктов культуры отечественного производства на российском рынке, добиться расширения форм и объемов участия государства и общества в поддержке сферы культуры и искусства. Однако несмотря на множество пока еще не решенных проблем, можно утверждать, что при внесении соответствующих изменений в государственную программу, в том числе основываясь на удачных зарубежных примерах, ожидаются положительные тенденции, ведущие, в конечном счете, к стабилизации и гармоничному развитию сферы культуры, человека и личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конкурс «Московская реставрация». URL: <https://ma-housemuseum.ru/>
2. Модели и практики спонсорства и фандрейзинга в Великобритании // Институт культурной политики. URL: <http://www.cpolicy.ru/issledovania.html/britain.html>
3. Музычук В.Ю. Институт экономики РАН, Государственный институт искусствознания, Москва. Финансирование культуры в России: шаг вперед и два назад. URL: <https://www.econorus.org/repec/journal/2019-41-208-215r.pdf>
4. Постановление Правительства Российской Федерации от 31.03.2017 № 391. Государственная программа Российской Федерации «Развитие культуры и туризма». URL: <https://programs.gov.ru/Portal/programs/passport/11>
5. Романова В.В., Мацкевич А.В. Бюджетные расходы в сфере культуры и кинематографии: анализ состояния и динамики. Вып. 2 / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики»; Ин-т управления гос. ресурсами; под ред. Б. Л. Рудника. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 71, [1] с. URL: https://www.hse.ru/data/2014/08/06/1314170506/kult_2014-text.pdf
6. Структура отрасли культуры Российской Федерации. URL: <https://sudact.ru/law/rasporiazhenie-pravitelstva-rf-ot-27122012-n-2567-r/gosudarstvennaia-programma-rossiiskoi-federatsii-razvitie/i/1.1/struktura-otrasli-kultury-rossiiskoi-federatsii/>
7. Сфера культуры. URL: <https://okulture24.ru/sfera-kultury/>

8. Усольцев Д. Э. Проблемы развития культуры в современной России, ее исторические вехи // Молодой ученый. 2016. №11. С. 1590-1593. URL: <https://moluch.ru/archive/115/31240/>
9. Developing creativity and culture // Arts Council England. Awarding Funds from National Lottery. URL: <https://www.artscouncil.org.uk>

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Konkurs «Moskovskaja restavracija». URL: <https://ma-housemuseum.ru/>
2. Modeli i praktiki sponsorstva i fandrejzinga v Velikobritanii // Institut kul'turnoj politiki. URL: <http://www.cpolicy.ru/issledovania.html/britain.html>
3. Muzychuk V.Ju. Institut jekonomiki RAN, Gosudarstvennyj institut iskusstvoznaniya, Moskva. Finansirovanie kul'tury v Rossii: shag vpered i dva nazad. URL: <https://www.econorus.org/repec/journal/2019-41-208-215r.pdf>
4. Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 31.03.2017 № 391. Gosudarstvennaja programma Rossijskoj Federacii «Razvitie kul'tury i turizma». URL: <https://programs.gov.ru/Portal/programs/passport/11>
5. Romanova V.V., Mackevich A.V. Bjudzhetnye rashody v sfere kul'tury i kinematografii: analiz sostojanija i dinamiki. Vyp. 2 / Nac. issled. un-t «Vysshaja shkola jekonomiki» ; In-t upravlenija gos. resursami ; pod red. B. L. Rudnika. M.: Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki, 2014. 71, [1] s. URL: https://www.hse.ru/data/2014/08/06/1314170506/kult_2014-text.pdf
6. Struktura otrasli kul'tury Rossijskoj Federacii. URL: <https://sudact.ru/law/rasporiazhenie-pravitelstva-rf-ot-27122012-n-2567-r/gosudarstvennaia-programma-rossiiskoi-federatsii-razvitie/i/1.1/struktura-otrasli-kultury-rossiiskoi-federatsii/>
7. Sfera kul'tury. URL: <https://okulture24.ru/sfera-kultury/>
8. Usol'cev D. Je. Problemy razvitija kul'tury v sovremennoj Rossii, ee istoricheskie vehi // Molodoj uchenyj. 2016. №11. С. 1590-1593. URL: <https://moluch.ru/archive/115/31240/>
9. Developing creativity and culture // Arts Council England. Awarding Funds from National Lottery. URL: <https://www.artscouncil.org.uk>

Поступила в редакцию 16.04.2020.

Принята к публикации 19.04.2020.

Для цитирования:

Саратова Д.Е., Безпалов В.В. Совершенствование механизмов реализации государственной программы «Развитие культуры и туризма»: отечественный и зарубежный опыт // Гуманитарный научный вестник. 2020. №3. С. 102-109. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2020/03/SaratovaBezpalov.pdf>

<https://doi.org/10.5281/zenodo.3763989>
УДК 336.025

Стаканова Н.С., Татаровская Т.Е.

Стаканова Наталья Сергеевна, Самарский государственный экономический университет, 443090, Россия, г. Самара, ул. Советской Армии, 141. E-mail: stakanova98@mail.ru.

Татаровская Татьяна Евгеньевна, кандидат экономических наук, доцент, Самарский государственный экономический университет, 443090, Россия, г. Самара, ул. Советской Армии, 141. E-mail: tatarovskaya.tatyana@gmail.com.

Концептуальные основы проведения финансовых исследований

Аннотация. Статья посвящена анализу исследований зарубежных и отечественных ученых, в которых освещается теория финансовых исследований, в частности определяется термин «финансовые расследования» и приводятся сферы, в которых могут быть совершены финансовые правонарушения. В статье раскрыта система международного и отечественного законодательства в сфере регулирования процедуры финансовых исследований. На основе теоретических данных сформировано определение механизма финансовых исследований, выявлены различия в существующей российской и зарубежной теории, а также возможные направления дальнейшего развития.

Ключевые слова: финансовые расследования, механизм финансовых исследований, анализ данных, система данных, правонарушения в финансовой сфере, финансовые преступления.

Stakanova N.S., Tatarovskaya T.E.

Stakanova Nataliya Sergeevna, Samara State University of Economics, 443090, Russia, Sovetskoi Armii st., 141. E-mail: stakanova98@mail.ru.

Tatarovskaya Tatyana Evgenyevna, Candidate of Economical Sciences, Associate Professor, Samara State University of Economics, 443090, Russia, Sovetskoi Armii st., 141. E-mail: tatarovskaya.tatyana@gmail.com.

Conceptual framework for conducting financial investigations

Abstract. The research of foreign and domestic scientists, which highlights the theory of financial investigations, in particular, defines the term «financial investigations» and provides areas in which financial offenses can be committed are analyzed in the article. The system of international and domestic legislation in the field of regulating the procedure of financial investigations is revealed. Based on theoretical data the definition of the financial investigations mechanism was formed; differences in the existing Russian and foreign theory were identified, as well as possible directions for further development.

Key words: financial investigations, financial investigation mechanism, data analysis, data system, financial offences, financial crimes.

Международная Группа разработки финансовых мер по борьбе с отмыванием денег (ФАТФ) в октябре 2019 года в четвертый раз посетила Российскую Федерацию с целью

оценки качества проведения финансового мониторинга в стране [10]. Успехи России в борьбе с отмыванием доходов и терроризмом были высоко оценены, однако, в ходе переговоров акцентирова-

лось внимание на финансовых расследованиях и необходимости повышения их эффективности. В связи с этим представляется актуальным рассмотрение все аспектов финансовых расследований с опорой на сложившуюся на данный момент в России и за рубежом теоретическую и практическую базу знаний о данном процессе. Целью данной статьи является исследование особенностей подходов зарубежных и отечественных ученых к проведению финансовых расследований. Предметом исследования являются различия в концепциях финансовых расследований.

Стоит отметить, что современная теория экономической безопасности насчитывает немало трудов, посвященных финансовым расследованиям и, соответственно, различные подходы к определению понятия «финансовое расследование», причем как в российской, так и в зарубежной практике. Так как в отечественную науку тематика финансовых расследований пришла непосредственно из западной теории экономической безопасности, обратимся, прежде всего, к зарубежным определениям понятия «финансовые расследования».

Изначально наибольшую популярность финансовые расследования приобрели в США. Министерство финансов Соединенных штатов насчитывает более 5 обособленных служб, занимающихся финансовыми расследованиями. При этом финансовые расследования определяются им скорее в качестве специализированного анализа документов, содержащих финансовые данные с целью выявления и фиксации движения денежных средств, которые непосредственно связаны с процессом финансовой преступности. [5].

Сообщество частных следователей США также определяет финансовые расследования как анализ источника поступления денежных средств, как они движутся и на что затем расходуются, а целью финансовых расследований считает выявление финансовой составляющей «грязных» денег [1].

Джорджем Маннингом, экономистом, теоретиком в области экономической

безопасности, был создан труд «Финансовые расследования и судебный учет», в котором он делает акцент на том, что эффективными могут быть лишь финансовые расследования как междисциплинарная концепция, включающая и учет, и финансовый анализ, и правовые аспекты [2, с. 251].

Стоит отметить, что зарубежная научная экономическая литература ставит в один ряд понятие «экономическое расследование» и «форензик». Так, Эноф А.О., Омэгбон П. определяют форензик (финансовое расследование) в качестве деятельности, которая обобщает и сочетает в себе учет, «следовательский» аудит, криминалистические и финансовые инструменты с целью выявить и предотвратить мошенничества [4].

ФАТФ в «Руководстве», применяемом и в Российской Федерации, как в стране, входящей в Соглашение, определяет финансовые расследования в качестве исследования финансовых аспектов преступной деятельности с целью выявления и документирования движения денежных средств в процессе преступной деятельности [8].

Таким образом, западная зарубежная теория экономической безопасности неразрывно связывает финансовые расследования с анализом движения денежных средств [9, с. 128]. Но каковы же самостоятельные определения отечественными учеными финансовых расследований? На этот вопрос может быть получен ответ при обращении к исследованиям А.Р. Горюнова, А.В. Дедкова, В.С. Ефимова, С.В. Ефимова, Е.А. Кондратьевой, А.Е. Корыстина, М.С. Нестерова, Н.А. Пименова, Е.В. Тихоновой. Так или иначе российские ученые определение понятия «финансовое расследование» условно делят на две части: «финансы» и «расследование». Определения российских ученых приведены в таблице 1, где курсивом выделена «финансовая» составляющая определения, а полужирным шрифтом – «расследовательская» (табл. 1) [7].

Таблица 1. Система определений понятия «финансовое расследование» отечественными учеными

Автор	Определение
Пименов Н.А.	Сбор, фиксирование, разностороннее изучение и рассмотрение значимых фактов произошедшего правонарушения, которое связано с финансовыми ресурсами в части их формирования, распределение и перераспределения, а также использования субъектами экономической деятельности
Кондратьев Е.А., Горюнов А.Р.	Сбор и разностороннее изучение фактов совершения нарушений в области денежных отношений, которые возникают, когда распределяется и перераспределяется валовой общественный при распределении и перераспределении валового общественного продукта, национального богатства именно в процессе движения денежных средств.
В.С. Ефимов, С.В. Ефимов, М.С. Нестеров	Включающая расследование экономических преступлений, внутренний аудит и государственный контроль деятельность.

Российская наука определяет «финансовые расследования» в качестве перечня расследовательских действий, применяемых к экономической сфере.

И зарубежные, и отечественные ученые определяют финансовые расследования в качестве инструмента, позволяющего проанализировать нарушения, связанные с движением денежных средств.

Из перечня определений термина «финансовые расследования» можно выделить также и термин «механизм финансового расследования». Стоит отметить, что однозначного указания на данный термин в научной литературе нет. Ефимовым В.С. и Бродуновым А.Н. в 2015 году была опубликована работа «Механизмы финансовых расследований в отечественной практике», однако, в контексте статьи приводятся лишь многочисленные определения термина «финансовые расследования», а также теория того, что связывают отечественные ученые с финансовыми расследованиями [3]. Сам термин «механизм финансового расследования» в статье не употребляется ни разу. Стоит отметить, что прочие статьи, в которых представлено исследование механизма финансовых расследований, также не дают именно определение термина, однако, рассматривают перечень этапов бизнес-разведки, методов и спосо-

бов сбора данных о правонарушении, а также аналитический инструментарий, которые в совокупности и представляют собой механизм финансовых расследований. Стоит отметить, что понятие «механизм» также имеет несколько определений:

- 1) система правил, законов и т.п., позволяющая правильно функционировать чему-либо;
- 2) метод, способ того, как что-либо делается;
- 3) совокупность состояний, процессов, составляющих какое-либо явление [6].

Первое и третье определения схожи и могут быть применимы для определения термина «механизм финансового расследования» в широком смысле, второе же определение позволяет дать «узкое» определение.

Таким образом, механизм финансового расследования – это:

- 1) методы, способы осуществления финансового расследования (в узком смысле);
- 2) совокупность (система) процессов, правил, методов и инструментов финансового расследования.

Сам термин «финансовое расследование» был определен выше, соответственно, объединив определение ФАТФ и

«широкое» определение механизма, получим, что механизм финансового расследования – это совокупность процессов, правил, методика и инструментарий исследования финансовых аспектов преступной деятельности с целью выявления и документирования движения денежных средств в процессе преступной деятельности.

Методика и инструментарий расследований можно сложить из указанного выше в определениях «финансовых расследований» различными авторами, то есть именно механизм финансовых расследований может включать следующие процессы:

- 1) сбор информации (в т.ч. из открытых источников, доступных документов, баз данных);
- 2) оценка значимости информации и ее систематизация;
- 3) анализ информации.

Необходимо отметить, что анализ информации предполагает использование

знаний в области бухгалтерского (финансового, налогового, управленческого) учета, анализа финансово-хозяйственной деятельности, банковского дела и прочих прикладных экономических дисциплин.

Но остается вопрос: какая деятельность является преступной с позиции процесса финансового расследования? Какие преступления или же правонарушения требуют проведения финансового расследования?

Как было отмечено выше, западная наука относит к финансовой сфере больше видов правонарушений, в связи с чем обратимся к перечню, приведенному Джорджем Маннингом в исследовании «Финансовые расследования и судебный учет» [7]. Автор выделяет финансовые преступления, подразделяя их на две большие группы: микроэкономические (совершаемые индивидуумом или в рамках отдельного бизнеса, компании) и макроэкономические, что представлено в таблице 2.

Таблица 2. Перечень преступлений в финансовой сфере

Микроэкономические финансовые преступления		Макроэкономические финансовые преступления			
1.	Поджог	1.	Организованная преступность		
2.	Мошенничество при банкротстве	1.	1.	Местные предприятия	
3.	Подделка и uttering	1.	1.	1.	Строительство
4.	Воровство	1.	1.	2.	Вывоз отходов
5.	Кража личных данных	1.	1.	3.	Продажа и ремонт автомобилей
6.	«Кредитная акция» (микрозаймы, возвращение процентов по крайне высокой ставке)	1.	1.	4.	Мошенничество, связанное с движением наличности
7.	Мошенничество с кредитными картами	2.	Данные и статистика		
8.	Мошенничество с онлайн-заказами	2.	1.	Национальная	
9.	Мошенничество в медицинской сфере	2.	2.	Государственная	
10.	«Ремонтное» мошенничество (взимание платы за невыполненные услуги)	2.	3.	Международная статистика	
11.	Растрата	3.	Международные		
12.	Фондовые манипуляции	3.	1.	Наркотогровля в государственных масштабах	
13.	Мошенничество				
14.	Наркотики				

Рассматривая предложенную Джорджем Маннингом классификацию, можно сказать, что почти любое движение денежных средств может быть так или иначе связано с финансовым преступлением или же стать им на следующем шаге цикла движения данных денежных средств, причем субъектом мошенничества может быть как физическое лицо, так и бизнес, или даже государственная структура, то есть преступными деяниями, требующими финансового расследования, являются почти любые правонарушения с участием движения в них финансовых ресурсов.

Следовательно, процесс финансовых расследований как в международной, так и в отечественной практике неразрывно связан с криминалистикой и финансовым правом в принципе. Так, зарубежное законодательство, которое формализует процесс финансового расследования, включает:

1) Международно-правовые стандарты регулирования банковской деятельности.

2) Конвенцию против транснациональной организованной преступности (принята Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 55/25 от 15 ноября 2000 г.).

3) Конвенцию ООН против коррупции (принята Генеральной Ассамблеей ООН 31 октября 2003 г.).

4) Конвенцию об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности ETS N 141 (Страсбург, 8 ноября 1990 г.).

5) Конвенцию Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии, конфискации доходов от преступной деятельности и финансировании терроризма, принятую в мае 2005 г. в Варшаве (Варшавская конвенция).

6) Финансовую политику ОЭСР.

7) Финансовые меры борьбы с отмыванием денег ФАТФ (Руководство ФАТФ по финансовым расследованиям от июня 2012 г.).

Отечественное законодательство на данный момент базируется на зарубежном. Нельзя не отметить значимость и руководства ФАТФ, упомянутого выше,

однако, различные финансовые преступления и их расследование входят в контекст целого ряда законодательных актов Российской Федерации, в том числе в Гражданский, Налоговый, Таможенный и Уголовный Кодексы Российской Федерации, Кодекс об административных правонарушениях и пр. Также в основу регулирования финансовых преступлений и финансовых расследований в России входят:

1) Федеральный закон "О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма" от 07.08.2001 N 115-ФЗ;

2) Федеральный закон "Об аудиторской деятельности" от 30.12.2008 N 307-ФЗ;

3) Федеральный закон "О бухгалтерском учете" от 06.12.2011 N 402-ФЗ;

4) Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.07.2015 N 32 (ред. от 26.02.2019) "О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем";

5) Приказ ФАС России от 08.08.2019 N 1073/19 "Об утверждении методических рекомендаций" (вместе с "Методическими рекомендациями об организации взаимодействия ФАС России с заинтересованными правоохранительными органами по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений, связанных с ограничением конкуренции (статья 178 Уголовного кодекса Российской Федерации)");

6) Методические рекомендации по порядку назначения и производства судебных экспертиз в рамках доследственных проверок и расследования преступлений, подследственных Федеральной службе судебных приставов, утв. ФССП России 15.09.2014 N 0004/22;

7) Информационное письмо Банка России от 14.08.2018 N ИН-014-12/54 "О национальной оценке рисков ОД/ФТ" (вместе с "Публичным отчетом. Нацио-

нальная оценка рисков легализации (отмывания) преступных доходов. Основные выводы 2017 - 2018", "Национальной оценкой рисков финансирования терроризма. Публичный отчет 2017 - 2018") и пр.

Законодательство, регулирующее финансовые расследования, включает множество как международных, так и внутренних нормативно-правовых актов, так как все законодательство так или иначе регулирует финансовую сферу (это и налоговое, и гражданское, и административное, и уголовное, и таможенное, и прочее законодательство), можно отнести к регулирующему финансовые расследования.

В результате исследования существующей базы исследований о финансовых расследованиях, их механизме, сферах, которые в их процессе рассматриваются, законодательстве, которым они регулируются, можно сделать вывод, что финансовые расследования представляют собой процесс изучения финансовых аспектов преступной деятельности, имеющих целью выявление и документирование фактов движения денежных средств, приведших в результате к совершению расследуемого преступления, имеющий определенный механизм, включающий сбор, систематизацию и дальнейший анализ данных о финансовом правонарушении или правонарушении, связанном с денежным обращением. Стоит отметить, что на данный момент существующая отечественная теория финансовых расследований «отстает» от зарубежной в отношении взгляда на деятельность, требующую финансовых расследований. За-

падные исследователи уделяют внимание тому, что любое правонарушение, связанное с движением денежных средств / финансовых ресурсов, является объектом финансового расследования. Механизм расследований как в зарубежной, так и в отечественной практике, в итоге приводит к анализу информации о правонарушении, однако зарубежные исследования выделяют в информации моральные и эмоциональные данные о субъекте правонарушения. Обращаясь к законодательству, регулирующему финансовые расследования, нельзя не определить именно рекомендации (не имеют обязательного характера) ФАТФ, применяемые как в России, так и за рубежом. Однако стоит отметить, что в связи с тесной взаимосвязью финансовых расследований почти с любой сферой жизни, включающей движение денежных средств/финансовых ресурсов, существует целый перечень международных и внутренних законодательных актов, на которые так или иначе стоит обращать внимание при проведении финансового расследования.

Таким образом, в современных условиях финансовые расследования в международной и отечественной практике не имеют единого формализованного определения, а также определения механизма проведения в связи с широтой сферы, в которой может произойти финансовое правонарушение, однако, существует тенденция к систематизации и расширению непосредственно механизма финансовых расследований, позволяющего увеличить эффективность проведения расследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Financial investigation. URL: <https://www.pinow.com/investigations/financial-investigations>
2. Manning George A. Financial investigation and forensic accounting / Boca Raton [etc.] : CRC press, Cop. 1999. XIII, 474 с.
3. Ефимов В.С., Бродунов А.Н. Механизмы финансовых расследований в отечественной практике // ТДР. 2015. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mehanizmy-finansovyh-rassledovaniy-v-otechestvennoy-praktike>

4. Калинина И.Н., Мезина С.А., Воротникова А.М. Форензик как вид экспертно-аналитической деятельности // ЕГИ. 2020. №1 (27). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/forenzik-kak-vid-ekspertno-analiticheskoy-deyatelnosti>
5. Лебедев И.А., Ефимов С.В. Финансовые расследования: российская практика и зарубежный опыт // Аудиторские ведомости. 2018. №10. URL: <https://www.lawmix.ru/bux/40915>
6. Определение термина «механизм». Режим доступа URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/dmitriev/2312/механизм>
7. Пименов Н.А. Финансовые расследования: основные подходы // Финансы: Теория и Практика. 2017. №1. Режим доступа URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/finansovye-rassledovaniya-osnovnye-podhody>
8. Руководство ФАТФ по финансовым расследованиям: оперативные вопросы. Июнь 2012г. Режим доступа URL: http://portal.fedsfm.ru/content/files/documents/fatf/fin_rassledovaniya.pdf
9. Татаровская Т.Е., Татаровский Ю.А. Финансовая устойчивость и деловая активность в анализе экономической безопасности предприятия // Российский экономический интернет-журнал. 2019. № 4. С. 128.
10. ФАТФ посоветовала России усилить борьбу с зарубежными «прачечными». URL: <https://www.rbc.ru/finances/18/10/2019/5da9da549a7947b3d9d4c791>

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Financial investigation. URL: <https://www.pinow.com/investigations/financial-investigations>
2. Manning George A. Financial investigation and forensic accounting / Boca Raton [etc.] : CRC press, Cop. 1999. XIII, 474 s.
3. Efimov V.S., Brodunov A.N. Mehanizmy finansovyh rassledovaniy v otechestvennoj praktike // TDR. 2015. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mehanizmy-finansovyh-rassledovaniy-v-otchestvennoj-praktike>
4. Kalinina I.N., Mezina S.A., Vorotnikova A.M. Forenzik kak vid jekspertno-analiticheskoy dejatel'nosti // EGI. 2020. №1 (27). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/forenzik-kak-vid-ekspertno-analiticheskoy-deyatelnosti>
5. Lebedev I.A., Efimov S.V. Finansovye rassledovaniya: rossijskaja praktika i zarubezhnyy opyt // Auditorskie vedomosti. 2018. №10. URL: <https://www.lawmix.ru/bux/40915>
6. Opredelenie termina «mehanizm». Rezhim dostupa URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/dmitriev/2312/mehanizm>
7. Pimenov N.A. Finansovye rassledovaniya: osnovnye podhody // Finansy: Teorija i Praktika. 2017. №1. Rezhim dostupa URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/finansovye-rassledovaniya-osnovnye-podhody>
8. Rukovodstvo FATF po finansovym rassledovaniyam: operativnye voprosy. Ijun' 2012g. Rezhim dostupa URL: http://portal.fedsfm.ru/content/files/documents/fatf/fin_rassledovaniya.pdf
9. Tatarovskaja T.E., Tatarovskij Ju.A. Finansovaja ustojchivost' i delovaja aktivnost' v analize jekonomicheskoy bezopasnosti predpriyatija // Rossijskij jekonomicheskij internet-zhurnal. 2019. № 4. S. 128.
10. FATF posovetovala Rossii usilit' bor'bu s zarubezhnymi «prachechnymi». URL: <https://www.rbc.ru/finances/18/10/2019/5da9da549a7947b3d9d4c791>

Поступила в редакцию 13.04.2020.
Принята к публикации 16.04.2020.

Для цитирования:

Стаканова Н.С., Татаровская Т.Е. Концептуальные основы проведения финансовых расследований // Гуманитарный научный вестник. 2020. №3. С. 110-116. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2020/03/StakanovaTatarovskaya.pdf>

<https://doi.org/10.5281/zenodo.3764112>

УДК 336.025

Родионова П.В., Татаровский Ю.А.

Родионова Полина Валерьевна, Самарский государственный экономический университет, 443090, Россия, г. Самара, ул. Советской Армии, 141. E-mail: rodionovapolina@inbox.ru.

Татаровский Юрий Алексеевич, кандидат экономических наук, доцент, Самарский государственный экономический университет, 443090, Россия, г. Самара, ул. Советской Армии, 141. E-mail: tatarovsky.yury@yandex.ru.

Организационно-нормативные аспекты банкротства физических лиц

Аннотация. В статье рассматриваются особенности введенной с 2015 года в российском законодательстве процедуры банкротства физических лиц. В работе приводятся факты, подтверждающие актуальность введения указанной процедуры, анализируется процесс исполнительного производства, которое имело место до проведения реформы законодательства о неплатежеспособности физических лиц. Кроме того, анализируется процедура банкротства физических лиц в разрезе достоинств и недостатков как для должника, так и для кредитора. Выделяются меры, которые могли бы поспособствовать финансовой демократизации процедуры для должников.

Ключевые слова: банкротство физических лиц, анализ банкротства, неплатежеспособность, несостоятельность, долг, реструктуризация.

Rodionova P.V., Tatarovsky Y.A.

Rodionova Polina Valerievna, Samara State University of Economics, 443090, Russia, Sovetskoi Armii st., 141. E-mail: rodionovapolina@inbox.ru.

Tatarovsky Yury Alekseevich, Candidate of Economical Sciences, Associate Professor, Samara State University of Economics, 443090, Russia, Sovetskoi Armii st., 141. E-mail: tatarovsky.yury@yandex.ru.

Organizational and regulatory aspects of individuals' bankruptcy

Abstract. The features of the procedure for bankruptcy of individuals introduced in the Russian legislation since 2015 were discussed in the article. The paper provides facts confirming the relevance of the introduction of this procedure; the process of enforcement proceedings that took place before the reform of the legislation on the insolvency of individuals was analyzed. In addition, the procedure of individuals' bankruptcy in the context of advantages and disadvantages for both the debtor and the creditor was revealed. Measures that could contribute to the financial democratization of the procedure for debtors are highlighted.

Key words: individuals' bankruptcy, bankruptcy analysis, insolvency, bankruptcy, debt, restructuring.

С 2015 года в России стала возможна процедура банкротства физических лиц. Если ранее банкротство связывалось именно с организациями, юридическими лицами, с указан-

ного периода объявить себя неспособным покрыть какие-либо долги официально, в рамках юридической процедуры, может и любой нуждающийся в этом человек. В связи со стабильным ростом популярно-

сти кредитных отношений среди граждан Российской Федерации, закредитованности населения, количество лиц, неспособных расплатиться с кредитными организациями, с каждым годом также растет, что определяет несомненную актуальность процедуры банкротства в современной России [3, С. 75]. Целью данного исследования является анализ процедуры банкротства физических лиц в Российской Федерации, а также выявление особенностей данной процедуры. Предметом исследования является проблема несовершенства в связи с новизной процедуры банкротства физических лиц в России.

Необходимо отметить, что рост сумм и количества кредитов и займов не является явлением, свойственным лишь для Российской Федерации. Такой процесс можно назвать общемировым, однако, в развитых странах, как США, Германия, Великобритания, Франция и пр., данный процесс происходит параллельно с ростом заработных плат и уровня жизни населения, что в итоге ведет к своевременному покрытию долгов [9, С. 30]. В России же на фоне ускорения темпов инфляции и отсутствия индексирования заработной платы во многих случаях люди берут кредит либо для погашения уже имеющегося, либо для поддержания нормального качества жизни, но затем в связи с отсутствием финансовых улучшений в жизни не могут вернуть взятые средства и погасить достаточно высокие проценты (особенно в случае потребительских кредитов и микрозаймов). Выше описанная ситуация привела российское законодательство к необходимости урегулирования процедуры банкротства именно физических лиц. Ранее при невозможности погашения кредита в назначенный срок возбуждалось исполнительное производство с соответствующей ответственностью и тяжелыми для физического лица последствиями.

Исполнительное производство при дефиците средств у должника и невозможности погашения им долга таким предпочтительным способом, в качестве инструмента погашения долга начинает

использовать имущество заемщика. Посредством продажи реальных активов физического лица, производство зачастую пренебрегало истинной их ценностью для должника, так как уходило они в случае проведения процедуры исполнительного производства «с молотка» все имущество и чаще всего по заниженной стоимости с целью ускорения погашения долгов всеми возможными способами. Однако при возникновении ситуации, в которой вырученных средств оказалось недостаточно для уплаты долгов, или же имущество у кредитора отсутствовало, пострадавшим от производства оказывался уже сам кредитор, не получавший от выданных средств ничего [5, С. 113].

Банкротство физических лиц и его процедура урегулировала многие моменты, касающиеся положения и последствий процедуры как для кредитора, так и для должника. В законодательстве Российской Федерации, теперь регулирующем несостоятельность (банкротство) физических лиц, появилось определение неплатежеспособного лица, которое лучше всего представить в виде совокупности признаков. Неплатежеспособное лицо характеризуется следующими аспектами:

- наличием денежных обязательств перед кредиторами/ займодателями;
- неисполнением указанных финансовых обязательств в назначенный срок;
- с момента неисполнения уплаты прошло более 3 месяцев.
- Обратиться в суд с целью признания физического лица банкротом имеют право:
 - уполномоченный орган,
 - конкурсный кредитор,
 - должник самостоятельно [8].

В соответствии с требованиями законодательством самостоятельное обращение должником в суд с целью признания его банкротства должно произойти в течение 30 рабочих дней, начиная от дня, в который гражданином, являющимся должником, была получена информация о том, что в случае, если он полностью удовлетворит требования одного займо-

дателя, он потеряет возможность погасить свои задолженности другим кредиторам [4, С. 149]. При этом объем обязательных платежей перед кредиторами в сумме равен 500 тысяч рублей и более.

Необходимо отметить интересный нюанс нового законодательства: заявление с целью признания лица неплатеже-

способным может быть подано и после смерти данного лица. Право подать заявление о признании неплатежеспособным умершего имеют наследники гражданина, остальные лица, указанные в перечне имеющих право подать заявление выше. Кроме того, объявлять физическое лицо банкротом нельзя чаще, чем раз в 5 лет.

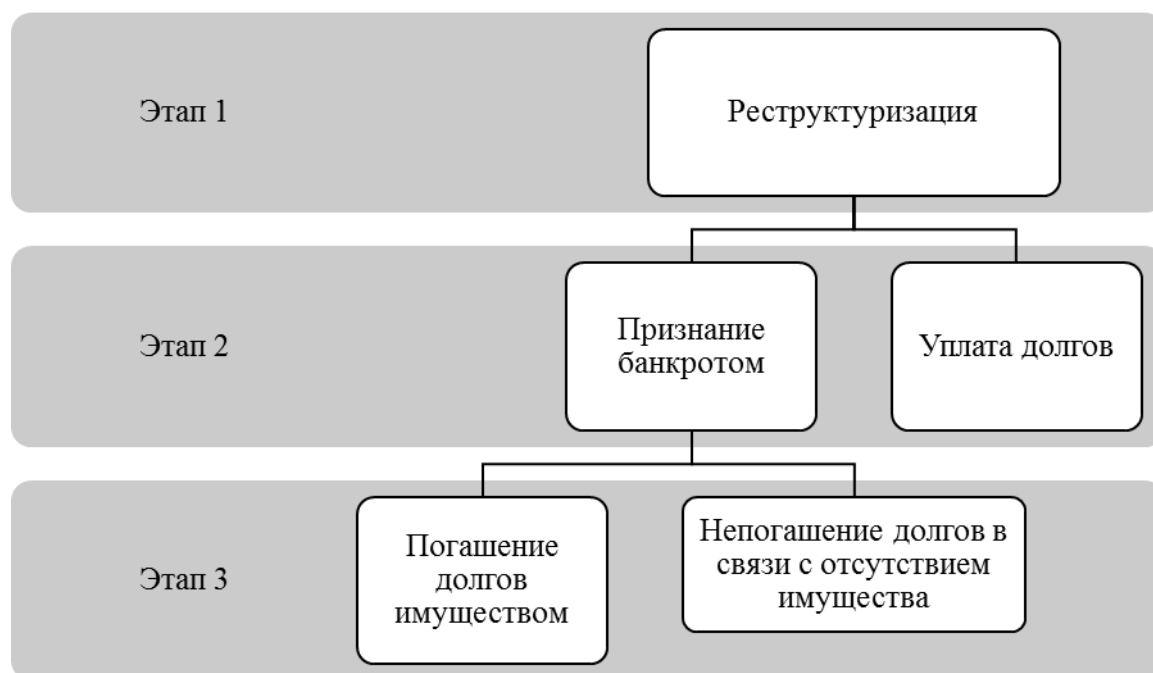

Рис. 1. Процедура банкротства физических лиц

Первая стадия процедуры признания неплатежеспособности неразрывно связана с реструктуризацией долгов физического лица, признающего банкротом. Следовательно, первоначально лицу оказывается посильная помощь с целью помощи в исполнении им обязательств и препятствования приобретения им статуса банкрота. Реструктуризация является процессом внутри процесса и предполагает урегулирование должником и кредитором предыдущего обязательства должника с целью его уменьшения. Урегулирование включает изменения в части объемов, суммы, распределения во времени выплат, обыкновенно обсуждается возможность отмены штрафов и пени по просроченным платежам. В сложившейся на данный момент практике суд имеет право на списание части долга, которая признана невозможной для погашения

должником. С целью одобрения судом процедуры реструктуризации долга физическое лицо должно обладать рядом критериев:

- наличие постоянного источника дохода;
- отсутствие не снятой или непогашенной им судимости за правонарушения в сфере экономики.

Должником должно быть доказано, что у него отсутствовало ранее привлечение к административной ответственности за хищения, преднамеренную порчу или же уничтожение чужого имущества, фиктивное банкротство в течение последних трех лет, а также отсутствие признания его неплатежеспособным в течение последних пяти лет, в течение предыдущих восьми лет он не принимал участия в процедуре реструктуризации своих долгов. Стоит отметить, что проведение

процедуры реструктуризации не требует согласия кредиторов [2, С. 75].

Главная цель, которую преследует реструктуризация – возможность дальнейшего погашения лицом всех своих долгов в срок последующих 5 лет. Если после истечения данного срока обязательства по погашению физическим лицом выполнены не были, гражданин признается банкротом и затем все его ценное имущество, необходимое для погашения задолженности, проходит процедуру торгов. Однако в данном случае кредитор остается в том же проигрышном положении, что и до введения в российском законодательстве процедуры банкротства: вырученных от продажи имущества средств может быть недостаточно для погашения суммы долга. Необходимо отметить, что законодательно в соответствии с Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации определен и перечень имущества, которое не может участвовать в процедуре торгов. В случае действительного отсутствия у физического лица, признанного банкротом, активов, с помощью которых можно погасить долг, долг можно считать закрытым, или погашенным. Наглядно процедура банкротства физических лиц представлена на рисунке 1.

Анализируя выше приведенные факты и Федеральный закон №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» можно выделить следующие имеющие место на данный момент несовершенства:

1. Сумма задолженности, при которой физическое лицо признается банкротом, на данный момент составляет 500 тысяч рублей. Для сравнения сумма, необходимая для признания неплатежеспособности юридического лица, составляет 300 тысяч рублей. Следовательно, предполагается, что физические лица в Российской Федерации имеют гораздо больше возможностей для погашения долга, хотя в действительности юридическое лицо значительно более обеспечено средствами в существующей практике, и сумма в 300 тысяч рублей не является проблемной для погашения. Кроме того,

500 тысяч рублей для физического лица с доходами среднестатистического россиянина – это зачастую недостижимая сумма [1, С. 143].

2. Необходимость со стороны потенциального банкрота оплатить услуги финансового управляющего (равняется 25 тысячам рублей на момент написания статьи и закрепляется в Части 3 статьи 206 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»). Учитывая, что человек является участником процедуры собственного банкротства, сумма, подлежащая уплате, может быть для него проблематичной. Однако стоит отметить, что государство стремится к разрешению финансового вопроса об уплате пошлины и в Федеральном законе № 407-ФЗ «О внесении изменения в статью 333.21 части второй Налогового кодекса Российской Федерации» от 30.11.2016 г. был закреплен пункт о необходимости снижения суммы государственной пошлины, которую также должны уплачивать физические лица, желающие признания их неплатежеспособности, до 300 рублей. Ранее сумма, обязательная к уплате, была аналогично сумме для юридических лиц и равнялась 6 тысячам рублей.

3. Плата за осуществление публикации обязательного сообщения в газете «Коммерсант». Обычно плата составляет 12 тысяч рублей и включает следующие сообщения:

- Признание судом заявления должника обоснованным;
- Проверка должника на преднамеренное (фиктивное) банкротство;
- Введение процедуры продажи имущества или же реструктуризации долга;
- Завершение выше перечисленных процедур.

В случае же последовательной процедуры, большого количества кредиторов, смены финансового управляющего количество публикаций резко увеличивается и, соответственно, их стоимость существенно возрастает. Посредством решения проблемы посредством внесения

поправок в ст. 213 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» об уменьшении суммы существенности для признания физического лица неплатежеспособным до 300 тысяч рублей, наравне с суммой существенности для юридических лиц. При возложении обязанности по уплате услуг финансового управляющего на государство, либо снижения суммы оплаты до 10 тысяч рублей также лояльность процедуры банкротства физических лиц станет более лояльной, как это было до 2016 года [6, С. 48]. Также вариантом совершенствования процедуры банкротства физических лиц в отношении именно должников будет частичный возврат средств за публикацию статей о процессе банкротства в случае первого привлечения лица к процедуре банкротства, либо отмена требования к публикации в издательстве. Необходимо от-

метить, что данные меры по снижению стоимости процедуры банкротства физических лиц будут очень важны для граждан, уже оказавшихся в тяжелом финансовом положении и в определенной мере будут еще одним шагом государства к «социальности» [7, С. 132].

Таким образом, введение данной процедуры стало большим шагом на пути к совершенствованию процедуры погашения долгов, что важно не только для должников, но и для кредиторов, которые, благодаря введению процедуры реструктуризации долга, получили возможность вернуть свои средства, хоть и не полностью. Процедура банкротства физических лиц стала своего рода оптимальным для должника, кредитора и государства знаменателем в предотвращении неплатежеспособности граждан Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Епифанова Т.В., Дядюра Ю.В., Надолинская В.В. Банкротство физических лиц: анализ проблем и их решение // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. №5. С. 143-145.
2. ЕшкILEва Н. А., Трофимова И. А. Банкротство физических лиц: со временное состояние и перспективы развития // Вестник науки и творчества. 2018. № 10. С.73-77.
3. Назаров Д.Г. Особенности и тенденции банкротства физических лиц в современной России // Евразийская адвокатура. 2018. № 1. С. 42-44.
4. Плотникова Е.В. Особенности возбуждения производства по делу о банкротстве гражданина по законодательству Российской Федерации // Молодой ученый. 2018. № 43 (229). С. 149-151.
5. Присяжная К.Э. Проблемы и особенности введения института несостоятельности (банкротства) физических лиц в России // Вестник магистратуры. 2019. № 1-1 (88). С. 113-115.
6. Суворов Е.Д. Банкротство граждан: актуальные вопросы практики применения законодательства // Эффективное антикризисное управление. 2018. № 3. С. 47-49.
7. Татаровский Ю.А., Татаровская Т.Е. Анализ развития малых и средних производственных предприятий в системе экономической безопасности региона // РИСК: Ресурсы, Информация, Снабжение, Конкуренция. 2018. № 4. С. 130-133.
8. Федеральный закон "О несостоятельности (банкротстве)" от 26.10.2002 № 127-ФЗ (последняя редакция). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/
9. Чистикова Д.М. Несостоятельность (банкротство) физического лица в Германии и России // Вестник Северного федерального университета им. М.В. Ломоносова. 2018. № 13. С. 29-32.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Epifanova T.V., Djadjurja Ju.V., Nadolinskaja V.V. Bankrotstvo fizicheskikh lic: analiz problem i ih reshenie // Problemy jekonomiki i juridicheskoy praktiki. 2018. №5. S. 143-145.
2. Eshkileva N. A., Trofimova I. A. Bankrotstvo fizicheskikh lic: so vremennoe sostojanie i perspektivy razvitija // Vestnik nauki i tvorchestva. 2018. № 10. S.73-77.

3. Nazarov D.G. Osobennosti i tendencii bankrotstva fizicheskikh lic v sovremennoj Rossii // Evrazijskaja advokatura. 2018. № 1. S. 42-44.
4. Plotnikova E.V. Osobennosti возбуждения производства по делу о банкротстве гражданина по законодательству Российской Федерации // Молодой ученый. 2018. № 43 (229). S. 149-151.
5. Prisjazhnaja K. Je. Problemy i osobennosti vvedenija instituta nesostojatel'nosti (bankrotstva) fizicheskikh lic v Rossii // Vestnik magistratury. 2019. № 1-1 (88). S. 113-115.
6. Suvorov E.D. Bankrotstvo grazhdan: aktual'nye voprosy praktiki primeneniya zakonodatel'stva // Jeffektivnoe antikrizisnoe upravlenie. 2018. № 3. S. 47-49.
7. Tatarovskij Ju.A., Tatarovskaja T.E. Analiz razvitija malyh i srednih proizvodstvennyh predpriyatij v sisteme jekonomicheskoj bezopasnosti regiona // RISK: Resursy, Informacija, Snabzhenie, Konkurencija. 2018. № 4. S. 130-133.
8. Federal'nyj zakon "O nesostojatel'nosti (bankrotstve)" ot 26.10.2002 № 127-FZ (poslednjaja redakcija). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/
9. Chistikova D.M. Nesostojatel'nost' (bankrotstvo) fizicheskogo lica v Germanii i Rossii // Vestnik Severnogo federal'nogo universiteta im. M.V. Lomonosova. 2018. № 13. S. 29-32.

Поступила в редакцию 15.04.2020.

Принята к публикации 18.04.2020.

Для цитирования:

Родионова П.В., Татаровский Ю.А. Организационно-нормативные аспекты банкротства физических лиц // Гуманитарный научный вестник. 2020. №3. С. 117-122. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2020/03/RodionovaTatarovsky.pdf>

<https://doi.org/10.5281/zenodo.3764122>

УДК 316.42

Чуднова О.В.

Чуднова Ольга Владимировна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, Сахалинский государственный университет, 693000, Россия, г. Южно - Сахалинск, ул. Ленина, 290. E-mail: chudnova@mail.ru

Самооценка персонала как способ повышения эффективности труда

Аннотация. В статье рассматриваются основные методы самооценки персонала, анализируются требования, принципы реализации, достоинства и недостатки инструментов саморефлексии, обосновывается тезис о необходимости мониторинга итогов работы персонала с помощью самооценки сотрудников для повышения эффективности работы организаций.

Ключевые слова: управление персоналом, самооценка сотрудников, эффективность труда, мониторинг результативности труда.

Chudnova O.V.

Chudnova Olga Vladimirovna, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Sociology, Sakhalin State University, 693000, Russia, Yuzhno-Sakhalinsk, Lenina st., 290. E-mail: chudnova@mail.ru

Personnel self-assessment as a way to increase labor efficiency

Abstract. The article discusses the basic methods of staff self-assessment, analyzes the requirements, implementation principles, advantages and disadvantages of self-reflection tools, substantiates the thesis that it is necessary to monitor the results of staff work with the help of staff self-assessment in order to increase the efficiency of organizations.

Key words: personnel management, self-esteem of employees, labor efficiency, monitoring of labor productivity.

Самооценка персонала организации представляет собой процесс, в ходе которого сотрудники предприятия оценивают собственный вклад в деятельность компании, измеряют уровень своей компетентности, профессионализма и иных важных с точки зрения руководителей качеств по заранее заданным, детально разработанным критериям.

Самооценка персонала является дополняющим инструментом анализа результативности труда сотрудников, поскольку предполагает самостоятельное

заполнение работником бланка опроса с последующей обработкой этих данных руководителем структурного подразделения или организации в целом и проведением беседы с подчиненным на основе обобщения данных оценок.

Необходимо отметить, что самооценка персонала может осуществляться в одностороннем порядке, когда результаты анкетирования принимаются во внимание контролирующими органами без корректировки данных, и в двустороннем – в том случае если оценка результатов рабо-

ты сотрудника осуществляется вместе с непосредственным руководителем. Во втором случае имеет место подробное обсуждение поставленных задач на оцениваемый период, степени их достижения, причин затрудняющих выполнение работ в полном объеме с соблюдением надлежащего качества.

Метод самооценки может быть применен не только в процессе осуществления производственных функций, но и перед началом работы (в том числе при приеме соискателя вакантной должности в штат), таким образом, с его помощью может быть осуществлено предварительное измерение потенциала сотрудников, установлена психологическая самооценка персонала. Согласно исследованиям психологов, люди с адекватной самооценкой проявляют наибольшую эффективность труда, в то время как завышенная или заниженная самооценка значительно затрудняет выполнение производственных заданий – в первом случае в виду игнорирования недостатков личности, во втором – болезненной агрессивно-конфликтной стратегии в случае получения критики или замечаний [1, с. 22].

В современной управленческой науке разработано достаточно большое количество методов самооценки персонала, перечислим основные из них.

Анкетирование – метод, который представляет собой заполнение опросных листов, относительно условий работы в компании или результатов деятельности сотрудника, отдела или учреждения в целом за определенный промежуток времени (обычно квартал, полугодие, год). Данный метод прост в реализации, не требует высоких временных и материальных затрат, однако недостаточная подробность ответов персонала или ошибки при составлении опросника могут существенно исказить реальную картину производственного процесса и эффективности труда персонала, поэтому применение анкетирования требует тщательной работы над инструментарием и серьезной аналитической работы.

Матричный метод предполагает выполнение детально разработанной матрицы, в которой приводятся необходимые качества сотрудника, соотнесенные с занимаемой должностью. По каждому критерию начисляется определенное количество баллов от нуля до десяти. Таким образом, матричный метод позволяет построить модель профессиональной карьеры, диагностировать степень разрыва между необходимым и существующим уровнем компетенций персонала и служит основой для выработки индивидуальных планов профессионального развития [3, с. 7]. Реализация таких планов (измеримые итоги профессиональной деятельности) в этом случае являются предметом самооценки сотрудников.

Метод «360 градусов» реализуется через выставление оценки по итогам работы сотрудника его коллегами, подчиненными, руководителями, клиентами и им самим [4, с. 184]. Он позволяет персоналу получить адекватную обратную связь по итогам работы, определить, как сотрудника воспринимают все связанные с ним в процессе работы лица и внести коррективы в его профессиональную деятельность. Через реализацию указанного метода возможно снизить текучку кадров, увеличить лояльность работников к предприятию, способствовать карьерным передвижениям, снизить частоту и длительность производственных конфликтов, увеличить общую продуктивность работы за счет построения эффективной системы коммуникаций. Метод «360 градусов» позволяет получить обширную информацию о персонале и является своего рода катализатором к осознанию его проблем и возможностей. Обычно при реализации указанного метода работники получают сильный стимул к работе над своими слабыми местами.

Метод тестирования реализуется в ходе анализа прохождения работником цикла заданий представленных в тестовой форме. Он позволяет выявить профессиональные знания и умения, способности, мотивы и установки персонала относительно выполняемых видов труда с помощью специальных тестов с их последующей интерпрета-

цией профильным специалистом. Применение метода тестирования способно в сжатые сроки предоставить заинтересованному лицу обширную информацию по большинству критериев оценки с возможностью их быстрой обработки с помощью компьютерных технологий.

Описательный метод предполагает выявление основных достижений и сильных и слабых сторон работника посредством биографического изложения информации за определенный промежуток времени. Считается, что этот метод является дополняющим, поскольку отражает только субъективное восприятие сотрудником всех событий в отчетном периоде, данные полученные в ходе описательного метода не предусматривают четкой формализации и сложно проверяемы.

При реализации метода самооценки персонала очень важно детально разработать критерии оценки итогов работы сотрудников. Каждый из них определяет, как именно должна выполняться та или иная функция, чтобы полностью соответствовать требованиям клиентов и компании. При разработке критериев оценки эффективности труда необходимо учитывать специфику деятельности предприятия, сегмент рынка, на котором реализуется ее деятельность, цели и задачи оценки - то есть то, что планируется получить по ее итогам. Кроме того, важно определить, какие из выделенных показателей будут являться приоритетными, а какие - второстепенными.

Традиционно критерии оценки персонала делят на несколько групп:

1. Оценка компетенций. В данном случае оценке подвергается уровень знаний, умений и навыков работника, а также физиологические, социально-психологические, качества.

2. Оценка эффективности деятельности. Она реализуется через сравнение итогов труда персонала с запланированными для них показателями. Эффективность труда персонала может быть выражена в количестве отработанных часов в месяц, объеме выпущенной продукции, сумме прибыли и т.д. [2, с. 76-77].

Среди ключевых требований, предъявляемых к критериям самооценки персонала необходимо особо выделить:

– достижимость (требование, подразумевающее проведение анализа всех материальных и нематериальных ресурсов, сроков и наличия компетенций у персонала для выполнения производственных задач);

– измеримость (в критерии должны присутствовать количественные или качественные показатели, по которым будет ясна степень достижения результата)

– прозрачность и понятность критериев для персонала;

– соответствие должностным обязанностям сотрудника;

– направленность на повышение мотивации персонала (критерии самооценки должны включать такие параметры работы сотрудников, на которые можно было бы повлиять, используя весь спектр инструментов работы с персоналом);

– динамичность (критерий выражается в необходимости постепенного повышения требований к персоналу, постановке более сложных и интересных задач по мере выполнения предыдущих с увеличением уровня получаемого дохода и иных поощрений).

Для повышения точности описываемого метода необходимо соблюдать несколько ключевых моментов. Прежде всего, на предприятии должна быть налажена обратная связь. Ее применение снижает противоречия между самооценкой персонала и оценкой со стороны иных лиц, уменьшает вероятность переоценки собственного вклада в итоги труда. Важным представляется предоставление полной информации о критериях оценки и ее результатах. Таким образом, сотрудники могут увидеть (возможно, без указания персональных данных) средний балл подразделения и результаты самооценки коллег, что позволит мотивировать персонал к повышению результативности труда. Метод самооценки как инструмент повышения эффективности труда персонала должен быть связан с

системой стимулирования сотрудников, они должны прослеживать четкую взаимосвязь итогов работы с тем уровнем материальных и нематериальных благ, которые они получают. Это позволит укрепить восприятие сотрудниками проводимой оценки как справедливого процесса, повысит приемлемость процедур контроля над деятельностью персонала за счет создания условий для саморефлексии и как следствие даст больше перспектив для повышения эффективности работы персонала.

Следует отметить, что описанные методы позволяют оценить эффективность определенных аспектов труда сотрудника или его качеств, поэтому при работе с персоналом применяется комплексный подход, состоящий в объединении различных инструментов диагностики итогов работы для максимально полного и объективного оценивания сотрудников.

При применении метода самооценки персонала, сотрудники понимают, что их

мнение относительно результатов труда принимается во внимание. Постоянная саморефлексия персонала способствует пониманию им сильных и слабых сторон, четкому выстраиванию дальнейших целей и задач в сфере трудовых отношений. Кроме того благодаря описываемому методу повышается объективность руководителя при оценке персонала, поскольку управляющий не всегда имеет возможность контролировать весь производственный процесс и факторы, оказывающие косвенное влияние на него.

Обобщая вышеизложенное, можно заключить, что самооценка персонала является весьма важным инструментом мониторинга и повышения эффективности труда персонала любых организаций, если ее проведение опирается на четко обоснованные, объективные детально разработанные критерии и принципы и реализуется на постоянной основе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Киселева Е.В. Психология межличностных отношений. Новосибирск: ФГБОУ ВПО «НГПУ», 2014. 130 с.
2. Привалова Ю.В. Критерии оценки компетенций управленческого персонала региона // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2008. № 3. С. 76-79.
3. Степнова Л.А. Психолого-акмеологическая диагностика профессиональной компетентности кадров управления. М.: Изд-во РАГС, 2010. 125 с.
4. Тонгуш В.В. Исследование оценки персонала в организации методом «360 градусов» // Символ науки. 2017. Т. 3. № 4. С. 183-186.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Kiseleva E.V. Psihologija mezhlichnostnyh otnoshenij. Novosibirsk: FGBOU VPO «NGPU», 2014. 130 s.
2. Privalova Ju.V. Kriterii ocenki kompetencij upravlencheskogo personala regiona // Vestnik Omskogo universiteta. Serija: Jekonomika. 2008. № 3. S. 76-79.
3. Stepnova L.A. Psihologo-akmeoalogicheskaja diagnostika professional'noj kompetentnosti kadrov upravlenija. M.: Izd-vo RAGS, 2010. 125 s.
4. Tongush V.V. Issledovanie ocenki personala v organizacii metodom «360 gradusov» // Simvol nauki. 2017. T. 3. № 4. S. 183-186.

Поступила в редакцию 08.04.2020.

Принята к публикации 11.04.2020.

Для цитирования:

Чуднова О.В. Самооценка персонала как способ повышения эффективности труда // Гуманитарный научный вестник. 2020. №3. С. 123-126. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2020/03/Chudnova.pdf>

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<https://doi.org/10.5281/zenodo.3764668>

УДК 811.112.22

Баранова Н.А.

Баранова Наталья Александровна, кандидат филологических наук, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, 163006, Россия, г. Архангельск, Набережная Северной Двины, 17. E-mail: n.baranova@narfu.ru.

Дискурсивный анализ ситуации попытки (на материале немецких онлайн – СМИ)

Аннотация. Статья посвящена анализу ситуации попытки в дискурсе онлайн – СМИ. Попытка представляет собой особый вид действия, для достижения результата которого необходимо прилагать определенные усилия. Вследствие чего попытка может оказаться как успешной, так и безуспешной. В медиатексте уже в заголовках и подзаголовках вся ситуация, описываемая в статье, может быть переведена в ситуацию попытки за счет использования языковых средств выражения попытки. В немецком языке это достигается использованием глагола *versuchen* и его синонимов. Интересно, что и глагол *wollen* также может участвовать в выражении попытки. Анализ ситуации попытки проведен на материале онлайн – СМИ, освещающих пандемию коронавируса.

Ключевые слова: медиатекст, дискурс, медиа, онлайн – СМИ, конативность, попытка, коронавирус.

Baranova N.A.

Baranova Natalya Alexandrovna, Candidate of Philological Sciences, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, 163006, Russia, Arkhangelsk, Nabereshnaya Severnoy Dviny, 17. E-mail: n.baranova@narfu.ru.

Discursive analysis of attempt situation (on the corpus of online mass media)

Abstract. The article describes the analysis of attempt situation in discourse of online mass media. The attempt is a special art of act, for which achievement efforts should be made. Therefore, the attempt could be successful and unsuccessful. In the media text, in the title and the subheading the situation described in the article can be transformed into situation of attempt by using of special means of expressing. In German it is possible by using of verb *versuchen* and its synonyms. The analysis of attempt situation is based on the material of online mass media highlighting coronavirus pandemic.

Key words: Media text, discourse, media, online mass media, conative act, attempt (try), coronavirus.

Chinas Wirtschaft *versucht* den Neustart (www.tagesschau.de – 22.03.20). (1)

Nun *versucht* die Regierung mit allen Mitteln, die Epidemie *einzu-dämmen* (www.n-tv.de – 28.03.20). (2)

Die bayerische Landesregierung *versucht*, für Kliniken und Ärzte zusätzliche Schutzmasken *zu beschaffen*, auch mit Hilfe branchenfremder Firmen wie Siemens und BMW (www.bild.de – 30.03.20). (3)

Такие заголовки и подзаголовки можно увидеть сейчас на многих немецких новостных сайтах, в немецких онлайн-газетах и журналах. Они привлекают внимание читателя к главной теме последних месяцев – пандемии коронавируса. Правительства всех стран, в которых началась эпидемия, прилагают огромные усилия для борьбы с новым вирусом. Несомненно, что перед руководством каждой страны поставлена сложная задача, на пути решения которой встречаются многочисленные препятствия. Нет достаточного опыта в борьбе с эпидемиями подобного рода в масштабах конкретно взятой страны и всего мира. Ситуация меняется каждый день, алгоритм борьбы с вирусом также постоянно корректируется. Однако не только общая тема объединяет примеры (1) – (3). Во всех микротекстах присутствует один и тот же глагол – глагол *versuchen*. Какую же семантику вносит данный глагол в значение всего микротекста?

Толковый словарь немецкого языка DUDEN дает следующее основное значение глагола *versuchen* (*пытаться*): «(etwas Schwieriges, etwas, wovon jemand nicht sicher sein kann, ob es gelingen wird) zu tun beginnen und so weit wie möglich ausführen». Из определения следует, что базовыми семами значения анализируемого глагола являются сема «начать выполнять что-то» и «выполнять это, как только возможно». Уже сами базовые семы указывают на противопоставление реального действия (начало выполнения действия) и ирреальности – возможности (потенциальности) выполнения действия, т.е. будет ли оно завершено – сам глагол

versuchen на это не указывает. Также сема возможности указывает на обстоятельства выполнения действия. Будут ли эти обстоятельства непреодолимыми или достижение положительного результата, несмотря на объективные и субъективные обстоятельства и препятствия, все-таки окажется возможным. В словарной статье в скобках даются дополнительные семы, которые глагол может актуализовать или не актуализовать в речи. Это сема «что-то сложное, тяжелое для выполнения» и сема «неуверенности в успешности выполняемого действия».

Действия, совершаемые нами, имеют, как правило, одну цель – достижение результата. Не всегда при совершении действия происходит равномерное накопление результата. Субъект действия может встречать на своем пути определенные препятствия, испытывать определенные трудности при достижении результата. В этом случае можно говорить о попытке выполнения действия.

Следующие признаки отличают попытку от собственно действия [7, с. 7; 12, с. 60; 13, с. 81]:

- у субъекта отсутствует алгоритм достижения цели;
- субъект не уверен в достижении желаемого результата с первой попытки;
- субъект не уверен в достаточном количестве прилагаемых ресурсов;
- у субъекта отсутствует опыт или его недостаточно для выполнения данного действия;
- присутствуют какие-либо препятствия для достижения намеченного результата.

И как уже было отмечено выше, нет равномерного и постепенного накопления результата, т.е. процессный слой отсутствует. Субъект воздействует на объект действия, но объект может остаться в неизменном виде. Можно говорить в данном случае о том, что желаемые субъектом последствия для субъекта или объекта или же для ситуации в целом могут наступить (эпидемию удастся сдержать) или так и не наступить. Таким образом, можно говорить о двух видах попытки: о

попытке, закончившейся успешно (положительный результат) и о попытке, закончившейся безрезультатно (отрицательный результат).

Существует мнение, согласно которому попытку нельзя назвать действием [4, с. 120]. Мы считаем, что хотя качественного накопления результата при совершении попытки не происходит, тем не менее, попытка является частью действия, поскольку субъект является в данном случае активным, и возможно достижение положительного результата предпринимаемых усилий.

Следовательно, значение глагола *versuchen* полностью соответствует описанию попытки как особого вида действия в широком смысле. Мы придерживаемся мнения Г.И. Кустовой, которая полагает, что основная функция глагола *versuchen* (пытаться) заключается в переводе предиката – инфинитива в класс попытки [7, с. 12].

В русской аспектологии значение попытки достижения результата получило название конативности и неоднократно становилось предметом пристального внимания лингвистов. Подробное системное описание ситуаций попытки – конативных ситуаций – в русском языке дано в работах М.Г. Милютиной [10; 11]. В немецком языке рассмотрена ситуация попытки, а именно ситуация безуспешной попытки – конативная безрезультатность, и средства выражения данного значения [1; 2].

В данной работе дается анализ ситуации попытки – как с положительным, так и с отрицательным результатом – в определенном дискурсе – дискурсе онлайн – СМИ. Сетевые СМИ обладают определенными особенностями, которые заключаются в следующих понятиях: многомерность (гипертекстуальность), интерактивность (обратная связь с читателем) и мультимедийность (использование разных знаковых систем для передачи информации) [6, с. 19-20].

Медиа́текст, являющийся основной единицей дискурса СМИ, представляет собой сочетание единиц вербального и

медийного уровней. Эти знаковые единицы объединены общим смыслом и актуализуются в определенном медиаформате [5, с. 34]. Еще одной важной особенностью медиатекстов является его функционирование в виде гипертекста. Гипертекст, в отличие от обычного словесного текста, может не обладать смысловой завершенностью, поскольку сам является лишь «фразой», частью другого текста [5, с. 34]. Этот тезис подтверждается сейчас статьями, посвященными коронавирусу. Практически на каждом немецком сайте онлайн – СМИ есть рубрика, посвященная коронавирусу. Можно говорить в данном случае о том, что каждая отдельная статья этой рубрики является только лишь «фразой» медиатекста о коронавирусе.

Обратимся к конкретному медиатексту, опубликованном на сайте немецкого телеканала n-tv 25 марта 2020 года. Текст имеет заголовок *Infografik. Epidemiedaten aus Deutschland. So entwickeln sich die Fallzahlen (Инфографика. Данные об эпидемии в Германии. Динамика случаев)* и содержит различные графики, показывающие наглядно ситуацию с эпидемией коронавируса в Германии. Инфографики являются лишь частью статьи. В статье содержатся комментарии к графикам с описанием эпидемии коронавируса в Германии. В тексте подзаголовок присутствует высказывание, содержащее глагол *versuchen*. Если мы проанализируем пример (4), то можем на основе уже появившихся знаний об эпидемии коронавируса установить все выше названные признаки попытки.

Mit einer nie da gewesenen Vollbremsung versucht Deutschland, den Coronavirus-Ausbruch einzudämmen und eine Überlastung der Krankenhäuser zu verhindern (www.n-tv.de – 25.03.20). (4)

Более широкий контекст – текст всего развернутого подзаголовка (5) – актуализирует в языковом плане сомнение в успешности предпринимаемых мер (*gelingt es?*), а, следовательно, и всей попытки, выраженной с помощью глагола *ver-*

suchen и инфинитива *eindämmen* (сдерживать) и *verhindern* (препятствовать).

Mit einer nie da gewesenen Vollbremsung versucht Deutschland, den Coronavirus-Ausbruch einzudämmen und eine Überlastung der Krankenhäuser zu verhindern. Das öffentliche Leben steht still, die Wirtschaft blickt in den Abgrund. Gelingt es, die "Kurve abzuflachen"? (Ibidem). (5)

В тексте статьи уже содержатся подтверждения того, что выполнение мер сдерживания распространения коронавируса и предотвращения перегруженности больниц сопряжено с определенными, серьезными трудностями. Сама ситуация, которую нужно предотвратить, называется коллапсом системы здравоохранения (*den drohenden Kollaps im Gesundheitssystem zu verhindern*). Вся страна (*Deutschland*) прилагает огромные усилия (*mit einer nie da gewesenen Vollbremsung, mit aller Macht*): закрыты школы, университеты и детские сады, введен запрет на контакты, немецкая экономика работает в кризисном режиме (*Die deutsche Wirtschaft wechselt notgedrungen in den Krisenmodus*). Однако будут ли данные меры действенными (*Reichen die massiven Beschränkungen aus, das Infektionsgeschehen zu verlangsamen?*), может показать только время. В данном случае опять, как и в подзаголовке, выражается сомнение в успешности попытки.

В основном тексте статьи практически дублируется содержание подзаголовка, выполняющего сигнальную функцию. Подзаголовок знакомит читателя с основным содержанием, описывает в нескольких предложениях тему статьи. Если для подготовленного читателя информации подзаголовка достаточно, то он лишь бегло прочитает статью, убедившись в правоте своих предположений.

Созданию ситуации попытки способствуют и многочисленная эмоционально окрашенная лексика, использованная автором статьи, напр.: *Ausnahmezustand, mit einer nie da gewesenen Vollbremsung, der Abgrund, gravierend, die Konjunkturkatastrophe, der drohende Kollaps, notgedrungen, Krisenmodus, massiv*. Данная лексика

усиливает мнение читателя о том, что страна находится в действительно тяжелом положении. Насколько оправданной является использование достаточно сильно воздействующей на читателя лексики, не создается ли тем самым у читателя ощущение безысходности и паники, является темой отдельного исследования [см. напр.: Леонтьев 2008; Воронцова, Ковальчукова 2015]. Как нам кажется, в статье с заголовком *Infografik. Epidemie-Daten aus Deutschland. So entwickeln sich die Fallzahlen (Инфографика. Данные об эпидемии в Германии. Динамика случаев)* экспрессивно-эмоциональной лексики можно было бы избежать, перечисляя только лишь факты и предпринимаемые меры для сдерживания коронавируса. По мнению А.А. Леонтьева в СМИ таким образом передается не суть события, а создается его психический образ [8, с. 161-162].

Во всех приведенных выше примерах (1-5), как и в примерах (6) и (7), глагол *versuchen* использован в настоящем времени. Следовательно, вопрос об успешности или безуспешности попытки остается открытым. Происходит констатация факта попытки, попытка в данный момент только лишь осуществляется, это и фиксируется языком.

Ankara versucht, das Vertrauen der Bürger zu gewinnen (www.handelsblatt.com – 24.03.20). (6)

Die Bundesregierung versucht, der Wirtschaft unter die Arme zu greifen. Olaf Scholz und Peter Altmaier erklären, wie das geschehen soll (www.handel+sblatt.com – 24.03.20). (7)

Если речь идет о безрезультатной попытке, то существует мнение, что данное значение актуализуется наиболее ярко только в прошедшем времени [см. напр.: Ломов 1977: 70], напр.:

"Letztlich legen sie den Fokus darauf, was für sie am besten ist, so wie das eigentlich jeder tut. Ich habe es versucht und es ist nicht zustande gekommen... ", versicherte Vela. (Goal.com - 28. 03. 20). (8)

Нами зафиксированы также примеры (9), в которых и в настоящем времени

возможно указание на результат попытки, в данном случае, отрицательный. Безуспешность попытки здесь выражена не отдельным предложением, указывающим на результат, как в примере (8), а наречием *vergeblich* (напрасно), являющегося наряду с синонимом *vergebens* лексическим индикатором безрезультатной попытки [1, с. 122].

Ärztinnen und Ärzte, die auf Intensivstationen den brutalen Ernst der Lage erleben, *versuchen vergeblich*, die Leute zu warnen, die immer noch sorglos shoppen gehen (www.zeit.de – 28.03.20). (9)

В примере (9) акцент смещается с попытки осуществления действия на отрицательный результат, поскольку лексический индикатор безрезультатности появляется сразу после указания на факт попытки, обозначенной глаголом *versuchen*. Читатель сразу получает ответ на свой вопрос о том, закончится ли предпринятая попытка успешно или безуспешно. Получение быстрой и достоверной информации – одно из требований, которые предъявляются сейчас к современным онлайн – СМИ. И подобная сжатая структура ситуации попытки соответствует данному требованию. Однако это становится возможным, если результат попытки уже известен.

Попытка может быть выражена не только специализированным глаголом *versuchen*, но и глаголами, в значении которых есть сема «пытаться, прилагать усилия». Таким глаголом является, в частности, глагол *suchen* (искать). Так, в примере (10) выражена ситуация безрезультатной попытки комбинацией глагола *suchen* в форме плюсквамперфекта и лексического индикатора *vergeblich*. В этом медиатексте указывается на то, что поиск подходящих рейсов так и остался безуспешным. Однако технологические возможности онлайн – СМИ позволяют проследить за героями данной статьи. И возможно, попытка вернуться на родину в скором времени увенчается для героев статьи успехом.

Sie und ihr Freund hatten von Touristen in einer privat erstellten WhatsApp-Gruppe

gelesen, die unter Massen auf den Flughäfen in Rabat, Casablanca oder Marrakesch *vergeblich* Flugverbindungen *gesucht hatten* – nur um nach der Ankunft dort wieder in die Städte zurückkehren zu müssen (www.handelsblatt.com – 28.03.20). (10)

Попытка является актуализацией желания, намерения достичь определенного результата. Достаточно часто языковые средства, специализирующиеся в немецком языке на выражении желания, намерения, как, например, модальный глагол *wollen* (хотеть), берут на себя функцию глагола *versuchen* и могут выражать уже начавшееся действие, т.е. попытку [1, с. 72]. Подзаголовок (11) иллюстрирует подобный случай.

Eigentlich *wollte* Luisa Martinez mit ihrem umgedichteten "Dumm Dumm Song" ein Zeichen setzen. Doch nun ließen die Urheber der Komposition, Tears for Fears, das Lied verbieten (<https://de.nachrichten.yahoo.com> – 30.03.20). (11)

Предложение с противительным союзом *doch* указывает на причину безрезультатности попытки, выраженной с помощью модального глагола *wollen*. Авторы оригинальной композиции, на основе которой Луиза Мартинес создала свою песню "Dumm Dumm Song" («Глуно, глуно»), запретили использование своей мелодии. Соответственно, глагол *wollen* указывает не только на намерение, но и на определенные действия – песня была размещена в сети Интернет и стала известна широкой публике. Подробные объяснения даются в основном тексте статьи. Однако молодая мать из Крефельда (Германия) не сдаётся, и предпринимает вторую попытку. С помощью лучшего друга она пишет собственную музыку и снова выкладывает видео со своей песней на канале YouTube (12).

Lisa Martinez *will allerdings nicht klein beigeben*: "Da das Feedback auf unseren Beitrag so riesig war und die Leute das Lied täglich hören wollten, habe ich mithilfe meines besten Freundes eine neue, eigene Musik komponiert und darauf denselben Text noch einmal neu eingesungen sowie auch ein neues Video dazu hochgeladen." (Ibidem). (12)

Читатель статьи сразу же получает возможность прослушать песню Луизы Мартинес, нажав на кнопку воспроизведения в соответствующем окне, и воспользовавшись, таким образом, преимуществами медиатекста.

В дискурсе онлайн – массмедиа в контексте событий, затрагивающих практически каждую страну в сегодняшнем мире здесь и сейчас, ситуация попытки

находит свое актуальное значение. Журналисты, описывая предпринимаемые меры по борьбе с коронавирусом, учитывая всю сложность сложившейся ситуации, говорят о действиях правительства и страны как о попытке. Оставляя тем самым открытым ответ на вопрос об успешном или безуспешном результате предпринимаемых мер.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранова Н.А. Средства выражения конативной безрезультатности в немецком языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Архангельск, 2005. 192 с.
2. Баранова Н.А. Аспектуальность, модальность и темпоральность значения конативной безрезультатности в немецком языке // Выражение темпоральных и аспектуальных значений в немецком языке в разных стилях, жанрах и типах текста: коллективная монография / Отв. ред. Е.В. Боднарук. Архангельск: КИРА, 2013. с. 111-125.
3. Воронцова Т.А., Ковальчукова М.А. Образ события в новостном интернет- дискурсе // Вестн. Удмурт. ун-та. Сер.: История. Филология. 2015. Т. 25. № 4-3. С. 102-108.
4. Вригт Г.Х. фон. Логико-философские исследования: Избр. труды. М.: Прогресс, 1986. 600 с.
5. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. М.: Флинта: Наука, 2008. 263 с.
6. Карпова Т.Б., Фибих Т.Г. Дискурс сетевых СМИ// Вестн. Пермского ун-та. Сер.: Российская и зарубежная филология. 2009. № 6. С. 19-24.
7. Кустова Г.И. Семантико-синтаксический анализ рефлексивных предикатов: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. М., 1990. 21 с.
8. Леонтьев А.А. Психолингвистические особенности языка СМИ // Язык средств массовой информации. М.: Академический Проект; Альма Матер, 2008. С. 146-170.
9. Ломов А.М. Очерки по русской аспектологии. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1977. 139 с.
10. Милютин М.Г. Семантика конативности и потенциальная модальность: комплекс "попытка — результат" и его выражение в современном русском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. Екатеринбург, 2006. 42 с.
11. Милютин М.Г. Модальность попытки и способы ее выражения в современном русском языке. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014. 445 с.
12. Труб В.М. Лексика целесообразной деятельности (Опыт описания) // Логический анализ языка. Ментальные действия. М.: Наука, 1993. С. 58-66.
13. Чернова С.В. Модальные глаголы в современном русском языке. Семантическая модель «замысел – осуществление замысла». Киров: Изд-во ВГПУ, 1996. 160 с.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Baranova N.A. Sredstva vyrazhenija konativnoj bezrezul'tatnosti v nemeckom jazyke: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Arhangel'sk, 2005. 192 s.
2. Baranova N.A. Aspektual'nost', modal'nost' i temporal'nost' znachenija konativnoj bezrezul'tatnosti v nemeckom jazyke // Vyrazhenie temporal'nyh i aspektual'nyh znachenij v nemeckom jazyke v raznyh stiljah, zhanrah i tipah teksta: kollektivnaja monografija / Otv. red. E.V. Bodnaruk. Arhangel'sk: KIRA, 2013. s. 111-125.
3. Voroncova T.A., Koval'chukova M.A. Obraz sobytija v novostnom internet- diskurse // Vestn. Udmurt. un-ta. Ser.: Istorija. Filologija. 2015. T. 25. № 4-3. S. 102-108.
4. Vright G.H. fon. Logiko-filosofskie issledovanija: Izbr. trudy. M.: Progress, 1986. 600 s.

5. Dobrosklonskaja T. G. Medialingvistika: sistemnyj podhod k izucheniju jazyka SMI. M.: Flinta: Nauka, 2008. 263 s.
6. Karpova T.B., Fibih T.G. Diskurs setevyh SMI// Vestn. Permskogo un-ta. Ser.: Rossijskaja i zarubezhnaja filologija. 2009. № 6. S. 19-24.
7. Kustova G.I. Semantiko-sintaksicheskij analiz reflektivnyh predikatov: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. M., 1990. 21 s.
8. Leont'ev A.A. Psiholingvisticheskie osobennosti jazyka SMI // Jazyk sredstv massovoj informacii. M.: Akademicheskij Proekt; Al'ma Mater, 2008. S. 146-170.
9. Lomov A.M. Oчерki po russoj aspektologii. Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo un-ta, 1977. 139 s.
10. Miljutina M.G. Semantika konativnosti i potencial'naja modal'nost': kompleks "popytka — rezul'tat" i ego vyrazhenie v sovremennom rusском jazyke: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.01. Ekaterinburg, 2006. 42 s.
11. Miljutina M.G. Modal'nost' popytki i sposoby ee vyrazhenija v sovremennom rusском jazyke. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014. 445 c.
12. Trub V.M. Leksika celesoobraznoj dejatel'nosti (Oпыт opisanija) // Logicheskij analiz jazyka. Mental'nye dejstvija. M.: Nauka, 1993. S. 58-66.
13. Chernova S.V. Modal'nye glagoly v sovremennom rusском jazyke. Semanticheskaja model' «zamysel – osushhestvlenie zamysla». Kirov: Izd-vo VGPU, 1996. 160 s.

Поступила в редакцию 17.04.2020.

Принята к публикации 20.04.2020.

Для цитирования:

Баранова Н.А. Дискурсивный анализ ситуации попытки (на материале немецких онлайн – СМИ) // Гуманитарный научный вестник. 2020. №3. С. 127-133. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2020/03/Baranova.pdf>

<https://doi.org/10.5281/zenodo.3765789>

УДК 811:133.3; 159.964.3

Берестнев Г.И., Бойко Л.Б., Дорошева Н.В.

Берестнев Геннадий Иванович, доктор филологических наук, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, 236041, Россия, г. Калининград, ул. А. Невского, 14. E-mail: berest-gen@mail.ru.

Бойко Людмила Борисовна, кандидат филологических наук, старший преподаватель, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, 236041, Россия г. Калининград, ул. А. Невского, 14. E-mail: boyko14@gmail.com.

Дорошева Наталья Владимировна, старший преподаватель, Калининградский филиал Московской Финансово-юридической Академии, 236000, Россия, г. Калининград, ул. Ермака, 3. E-mail: dorosch@mail.ru.

Типология синхронистических явлений

Аннотация. В статье утверждается реальность явления синхронистичности, составляющей объект аналитической психологии (К.Г. Юнг), квантовой механики, а в перспективе – и когнитивной лингвистики. В этом плане создается типология синхронистических явлений, определяется возможность единообразного метаописания этих явлений на основе естественного языка и специально разработанного символического моделирования. Разработанные положения позволяют утвердить содержательную основу синхронистических совпадений, с новых позиций показать познавательную иллюзорность времени, продемонстрировать содержательное единство человека и мироздания. Также в статье представляется впервые разработанный формализованный язык метаописания синхронистических явлений.

Ключевые слова: синхронистичность, метаязык, типология, семантика, когнитивная лингвистика, аналитическая психология.

Berestnev G.I., Boyko L.B., Doroscheva N.V.

Berestnev Gennady Ivanovich, Doctor of Philological Sciences, Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, 236041, Russia, Kaliningrad, A. Nevskogo st., 14. E-mail: berest-gen@mail.ru.

Boyko Lyudmila Borisovna, Candidate of Philological Sciences, senior lecturer, Immanuel Kant Baltic Federal University, 236041, Russia, Kaliningrad, A. Nevskogo st., 14. E-mail: boyko14@gmail.com.

Doroscheva Natalya Vladimirovna, senior lecturer, Kaliningrad branch of the Moscow University of Finance and Law Finance, 236000, Russia, Kaliningrad, Yermaka st., 3. E-mail: dorosch@mail.ru.

Typology of synchronistic phenomena

Abstract. The article states the reality of the phenomenon of synchronicity, which is the object of analytical psychology (K. G. Jung), quantum mechanics, and in the future – and cognitive linguistics. In this regard, a typology of synchronistic phenomena is created, the possibility of a uniform meta-description of these phenomena on the basis of natural language and specially developed symbolic modeling is determined. The developed provisions allow to approve the content basis of synchronistic coincidences, to show the cognitive illusiveness of time from new positions, to demonstrate the meaningful unity of man and the universe. The article also presents the first developed formalized language of meta-description of synchronistic phenomena.

Key words: synchronicity, metalanguage, typology, semantics, cognitive linguistics, analytical psychology.

Введение. *Синхронистичность как объект когнитивной науки.*

Одну из наиболее ярких парадигмальных черт современной науки составляет расширение объектного поля исследований и поиск новых перспективных объектов исследования. При этом важную роль играет принцип антропоцентризма: эти объекты рассматриваются в связи с познающим их субъектом и открывают перспективы раскрытия уже его собственной глубинной познавательной природы. В квантовой механике этот принцип был доведен до теоретического предела. Одно из ключевых положений в ней было сформулировано Д.А. Уилером так: «самое простое и само честное объяснение квантовых парадоксов заключается в том, что ведомая нам вселенная – результат наблюдений тех, кто наблюдает ее» [цит по: 5, с. 127].

К числу объектов подобного рода относится отмеченное еще К.Г. Юнгом явление синхронистичности. Объясняя его сущность, Юнг писал: «Я выбрал этот термин потому, что главным критерием мне представлялось одновременное возникновение двух событий, связанных не причинно, а по смыслу. Поэтому я использую общую концепцию синхронистичности в особом смысле совпадения во времени двух или более причинно не связанных между собой событий, которые имеют одно и то же или сходное значение. Эту концепцию не следует путать с “синхронностью”, которая просто означает одновременность протекания двух событий» [7, с. 217-218]. В качестве одного из примеров, иллюстрирующих совпадения такого рода, Юнг привел случай, когда во время беседы с пациенткой, рассказывавшей ему о подаренном ей во сне золотом скарабее, в комнату залетел хрущ обыкновенный (*Cetonia aurata*). Его форма и желто-зеленая окраска напоминала скарабея [7, с. 186-187].

Важно отметить, что категориальные границы синхронистичности у Юнга определены не достаточно четко и на самом деле имеют размытый характер. Так, в рамках этого явления рассматриваются хронологически полностью совпадающие события. Подобный характер имеет приведенный Юнгом пример: жена одного из его пациентов рассказала, что в моменты смерти ее бабушки и матери за окном комнаты собиралось множество птиц. Позже, в момент смерти ее мужа стая птиц также села на крышу их дома.

Синхронистичными Юнг считал и такие случаи, при которых событие, происходящее в объективном мире, хронологически не строго совпадает с содержательно подобным ему психическим состоянием человека, которое предвещает объективное событие. Примером такого рода может служить сновидение одного знакомого Юнга. Он увидел во сне во всех подробностях внезапную смерть друга. На следующий день пришла телеграмма, сообщающая, что друг действительно умер, но позже выяснилось, что смерть наступила по крайней мере за час до сновидения. В рамках явления синхронистичности в этом случае определяются события, совпадающие содержательно, но в этих условиях признак «хронологическое единство» оказывается размытым.

При совпадении психического состояния человека и отвечающих ему объективного события могут иметь место даже некоторые содержательные расхождения. Случаи подобного рода Юнг проиллюстрировал одним из снов английского философа Дж.У. Дана (J.W.Dunne), которому приснилось, что он стоит на краю вулканического кратера на каком-то острове, и этому острову угрожает катастрофическое извержение. Данн понимал, что погибнуть могут четыре тысячи жителей острова. Во сне он предпринимал возможные меры для спасения этих людей, и все время у него в голове звучала

мысль: «Четыре тысячи человек погибли, если...». Спустя несколько дней он получил газету «Дейли Телеграф», в которой было напечатано известие о том, что на острове Мартиника в Вест-Индии произошло извержение вулкана Мон-Пеле, и в результате этого извержения погибли 40 000 человек. Число погибших во сне Данна и число погибших в действительности различалось порядком.

Наконец, связанные отношением синхронистичности события могут иметь вид «символических параллелей». Например, *птицы*, являющиеся предвестниками смерти могут рассматриваться как образные репрезентанты глубинной (архетипической) мысли о душе. В связи с этим явлением сам Юнг выдвинул предположение о действии некоего принципа «архетипического символизма» [7, с. 215, 216].

Все это показывает, что синхронистичность составляет важный и весьма перспективный объект современной науки, выводящий ее на позиции междисциплинарности. При этом важно более четко определить границы этого явления, оговорить его виды и разновидности. А это предполагает разработку широкой типологии синхронистических совпадений.

1. Разработка типологии синхронистических совпадений: ближайшие задачи.

Отмеченные противоречия или несоответствия в явлении синхронистичности могут быть преодолены на основе решения двух глобальных задач. Во-первых, это создание классификации синхронистических феноменов, позволяющей более четко определить границы этого явления в целом.

Сам Юнг писал о трех его разновидностях, в которых психическое состояние наблюдателя совпадало с одномоментным внешним событием, с событием, хронологически более-менее близким ему, и с событием, значительно отдаленным от состояния, принадлежащим неопределенному будущему [7, с. 187]. Однако более строгой видится классификация синхронистических совпадений по четырем базовым основаниям: 1) распределе-

ние коррелирующих событий во времени, 2) знаковое воплощение совпадающих событий, 3) их функциональная направленность, 4) объективность или субъективность синхронистического совпадения. Эти основания в целом образуют своего рода четырехмерное пространство, в котором синхронистические совпадения распределяются, обретая те или иные феноменологические черты. С учетом этих классов должен создаваться и формализованный язык метаописания явлений синхронистичности. Он должен быть применим к любой разновидности синхронистических явлений, таким путем демонстрируя их сходства и различия.

2. Синхронистические явления в типологическом аспекте.

На первый взгляд отмеченному требованию в достаточной мере удовлетворит естественный язык, формулировки которого способны описывать сущностные характеристики как отдельной синхронистически связанных событий, так и целого класса событий подобного рода. Но, по сути, в этих случаях будут описываться сущностные характеристики определенного типа синхронистических событий. Еще более репрезентативными в этом отношении будут метаописательные модели, символически представляющие отмеченные выше четыре параметра синхронистических событий в каждом конкретном случае.

2.1. Распределение во времени. При рассмотрении синхронистических явлений с точки зрения распределения во времени определяются две их разновидности:

А) События, в значительной мере одновременные. Хронологический интервал между ними либо отсутствует, либо весьма незначителен, либо субъективно оценивается как таковой. К данному типу синхронистических совпадений относятся *провидения* – вербально оформленные знания о событиях, реально одновременных с актом речи, но пространственно отдаленные от говорящего и недоступные его прямому восприятию [см. 1]. Ср.:

Был год, когда из-за жаркого и безводного лета в Московской области горе-

ли леса и торфяники. Старица Ольга Московская (в миру Мария Ивановна Ложкина, 1871-1973) сказала в один из дней этого лета: «Все солдатики упали в торф и сгорели. Помолитесь за них!» Через несколько дней появилось сообщение, что солдаты, тушившие лесные пожары, сгорели в торфянике... [2, с. 42].

Метаописательная формализованная модель этого примера такова: $A_{(S, t_1, s_1, f)}$ & $A_{(O, t_1, s_1, f)}$, где символ A обозначает совпадающие события (собственно их тождество), символ & показывает их связь, а последующие символы в скобках раскрывают их характеристики – S или O вскрывают их субъективность и объективность, t_1 в том и другом случае показывает хронологическое единство событий, s_1 в обоих случаях показывает их знаковое единство, f показывает функциональность синхронистичного совпадения событий (оно лишь извещает окружающих о произошедшем событии).

Б) Коррелирующие, но не одновременные события. Хронологический интервал между ними не только субъективно оценивается как более или менее значительный, но и реально является таковым. Синхронистическая связь в случаях такого рода на самом деле определяется не хронологическим совпадением событий, а их содержательной связью (эту связь особо подчеркивал К.Г. Юнг).

Важно отметить и то, что связь подобного рода имеет «векторный» характер – направлена в будущее или связывает «настоящее» исходного события с будущим. Иногда она даже является своего рода проекцией будущего на прошлое. Как кажется, к синхронистическим совпадениям такого рода относятся, с одной стороны, феномены *déjà vu* «уже виденное», *déjà vécu* «уже пережитое», *déjà éprouvé* «уже испытанное» и т.п., а с другой – различные *предвидения* и сформулированные на их основе *пророчества*.

В этой связи показателен рассказ женщины, которая стала свидетельницей дара прозорливости блаженной старицы

Анны Васильевны (г. Бузулук). В 1933 году был голод. Прислала письмо мамаина сестра из города Бийска (они туда уехали из-за голода). Пишет: продавайте дом и приезжайте к нам. Папа колебался, но сказал: «Пока не получу благословения от блаженной Анны Васильевны, никуда не поеду».

И вот он пришел на базар, к Анне Васильевне. А она ему навстречу. Он еще не успел ничего произнести, а она и говорит: «Санюрка (так она отца моего называла), не продавай дом. Все скоро поедут в Самару, привезут кирпичики (а хлеб, действительно, в первый раз начали печь кирпичиками). Максимка всех повезет (это поезд ездил до Самары), и Гришка поедет, и Мишка поедет, а машинист как гукнет - так все побегут».

И вскоре, недели через две, стали в Самаре продавать хлеб без карточек. И набирали все хлеб сколько хотели. А вот милиция в Бузулуке стала отбирать хлеб, кто много вез. Тогда договаривались с машинистом поезда, и он возле семафора стал давать сигнал и делать маленькую остановку. Тут некоторые сходили, а другие бросали сумки, а мы, дети, собирали каждый свои. Вот и исполнились ее слова. Машинист гукнет – и все побегут [2, с. 202].

Структурная модель приведенного примера такова: $A_{(S, t_1, s_1, f)}$ & $A_{(O, t_2, s_1, f)}$, где символ A обозначает совпадение событий, их тождество, символ & показывает их связь, символы S и O показывают их субъективность и объективность соответственно, t_1 и t_2 показывают темпоральную дистанцию между событиями, s_1 в обоих случаях показывает их семиотическое единство, f показывает функциональный характер синхронистичности.

2.2. Знаковое воплощение. При рассмотрении синхронистических совпадений с точки зрения их знакового воплощения также определяются два их вида – внутрикодовые и межкододовые совпадения. Далее выделяются их разновидности в зависимости от конкретного кода, на основе которого они репрезентируются.

А) Внутрикодовые синхронистические совпадения. Их характеризует то, что содержательно связанные события имеют одинаковое семиотическое осуществление – реализуются внутри одного семиотического кода. В частности, подобные совпадения могут реализоваться в числовой сфере; они могут проследиваться на языковом уровне в плане взаимодействия имен собственных и имен нарицательных (общих наименований объектов). Но наиболее яркие событийные совпадения в внешней реальности. В следующем хорошо известном примере прослеживаются совпадения числовых данных и имен собственных в жизни президентов США А. Линкольна и Дж. Кеннеди.

Линкольн родился в 1818 г. Кеннеди родился в 1918 г. (разница 100 лет).

Линкольн стал президентом США в 1860 г. Кеннеди стал президентом США в 1960 г. (разница 100 лет).

Оба были убиты в пятницу. Оба в присутствии жен. Оба — выстрелом в голову.

Линкольн был убит в театре «Кеннеди». Кеннеди был убит в автомобиле «Линкольн».

Незадолго до смерти Линкольн побывал в городке Монро, что в Мэрилэнде; у Кеннеди незадолго до смерти был роман с Мэрилин Монро.

Оба южане. Оба демократы.

До того, как стать президентами, оба были сенаторами США.

Приемник Линкольна после убийства — Джонсон. Приемник Кеннеди после убийства — Джонсон. Первый, Эндрю Джонсон родился в 1808 г. Второй, Линдон Джонсон родился в 1908 г. (разница 100 лет).

Формализованная метаописательная модель примеров подобного рода такова: $A, B, C \dots (O, t_1, s_1, 2, 3 \dots g)$ & $A, B, C \dots (O, t_2, s_1, 2, 3 \dots g)$, где символы $A, B, C \dots$ обозначают совпадающие обстоятельства (числовые и событийные), символ & показывает их связь, символ O показывает их объектив-

ный характер, символы t_1 и t_2 указывают на хронологическую дистанцию между событиями, $s_1, 2, 3 \dots$ указывают на разное семиотическое осуществление совпадающих событий, символ g показывает их игровой характер (функциональность этих совпадений не прослеживается).

Б) Межкододовые синхронистические совпадения. Для них характерно совпадение событий, имеющих разное семиотическое осуществление. Например, это могут быть символические сновидения, которые впоследствии реализуются в тех или иных событиях. Другие типичные разновидности совпадений подобного рода – *символические пророчества*, представляющие собой вербальное описание некоторого события или некоторого действия, символически представляющие событие, которое осуществится в реальности в будущем.

2.3. Функциональность. И вновь при рассмотрении синхронистически совпадающих событий с этой точки зрения определяются две их разновидности.

А) Игровые синхронистические совпадения. Это такие совпадения, функциональность которых очевидным образом не прослеживается. Случаи подобного рода воспринимаются как проявления некой событийной игры, смысл которой непонятен, но которая тем не менее отмечается. Ср.:

Династии Романовых началась обрядом призвания на царство в 1613 г. в Свято-Троицком Ипатьевском монастыре, а закончилась расстрелом в 1918 г. в Ипатьевском доме в Екатеринбурге.

Формализованная модель этого примера такова: $A(O, t_1, s_1, g)$ & $A(O, t_2, s_1, g)$, где символ A обозначает полностью совпадающие события, символ & показывает их связь, символ O в том и другом случае показывает их объективность, символы t_1 и t_2 показывают хронологическую дистанцию между событиями, s_1 в обоих случаях указывает на их знаковое единство, g показывает игровой характер синхронистического совпадения событий.

Б) *Функциональные синхронистические совпадения.* Это такие совпадения, которые

Явно значимы для человека, играют важную роль в его жизни – предупреждают о грядущих событиях, обеспечивают помощь и поддержку в делах, составляют отклик на внутреннюю просьбу или молитву. Характерные случаи такого рода составляют *пророчества* или *пророческие сновидения*; таковы же различные поддерживающие человека события.

В.С. Соловьев в «Трех свиданиях» писал о том, что во время работы в библиотеке Британского музея страстная мысль о Женском Божестве, которое открылось ему еще когда-то в детстве, внешне подкреплялась соответствующей тематикой книг, с которыми он работал (...*тайные мне силы выбирали / Все, что о ней читать я только мог*).

Формализованная метаописательная модель этого примера такова: $A_{(S, t_1, s_1, f)}$ & $B_{(O, t_2, s_2, f)}$, где символы A и B обозначают совпадающие события при их внешнем различии, символ & показывает их связь, символы S и O показывает субъективность и объективность событий A и B , символы t_1 и t_2 показывают хронологическую дистанцию между событиями, s_1 и s_2 в обоих случаях указывает на их знаковое нетождество, символ f показывает функциональность синхронистического совпадения отмеченных событий.

2.4. *Объективность / субъективность синхронистических явлений.* В случаях подобного рода также определяются две разновидности содержательно совпадающих событий, которые представляются такими феноменами, как *приметы, знамения, пророческие сновидения.*

А) *Объективные синхронистические совпадения.* Это такие совпадения событий, которые репрезентируются в объективной сфере. и они могут быть засвидетельствованы многими внешними наблюдателями. Таковы, например, различные народные приметы и знамения. Ср. приметы, предвещающие войну в русской лингвокультурной традиции:

– Перед войной бывает необычайно большой урожай грибов (также яблок и огурцов). Два подряд грибных года было перед нападением Германии на Советский Союз, а ещё раньше — накануне русско-японской войны. В старину говорили: «Много грибов – много гробов».

– Перед войной рождается гораздо больше мальчиков, чем девочек.

– Перед войной на небе наблюдают многочисленные и длительные сполохи.

– Перед войной обычно бывает богатый урожай хлеба, обильные укусы и т.д. (это, по воспоминаниям очевидцев, наблюдалось и в 1941 г.).

– Паутина, затянувшая колодец, считалась верным признаком близящихся лишений [4].

Общая формализованная модель подобных примеров такова: $A_{(O, t_1, s_1, f)}$ & $A_{(O, t_2, s_2, f)}$, где символ A обозначает совпадающие события (собственно их тождество), символ O в обоих случаях показывает их объективность, символы t_1 и t_2 указывают на хронологическую дистанцированность событий, символы s_1 и s_2 указывают на их семиотическое нетождество, f показывает функциональность синхронистического совпадения событий (она характерна для примет и знамений).

Аналогичный характер имеют в русской лингвокультурной традиции и знамения, которые отличаются от примет своей нерегулярностью, несистемностью. Это спонтанные знаки будущего, которые открываются всему обществу как объективные события, причем как правило таким путем раскрываются близящиеся беды и испытания.

Знаком грядущей войны считается появление большого количества насекомых, грызунов и прочих вредителей. Так, перед войной люди наблюдали очень большое количество белых бабочек, саранчи, муравьев, крыс и мышей [Народные приметы... Одна из очевидиц рассказывала: «Перед войной в весну появилось у нас (Смоленская область) очень много

майских жуков. Возле нашего дома росли три березы, так они эти березы в одну ночь начисто объели, ни одного листочка не осталось. Так старики говорили, что это к войне».

Общая формализованная модель подобных примеров аналогична структурной модели примет: $A_{(O, t1, s1, f)}$ & $A_{(O, t2, s2, f)}$.

Объективный характер имеют и пророчества – независимо от того, даны они индивидуально или публично, вербальные они или акциональные. Их объективность определяется представленностью во внешней сфере – языковой или акциональной. Ср.:

Перед Первой мировой войной блаженная старица Марфа (Марфа Лаврентьевна Смирнова – 1850-1927) то красную юбку наденет на себя, то кофту красную. Так предсказывала, что война будет. Поднималась на крышу отцовского дома и кричала с крыши: «Война! Война!» Кричала с крыши и еще чем-нибудь махала [2, с. 296].

Старица Ольга предсказала многие события. Как-то к ней пришел знакомый диакон с детьми. Старица стала диакона укладывать в постель. Достала простыню и укутала диакона с головой. Вспомнили об этом эпизоде, когда через несколько месяцев диакон умер... [Девятова 2009: 29].

Общая формализованная модель пророчеств (и вербальных, и акциональных) аналогична моделям примет и знамений: $A_{(O, t1, s1, f)}$ & $A_{(O, t2, s2, f)}$.

Б) *Субъективные синхронистические совпадения.* Это совпадения, зафиксированные человеком внутренне, психологически и значимые для него лично. Таковы, например, осуществляющиеся в индивидуально-значимой образности пророческие сновидения или личные приметы человека. Субъективность синхронистических совпадений подобного рода проявляется также в том, что они связаны с субъективными оценками, которыми

отмечены для человека события будущего. Ср.:

3. Фрейд привел весьма яркий пример вещего сна, о котором сообщили Плутарх и Артемидор из Далдиса. Александр Македонский со своим войском осаждал отчаянно защищавшийся город Тир (322 г. до н. э.), и как-то во сне увидел танцующего сатира. Толкователь снов Аристандр, находившийся при войске, объяснил смысл этого образа, разложив слово *сатур* на *σά Τύρος* ‘твой Тир’, и тем самым пообещал Александру победу над городом. Воодушевленный Александр продолжил осаду и в итоге действительно взял Тир [6, с. 150].

Сны не снились. А вот когда ключи падают из рук – это к неприятности. Сто процентов! Вот связка ключей упадет из рук – все, хоть не выходи из дома. Заметила не очень давно, может, пару лет назад.

Общая формализованная модель приведенных примеров такова: $A_{(S, t1, s1, f)}$ & $A_{(O, t2, s2, f)}$, где символ A обозначает совпадающие события, их тождество, символ & показывает их связь, символы S и O показывают субъективность и объективность первого и второго из событий соответственно, символы t_1 и t_2 указывают на хронологическую дистанцию событий, s_1 и s_2 указывают на семиотическое нетождество событий в подобных сновидениях и пророчествах, f показывает их функциональность.

В рамках этого типа синхронистических совпадений лежат и следующие два примера, причем первое совпадение имеет объективный характер, а второе – субъективный. Ср.:

Пример такого типа связан и с личностью блаженной старицы Евгении (1877-1952 гг.). Ее современница Антонина Панова вспоминала: «Помню, пришла матушка к Долгополовым в дом, легла ни с того ни с сего на кровать хозяина дома, стала охать да ахать, катаясь на кровати,

после чего и ушла. Через несколько дней хозяин дома упал с брочки, разбился. После непродолжительных мучений – скончался...» [2, с. 215].

Если снится, что расчесываешь волосы, что-то делаешь с волосами, это у меня всегда дальняя дорога. Какой-то внезапный отъезд, куда-то нужно ехать... Вот накануне мне снится, что я либо племяннице расчесываю волосы либо сама вижу себя с длинными волосами. Такое всегда... То есть совпадение абсолютное, стопроцентное.

Общие формализованные метаописательные модели этих примеров таковы: $A_{(O, t_1, s_1, f)}$ & $B_{(O, t_2, s_2, f)}$ и $A_{(S, t_1, s_1, f)}$ & $B_{(O, t_2, s_2, f)}$, где символы A и B обозначают содержательно совпадающие события, символ & показывает их связь, символы S и O показывает их субъективный или объективный характер, символы t_1 и t_2 указывают на хронологическую дистанцию между ними, s_1 и s_2 указывают на разное семиотическое осуществление событий, символ f показывает их функциональный характер – они предупреждают человека о грядущих событиях.

Заключения.

Какие же заключения относительно типологии синхронистических совпадений позволяют сделать представленные данные? Первое, что еще раз должно быть отмечено в этом плане, – принципиально содержательная природа синхронистических совпадений. Именно единые содержания выводят событийные совпадения подобного рода за пределы темпоральности физического мира, открывая человеку будущее в настоящем.

Переходя с этих позиций в область глубинной физической реальности, можно заключить, что на самом деле в ней нет времени – есть содержательные взаимодействия, которые на поверхностном уровне лингвокультурной ментальности человека расцениваются как событийные совпадения. Представление же о времени составляет продукт человеческого ума, в

котором интеллектуально закрепились внешняя мера событийности. «Рассматривая сознание... – писал известный физик-теоретик М.Б. Менский, – мы с необходимостью приходим к выводу, что в созданной сознанием картине содержится то, что отсутствует в квантовом мире. Квантовый мир обратим во времени, а сознание создает ощущение хода времени и различия между настоящим, прошедшим и будущим» [3, с. 180]

Второе заключение, которое может быть сделано при разработке типологии синхронистических совпадений, таково. Человек – существо, познавательная сфера которого содержательна в такой же мере, в какой содержательно само мироздание. С этой точки зрения познавательная сфера человека и мироздание определяются как единое целое. Поэтому именно в глубинах своей души человек может постичь и собственное единство с миром, и единство совершающихся в мире событий. И именно синхронистичность раскрывает это единство мира и человеческого сознания.

Третье заключение касается близящегося преобразования взглядов на окружающий мир. Следует согласиться с тем, что на самом деле мир не таков, каким мы его непосредственно воспринимаем. Каков же он «на самом деле». На этот вопрос ищет ответы квантовая механика и современная когнитивная наука. Но уже сейчас можно утверждать, что основу мира составляют содержания. По сути, содержательно все, что есть в мире. И разные события могут быть знаками одних и тех же содержаний. Не об этом ли смысловом единстве языком синхронистичности говорит с человеком Вечность?

Наконец, с этих позиций отчетливо просматривается метаязыковой потенциал естественного языка. Его возможности в описании некаузальных содержательных совпадений, определяемых как синхронистичность, безграничны. Более того, его использование в данных условиях более отчетливо показывает содержательную основу и синхронистических

совпадений, и когнитивной сферы человека, и самой действительности, с которой они связаны. Вместе с тем семиотическая природа синхронистических совпадений в отдельных случаях выходит за рамки языка как знаковой системы (таковы, в частности, числовые совпадения). Это обстоятельство предопределило разработку формализованного метаописа-

тельного средства более высокого порядка, способного к описанию совпадений, имеющих любую знаковую природу. Таковым является специально разработанный язык символов, который способен отразить все аспекты синхронистически совпадающих событий. Однако и этот язык «расшифровывается» посредством естественного языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Берестнев Г.И. Прагматические подтексты в профетических текстах (русская православная традиция) // Текст и подтекст: Поэтика эксплицитного и имплицитного. Материалы международной научной конференции 20-22 мая 2010 г. Москва, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. М.: Азбуковник, 2011.
2. Девятова С. Православные подвижницы XX столетия. М.: Артос-Медиа. 2009.
3. Менский М.Б. Сознание и квантовая механика: Жизнь в параллельных мирах (Чудеса сознания – из квантовой реальности). Фрязино: Век2, 2011.
4. Народные приметы о войне. URL http://www.neptun8.ru/Literatura/Primeti_voina.htm
5. Уилсон Р.А. Квантовая психология. Управление сознанием: Практично, остроумно, увлекательно. М.: ООО Книжное издательство «София», 2016.
6. Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции. М.: Наука, 1989.
7. Юнг К.Г. Синхронистичность. М.: РЕФЛ-БУК, ВАКЛЕР, 1997.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Berestnev G.I. Pragmaticcheskie podteksty v profeticheskikh tekstah (russkaja pravoslavnaja tradicija) // Tekst i podtekst: Pojetika jeksplicitnogo i implicitnogo. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii 20-22 maja 2010 g. Moskva, Institut russkogo jazyka im. V.V. Vinogradova RAN. M.: Azbukovnik, 2011.
2. Devjatova S. Pravoslavnye podvizhnicy XX stoletija. M.: Artos-Media. 2009.
3. Menskij M.B. Soznanie i kvantovaja mehanika: Zhizn' v parallel'nyh mirah (Chudesa soznanija – iz kvantovoj real'nosti). Frjazino: Vek2, 2011.
4. Narodnye primety o vojne. URL http://www.neptun8.ru/Literatura/Primeti_voina.htm
5. Uilson R.A. Kvantovaja psihologija. Upravlenie soznaniem: Praktichno, ostroumno, uvlekatel'no. M.: ООО Knizhnoe izdatel'stvo «Sofija», 2016.
6. Frejd Z. Vvedenie v psihoanaliz. Lekcii. M.: Nauka, 1989.
7. Jung K.G. Sinhronistichnost'. M.: REFL-BUK, VAKLER, 1997.

Поступила в редакцию 17.04.2020.

Принята к публикации 22.04.2020.

Для цитирования:

Берестнев Г.И., Бойко Л.Б., Дорошева Н.В. Типология синхронистических явлений // Гуманитарный научный вестник. 2020. №3. С. 134-142. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2020/03/Berestnev.pdf>

<https://doi.org/10.5281/zenodo.3765811>

УДК 81

Ван Цзя

Ван Цзя, аспирант, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 117485, Россия, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 6. E-mail: wj042500@gmail.com.

К вопросу о методах изучения культурных концептов

Аннотация. В статье рассматривается методика изучения культурных концептов, особое внимание обращается на специфику концептуального анализа. В статье отмечается, что концепт нередко охватывает широкий спектр значений, поэтому не может быть выражен посредством одной лексической единицы. Это позволяет в рамках лингвокультурологии перейти от собственно лингвистического описания языковых явлений к их культурно- и антропоцентрическому описанию. Концепт определяется в том числе культурными особенностями, поэтому выбор правильного метода концептуального анализа остается важнейшим фактором в научных исследованиях.

Ключевые слова: лингвокультура, лингвистика, культура, методика, концепт, концептуальный анализ, интроспекция исследователя.

Wang Jia

Wang Jia, post-graduate student, Pushkin State Russian Language Institute, 117485, Russia, Moscow, Ac. Volgin st., 6. E-mail: wj042500@gmail.com.

To the question of methods for studying cultural concepts

Abstract. The article discusses the methodology of studying cultural concepts, special attention is paid to the specifics of conceptual analysis. Since the concept often covers a wide range of meanings, it cannot be expressed through a single lexical unit. Accordingly, in linguoculturology as an integrative scientific direction, the use of conceptual analysis allows one to get away from describing the actual structure of the language in the direction of anthropocentric description.

Key words: linguistic culture, linguistics, culture, concept, technique, conceptual analysis, cultural concept, introspection of the researcher.

Когда сложные понятия рассматриваются с лингвистической точки зрения, исследователям трудно выбрать конкретные методы научного описания. Обычно условием для описания такого понятия является проведение концептуального анализа. Н.И. Толстой отмечает: «Вопрос дальнейшего развития значения развивается в двух диаметрально противоположных направлениях - на линии структуры и дифференциации, на линии интеграции она представляет всю семантическую сферу полностью» [5]. Задача полного описания значения слова заключается в выявлении всех его связей.

Концептуальный анализ, первоначально использовавшийся философами, в последние несколько десятилетий широко применялся для идентификации и описания языкового содержания отдельных единиц. Р.М. Фрумкина выделяет при этом три возможных направления исследований в концептуальном анализе [6].

Прежде всего, объект концептуального анализа представляет собой сложную психическую форму, выраженную посредством точки зрения, знания и убеждения. В качестве исходного материала используются абзацы различных текстов, а интерпретация значения основана на личном опыте автора.

Во-вторых, большое количество материалов, извлеченных из различных текстов, используются в качестве исследовательских единиц. Н.Д. Арутинова полагает, что языковые факты должны быть видны «глазами». Эти понятия разделяются на категории, отличные от лингвистики, с акцентом на интерпретацию значения.

Третье направление позволяет изучать языковой материал без ограничений. Здесь представляется возможным описание конкретных единиц и абстрактных единиц, то есть способа выражения, метафорического использования единиц в тексте и т.д. Основным методом этого описания является интернализация. Это метод, используемый для передачи (трансляции) знаний из «специфического» мира окружающей действительности в «идеальный» мир.

Отметим, что в теоретической лингвокультурологии применяется и метод исторического обзора - ретроспективное изучение языка и культуры (В.М. Шаклеин), и методика лингвистического и культурологического анализа «фразеологического языка» (В.Н. Телия) [4]. Последний включает в себя следующие этапы: выделение и идентификация всех языковых единиц (слова, фразы и т.д.), которые группа использует для выражения культурного концепта, их параметрическое описание. С учётом набора данных параметров сопоставляются основные метафоры и национальные культурные стереотипы, при этом методологический вектор В.Н. Телии не предполагает диахронического описания языковых явлений.

Стоит заметить, в современной лингвистике ученые подчеркивают и признают следующие теоретические принципы концептуального анализа:

- а) отношения между языком и культурой;
- б) включение языка в поле культурных явлений.

Мы проанализируем некоторые лингвистические и культурологические методы для описания культурных концепций. Названия этих методов отражают

направления изучения конкретного языкового материала.

Метод компонентного анализа идентифицирует базовые компоненты семантики (семантические признаки), которые позволяют раскрыть семантическое содержание того или иного понятия и определить его положение в системе языка.

Метод анализа словарных определений основан на предположении, что результаты человеческих (групповых) когнитивных операций записаны в словах и интерпретациях. В целом носители обычного языка не связывают свои знания со словарными определениями, но толкование словаря предоставляет единственную возможность наблюдать концептуальный спектр и идентифицировать когнитивную структуру лексемы [1, с. 42]. Для выявления концепта проводится анализ лексического значения слова на основе принципов когнитивной семантики с использованием соответствующего категориального аппарата. В рамках данного направления значение слова раскрывается с точки зрения перехода от реальной ситуации к высказыванию о ней [3, с. 62–63].

Сравнительная лексическая семантика и концептуальный анализ. Н.И. Толстой отмечает, что, хотя цели этих методов схожи, в определенном смысле они противоположны: первый метод отталкивается от лингвистической формы (лексемы) и движется к семантическому содержанию, а второй – от «значения, понятия, концепции и языковой формы» [5, с. 292].

Этот подход предполагает взаимозависимость языковых и нелингвистических культурных реалий (язык и объекты, действия, образы или ритуалы). Язык не только отражает культурную реальность, но и активно формирует культурный код [5, с. 293].

Способность языка оказывать влияние на формирование и функционирование национальной культуры и этнической психологии в целом исследуется этнолингвистикой, которая занимается проблемами соотношения языка и этноса, взаимодействия языковых, этнокультурных и этнопсихологических факторов [2, с. 76–77]. Эт-

нографическая лингвистика рассматривается как дисциплина, которая изучает богатые слои культуры, народной психологии и мифологии с помощью лингвистических методов. Объективным основанием данного подхода является его ориентация на национальное сознание. Сравнительное исследование языковых явлений разных народов является способом выявления особенностей ландшафта национального языка. Основная часть языкового сознания свойственна большинству людей, эта основа неизменна и отражается в разнообразии языковых средств и речевых практик. Поэтому можно говорить об универсальности чело-

веческого мышления и универсальности окружающей действительности.

Таким образом, поскольку концепт нередко охватывает широкий спектр значений, он не может быть выражен посредством одной лексической единицы. Это требует от лингвокультурологии перехода от собственно лингвистического описания языковых явлений к их культурно- и антропоцентрическому анализу. Концепт определяется в том числе культурными особенностями, поэтому выбор правильного метода концептуального анализа остается важнейшим фактором в научных исследованиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексикофразеологической семантике языка. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1996. 103 с.
2. Замалетдинов Р. Р. Татарская культура в языковом отражении. М.: Гуманит. издат. центр ВЛАДОС; Казань: Магариф, 2004. 239 с.
3. Кравченко А.В. Когнитивного-семантической анализ глаголов сидеть, стоять и лежать // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология, 1998. №5 С. 62–72.
4. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 284 с.
5. Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Языки русской культуры, 1995. 512 с.
6. Фрумкина Р.М. Концепт: попытка эпистемологического анализа термина // Язык и наука конца XX века: Сб. статей. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 1995. С. 80–117.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Babushkin A.P. Tipy konceptov v leksikofrazeologicheskoj semantike jazyka. Voronezh: Izd-vo Voronezh. un-ta, 1996. 103 s.
2. Zamaletdinov R. R. Tatarskaja kul'tura v jazykovom otrazhenii. M.: Gumanit. izdat. centr VLADOS; Kazan': Magarif, 2004. 239 s.
3. Kravchenko A.V. Kognitivnogo-semanticheskoj analiz glagolov sidet', stojat' i lezhat' // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologija, 1998. №5 S. 62–72.
4. Telija V.N. Russkaja frazeologija. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty. M.: Jazyki russkoj kul'tury, 1996. 284 s.
5. Tolstoj N.I. Jazyk i narodnaja kul'tura. Oчерki po slavjanskoj mifologii i jetnolingvistike. M.: Jazyki russkoj kul'tury, 1995. 512 s.
6. Frumkina R.M. Koncept: popytka jepistemologicheskogo analiza termina // Jazyk i nauka konca XX veka: Sb. statej. M.: Ros. gos. gumanit. un-t, 1995. S. 80–117.

Поступила в редакцию 14.04.2020.
Принята к публикации 17.04.2020.

Для цитирования:

Ван Цзя К вопросу о методах изучения культурных концептов // Гуманитарный научный вестник. 2020. №3. С. 143-145. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2020/03/WangJia.pdf>

<https://doi.org/10.5281/zenodo.3765841>

УДК 811.111

Иванова Н.К.

Иванова Наталья Кирилловна, доктор филологических наук, профессор, Ивановский государственный химико-технологический университет, 153000, Россия, г. Иваново, Шереметевский пр-т., 7. E-mail: ivanova@isuct.ru.

Упрощение английского языка как следствие его международного статуса

Аннотация. В статье, в ракурсе проблемы языковых контактов, рассматриваются актуальные вопросы, связанные с трансформационными явлениями в современном английском языке, ставшем, в условиях глобализации, более простым средством международного делового и научного общения. Кратко описывается история возникновения «управляемых языков» и сферы их применения в современной англоязычной коммуникации. Подробно рассматриваются некоторые лексико-грамматические особенности текстов, написанных с учетом конвенций стиля международного английского. Делается вывод о необходимости изучения трансформационных процессов в международном английском и их учета в процессе обучения английскому языку как иностранному.

Ключевые слова: английский язык как международный, управляемые языки, лексико-грамматические особенности деловой и научной коммуникации.

Ivanova N.K.

Ivanova Natalya Kirillovna, Doctor of Philological Sciences, Professor, Ivanovo State University of Chemistry and Technology, Ivanovo, 153000, Russia, Ivanovo, Sheremetevsky prosp., 7. E-mail: ivanova@isuct.ru.

Simplification of the English Language as the Effect of its International Status

Abstract. The article discusses current issues related to transformational phenomena in modern English, which has recently become, in the course of globalization, a simpler tool of international business and academic communication. We consider the problem from the perspective of language contacts. Briefly the history of the emergence of "controlled languages" and the scope of their application in modern English communication is described. The paper examines in the details some lexical and grammatical features of the texts written according to International English style conventions. As a conclusion, the author emphasizes the need to study the transformation processes in International English and to take them into account in the process of teaching English as a foreign language.

Key words: English as an International language, controlled languages, lexical and grammatical features of business and academic communication.

Современный английский язык (АЯ) – новая лингвистическая реалья, которая к настоящему времени четко сформировалась в результате процесса глобализации и приобретения английским статусом международного

языка (IEL), lingua franca современности, «глобального английского» [8, 11, 13]. Появились и уже хорошо исследованы национально-территориальные разновидности АЯ (World Englishes), например, «русский английский», «китайский ан-

лийский», «западноевропейский английский», «корейский английский» и т.д., которые также не являются социально однородными и принадлежат к разным социолингвистическим зонам [1, 4].

Количество говорящих на английском (как государственном языке, втором официальном, иностранном и т.д.) уже превысило число тех, для кого он является родным. Таким образом, коренные носителя английского языка (*native speakers*) потеряли исключительное право на установление языковых стандартов и стали свидетелями небывалой «демократизации» языковых норм и сложнейших процессов языкового контакта в условиях глобализации, которая породила еще два сопутствующих явления – глокализацию и локализацию – «приспособление» английского языка под собственные прагмалингвистические и другие потребности, языковую адаптацию.

Широкое распространение одного языка в качестве международного средства общения в различных сферах не могло не привести к трансформационным процессам в самом этом языке. Одним из важнейших последствий этих лингвистических трансформаций является симплификация, проявляющаяся на различных языковых уровнях. Начавшись искусственно, с целью обучения английскому языку иностранцев (см., например, системы Г. Пальмера и А. Хорнби), на основе определенных лингвистических и методических концепций, процесс упрощения языка в условиях его всемирного распространения потерял управляемость. Однако функции, выполняемые им в современной международной коммуникации, требуют не только подробного лингвистического изучения этих трансформаций, но и их определенной унификации – с ориентацией на потребности тех, кто не является носителем английского языка, но активно участвует в различных сферах современной международной жизни: нефтедобыче, банковском деле, шоу-бизнесе, промышленном производстве, авиаперевозках и пр. Учитываются интересы и потребителей по всему миру

результатов этой деятельности: продуктов питания и вычислительной техники, бытовых приборов и телефонов и т.д., той целевой группы, на которую направлена реклама и продукция шоу-бизнеса. Это обусловило потребность в создании, научном лингвистическом описании и внедрении нового стиля научной и деловой коммуникации на международном английском, который понятен для его пользователей во всем мире. Во многом эта концепция построена на прежних проектах создания редуцированного английского языка для иностранцев.

В данной статье обсуждается феномен языкового упрощения в диахроническом аспекте и анализируются некоторые лексико-грамматические свойства английского языка как международного, предписываемые его новым стилем.

Известно, что «рукотворные» попытки упростить английский язык для его более широкого распространения среди инофонов предпринимались давно. Постоянно предлагались проекты то по упрощению системы английской орфографии, то произношения, то по реформированию алфавита [2].

Первым и самым известным радикальным проектом по упрощению английского языка уже в XX веке был проект С.К.Огдена «Basic English» [9]. Его идеи по реформированию английской орфографии не нашли общественной поддержки, но были восприняты предложения по редуцированию лексического минимума. Важнейшим «недостатком» английского языка, мешающим его изучению иностранцами, С.К. Огден считал богатейший лексический фонд АЯ, который в его проекте был сокращен до 850 лексических единиц [9]. Примечательно, что описанные С.К. Огденом преимущества английского языка (простая система спряжений, отсутствие склонения существительных, изменения артиклей по падежам, отсутствие грамматического рода и др.), даже по сравнению с ближайшим «родственником» - немецким, были поддержаны в конце XX века известным британским лингвистом Д. Кристалом,

который одним из первых обратил внимание на распространение английского в качестве глобального языка [8]. Сегодня, однако, очевидно, что важнейшими факторами интернационализации посредством английского языка мировой политики, экономики, науки и т.д. стало беспрецедентное укрепление после Второй мировой войны экономической мощи США, политического влияния этой страны и её всепроникающей массовой культуры.

На основе реформаторских предложений С.К. Огдена и его последователей в первой половине XX века (Б. Шоу, Г. Уальда, Д. Джоунза и др.) можно сделать следующий вывод: английская система письма, часто порицаемая за свою непоследовательность и сложность, тем не менее, оптимальна для указания на соотношение «графема - фонема» и обозначения правил чтения, несмотря на наличие ряда исключений [3]. Ни одна реформа орфографии (New Spelling, правила написания Б. Шоу, С. Нури и др.) не имела в XX веке успеха, но в языке произошла определенная «самонастройка системы» для сближения написания и произношения слова, упрощения ряда написаний [5].

Идеи С.К. Огдена до сих пор находят применение в начальном курсе английского языка в Азии, но, гораздо важнее, как указывает Е. Уайсс, что они послужили отправной точкой для создания так называемых «управляемых языков» (controlled languages). Это как естественные языки, используемые для написания технических инструкций и деловых документов международных фирм, так и искусственные (COBOL, FORTRAN), «псевдокод», гибридный язык. Это сделало возможным создание программ для управления системой терминологии при машинном переводе (например, CoAuthor (Oracle), LANTMARK) и др. [15, p. 18-20]. Крупные производители в США, а затем и в других странах, стали первыми разработчиками и пользователями этих «управляемых языков». Подобно принципам работы всем известных корректоров орфографии (spell-checkers), специальные про-

граммы не допускают использования сложных грамматических конструкций, определяют строгий набор необходимых терминов и т.д. В результате появились такие новообразования, как «Caterpillar English», IBM «Easy English», а также «CASL English» в компании «Дженерал Моторс». Свой «управляемый язык» используют «Кодак», «Сан», корпорация «Боинг» и др. Потребность в разработке автоматизированных средств контроля, специального программного обеспечения программ SE (Simple English) обусловила их широкое представление на международном рынке приложений и программных продуктов – довольно дорогостоящих [15, p. 20]. Сходным лингвистическим конструктом является «Plain English», обеспечивающий простоту и понятность финансовой документации [12].

Рассмотрим основные лексико-грамматические конвенции упрощенного международного варианта английского языка. Им можно научиться по специальным пособиям [7, 15, 16], а некоторые из них учитывают правила простоты и лаконичности, сформулированные еще Дж. Оруэллом [10]. Заметим, что эти упрощения во многом касаются и научной коммуникации, распространяясь на язык англоязычных статей в международных журналах, следовательно, должны учитываться в практике преподавания иностранного языка (Academic English) магистрантам и аспирантам. Читательность (readability) статей, четкость и ясность изложения будут обеспечивать возможность перевода с английского на родной язык пользователя (локализация). Одна из задач обучения письменной коммуникации формулируется как *Write for Translation*, т.е. научить писать в соответствии со стандартами CBS: Clear, Brief, Sincere – четко, кратко, прямо, помня, что текст на английском языке может быть подвергнут машинному переводу [15, с. 11].

В лексическом оформлении текста необходимо следовать следующим правилам: избегать употребления многозначных слов; двух- или трехкомпонент-

ных лексических единиц и фразовых глаголов (например, *make clear* вместо *clear*, *explain*, *clarify*; *carry on* вместо *continue*); модных слов; плеоназмов (например, *rectangular in shape* вместо *rectangular*; *visible to the eye* вместо *visible*; *time period* вместо *period*, *interval*, etc.); номинизации (отглагольных существительных), например, *to have an objection* вместо *to object*, *to form a plan regarding* вместо *to plan*; *to give an answer* вместо *to answer*, etc.). Рекомендуется сопровождать статью, монографию, другой документ, глоссарием терминов или постраничными сносками, а также выбирать легкопроизносимые слова, поскольку чтение как процесс сопровождается внутренним проговариванием читаемого [15].

Грамматическое оформление документа предполагает использование простых форм глагола, неупотребление сложных предложений с различного рода придаточными, инфинитивных конструкций, причастных оборотов; ограниченное применение страдательного залога, практически потерявшего свое значение в научной и деловой коммуникации [6], сослагательного наклонения и пр. Заметим по этому поводу, что именно эти грамматические явления традиционно и подробно изучаются в вузовском курсе английского языка (ESP – English for Specific Purposes). На них тратится множество аудиторных часов, преподавателями российских вузов разработаны тысячи упражнений, существует огромное количество учебных пособий, однако, ошибки в употреблении залога являются самыми частотными при переводе с русского языка на английский.

Реалии же таковы, что большая часть выпускников инженерного вуза, работающая на производстве, имеет там дело с технической документацией, написанной на простом, «управляемом языке» (*controlled language*). Значительно упростились в последнее время стиль и язык научных журнальных публикаций, среди которых подавляющее число авторов не являются носителями английского языка

и пользуются в основном автоматизированным переводом.

Как отмечалось выше, пишущему на английском языке следует избегать так называемых модных слов, то есть таких лексических единиц английского языка, которые не являются в нём новыми, но приобрели новое значение (как правило, широко трактуемое) и стали часто использоваться, даже без точного понимания их семантики. В последние десятилетия такими модными словоупотреблениями стали: *dichotomy*, *blueprint*, *ambivalent*, *charisma*, *astronomical*, аффиксы *mega-*, *-wise*, *-free* и др.; в научно-техническом языке: *impact*, *moiety*, *trigger*, *driver*, *transparent* и др. Рассмотрим проблему их использования в тексте на примере одного из модных и часто употребляемых прилагательных *transparent* (ср. рус. слово *транспарентный*, часто звучавшее в речи Д.А.Медведева и членов его администрации). Это старое (1375-1425 гг.) заимствование из латинского языка, пришедшее в английский через французский, имеет в настоящее время несколько значений, регистрируемых в словаре:

1. having the property of transmitting rays of light though its substance so that bodies situated beyond or behind can be distinctly seen.
2. admitting the passage of light through interstices.
3. So sheer as to permit light to pass through; diaphanous.
4. easily seen through, recognized, or detected: transparent excuses.
5. easily understood; manifest; obvious.
6. candid; frank; open [14, с. 1387].

Из-за многозначности этого глагола, обладающего прямым и переносным значениями, в научно-технической литературе рекомендуется применять прилагательные *invisible*, *obvious*, *open*, поскольку значения этого слова, приводимые в двуязычных словарях, могут не соответствовать традиционному или модному англоязычному употреблению [15, р. 25].

Приведём также в качестве иллюстрации вышеизложенных положений о

лексико-грамматических особенностях текстов, написанных с учетом правил стиля международного английского, примеры редактирования предложений, с

целью их упрощения, взятые из пособия «Стиль международного английского» [15, p. 26-35].

Таблица 1. Примеры лексико-грамматического упрощения предложений

Исходное предложение	Отредактированное предложение
1. Vacation dates are usually <u>decided</u> by the Human Resources Administrator.	1. The Human Resources Administrator usually <i>decides</i> vacation dates..
2. <u>Should</u> access to your files be denied, the system administrator <u>must be notified</u> .	2. <u>If</u> the network denies you access to your files, <i>notify</i> the system administrator.
3. We did not have <u>sufficient knowledge</u> of the problem <u>to make a proposal regarding a solution</u> .	3. We did not <i>know enough</i> about the problem <i>to propose</i> a solution.
4. <u>A tendency</u> to overheat <u>was evidenced by</u> these monitors.	These monitors <i>tended to overheat</i> .
5. The backspace key <u>is used</u> to correct errors on the screen.	The backspace key corrects errors on the screen.

Изучение проблемы стиля международного английского, предпринятое по англоязычным источникам, показывает ее актуальность как для носителей английского языка, так и для тех, кто просто использует английский язык в различных сферах коммуникации – деловой, научной, производственно-профессиональной и пр. Одинаково сложные задачи по овладению этим стилем стоят как перед подлинными англофонами, так и билингвами, монолингвами. Первые должны овладеть конвенциями непривычного для них стиля, ориентированного на редуцированное использование их родного языка, с ограниченным репертуаром лексико-грамматических средств. Для вторых облегчается задача овладения иностран-

ным языком и обеспечивается его понимание в актуальных для них сферах коммуникации. Однако проблема выходит за рамки лингвистики, поскольку затрагивает множество социолингвистических аспектов и психолингвистических, касается национальных и интернациональных когнитивных механизмов, интеллектуальных стилей, культурных конвенций. Следовательно, она является междисциплинарной и требует дальнейшего изучения, а международный английский постоянно обеспечивает исследователей новыми фактами. Несомненно, что реалии международного английского должны найти применение и в практике преподавания иностранного языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иванова Н.К. Английский язык и его прошлое, настоящее и будущее: гипотезы, теории, прогнозы // Теория и практика преподавания иностранного языка в высшей школе. 2018. Вып. 14. С. 86-95.
2. Иванова Н.К. Фонетические алфавиты и транскрипция. Исторический очерк на материале XVI-XX веков. Иваново: издательство Ивановского гос. хим.-технол. ун-та, 2000. 192 с.
3. Иванова Н.К., Кузьмина Р.В. Графемно-фонемные соответствия в английском языке: опыт систематизации и критического анализа // Теория и практика иностранного языка в высшей школе. 2015. Вып. 11. С. 65-73.

4. Иванова Н.К., Меркулова Н.Е. Глобальный английский в современном мире: возвращение к прошлому? // Литературоведение и языкознание: современные трансформации и традиции. Электр. коллект. монография. URL: <http://scipro.ru/conf/monographlanguages2.pdf>
5. Иванова Н.К., Кузьмина Р.В., Мощева С.В. Система письма в английском языке и современный узус. Москва: РИОР, ИНФРА-М, 2014. 238 с.
6. Кузнецова Л.Б., Сучкова С.А. Актив или пассив? «Я» или «мы»? // Высшее образование в России. №. 8-9, 2015. С. 143-148.
7. The ACS Guide. Effective communication of Scientific Information / A.M. Coghill and L.Carson (Eds.). Oxford University Press, New York. 2006. 426 p.
8. Crystal D. English as a Global Language. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
9. Ogden C.R Basic English: a General Introduction with Rules and Grammar / London: Paul Trebor & Co., 1932. 480 p.
10. Orwell G. Politics and the English Language URL: <http://eserver.org/langs/politics-english language.txt>.
11. Schneider Ed.W. English Around the World. Cambridge University Press, 2011. 280 p.
12. Securities and Exchange Connision. Plain English Handbook. www.sec.gov/pdf/handbook.pdf
13. Seidlhofer B. Understanding English as a Lingua Franca. Oxford Applied Linguistics. Oxford University Press, 2013. p.240.
14. Transparent // Random House Webster's College Dictionary. Random House. 2000. P. 1387.
15. Weiss E.H. The Elements of International English Style: a guide to writing English correspondence, reports, technical documents, and Internet pages for a global audience. London -New York: M. E. Sharpe. 2005. 163 p.
16. Wilber S. Steven Wilbers' Webpage. URL: <http://www.wilbers.com/>

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Ivanova N.K. Anglijskij jazyk i ego proshloe, nastojashhee i budushhee: gipotezy, teorii, prognozy // Teorija i praktika prepodavaniya inostrannogo jazyka v vysshej shkole. 2018. Vyp. 14. S. 86-95.
2. Ivanova N.K. Foneticheskie alfavitny i transkripcija. Istoricheskij ocherk na materiale XVI-XX vekov. Ivanovo: izdatel'stvo Ivanovskogo gos. him.-tehnol. un-ta, 2000. 192 s.
3. Ivanova N.K., Kuz'mina R.V. Grafemno-fonemnye sootvetstvija v anglijskom jazyke: opyt sistematizacii i kriticheskogo analiza //Teorija i praktika inostrannogo jazyka v vysshej shkole. 2015. Vyp.11. C. 65-73.
4. Ivanova N.K., Merkulova N.E. Global'nyj anglijskij v sovremennom mire: vozrashhenie k proshlomu? // Literaturovedenie i jazykoznanie: sovremennye transformacii i tradicii. Jelekt. kollekt. monografija. URL: <http://scipro.ru/conf/monographlanguages2.pdf>
5. Ivanova N.K., Kuz'mina R.V., Moshheva S.V. Sistema pis'ma v anglijskom jazyke i sovremennyj uzus. Moskva: RIOR, INFRA-M, 2014. 238 s.
6. Kuznecova L.B., Suchkova S.A. Aktiv ili passiv? «Ja» ili «my» ? // Vysshee obrazovanie v Rossii. №. 8-9, 2015. S. 143-148.
7. The ACS Guide. Effective communication of Scientific Information / A.M. Coghill and L.Sarson (Eds.). Oxford University Press, New York. 2006. 426 p.
8. Crystal D. English as a Global Language. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
9. Ogden C.R Basic English: a General Introduction with Rules and Grammar / London: Paul Trebor & Co., 1932. 480 p.
10. Orwell G. Politics and the English Language URL: <http://eserver.org/langs/politics-english language.txt>.
11. Schneider Ed.W. English Around the World. Cambridge University Press, 2011. 280 p.
12. Securities and Exchange Connision. Plain English Handbook. www.sec.gov/pdf/handbook.pdf
13. Seidlhofer B. Understanding English as a Lingua Franca. Oxford Applied Linguistics. Oxford University Press, 2013. p.240.
14. Transparent // Random House Webster's College Dictionary. Random House. 2000. P. 1387.

-
15. Weiss E.H. The Elements of International English Style: a guide to writing English correspondence, reports, technical documents, and Internet pages for a global audience. London -New York: M. E. Sharpe. 2005. 163 p.
 16. Wilber S. Steven Wilbers' Webpage. URL: <http://www.wilbers.com/>

Поступила в редакцию 14.04.2020.

Принята к публикации 17.04.2020.

Для цитирования:

Иванова Н.К. Упрощение английского языка как следствие его международного статуса // Гуманитарный научный вестник. 2020. №3. С. 146-152. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2020/03/Ivanova.pdf>

<https://doi.org/10.5281/zenodo.3768941>

УДК 81.2

Имаева Е.З.

Имаева Елена Зайнетдиновна, кандидат филологических наук, доцент, Государственный университет управления, 109542, Россия, г. Москва, Рязанский проспект, 99. E-mail: imaeva-elena@mail.ru.

Прерванная интенциональность и эффект *déjà vu*

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблематики памяти или дежавю (*déjà vu*) и его отражению в реалистических и модернистских текстах. Рассматривается вид интенциональности – момент *déjà vu*. Интенции указывают на следы опыта рефлексирования над значащими переживаниями, а не над предметными представлениями. Даются характеристики этого опыта рефлексирования над переживаниями: кратковременность, отсутствие людей. В воспоминании *déjà vu* происходит встреча между будущим и прошлым, отражается несостоявшееся будущее. Модернистский текст характеризуется большой дистанцией между означающим и означаемым, которая приводит к уменьшению энергии означивания. Здесь происходит перенос внимания на само «плетение» воспоминания.

Ключевые слова: реалистический текст, возвышенное, рефлексия, понимание текста, образ, неявный смысл, повтор.

Имаева Е.З.

Имаева Елена Зайнетдиновна, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, State University of Management, 109542, Russia, Moscow, Ryazansky Prospekt 99. E-mail: imaeva-elena@mail.ru.

Interrupted intentionality and effect *déjà vu*

Abstract. The article is devoted to the study of memory or *deja vu* (*déjà vu*) and its reflection in realistic and modernist texts. The kind of intentionality is considered - the moment *déjà vu*. Intentions point to traces of reflection on sense experiences, and not on objective representations. The characteristics of this reflection are given: short duration, lack of people. In the memory of *déjà vu*, the future and the past meet, reflecting the failed future. The modernist text is characterized by a large distance between the signifier and the signified, which leads to a decrease in the energy of signification. Here there is a shift of attention to the very «weaving» of the memory.

Key words: realistic text, sublime, reflection, understanding of the text, image, implied sense, repetition.

Если текст адресуется только к изолированной психике, то такой текст рассматривается как реалистический. Вовлечение в повествование чужого «я» характерно для постмодернизма.

До недавнего времени казалось, что реалистические концепции не относятся к центральным философским проблемам. Однако, современные реалистические

тенденции в философии науки оригинальны, интересны и позволяют по-новому осмыслить многие факты.

Остановимся подробнее на концепции Вальтера Беньямина [2, с. 115], который с помощью эффекта *deja vu* проводит четкое разграничение между моментом вечным и мимолетным и моментом, погруженным в длительность. Как правило, *déjà vu* связывается с картинкой из про-

шлого. Однако, картинка не является «объективной вещью», «образом». *Déjà vu* указывает на следы опыта рефлексирования не над предметными представлениями, а над значащими переживаниями, показывает состояние эго в определенное мгновение в прошлом. Оригинальное объяснение *déjà vu* дает В. Беньямин. Он поясняет, что эта картинка является индексом несостоявшегося будущего, в котором происходит встреча между будущим и прошлым. В момент *déjà vu* пробуждается опыт рефлексирования, который был прерван, не реализован, не завершен в прошлом. Если у М. Хайдеггера [8, с. 81] смерть выходит за рамки хроноса, то у В. Беньямина *déjà vu* принадлежит смыслу и бытию.

Г.И. Богин [3, с. 30], когда пишет об интенциональности, подчеркивает, что интенциональность опирается на индивидуальные человеческие особенности. Здесь мы остановимся на интенциональности неосуществленного будущего. Следует оговориться, что момент *déjà vu* не охватывает какой-либо промежуток времени, он действительно является мгновением, моментом. Другим условием существования этого явления можем считать пустоту. Пустое место не накапливает время. Вследствие отсутствия людей здесь нет ауры, и картина лишена настроения. Это позволяет обнаружить категорию «переход во времени», а пространству стать пронизываемым.

Рассмотрим два фрагмента из романа Ф.С. Фицджеральда «Великий Гэтсби» [10]. Оба отрывка представляют собой воспоминания, но только первый из них связан с эффектом *deja vu*, индексом несостоявшегося будущего. Интуиция величайшего романтика XX века Ф.С. Фицджеральда здесь сработала безошибочно:

1. «And as I sat there brooding on the old, unknown world, I thought of Gatsby's wonder when he first picked out the green light at the end of Daisy's dock. He had come a long way to this blue lawn, and his dream must have seemed so close that he could hardly fail to grasp it. He did not

know that it was already behind him, somewhere back in that vast obscurity beyond the city, where the dark fields of the republic rolled on under the night. Gatsby believed in the green light, the orgiastic future that year by year recedes before us. It eluded us then, but that's no matter - tomorrow we will run faster, stretch out our arms farther... And one fine morning - so we beat on, boats against the current, borne back ceaselessly into the past» [10, с. 195].

2. «Myrtle pulled her chair close to mine, and suddenly her warm breath poured over me the story of her first meeting with Tom. «It was on the two little seats facing each other that are always the last ones left on the train. I was going up to New York to see my sister and spend the night. He had on a dress suit and patent leather shoes, and I couldn't keep my eyes off him, but every time he looked at me I had to pretend to be looking the advertisement over his head. When we came into the station he was next to me, and his white shirt – frontpressed against my arm, and so I told I'd have to call policeman, but he knew I lied. I was so excited that when I got into a taxi with him I didn't hardly know I wasn't getting into a subway train. All I kept thinking about, over and over, was You can't live forever, you can't live forever» [10, с. 31].

Первый текст вписывается в горизонт возможного. Он выпадает из хронологии, из причинно-следственной цепочки, вписанной в хронологию существования, тем самым попадая в зону бытия, в место истинного. Истина всегда вырывается из причинности. Желание Гэтсби направлено в будущее, но одновременно разворачивает нас в прошлое. Зеленый огонек на безлюдном причале на самом деле несет в себе возможность заполнения, переводит картину в виртуальную, превращая ее в пространство воображения.

Во втором фрагменте накопление многочисленных картинок, изображений приводит к полному погружению в поток, тем самым подводя к слепоте в конфигурации судьбы. Ведь здесь усматривается какой-то момент существования: едет электричка, двое сидят друг против

друга, выходят из вагона, садятся в машину. Здесь очень много содержания в ущерб многозначному смыслу.

Чем отличается подход Пруста с его непрерывным потоком повествования от подхода Беньямина? Прежде всего, Беньямин говорит только о пространстве, мгновениях и разрывах. Кроме того, он считает выражение *déjà vu* неудачным. Здесь скорее следовало бы говорить о метафоре, связанной со звуком, например, об «эхо». Будущее, пробуждаемое в момент *déjà vu* – это то будущее, которое не осуществилось, в следствие чего мы его не смогли полностью прочувствовать, пережить.

Как традиционно объяснялось воспоминание? В прошлом было дано какое-то событие, а настоящее пытается интерпретировать эту неизменную точку в прошлом.

Беньямин инициировал отказ от этого постулата и предложил концепцию, в которой отношения меняются. Прошлое не является незыблемой точкой, а оказывается внезапной мыслью, которая связана с настоящим. Таким образом, настоящее пропитано прошлым. Е. Павлов [7] связывает это внезапное «озарение» с шоком, разрывом, вспышкой. Настоящее пропитывается этим шоком.

Это также может дать ключ к толкованию природы модернистского текста. Как известно, такие фрагментарные тексты (в отличие от реалистических с их непрерывным потоком повествования) не поддаются образному описанию.

В настоящее время понимание модернистских текстов, выявление стратегий чтения модернистских текстов является одной из актуальнейших проблем. Как известно, модернистские тексты характеризуются затемненностью, и не поддаются изображению, так как образная картина размыта. Это происходит из-за фрагментарности повествования.

Согласно Е. Павлову, модернистские тексты можно соотнести с кантовской концепцией возвышенного чувства. Общеизвестно, что И. Кант [6, с. 20] подробно дает характеристики искусства.

При этом он говорит, что искусство имеет цезуры, оно останавливается в результате своеобразного шока. А этот шок и есть художественная правда содержания. Таким образом, красота, на самом деле, находится поодаль от места «источка».

В. Беньямин в своей работе «Берлинская хроника» припоминает картину из детства и замечает, что именно ее шок отделил от более поздних воспоминаний. Сколько бы времени не прошло, именно это событие остается в памяти автора наиболее ярким и четким.

Первое воспоминание связано с городом Потсдамом, где семья снимала летнюю квартиру. Летний вечер. Горничная стоит у калитки в саду, где мальчик играл целый день. У ребенка есть секрет – ночью ему приснился сон. Во сне вор проникает комнату родителей и ворует полные корзины вещей. Таков был сон. Однако, следующей ночью на самом деле происходит ограбление дома.

Таким образом, чем больше дистанция между означающим и означаемым, которая приводит к уменьшению энергии означивания, тем ближе текст модернистскому опыту.

В следующем фрагменте шок читателя мы связываем с моментом пробуждения рефлексии читателя при понимании текста.

«In fact, Mr Stevens», she called, «I would ask you from now on not to speak to me directly at all». «Miss Kenton, whatever are you talking about»? «If it is necessary to convey a message, I would ask you to do so through a messenger. Or else you may like to write a note and have it sent to me. Our working relations, I am sure, would be made a great deal easier» [11, с. 97].

Во фрагменте мы видим, что образ не представляет собой какой-либо предмет или явление. Образ дан в виде одновременного мерцания 3-х ипостасей: во-первых, того, что пробуждается при рефлексивном понимании текста (понимание модернистского текста), во-вторых, одновременно того, в чем отражается это явление (многозначная лексика), и, наконец, в-третьих, образ представляет собой

отношения, связь между ними или структурой.

В данном тексте мы видим имплицитный способ повествования, при котором внешний облик слова взаимодействует с внутренней формой слова.

Например, выражение «not to speak directly» не только означает «не говорить прямо, без прикрас, без украшений», но и говорить фразами, полными скрытых,

неявных смыслов, помогающих представить модернистский текст.

Добавим, что в отрывке автор использует повторение, интенциональное слияние фраз и слов: not to speak directly, to convey a message through a messenger, to send a note to me. Заметим, методом провоцирования внимания читателя здесь является прием вопрошания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беньямин В. Берлинская хроника // Павлов Е. Шок памяти. Автобиографическая поэтика Вальтера Беньямина и Осипа Манделштама. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 165-209. С. 167.
2. Беньямин В. Учение о подоби: медиаэстетические произведения. М.: Издательский центр РГГУ, 2012. 290 с. С. 115
3. Богин Г.И. Субстанциальная сторона понимания текста. Тверь: Изд-во ТГУ, 1993. 137 с.
4. Богин Г.И. Филологическая герменевтика. Калинин: Изд-во КГУ, 1982. 50 с.
5. Имаева Е.З. Смысловая организация реалистических и авангардистских текстов. М.: РИЦ МГОПУ им. М.А. Шолохова, 2004. 172 с.
6. Кант И. Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994. 591 с. С. 20.
7. Павлов Е. Шок памяти. Автобиографическая поэтика Вальтера Беньямина и Осипа Манделштама. М. Новое литературное обозрение, 2014. 224 с.
8. Хайдеггер М. Исток художественного творения. М.: Академический проект, 2008. 528 с. С. 81.
9. Ямпольский М.Б. Из хаоса (Драгомощенко: поэзия, фотография, философия). СПб.: Сеанс, 2015. 280 с.
10. Fitzgerald F.S. The Great Gatsby. М.: Эксмо, 2018. 196 с.
11. Ishiguro K. The Remains of the Day. L.: Faber & Faber, 1999. 266 с.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Ben'jamin V. Berlinskaja hronika // Pavlov E. Shok pamjati. Avtobiograficheskaja pojetika Val'tera Ben'jamina i Osipa Mandel'shtama. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2005. S. 165-209. S. 167.
2. Ben'jamin V. Uchenie o podobii: mediajesteticheskie proizvedeniya. M.: Izdatel'skij centr RGGU, 2012. 290 s. S. 115
3. Bogin G.I. Substancial'naja storona ponimanija teksta. Tver': Izd-vo TGU, 1993. 137 s.
4. Bogin G.I. Filologicheskaja germenevtika. Kalinin: Izd-vo KGU, 1982. 50 s.
5. Imaeva E.Z. Smyslovaja organizacija realisticheskikh i avangardistskikh tekstov. M.: RIC MGOPU im. M.A. Sholohova, 2004. 172 s.
6. Kant I. Kritika chistogo razuma. M.: Mysl', 1994. 591 s. S. 20.
7. Pavlov E. Shok pamjati. Avtobiograficheskaja pojetika Val'tera Ben'jamina i Osipa Mandel'shtama. M. Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. 224 s.
8. Hajdegger M. Istok hudozhestvennogo tvorenija. M.: Akademicheskij proekt, 2008. 528 s. S. 81.
9. Jampol'skij M.B. Iz haosa (Dragomoshhenko: pojezija, fotografija, filosofija). SPb.: Seans, 2015. 280 s.

-
10. Fitzgerald F.S. The Great Gatsby. М.: Jeksmo, 2018. 196 s.
 11. Ishiguro K. The Remains of the Day. L.: Faber & Faber, 1999. 266 s.

Поступила в редакцию 11.04.2020.
Принята к публикации 16.04.2020.

Для цитирования:

Имаева Е.З. Прерванная интенциональность и эффект déjà vu // Гуманитарный научный вестник. 2020. №3. С. 153-157. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2020/03/Imaeva.pdf>

<https://doi.org/10.5281/zenodo.3768959>

УДК 811.111

Карпухина Т.П.

Карпухина Тамара Петровна, доктор филологических наук, доцент, профессор, кафедра английской филологии и межкультурной коммуникации, Тихоокеанский государственный университет, 680035, Россия, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136. E-mail: tkarpukhina1@mail.ru.

Дискурсивные стратегии отражения и конструирования в масс-медийной репрезентации предвыборных дебатов в американском политическом дискурсе

Аннотация. Объект изучения статьи составляет американский политический дискурс. В статье рассматривается масс-медийная дискурсивная репрезентация предвыборных дебатов демократов, давших старт предвыборной кампании в США, которые состоялись в ноябре 2019 г. на фоне первых телевизионных слушаний по поводу импичмента американского президента Д.Трампа. Материалом исследования послужила статья, опубликованная в «Нью-Йорк Таймс». Предметом рассмотрения являются такие дискурсивные стратегии масс-медийной репрезентации предвыборных дебатов, как отражение и конструирование. В работе показано, как в СМИ используются и лингвистически оформляются разнонаправленные дискурсивные стратегии, нацеленные на создание определенного медиа-образа. Позитивный образ демократической партии формируется посредством эксплицитного применения дискурсивной репрезентации по типу «отражение» и имплицитного использования репрезентации по типу «конструирование», выстраивающих мелиоративный медиа-образ, с затушевыванием отрицательных качеств. Негативный образ президента-республиканца создается с помощью эксплицитного применения дискурсивной репрезентации по типу «конструирование», выстраивающей пейоративный медиа-образ. Применяемые в масс-медиа дискурсивные стратегии носят манипулятивный характер, поскольку они направлены либо на дискурсивное отражение малозначимых вещей при сокрытии важной информации, либо на дискурсивное конструирование квази-реальности. В любом случае формируемые медиа-образы и создаваемая картина мира не соответствуют действительности, полностью или в значительной степени.

Ключевые слова: предвыборные дебаты, дискурс, репрезентация, медиа-образ, дискурсивное отражение/ конструирование реальности, манипуляция.

Karpukhina T.P.

Karpukhina Tamara Petrovna, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Professor, Department of English Philology and Inter-Cultural Communication, Pacific National University, 680035, Russia, Khabarovsk, Tikhookeanskaya st., 136. E-mail: tkarpukhina1@mail.ru.

Discourse strategies of reflection and construction in mass-media representation of primary presidential debates in American political discourse

Abstract. The object of investigation is American political discourse. The article is focused on mass-media discourse representation of the Democratic primary presidential debates that took place in November, 2019, with Trump televised impeachment hearings in the background. The article from «New-York

Times» was subjected to analysis. The subject-matter of the article is such discourse strategies of mass-media representation of political reality as reflection and construction. The mutually opposed discourse strategies aimed at forming a definite media-image are analyzed as to the ways they are exploited and the linguistic means they are accompanied by. A positive image of the Democratic party is formed explicitly by means of discourse reflection and, implicitly, by resorting to mass-media construction with the positive qualities accentuated and the negative points concealed. A negative image of the Republican President is explicitly built by means of mass-media discourse construction, based on the negative characteristics alone, with the positive ones excluded. The discourse strategies employed are of a manipulative kind, since they are obviously directed at either reflecting irrelevant, insignificant things, with the important information concealed or, otherwise, at a discourse construction of a pseudo-reality. In any case, the media-images built and the world picture constructed do not correspond to reality, partially or entirely.

Key words: presidential debates, discourse, representation, media-image, discourse reflection/construction of reality, manipulation.

Введение. В статье рассматривается масс-медийная дискурсивная репрезентация дебатов демократов, давших старт предвыборной кампании в США, которые состоялись в ноябре 2019 г. на фоне первых телевизионных слушаний по поводу импичмента американского президента Д.Трампа. Материалы по импичменту, переданные позднее демократами в верхнюю палату Конгресса, не получили одобрения Сената 5 февраля 2020 г.

Как известно, политику США определяют две партии, а именно, демократическая и республиканская. Общим для этих партий является то, что они осуществляют реализацию единого политического, экономического и военного курса страны, в основе которого лежат, прежде всего, стратегические интересы правящих кругов США, направленные на доминирование США в современном мироустройстве. Истинные цели камуфлируются утверждениями о необходимости соблюдения национальных интересов страны и ее безопасности. Вместе с тем, позиции этих партий могут различаться относительно тактических вопросов осуществления общей политической стратегии, нацеленной на установление и сохранение господства США на мировой политической арене. В частности, позиции демократов и республиканцев резко расходятся в отношении президента США Д. Трампа, поддерживаемого республиканской партией. Американские средства массовой информации (СМИ, масс-

медиа) активно следят за регулярно происходящими предвыборными дебатами, освещая их через призму своей редакционной позиции.

Особая роль в СМИ как социально-институциональном образовании, интегрированном во властные структуры государства, отводится функции речевого воздействия. Информация, исходящая от источника информации и направляемая к адресату, поступает к последнему через разные каналы масс-медиа. При этом подаваемая информация проходит через политико-идеологические фильтры, и в таком препарированном виде доводится до потребителя, формируя у него соответствующее отношение к информационному поводу или событию.

Это отношение зависит от стратегии манипулятивного речевого воздействия, заложенной в масс-медийном политическом дискурсе, главенствующая роль среди которых, по мнению О.Л. Михалевой, принадлежит стратегиям на повышение, на понижение и стратегии театральности [12, с. 214].

То, как подается информация, как она комментируется, на какую аудиторию рассчитана, какая реакция читателей планируется и ожидается, находится в полной зависимости от интересов и целей той или иной группы политиков, составляющих правящую элиту страны. В данном конкретном случае речь идет об информации, представленной в американском политическом медиа-дискурсе, реализуемом посредством СМИ.

Рассуждая о представлении информации в СМИ, следует отметить дискурсивный характер ее репрезентации, о чем свидетельствует наличие в масс-медиа важнейших компонентов дискурса, к которым относятся: 1) текст, являющийся как «продуктом речетворчества», так и «средством фиксации ценностных ориентиров, идей, мыслей инициатора и ретранслятора подготовленного информационного материала»; 2) речекоммуникативная ситуация как «область социокоммуникативных интересов», подстраивающаяся «под условия, определяемые экстралингвистическими факторами»; 3) участники, представляющие «социокоммуникативное сообщество», являющиеся основным компонентом, обеспечивающим функционирование дискурса [21, с. 62, 65].

Напомним, впрочем, что дискурс трактуется в научной литературе по-разному, и факт отсутствия его единой трактовки не подвергается сомнению. Дискурс может определяться через призму языка, рассматриваемым в его связи с социальными установками, что видим, например, в следующей дефиниции: «Дискурс (Discourse) Определенная система (body) использования языка, единство которой обусловлено наличием общих установок» [1, с. 123].

Определение дискурса может ставить акцент на его текстуальности, указывая и на другие, не менее важные аспекты: дискурс – это: «*Текст* в его единстве с множеством факторов, характеризующих его функционирование в рамках коммуникативной ситуации. Т.е., *текст*, в совокупности с теми механизмами и процессами, включая социокультурные, психологические и этнографические, которые его порождают, и теми механизмами, которые обеспечивают его интерпретацию» [16, с. 23].

Дискурс может пониматься как форма социального взаимодействия, как социальная практика, направляемая, регулируемая и контролируемая властью. Теория критического дискурс-анализа [24; 26], поднимает проблему «использо-

вания языка как инструмента речевого воздействия, позволяющего власти осуществлять свое господство в обществе, при этом язык рассматривается как социальная практика, как социальный феномен, который тесным образом связан с механизмами отправления власти» [11, с. 250].

Наиболее исчерпывающим является ставшее классическим определение, предложенное Н.Д. Арутюновой в Лингвистическом энциклопедическом словаре, согласно которому дискурс, понимаемый и как текст, и как речь, и как социальная практика, трактуется с учетом его связи с экстралингвистическими, событийными, социокультурно и когнитивно детерминированными аспектами, в тесном взаимодействии с социальной жизнью людей: дискурс – это «связный текст, в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс – это речь, погруженная в жизнь» [10, с. 136-137].

В настоящей работе, объектом изучения которой является американский масс-медийный политический дискурс, рассматривается освещение в периодической печати предвыборных дебатов, в которых участвовали кандидаты в президенты от партии демократов. Предмет рассмотрения составляют стратегии (типы) масс-медийной дискурсивной репрезентации данного события и языковые средства их выражения. Материалом исследования послужила статья «With Impeachment as Backdrop, Democrats Direct Fire at Trump in Debate», опубликованная в «New York Times» 20.11.2019 («Демократы направляют огонь на Трампа на фоне импичмента») [22].

Прежде чем перейти к формально-содержательной характеристике статьи на предмет реализации в ней разных стратегий (типов) дискурсивной репрезентации некоего события, необходимо,

прежде всего, определить используемые термины. Выше уже приводились разные подходы к дискурсу. Неоднозначно толкуется и понятие репрезентации.

Под репрезентациями могут пониматься «ментальные структуры, порожденные опытом (и потому представляющие собой хранилище информации)», трактуемые как «знаковые сущности»; при этом «языковые знаки оказываются знаками не компонентов среды (физических сущностей, объектов), а репрезентаций, которые сами являются знаками по определению» [7, с. 236]. Иными словами, языковые знаки не непосредственно отражают (обозначают) объекты реальности, а сигнифицируют (обозначают) их опосредованно, и таким звеном-посредником является репрезентация объекта как *некая ментальная структура*, которую, на наш взгляд, можно соотнести с традиционным пониманием представления.

Репрезентация может пониматься и как: «Демонстрация (описание) особенностей какого-либо объекта при отсутствии этого объекта в *коммуникативной ситуации*» [16, с. 73].

В настоящей работе принята трактовка, согласно которой репрезентация – это «представление, представительство, изображение», «вспомогательное понятие, служащее для выяснения сущности представления» [19, с. 393-394]. Такое понимание дает возможность соотнести дискурс и репрезентацию, представив дискурсивную репрезентацию как непосредственно наблюдаемое, реально существующее явление, а не как ментальную структуру, не поддающуюся прямому наблюдению.

Разнонаправленные дискурсивные стратегии репрезентации социальной действительности: «отражение» versus «конструирование».

Возвращаясь к дискурсу, важно также подчеркнуть, что, «хотя дискурсы могут пересекаться или поддерживать друг друга, они могут находиться в состоянии конфликта» [1, с. 124]. Это замечание, впервые высказанное Мишелем Фуко,

находит подтверждение в существовании двух, кардинально различающихся стратегий (типов) репрезентации действительности в дискурсе (как процессе речевой деятельности), представленном в виде медиа-текста (как результирующем продукте процесса медийной коммуникации).

Одна и та же информация может быть организована и представлена читательской аудитории разными способами. Так формируется, выстраивается создаваемая политическим дискурсом модель мира, включающая социально-политическую составляющую. Об активной роли политического дискурса в выстраивании социальной действительности, присущей дискурсу как составляющей социального взаимодействия, реализующейся в разнообразных коммуникативных практиках, свойственных дискурсу как способу познания окружающего мира, говорят многие ученые [4; 14, с. 109].

В масс-медийном политическом дискурсе, в зависимости от различных обстоятельств (сложившейся на данный момент ситуации, долговременных и сиюминутных целей, задач, интересов коммуникантов – политиков и читателей как членов социума) могут использоваться разнонаправленные дискурсивные стратегии репрезентации социальной, в том числе и политической, реальности. Эти стратегии могут быть нацелены как на отражение социально-политической действительности, так и на ее конструирование, осуществляемое по специально заданным лекалам, выгодным для правящей политической элиты.

По всей вероятности, с точки зрения иерархии, данные стратегии, направленные на формирование картины мира в массовом сознании, находятся на более высоком уровне, подчиняя себе другие стратегии, в частности, вышеупомянутые стратегии манипулятивного речевого воздействия (стратегии «на повышение»/«на понижение» объекта оценивания, стратегия «театральности»).

Если репрезентация действительности по типу «отражение» предполагает

подачу «фактической, объективной информации», то репрезентация действительности по типу «конструирование» используется «для формирования определенного образа с целью навязать свое мнение или видение ситуации» [9, с. 122].

В первом случае можно говорить о формировании в результате познания «истинных пропозиций о данном мире» [15]. Так как между «структурой отражаемого явления и отображением как результатом процесса отражения существуют отношения изоморфизма или гомоморфизма» [3, с. 753].

Во втором случае речь идет о дискурсивном конструировании модели мира с помощью фиктивных объектов, якобы репрезентирующих реальность [8; 15; 18]. Дискурсивное конструирование преобразует реальное событие в медиа-событие, создавая в сознании читательской аудитории ментальный конструкт особого рода – искусственное образование, не существующее в реальности и не поддающееся чувственному восприятию, осуществляемому посредством сенсорных каналов: зрительного, слухового и проч. Так выстраивается далекая от реальности социально-политическая модель мира [6, с. 38], представляющая собой не что иное, как симулякр, то есть, по Ж. Бодрийяру, изображение без оригинала, копия копии, репрезентация того, что не существует в действительности [2].

Дискурс СМИ как один из видов институционального дискурса, обладает настолько мощной воздействующей силой, что оказывается способным не только отражать и отображать объективно существующую реальность, но и в определенной мере формировать субъективные, иллюзорные представления о ней, которые позволяют утверждать о конструировании квази-реальности, существующей в сознании субъекта, определяющей его картину мира [5].

При этом полного отхода от реальности не происходит, но весьма существенно смещаются фокус, акценты, ценности, что приводит к искаженному видению реальности, преломленному через специ-

фическую призму, по принципу, некогда названному Иммануилом Кантом «*Als Ob*» («как бы, как если бы, как будто»). Сконструированная реальность есть виртуальная, «как бы» реальность, квази-объект, то есть, по Хансу Файхингеру, фикция [25].

Освещение выступлений демократов на предвыборных дебатах: дискурсивная стратегия репрезентации события, формирующая позитивный медиа-образ демократической партии США.

Перейдем к рассмотрению газетной статьи, заявленной в качестве материала исследования. Как явствует из медиатекста, представители демократической партии не всегда выражали единую позицию в отношении вопросов, стоящих на повестке дня, но они делали все возможное, чтобы преодолеть разногласия, особенно, в отношении важнейших проблем. Уже в подзаголовке, предваряющем статью, ее авторы подчеркивают, что, несмотря на критику друг друга, впрочем, достаточно мягкую, демократы предстали единым фронтом по жизненно важным проблемам: *The candidates mostly tempered their criticism of one another and presented a united front on vital issues <...>*.

Демократов не разделила даже чрезвычайно сложная проблема, которую подняли кандидаты из Атланты, выразившие свою озабоченность тем, что демократическая партия не выдвинула кандидатур афро-американцев в списке претендентов на пост президента. В ответ на эти упреки кандидат в президенты, бывший вице-президент Джо Байден отметил, что в свое время он входил в коалицию Обамы и что он сам является выходцем из района проживания чернокожего населения: «*I was part of that coalition*», he said, even adding: «*I come out of the black community*».

В описании журналистами предвыборных дебатов, участниками которых были кандидаты в президенты от демократической партии США, задействована, в основном, дискурсивная стратегия «на повышение», то есть стратегия позитивной репрезентации, направленная на

создание положительного образа демократов, радеющих за интересы страны, озабоченных проблемами климатических изменений, прав избирателей, восстановлением отношений с прежними союзниками США.

Достаточно привести следующее резюме выказывание, чтобы в этом убедиться: The debate also highlighted the considerable areas of agreement across the Democratic field on overarching policy goals, including taking aggressive action to counter climatic change, expanding voting rights and restoring traditional American alliances around the world.

Обращает на себя внимание выбор лексики с явной положительной коннотацией. Таковым, например, является эпитет *overarching* (всеохватывающие, возвышающиеся, подобно арке), яркое образное значение которого призвано передать разносторонние, охватывающие всю страну и мир, политические цели демократов.

Можно отметить также выразительность прилагательного *aggressive*, которое используется авторами статьи для характеристики деятельности демократов по предотвращению климатических изменений. Причем контекст явно указывает на актуализацию не отрицательно-заряженной семантики агрессивности, а позитивно-коннотируемого значения, связанного с активными, энергичными действиями демократов по сохранению климата на нашей планете.

Вместе с тем, нельзя не отметить, что в целом журналисты пытаются соблюсти определенный «кодекс чести», представляя себя беспристрастными свидетелями события. Об этом наиболее явно свидетельствует заголовок статьи. Будучи важным смыслообразующим компонентом текста, выступая в сильной, начальной позиции, заглавие задает вектор восприятия основной части всей статьи. В заголовке содержится сложное слово *backdrop*, обозначающее театральные декорации, задник, фон и т.п.: «With Impeachment as Backdrop, Democrats Direct Fire at Trump in Debate» (буквально: «С

импичментом на заднике театральной сцены, демократы в своих предвыборных дебатах весь огонь направили на Трампа»).

Это наводит на мысль о том, что в медиа-тексте наличествует также дискурсивная стратегия «театральности», направленная на некоторое «понижение» пафосных выступлений демократов. Описываемые предвыборные дебаты являются собой не что иное, как политический театр, в котором главные актеры (демократы) нападают на отсутствующего на генеральной репетиции спектакля (предвыборные дебаты) главного героя политической сцены (действующего президента), позиции которого и без того предстают весьма шаткими из-за грозившего ему в то время импичмента. Кстати говоря, в тексте статьи все же прозвучала метафора сцены в словосочетании «сцена дебатов» (Mr. Booker, normally, a nonconfrontational voice on the debate stage <...>).

Стараясь предстать беспристрастными, авторы статьи показывают не только сильные стороны демократов, но и их слабости и ошибки. Явная ирония звучит в адрес Джо Байдена, который, как отмечено в статье, казалось, не нанес себе нового ущерба, хотя не раз подставлял самого себя: Mr. Biden did not appear to incur new damage to his campaign, which has been durable despite some of his self-inflicted errors.

Но акцент в статье все же ставится не на разногласиях демократов, которые, скорее, развлекают и веселят читателя, чем настраивают его против политики демократической партии. Описание дебатов содержит заметную юмористическую составляющую. Неслучайно в тексте статьи часто встречаются номинации, которые связаны с юмористическим восприятием ситуации (prompted a bemused response from; drew nervous laughter; drew a mix of applause and laughter). Спор представлен с помощью лексики, более свойственной перепалкам и ссорам детей, которые с радостью и рвением нападают (eagerly assailed), отпихиваются (pushed back), играют (play a game), грубовато

шутят (including a crack about raising money from ex-boys), отвечают тем же, используя заранее подготовленную фразу (with payback in mind). Складывается впечатление, что перед нами театральная игра актеров-единомышленников. Главным оппонентом демократов остается действующий президент.

Итак, в анализируемой газетной статье, освещавшей предвыборные дебаты демократической партии США, четко прослеживается тенденция представить демократов как ту политическую силу, которая способна преодолеть внутрипартийные и личные разногласия, чтобы решить насущные проблемы всей страны. С использованием мелиоративной стратегии «на повышение» создается позитивный медиа-образ партии демократов, и значительную роль в этом играет дискурсивная репрезентация по типу «отражение». В тексте статьи показаны и сильные, и слабые стороны демократов. Отражены разные позиции и споры по отдельным вопросам.

Вместе с тем, нельзя сказать, что дискурсивная стратегия репрезентации по типу «отражение» является единственной при освещении деятельности демократов. В медиа-тексте не показаны их реальные, конкретные дела. Не приведены даже намеки на выдвижение каких-либо программ по борьбе с бедностью, безработицей и проч. Поэтому можно утверждать, что «отражение» репрезентировало отнюдь не самое важное и существенное в деятельности демократов, тем самым имплицитно присутствуя в медиа-тексте дискурсивной репрезентации по типу «конструирование», нацеленной на создание позитивного, мелиоративного имиджа демократической партии США, далеко отстоящего от реальной действительности.

Критика Д. Трампа демократами на предвыборных дебатах: дискурсивная стратегия репрезентации, формирующая негативный медиа-образ президента.

Обсуждению Д. Трампа, как отмечается в газетной статье, демократы посвятили большую часть своего времени, рез-

ко выступая против его кандидатуры на пост президента: But for the most part, the Democrats focused on denouncing Mr. Trump. Они буквально атаковали Трампа, осуждая его за отношение к Украине; выдвинули длинный список обвинений, включая задержания детей на границе с Мексикой, назначение своих сторонников на государственные посты, теплые отношения с теми, кого демократы считают диктаторами, в частности, с руководителями Саудовской Аравии и Северной Кореи: The candidates attacked Mr. Trump both for his actions toward Ukraine that have prompted impeachment proceedings and for a longer litany of offenses, including his detention of children at the Mexican border, his warm relationships with dictatorial governments in Saudi Arabia and North Korea and his appointment of political cronies to prominent jobs.

Особой критике Трамп подвергся за переговоры по денуклеаризации Корейского полуострова с Ким-Чен-Ыном, который назван в статье северокорейским диктатором (Kim Jong-Un, the North Korean dictator). Попытка установить отношения с Северной Кореей описывается с помощью фразового глагола *get punked*, ассоциативно связанного с целым рядом переносных, переосмысленных значений существительного *punk*, от которого посредством конверсии образован фразеологизм.

Семантическая структура однокоренного существительного включает в себя такие негативно-оценочные значения, как «гнилое дерево», «гниль», «простофиля», «шпана», «подонок», «панк» и проч. [13]. Выражение *get punked* по смыслу соотносительно с другим фразовым глаголом – *to punk out* (испугаться, струсить). Негативная коннотация фразеологического сочетания *get punked*, которое можно перевести как «обвести вокруг пальца слабака, простофилю», дополнительно усилена ироническими кавычками.

Напомним, что, в целом, кавычки могут указывать и на то, что закавыченный сегмент текста – цитата из чьей-то речи, и на ироническое, язвительное отноше-

ние к тому, о чем идет речь: Ms. Harris jabbed that Mr. Trump «got punked» by Kim Jong-un, the North Korean dictator, in nuclear negotiations (Мисс Харрис съязвила (буквально: «пихнула, толкнула, внезапно ударила, уколола» и т.п.) по поводу Трампа, заявив, что северокорейский диктатор «обвел этого простофилю вокруг пальца» в переговорах по денуклеаризации).

Заметим, что в создании фразеологической единицы *get punked* были задействованы не только ресурсы словообразования, а именно, образование по типу конверсии, но и механизм семантического переосмысления, создание вторичной номинации по типу метафорического переноса. Будучи использованной в политической коммуникации, эта метафорасловосочетание может быть отнесена к ряду так называемых смелых [20, с. 137]. Или эпатажных, провокативных метафор отрицательной оценки, которым свойственна яркая, эпатирующая образность, экспрессивность и эмоционально-оценочная составляющая [17].

Помимо приведенного фразеологизма с осложненной метафорической семантикой, соотносимой с провокацией, конфликтогенностью, в анализируемой статье приведен целый ряд негативно-оценочных метафор, прозвучавших в речи демократов, которые создают резко отрицательный, пейоративный образ Дональда Трампа.

Среди них – обвинение президента в нарушении прав человека, а, по сути, в жестокости по отношению к самым беззащитным существам – детям, простое удерживание которых на границе с их родителями метафорически уподобляется содержанию в клетке (буквально: «брошены в клетку»): Mr. Booker railed against Mr. Trump for what he described as his human rights violations at the southern border, such as «when children are thrown in cages». Отметим, что и здесь используется заковыченная цитата из речи претендента на президентский пост.

Но гораздо более важным является не то, что им сказано, а то, о чем представи-

тель партии демократов предпочел умолчать, а именно, о том, что речь идет о детях нелегальных иммигрантов, пытающихся незаконно пересечь границу США. Иными словами, налицо замалчивание, сокрытие информации, а это есть не что иное, как манипулирование информацией, целенаправленное воздействие на читательскую аудиторию, с тем, чтобы вызвать у нее сочувствие к детям и возмущение действиями президента.

Длинный перечень обвинений, предъявленный Трампу (a longer litany of offenses), метафорически именуется литанией – молитвой у католиков, которая поется или читается во время торжественных религиозных процессий (series of petitions for use in church services or processions recited by clergy and responded to in repeated formulas by people) [23]. Использование в данном контексте книжного слова-термина, обозначающего церковный ритуал, апеллирует к религиозным чувствам верующих. Уподобление обвинительного перечня молитвам призвано освятить, сакрализировать предъявленные обвинения, придав им характер истинных, высокодуховных, глубоко переживаемых идей и мыслей, якобы свойственных кандидатам на пост президента США, выдвигаемых демократической партией.

Итак, в анализируемой статье, освещающей предвыборные дебаты демократов, создается и образ действующего президента США, но, в отличие от демократов, он предстает в крайне негативном свете. Критика Трампа дополнительно усиливалась применением экспрессивной, эмоционально-оценочной лексики, обладающей негативной коннотацией.

Эффективным средством дополнительного усиления образительности и выразительности речи депутатов служили яркие, эпатажные метафоры, несущие отрицательно-заряженный заряд. Однако важная часть информации, которая давала бы более объективную картину происходящего, утаивалась от читателей. Так, с использованием манипулятивной стратегии «на понижение» и сокрытия информации, конструировался в анализируемом

медиа-тексте пейоративный медиа-образ действующего президента.

Если обвинение касалось внешнеполитической деятельности, то акцент в выступлениях демократов ставился не на конкретных фактах и объективной информации, которые не приводились, а на характеристике лидеров стран, с которыми Трамп пытался наладить контакты. Их, не приводя никаких доказательств, называли диктаторами, военными преступниками и обвиняли в убийствах. И, таким образом, дискредитировалась личность и деятельность президента США, который, якобы, поощряет тиранов и преступные режимы.

Важно подчеркнуть, что авторы статьи, приводя резко отрицательные, уничижительные оценки личности президента-республиканца, звучавшие в дебатах в речи демократов, никаких комментариев при этом не давали, что подводит читателя к мысли о том, что журналисты разделяют точку зрения представителей демократической партии. Подобное умолчание свидетельствует о солидарности с выступавшими на дебатах демократами.

Заключение. Подводя итоги, следует подчеркнуть, что главным инструментом политической борьбы, разворачивающейся на страницах прессы, её основным оружием выступает язык, посредством которого осуществляется медиа-воздействие на читательскую аудиторию. Это обстоятельство в полной мере учитывается в анализируемой статье, в которой используются разнонаправленные дискурсивные стратегии масс-медийной репрезентации

информации, относящейся к предвыборным дебатам демократов в США.

Информация, касающаяся кандидатов в президенты США от партии демократов, организована и подана, главным образом, посредством эксплицитного применения позитивной дискурсивной репрезентации по типу «отражение», при имплицитном наличии в медиа-тексте столь же позитивной репрезентации по типу «конструирования». Информация, вычитываемая из статьи о действующем президенте страны, представлена иным способом, а именно, посредством эксплицитного применения однозначно негативной дискурсивной репрезентации по типу «конструирование». Ни та, ни другая информация не дают реальной картины происходящего.

Несмотря на кажущуюся объективность ее авторов, в статье явственно просматривается стратегия рекрутирования в читательской аудитории сторонников курса демократической партии, поскольку именно демократы, согласно медиа-тексту, озабочены жизненно важными проблемами страны, президентом которой является человек, который, по их мнению, недостоем занимать этот пост. Но читателя подводят к этому выводу не факты и аргументы, а манипулятивное использование дискурсивных стратегий, либо отражающих малозначимую информацию при сокрытии важных событий, либо конструирующих квази-реальность. В любом случае формируемая картина мира не соответствует действительности, полностью или в значительной степени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б.С. Социологический словарь. 2-е изд. Перевод с англ. И.Г. Ясавеева / под ред. С.А. Ерофеева. М.: Экономика, 2004. 620 с.
2. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2006. 387 с.
3. Всемирная энциклопедия: Философия / Гл. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. М.: АСТ; Мн.: Харвест, Современный литератор, 2001. 1312 с.
4. Йоргенсен М. В., Филлипс Л. Дискурс-анализ. Теория и метод / Перевод с англ.; под ред. А.А. Киселевой. Харьков: Изд-во Гуманитарного центра, 2004. 352 с.
5. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5-20.

6. Карпухина Т. П., Кузнецова Н. В. Феномен политкорректности в современном западном политическом дискурсе: начало конца новой либеральной идеологии? : монография. Хабаровск: Изд-во Тихоокеанского гос. ун-та, 2018. 226 с.
7. Кравченко А.В. Знак, значение, знание. Очерк когнитивной философии языка. Иркутск: Иркут. обл. типография №1, 2001. 261 с.
8. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З К проблеме ментальных репрезентаций // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4. С. 8-16.
9. Кузнецова Н. В. Отражение и конструирование действительности медиадискурса во внешней политике России (на материале французской периодики) // Вопросы общего языкознания, семасиологии и лингвистики текста: сб. науч. ст. / Чуваш. гос. пед. ун-т; отв. ред. Н.Ю. Кормилина, Н.Ю. Шугаева. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2019. С. 122-127.
10. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. Энциклопедия, 1990. 685 с.
11. Матыцина М. С. Особенности конструирования иммиграционного дискурса в британской прессе // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 1. С. 248-257 (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-1-248-257>
12. Михалева О. Л. Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия: дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2004. 289 с.
13. Мюллер В. К. Большой англо-русский словарь / Сост. В.К. Мюллер, А.Б. Шевнин, М.Ю. Бродский. – М.: АСТ; Екатеринбург: У-Фактория, 2010. 1536 с.
14. Плавина А. А. Корпусное исследование динамики дискурсивной репрезентации природы в жанре «Травелог» // Коммуникативные аспекты современной лингвистики и лингводидактики: материалы международ. науч. конф., г. Волгоград, 2019 / Редкол.: Н.Л. Шамне и др. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2019. С. 108-115.
15. Плотникова С.Н. Дискурсивное конструирование как теоретическое понятие // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2014. № 5 (90). С. 41-46. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskursivnoe-konstruirovanie-kak-teoreticheskoe-ponyatie>
16. Савелова Е.В., Шунейко А.А. Семиотика: учебное пособие. 2-е изд. Хабаровск: Изд-во ДВГГУ, 2008. 348 с.
17. Симонова Е.П., Янкина Ю.А. «Эпатажная» метафора как прием речевого воздействия в современном политическом дискурсе // Филологический аспект. 2019. № 5 (49). С. 201-207.
18. Федосеева Е. В. Когнитивные механизмы дискурсивного конструирования действительности в медиадискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2016. 26 с.
19. Философский энциклопедический словарь / Ред.-сост.: Е.Ф. Губский, Г.В. Кораблева, В.А. Лутченко. М.: ИНФРА-М., 2001. 576 с.
20. Хайрулина А.Р. Смелые метафоры в политическом дискурсе (на материале немецкого языка) // Инновационные подходы к исследованию языковой вариативности: сб. науч. тр. по материалам российско-германской научно-практ. конф./ Отв. ред. С.А. Хахалова, С. Эльспас (Иркутск, 20-24 сентября 2010 г.). Иркутск: Иркут. гос. лингв. ун-т, 2011. С. 137-150.
21. Шашков И. А. Религиозный интернет-дискурс: соотношение понятий «дискурс – ситуация – текст – участники» // Актуальные вопросы обучения языкам: теория и практика: сб. ст. II Всероссийской научно-практ. конференции. Пенза: МНИЦ ПГАУ, 2019. С. 59-66.
22. Burns A., Martin J. With Impeachment as Backdrop, Democrats Direct Fire at Trump in Debate // New York Times, 20.11.2019. URL: <https://www.nytimes.com/2019/11/20/us/politics/november-debate-recap.html>
23. Concise Oxford Dictionary of Current English. – Lnd.: Oxford University Press, 1956. 1536 p.
24. Fairclough N. Language and Power. N.-Y.: Longman Inc., 1989. 259 p.
25. Vaihinger H. The Philosophy of “As if”: a System of the Theoretical, Practical and Religious Fictions of Mankind / Transl. by C.K. Ogden. Lnd.: Kegan Pal, Trench, Trubner & Co. N.-Y.: Harcourt, Drace & Co., 1924. 370 p.
26. Wodak R., Meyer M. Critical Discourse Analysis: History, Agenda, Theory and Methodology // Wodak R., Meyer M. (eds.). Methods of Critical Discourse Analysis. 2nd ed. Lnd.: Sage, 2009. 204 p.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Aberkrombi N., Hill S., Turner B.S. Sociologičeskij slovar'. 2-e izd. Perevod s angl. I.G. Jasaveeva / pod red. S.A. Erofeeva. M.: Jekonomika, 2004. 620 s.
2. Bodrijar Zh. Simvoličeskij obmen i smert'. M.: Dobrosvet, 2006. 387 s.
3. Vsemirnaja jenciklopedija: Filosofija / Gl. nauch. red. i sost. A.A. Gricanov. M.: AST; Mn.: Harvest, Sovremennij literator, 2001. 1312 s.
4. Jorgensen M. V., Fillips L. Diskurs-analiz. Teorija i metod / Perevod s angl.; pod red. A.A. Kiselevoj. Har'kov: Izd-vo Gumanitarnogo centra, 2004. 352 s.
5. Karasik V. I. O tipah diskursa // Jazykovaja ličnost': institucional'nyj i personal'nyj diskurs: sb. nauch. tr. Volgograd: Peremena, 2000. C. 5-20.
6. Karpuhina T. P., Kuznecova N. V. Fenomen politkorrektnosti v sovremennom zapadnom političeskom diskurse: nachalo konca novej liberal'noj ideologii? : monografija. Habarovsk: Izd-vo Tihookeanskogo gos. un-ta, 2018. 226 s.
7. Kravčenko A.V. Znak, znachenie, znanie. Očerki kognitivnoj filosofii jazyka. Irkutsk: Irkut. obl. tipografija №1, 2001. 261 s.
8. Kubrjakova E. S., Dem'jankov V. Z K probleme mental'nyh reprezentacij // Voprosy kognitivnoj lingvistiki. 2007. № 4. S. 8-16.
9. Kuznecova N. V. Otrazhenie i konstruirovanie dejstvitel'nosti mediadiskursa vo vneshej politike Rossii (na materiale francuzskoj periodiki) // Voprosy obshhego jazykoznanija, semasiologii i lingvistiki teksta: sb. nauch. st. / Chuvash. gos. ped. un-t; otv. red. N.Ju. Kormilina, N.Ju. Shugaeva. Cheboksary: Chuvash. gos. ped. un-t, 2019. S. 122-127.
10. Lingvističeskij jenciklopedičeskij slovar' / Gl. red. V.N. Jarceva. M.: Sov. Jenciklopedija, 1990. 685 s.
11. Matycina M. S. Osobnosti konstruirovanija immigracionnogo diskursa v britanskoj presse // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2019. T. 21. № 1. S. 248-257 (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-1-248-257>
12. Mihaleva O. L. Političeskij diskurs kak sfera realizacii manipuljativnogo vozdejstvija: dis. ... kand. filol. nauk. Irkutsk, 2004. 289 s.
13. Mjuller V. K. Bol'shoj anglo-russkij slovar' / Sost. V.K. Mjuller, A.B. Shevnin, M.Ju. Brodskij. – M.: AST; Ekaterinburg: U-Faktorija, 2010. 1536 s.
14. Plavina A. A. Korpusnoe issledovanie dinamiki diskursivnoj reprezentacii prirody v zhanre «Travelog» // Kommunikativnye aspekty sovremennoj lingvistiki i lingvodidaktiki: materialy mezhdunarod. nauch. konf., g. Volgograd, 2019 / Redkol.: N.L. Shamne i dr. Volgograd: Izd-vo VolGU, 2019. S. 108-115.
15. Plotnikova S.N. Diskursivnoe konstruirovanie kak teoretičeskoe ponjatie // Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta. 2014. № 5 (90). S. 41-46. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskursivnoe-konstruirovanie-kak-teoreticheskoe-ponyatie>
16. Savelova E.V., Shunejko A.A. Semiotika: uchebnoe posobie. 2-e izd. Habarovsk: Izd-vo DVGGU, 2008. 348 s.
17. Simonova E.P., Jankina Ju.A. «Jepatazhnaja» metafora kak priem rečevogo vozdejstvija v sovremennom političeskom diskurse // Filologičeskij aspekt. 2019. № 5 (49). S. 201-207.
18. Fedoseeva E. V. Kognitivnye mehanizmy diskursivnogo konstruirovanija dejstvitel'nosti v mediadiskurse: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Krasnojarsk, 2016. 26 s.
19. Filosofskij jenciklopedičeskij slovar' / Red.-sost.: E.F. Gubskij, G.V. Korableva, V.A. Lutchenko. M.: INFRA-M., 2001. 576 s.
20. Hajrulina A.R. Smelye metafory v političeskom diskurse (na materiale nemeckogo jazyka) // Innovacionnye podhody k issledovaniju jazykovoj variativnosti: sb. nauch. tr. po materialam rossijsko-germanskoj nauchno-prakt. konf. / Otv. red. S.A. Hahalova, S. Jel'spas (Irkutsk, 20-24 sentjabrja 2010 g.). Irkutsk: Irkut. gos. lingv. un-t, 2011. S. 137-150.
21. Shashkov I. A. Religioznyj internet-diskurs: sootnoshenie ponjatij «diskurs – situacija – tekst – uchastniki» // Aktual'nye voprosy obuchenija jazykam: teorija i praktika: sb. st. II Vserossijskoj nauchno-prakt. konferencii. Penza: MNIC PGAU, 2019. S. 59-66.

-
22. Burns A., Martin J. With Impeachment as Backdrop. Democrats Direct Fire at Trump in Debate // New York Times, 20.11.2019. URL: <https://www.nytimes.com/2019/11/20/us/politics/november-debate-recap.html>
 23. Concise Oxford Dictionary of Current English. – Lnd.: Oxford University Press, 1956. 1536 p.
 24. Fairclough N. Language and Power. N.-Y.: Longman Inc., 1989. 259 p.
 25. Vaihinger H. The Philosophy of «As if»: a System of the Theoretical, Practical and Religious Fictions of Mankind / Transl. by C.K. Ogden. Lnd.: Kegan Pal, Trench, Trubner &Co. N.-Y.: Harcourt, Drace & Co., 1924. 370 p.
 26. Wodak R., Meyer M. Critical Discourse Analysis: History, Agenda, Theory and Methodology // Wodak R., Meyer M. (eds.). Methods of Critical Discourse Analysis. 2nd ed. Lnd.: Sage, 2009. 204 p.

Поступила в редакцию 14.04.2020.

Принята к публикации 17.04.2020.

Для цитирования:

Карпухина Т.П. Дискурсивные стратегии отражения и конструирования в масс-медийной репрезентации предвыборных дебатов в американском политическом дискурсе // Гуманитарный научный вестник. 2020. №3. С. 158-169. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2020/03/Karpukhina.pdf>

<https://doi.org/10.5281/zenodo.3769351>
УДК 821.161.1

Лысенко Л.А.

Лысенко Лидия Анатольевна, учитель русского языка и литературы, МБОУ «СШ №3», 628624, Россия, Тюменская область, Ханты-Мансийский автономный округ-Югра, г. Нижневартовск, ул. Мира, 76б. E-mail: lla-08@mail.ru.

Генезис метода духовного реализма в творчестве И.С. Шмелева и Б.К. Зайцева

Аннотация. Автобиографические произведения Б.К. Зайцева «Путешествие Глеба» и И.С. Шмелева «Лето Господне» являются образцом проявления метода духовного реализма, описанного А.М. Любомудровым, в литературе Русского зарубежья. Однако вопрос принадлежности названных писателей к этому методу вызывает полемику в научных кругах. В ходе исследования установлено, что реализация метода духовного реализма в произведениях И.С. Шмелева и Б.К. Зайцева находится в русле важнейшей его задачи – создание авторами образа православной России с целью утверждения положительного духовного идеала, понимаемого в православных христианских традициях.

Ключевые слова: И. Шмелев, поэма в прозе «Лето Господне», Б. Зайцев, роман-хроника «Путешествие Глеба», духовный реализм.

Lysenko L.A.

Lysenko Lydia Anatolyevna, Teacher of Russian language and Literature, MBEI «Secondary School No. 3», 628624, Russia, Tyumen region, Khanty-Mansi Autonomous Okrug-Yugra, Nizhnevartovsk, Mira st., 76B. E-mail: lla-08@mail.ru.

The genesis of the method of spiritual realism in the works of I.S. Shmelev and B.K. Zaitsev

Abstract. Autobiographical works of B.K. Zaitsev «The Journey of Gleb» and I.S. Shmelev's «Summer of the Lord» is an example of the manifestation of the method of spiritual realism described by A.M. Lyubomudrov, in the literature of Russian abroad. However, the issue of belonging of these writers to this method causes controversy in the scientific community. The study found that the implementation of the method of spiritual realism in the works of Shmelev and Zaitsev is in line with its most important task - the creation by the authors of the image of Orthodox Russia in order to establish a positive spiritual ideal, understood in Orthodox Christian traditions.

Key words: I. Shmelev, a poem in prose «The Summer of the Lord», B. Zaitsev, a chronicle novel «The Journey of Gleb», spiritual realism.

Вопрос о воплощении метода духовного реализма в автобиографических произведениях И. Шмелева «Лето Господне» и Б. Зайцева «Путешествие Глеба» интерпретируется неоднозначно у разных исследователей.

Художественный образ испытывает определенное влияние того литературно-художественного метода, в рамках которого создает произведение автор-творец. Реалистическая основа творчества И. Шмелева и Б. Зайцева неоднократно отмечалась литературоведами, хотя

Шмелев всегда стоял вне всяких литературных школ, течений и направлений. Он сам – и направление, и школа. Однако такие произведения Шмелева, как очерки «На скалах Валаама» (1897), повести «Распад» (1907), «Господин Уклекин» (1908), «Человек из ресторана» (1911) свидетельствуют о том, что писатель осознавал человека социально обусловленным и был внимателен к реальной действительности, что подтверждает реалистическую основу его творчества.

Дореволюционное творчество Б. Зайцева – это поэтическая стихия, избравшая формой прозу. Проза Зайцева проникнута духом музыки. Его называли «поэтом прозы». Такая метаморфоза оправдана литературными влияниями начала XX века. Творческим воздухом на рубеже XIX–XX веков был символизм. Зайцев ощущает рождение в своей писательской лаборатории нового для себя типа писания – «бессюжетный рассказ-поэма». В журнале «Курьер» начинают публиковаться его импрессионистические этюды, в которых Зайцев последовательно придерживается отсутствия ярко выраженного сюжета. Импрессионистические черты Зайцев сохранил в своем творчестве навсегда.

Импрессионизм в литературе, как одно из стилевых явлений, получил распространение в конце XIX – начале XX вв. Как метод импрессионизм сначала появился в живописи, только после этого распространился на другие виды искусства. Термин возник, когда в 1874 на выставке в Париже молодых художников, отвергнутых официальным Салоном, К. Моне представил свою картину «Впечатление. Восход солнца» (1872). «Впечатление» (impression) дало название новому направлению [14]. В литературе, в отличие от живописи, импрессионизм не сложился как отдельное направление. Скорее можно говорить о чертах импрессионизма внутри разных направлений эпохи.

Импрессионизм требует правдивости, верности первому впечатлению. А так как впечатление зависит от темперамента, оно субъективно и мимолетно. Поэтому в импрессионистической литерату-

ре, как и в живописи, используются «крупные мазки»: одна интонация, одно настроение, заменяются глагольные формы назывными предложениями, обобщающие прилагательные причастиями и деепричастиями, которые выражают процесс, становление. Объект дается в чем-то восприятии, но и сам воспринимающий субъект растворяется в объекте.

В. Т. Захарова отмечает, что «импрессионизм – искусство, сообщающее человеку радость от простых естественных, но одновременно сказочно богатых даров бытия: счастья жить, счастья быть этом мире солнца света, воды, цветов, деревьев» [5, с. 19]. Однако исследователь подчеркивает, что в литературе XX века импрессионизм взаимодействовал с реализмом, двуединство импрессионистического принципа отразилось в прозе: «характер объективного субъективного вытекал из подвижной их взаимосвязи. При этом субъективное начало, явно преобладающее, всегда исходило от внешнего, реального. С другой стороны, самоуглубление личности было направлено на раскрытие определенных объективных явлений» [Там же, с. 26]. Таким образом, Б. Зайцев синтезировал в своих произведениях импрессионистический взгляд на мир и глубокое духовное понимание жизни, воплотившееся в методе духовного реализма; именно импрессионизм стал ключом к постижению христианских истин. (При этом в художественном сознании Шмелева также наблюдаются импрессионистические черты: «В оригинальном личностном ракурсе во взгляде на мир героев рассказа, во взаимодействии пении «всех голосов бытия», ощущении космического всеединства. Самобытность шмелевского мироощущения здесь – в сильном эмоциональном потоке мысли социальной, необходимой составляющей этого всеединства, поэтике рассказа это выражено через фольклорно-сказовое, притчевое начало, формирующее стержень импрессионистического течения раздумий героев» [Там же, с. 191]).

Одновременно на рубеже XIX–XX веков Б. Зайцев начинает ощущать влияние

А. Чехова и И. Бунина. Символистско-импрессионистические тенденции в творчестве Зайцева соединяются с реалистическими.

Данное обстоятельство обусловило тот факт, что раннее творчество И. Шмелева и Б. Зайцева относят и к неореализму и ставят их имена в один ряд с такими авторами, как А. Ремизов, Ф. Сологуб, А. Толстой, М. Кузмин, С. Сергеев-Ценский, – представителями данного литературного метода. Формирование неореализма происходило в начале XX века и характеризовалось взаимодействием реализма с символизмом, «эту тенденцию стали называть «нео-реализмом», «новым реализмом», «новым одухотворенным реализмом»» [7, с. 760].

Т. Давыдова объясняет зарождение нового метода стремлением писателей «нового поколения» [1, с. 45] по-новому трактовать «проблему личности и среды» [Там же, с. 45]. Авторы акцентировали свое внимание прежде всего на активности личности, а не на ее зависимости от окружения. В сравнении с искусством реализма предшествовавшего периода в их творчестве по-новому проявляется связь объективного повествования и субъективной авторской оценки мира. В судьбе отдельного человека молодые реалисты усматривают отражение судеб общества. В то же время на личность возлагается все большая ответственность за будущее России. Первостепенным становится для каждого художника вопрос об отношениях народа и интеллигенции, об ответственности искусства за происходящее в мире.

Новое осмысление отношений личности и общества, искусства и действительности находит свое выражение в стилевой структуре русского реализма рубежа веков, в характере основных конфликтов, в выборе литературного героя.

Кроме того, изменяется подход к описанию реальности, окружающей героев произведений: «неореалистов привлекало в ней не столько социальное, сколько метафизическое, природное и историческое» [Там же, с. 45]. Подразделяя нео-

реализм на подтечения: религиозное и атеистическое, Давыдова определяет этот метод как «постсимволистское литературное модернистское стилевое течение 1910-1930-х гг., основанное на неореалистическом художественном методе. В этом методе синтезированы черты реализма и символизма при преобладании последних» [Там же, с. 18].

Думается, что – в ходе умозаключений Т. Давыдовой – относящееся к данному хронологическому периоду творчество Шмелева и Зайцева укладывается в рамки религиозного крыла неореализма.

В историко-литературном труде «Русская литература XX века» отмечается, что литературная эволюция Зайцева была не простой: «Ход литературного развития приблизительно таков: начал с повестей натуралистических; ко времени выступления в печати – увлечение так называемым «импрессионизмом», затем выступает элемент лирический и романтический» [11, с. 443]. Уже тогда исследователи отмечают тяготение Зайцева к реализму. Стоит отметить, что литературовед А.М. Любомудров относит направление творчества Б.Зайцева к духовному реализму. Это именно то новое, что еще до Октября зарождалось в душе писателя, но в конкретные произведения вылилось в большей степени уже в эмиграции.

Особенность духовного реализма, характерного для Зайцева, состоит в том, что для него он состоял преимущественно в отражении в произведениях онтологической основы Богопознания и аксиологии православного христианства. Это включает и так называемую «импрессионистичность» в воспроизведении православной этики в произведениях писателя, и «обращение к чувственной, эмоционально-душевной сфере читателя» [9, с. 118]. При этом уже в его «в ранних его произведениях можно обнаружить, как своеобразно пересекаются евангельская мудрость, соловьевские представления о «всеединстве» красоты в мире, созданной неким «космическим художником», как он называет Бога» [5, с. 171].

Придерживаясь точки зрения А.М. Любоумдрова, мы считаем, что, находясь в 1910–1930-х годах в неореалистическом поле, Шмелев и Зайцев, культивирующие в своих произведениях тему «Святой Руси», в которой воплотилась стихия религиозного сознания русского народа, впоследствии творят в рамках метода духовного реализма.

Данный термин является неоднозначно воспринимаемым литературоведами и сопровождается в литературоведении множеством вариантов. Дискуссионность современной постановки вопроса о «духовном», «христианском» или «православном» реализме как «трансгисторической категории» (т.е. находящейся «поверх» литературных направлений) объясняется сменой исследовательской парадигмы в отечественном литературоведении в последнее десятилетие XX – начале XXI вв.: в нем наблюдается ослабление внимания к проблемам поэтики и усиление интереса к вопросам онтологического порядка, к религиозным основам русской литературы и творчества ее отдельных представителей, и это представляется закономерным следствием тех изменений, которые произошли в нашем обществе (возрастание значения религии и церкви в жизни государства). Открытие Г.К. Щенниковым «метафизического поля» [13] русской классики, ее устремленности к решению онтологических, бытийных вопросов, ее мощного гуманистического пафоса, основанного на вере в возможность духовного возрождения, «восстановления человека» сосредоточило внимание литературоведов на проблеме «русская литература и христианство/православие».

Так, В. Маркович, рассуждая о развитии классического реализма и выделении в нем нового метода, выделяет «по слову Достоевского, <...> реализм в высшем смысле» [10, с. 27]. Он отмечает, что уже «в кругозор русских реалистов-классиков (Гоголя, Достоевского, Толстого, Лескова) входит категория сверхъестественного», при этом «общественная жизнь, исторические события, метания челове-

ской души получают трансцендентный смысл, и начинают соотноситься с такими категориями как вечность, высшая справедливость, провиденциальная миссия России, конец света, Страшный суд, царство Божие на земле». При этом исследователь считает, что таким образом русский реализм «неизбежно заряжается духовным максимализмом» [Там же, с. 28]. Как следствие появляется либо новое направление, либо разновидность литературного метода. Неореалисты, озадаченные поисками метафизических основ, т.е. первоначальной природы реальности, мира и бытия как такового, видятся, в аспекте размышлений В. Марковича, таким «сдвигом» в методе реализма.

Обращая внимание на такие критерии реализма, как «верность действительности, социально-психологический и, начиная с «Евгения Онегина», исторический детерминизм», и, как и В. Маркович, констатируя наличие трансформаций в реалистическом методе, В. Захаров утверждает о появлении «христианского реализма», считая, что это «реализм, в котором жив Бог, зримо присутствие Христа, явлено откровение Слова». Более того, В. Захаров, рассуждая о пути русской литературы, пишет, что «путь русской литературы в ее высших свершениях последних столетий это путь обретения русским реализмом Истины, которая явлена Христом и «быть Словом» [4].

Этим же термином предлагает пользоваться и И. А. Есаулов, считая термин «духовный реализм» «не вполне удачным для обозначения особенностей видения мира русскими писателями». Он подчеркивает, что христианский реализм «явление совершенно иного семантического ряда, нежели принятые обозначения литературных направлений (классицизма, сентиментализма, романтизма, реализма): речь идет о трансгисторическом творческом принципе, который проявляет себя в литературе и искусстве христианского типа культуры» [3].

Н. Коняев предлагает ввести еще один термин – «православный реализм», считая, что для писателя самая важная

тема – тема спасения души: «Это и следует назвать православным реализмом – художественным методом, совмещающим познание мира и спасение собственной души» [6]. Исследователь полагает, что этим художественным методом пользовались гениальные русские писатели, при этом сами того не сознавая, но именно в этом методе их творчество достигло наиболее полного и яркого результата. «И напротив, – подчеркивает Коняев, – если писатель не разделял принципов православного реализма, то в его творчестве всегда обнаружится стремление осмеять Божий мир, попытка разрушения его, сатанинская гордыня таких авторов порою начинает заслонять и сам от Бога полученный ими дар...» [6].

К. Степанян в своей диссертации высказывает мнение о том, что произведения И. Шмелева, Б. Пастернака, А. Солженицына, У. Фолкнера, несмотря на то, что многие исследователи считают их преемниками Достоевского, не могут в полной мере быть отнесены к творческому методу, обозначаемому В. Марковичем как «реализм в высшем смысле», так как «пристрастно-субъективный взгляд автора смещает центр тяжести изображаемого мира, что приводит к смещению и разъединению его уровней [16, с. 16], служит препятствием для воссоздания целостности мира во всем его объеме и глубине, не позволяет воплотить гармоничное сосуществование всех уровней реальности, переносит внимание читателя от воссоздаваемого мира на «образ автора» [Там же, с. 17].

Учитывая вышеприведенные мнения, мы согласимся с А.М. Любомудровым, что произведения «Лето Господне» Шмелева и «Путешествие Глеба» Зайцева являются воплощением метода духовного реализма, то есть метод «художественного освоения духовной реальности, т. е. реальности духовного уровня мироздания и духовной сферы бытия человека» [8, с. 38]. Исследуя творчество Шмелева и Зайцева, ученый выделяет именно этот метод.

Этим термином оперирует и А.П. Черников, считая, что духовный реализм воплощением «в художественном произведении неразрывной связи Земли и Неба, устремленность писателя к Абсолюту и глубокий интерес к делам земным, к образу воцерковленного человека, к его жизни и духовным исканиям, к историческим судьбам Родины. Этот реализм отражает реальность присутствия Иисуса Христа в мире, наличие в земных проявлениях жизни человека небесных черт» [12, с. 18].

М. Дунаев также исследует творчество Шмелева и Зайцева с точки зрения реализации метода духовного реализма в произведениях, утверждая, что эти авторы создали и усовершенствовали его: «Шмелев сумел преодолеть реализм, выйти за его рамки, найти выход из тупиков, созданных реалистическим типом художественного отображения. И он нашел выход не посредством «горизонтальных» перемещений на уровне реализма, но – движением «по вертикали», ввысь» [2, с. 709].

В своей диссертации «Проза Бориса Зайцева: наследие Серебряного века и духовный реализм» М. Ветрова, также основывая исследование на определении творческого метода Б. Зайцева как духовного реализма, считает, что «одна из важнейших задач духовного реализма – создание образа положительного героя, которым является, как правило, воцерковленный мирянин, инок, праведный или святой человек» [15, с. 22]. Этот образ и есть воплощение особой концепции человека, характерной для метода.

Православная художественная традиция, лежащая в основе духовного реализма, характеризует такие составляющие идейного мира произведения, как система авторских оценок, авторский идеал, пафос произведения. В структуру данного метода включаются и особые принципы отбора художественного материала и художественного обобщения (типизацию, символизацию и пр.). Так, по мнению А.М. Любомудрова, художественным предметом Б. Зайцева стала Свя-

тая Русь, а сверхзадачей – «воцерковление искусства слова и приобщение читателя к ценностям православия» [9, с. 117]. К главной особенности духовного реализма исследователь относит «повышенный документализм», который заключается в опоре на факт и не «на конструирование образа, а его воссоздание» [Там же, с. 118].

Таким образом, обнаруживаем, что реализация метода духовного реализма в

произведениях Шмелева и Зайцева находится в русле важнейшей его задачи, понимаемой в несколько укрупненном ключе – как создание авторами образа православной России с целью утверждения положительного духовного идеала, понимаемого в православных христианских традициях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Давыдова Т.Т. Русский неореализм. Идеология, поэтика, творческая эволюция. Москва: Флинта, 2011. 196 с.
2. Дунаев М.М. Творчество И.С. Шмелева (1873-1950) // Православие и русская литература. Ч. 5. М., 2003. 784 с.
3. Есаулов И.А. Христианский реализм как художественный принцип русской классики. URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/37307.php>
4. Захаров В.Н. Христианский реализм в русской литературе (постановка проблемы). URL: http://www.portal-slovo.ru/philology/37309.php?ELEMENT_ID=37309
5. Захарова В.Т. Импрессионизм в русской прозе Серебряного века: монография / Отв. ред. В.Т. Захарова. Н. Новгород: НГПУ, 2012. 271 с.
6. Коняев Н.М. Православный реализм – литература будущего. URL: <https://www.portal-slovo.ru/history/35111.php>
7. Лейдерман Н.Л. Теория жанра: Научное издание // Институт филологических исследований и образовательных стратегий «Словесник» УрО РАО; Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2010. 904 с.
8. Любомудров А.М. Духовный реализм в литературе Русского зарубежья: Б.К. Зайцев, И.С. Шмелев. СПб, 2003. 272 с.
9. Любомудров А.М. Духовный реализм как отражение религиозной культуры в художественной литературе // Вестник славянских культур. 2008. № 1-2. Т. IX. С. 113-120.
10. Маркович В.М. Вопрос о литературных направлениях и построение истории русской литературы XIX века // Известия РАН. Отделение лит. и яз. 1993. № 3. С. 26-32. URL: <http://febweb.ru/feb/izvest/1993/03/933-026.htm>
11. Русская литература XX века. 1890-1910 / Под ред. С. А. Венгерова. М.: Республика, 2004. 543 с.
12. Черников А.П. Опыт духовного романа: «Пути Небесные» Ивана Шмелева. // Лит. в школе. 2003. № 2. С. 13-18.
13. Щенников Г.К. К проблеме художественной метафизики Ф.М. Достоевского. URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/31759/1/evf_2001_04.pdf
14. Энциклопедия Кругосвет. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/literatura/IMPRESSIONIZM_V_LITERATURE.html
15. Ветрова М.В. Проза Бориса Зайцева: наследие Серебряного века и духовный реализм: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.02. Симферополь, 2009. 217 с.
16. Степанян К.А. «Реализм в высшем смысле» как творческий метод Ф.М. Достоевского: автореф. дис. ... д-ра. филол. наук: 10.01.01. М., 2007. 45 с.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Davydova T.T. Russkij neorealizm. Ideologija, pojetika, tvorcheskaja jevoljucija. Moskva: Flinta, 2011. 196 s.
2. Dunaev M.M. Tvorchestvo I.S. Shmeleva (1873-1950) // Pravoslavie i russkaja literatura. Ch. 5. M., 2003. 784 s.

3. Esaulov I.A. Hristianskij realizm kak hudozhestvennyj princip russkoj klassiki. URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/37307.php>
4. Zaharov V.N. Hristianskij realizm v russkoj literature (postanovka problemy). URL: http://www.portal-slovo.ru/philology/37309.php?ELEMENT_ID=37309
5. Zaharova V.T. Impressionizm v russkoj proze Serebrjanogo veka: monografija / Otv. red. V.T. Zaharova. N. Novgorod: NGPU, 2012. 271 s.
6. Konjaev N.M. Pravoslavnyj realizm – literatura budushhego. URL: <https://www.portal-slovo.ru/history/35111.php>
7. Lejderman N.L. Teorija zhanra: Nauchnoe izdanie // Institut filologicheskikh issledovanij i obrazovatel'nyh strategij «Slovesnik» UrO RAO; Ural.gos. ped. un-t. Ekaterinburg, 2010. 904 s.
8. Ljubomudrov A.M. Duhovnyj realizm v literature Russkogo zarubezh'ja: B.K. Zajcev, I.S. Shmelev. SPb, 2003. 272 s.
9. Ljubomudrov A.M. Duhovnyj realizm kak otrazhenie religioznoj kul'tury v hudozhestvennoj literature // Vestnik slavjanskih kul'tur. 2008. № 1-2. T. IX. S. 113-120.
10. Markovich V.M. Vopros o literaturnyh napravlenijah i postroenie istorii russkoj literatury XIX veka // Izvestija RAN. Otdelenie lit. i jaz. 1993. № 3. S. 26-32. URL: <http://feb-web.ru/feb/izvest/1993/03/933-026.htm>
11. Russkaja literatura HH veka. 1890-1910 / Pod red. S. A. Vengerova. M.: Respublika, 2004. 543s.
12. Chernikov A.P. Opyt duhovnogo romana: «Puti Nebesnye» Ivana Shmeleva. // Lit.v shkole. 2003. № 2. S. 13-18.
13. Shhennikov G.K. K probleme hudozhestvennoj metafiziki F.M. Dostoevskogo. URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/31759/1/evf_2001_04.pdf
14. Jenciklopedija Krugosvet. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/literatura/IMPRESSIONIZM_V_LITERATURE.html
15. Vetrova M.V. Proza Borisa Zajceva: nasledie Serebrjanogo veka i duhovnyj realizm: dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.02. Simferopol', 2009. 217 s.
16. Stepanjan K.A. «Realizm v vysshem smysle» kak tvorcheskij metod F.M. Dostoevskogo: avtoref. dis. ... d-ra.filol. nauk: 10.01.01. M., 2007. 45 s.

Поступила в редакцию 10.04.2020.
Принята к публикации 13.04.2020.

Для цитирования:

Лысенко Л.А. Генезис метода духовного реализма в творчестве И.С. Шмелева и Б.К. Зайцева // Гуманитарный научный вестник. 2020. №3. С. 170-176. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2020/03/Lysenko.pdf>

<https://doi.org/10.5281/zenodo.3770483>

УДК 81.23

Усачев В.В.

Усачев Валерий Валерьевич, Севастопольский государственный университет, 299053, Россия, г. Севастополь, ул. Университетская, 33. E-mail: valera.usachev95@mail.ru.

Некоторые тенденции функционирования жаргонизмов в профессиональной английской и русской лексике (на материале терминов в сфере судостроения)

Аннотация. Статья посвящена описанию некоторых тенденций функционирования английских и русских жаргонизмов в сфере судостроения, а также их тематической классификации в данной профессиональной сфере. Объясняются функции и место жаргона в общем языкознании, приводятся его наиболее частые проявления, основные признаки и тематические группы, используемые судостроителями. Рассматриваются основные тенденции функционирования профессиональных жаргонизмов в сфере судостроения на материале русского и английского языков. Исследуются отличительные особенности возникновения жаргона в английском и русском языках.

Ключевые слова: профессиональный жаргон; жаргонизмы; сленг; научно-техническая лексика; термин; терминология; судостроение.

Usachev V.V.

Usachev Valeri Valeryevich, Sevastopol state university, 299053, Russia, Sevastopol, Universitetskaya st., 33. E-mail: valera.usachev95@mail.ru.

Some trends in the functioning of jargon in professional English vocabulary (on the term material in shipbuilding sphere)

Abstract. The article is devoted to the description some trends in the functioning of English and Russian jargon in the field of shipbuilding, as well as their thematic classification in this professional field. The functions and place of jargon in General linguistics are explained, its most frequent manifestations, main features and thematic groups used by shipbuilders are given. The article considers the main trends in the functioning of professional jargon in the field of shipbuilding based on the material of Russian and English languages. The author studies the distinctive features of the emergence of jargon in English and Russian.

Key words: professional jargon, jargon, slang, scientific and technical vocabulary, term, terminology, shipbuilding.

В современном мире, работники судостроительной отрасли употребляют профессиональные жаргонизмы каждый день, что говорит о высокой степени их использования в данной сфере трудовой деятельности. Подобные лексические единицы играют большую

роль в процессе коммуникации с другими специалистами в данной профессиональной области, и без знания и понимания их значения, общение значительно затрудняется. Казалось бы, смысл понятия «общение» ясен и он не требует особых разъяснений. Существует, однако, немало

понятий, значение которых в повседневной речи и в научном употреблении не вполне совпадает; кроме того, в самой науке термин может употребляться в разных значениях. С тех пор как в русский язык проникло французское слово «жаргон», что в переводе означает «искусственно изобретённый язык», данный термин стал употребляться и в сфере судостроения. На основании чего мы решили использовать следующую дефиницию профессионального жаргона: профессиональный жаргон – разновидность жаргона, который использует группа людей, объединённых по профессиональному признаку [3].

В языковом отношении для профессионального жаргона характерны следующие признаки: экспрессивность, использование гипонимов (*машина* – машинное отделение, *банка* – конденсаторная батарея, *блэкаут* – полное обесточивание судна), стилистическая сниженность (*плоски* – плоскогубцы, *коза* – короткое замыкание, *гофра* – волнистая (гофрированная) гибкая трубка, *рефка* – рефрижераторное машинное отделение), использование новых словообразовательных моделей (*люмка* – люминесцентная трубчатая (длинная стеклянная трубка) лампа).

К профессионально обусловленным языковым составляющим, формирующим жаргон, использующийся в той или иной сфере жизнедеятельности человека, относятся профессиональная лексика и фразеология – слова и обороты, отчасти дублирующие соответствующие единицы терминологии и специального подязыка, используемые в данной области профессиональной деятельности (*фидерный автомат* – профессиональный жаргон электромехаников для обозначения автоматического выключателя, установленного на отходящей линии в щитке, то есть в цепи электропитания после вводного автомата) [2].

Необходимо отметить многоаспектность и многофункциональность понятия «жаргон», понятные, на первый взгляд, слова и выражения, могут иметь эмоцио-

нальную окраску и смысловое содержание, которое невозможно выразить общеупотребительными словами. Исследования в области маргинальных форм речи проводились американским ученым Расселом Хорстом, он даёт более обширную дефиницию жаргона «The specialized language of a trade, discipline, profession; the first definition addresses the sentence-level issues of vocabulary and diction. Wilkinson argues that jargon is «essential for designating new entities for which the language has no name» (1992: 319). In other words: sometimes, no existing word will do. The second definition relates more to the emotional, negative reaction to the use of that vocabulary and the structure of power and knowledge. Jargon can be used to «intimidate outsiders», as a banker participating in an anthropological study said about his own field (Luyendijk 2011) [5].

Арго, жаргон, сленг как маргинальные проявления нормативного языка, отчасти являются следствием попыток лингвистов найти «свежие», своеобразные выразительные слова для наименования понятий, действий и предметов в данной сфере и придания речи определенного, «нелитературного» колорита. Лексическими эквивалентами таких «тайных языков» часто являются искаженные и «вывернутые» варианты обычных слов, нередко используемые и в профессиональной деятельности: *sparky* (электрик), *Edison's medicine* (получить удар тока), *blackout* (массовое отключение электричества в темное время суток), *leccy* (электричество), *bumpkin* (лонжерон, выступающий с кормы корабля), *коротыш* (короткое замыкание), *паучок* (перемычка вместо предохранителя), *утконос* (плоскогубцы для захвата и манипулирования). В общенациональный литературный язык, как правило, подобная лексика не проникает.

Существование профессиональных жаргонизмов обусловлено социальной значимостью той или иной профессии, её обособленностью, которая может варьироваться в зависимости от объективных и субъективных причин, начиная с «сек-

ретенности/общедоступности, престижности/непрестижности, и кончая особенностями психологического склада мышления людей, занятых в данной профессии» [1, с. 67].

Необходимо отметить, что вопрос о статусе профессиональных жаргонизмов и их языковых характеристиках в современной лингвистике не имеет однозначного решения. На наш взгляд, наиболее обоснованной является точка зрения лингвистов, согласно которой профессиональные жаргонизмы не являются самостоятельным пластом специальной лексики, поскольку по своему происхождению представляют собой переосмысленные общеупотребительные слова или новообразования от них. В отличие от терминов и профессионализмов, профессиональные жаргонизмы обозначают предмет, явление, процесс на основании либо приблизительного внешнего сходства, либо на основании весьма отдаленных ассоциаций [4].

Некоторые ученые полагают, что профессиональные жаргонизмы используются исключительно в неофициальной устной среде, когда специалисты разговаривают на профессиональном уровне в рабочей неформальной обстановке. Такое общение, с использованием профессионального жаргона, возможно только между представителями одной профессии.

Рассмотрим конкретно основные тенденции функционирования профессиональных жаргонных слов или жаргонизмов в сфере судостроения на материале русского и английского языков. Кроме общеупотребительных и профессионально детерминированных слов и терминов, в разных сферах судостроения часто используется и жаргонная лексика.

Нередко специалисты в своей сфере деятельности подменяют какое-то определение или название более простым, коротким жаргонизмом, с целью ускорить процесс передачи информации своим коллегам. Также это изменение может быть вызвано ассоциациями, связанными с внешним сходством устройства с чем-либо «из вне» (*елочка* – пластиковый дю-

бель быстрого монтажа для крепления кабеля/провода, *лапы* – небольшие металлические площадки с отверстиями для крепления на электродвигателе, *gem box* – metal box with various mounting from ears, nail on, to masonry, *pigtail* – a lamp socket with 2-leads right or left hand base for temporary lighting) [6]. Такие жаргонизмы употребляются только в устном общении, поскольку требования относительно технической документации не допускают подмены оригинальных названий устройств, инструментов или процессов.

Данные словосочетания появляются при попытке наиболее точно и доступно описать устройство (*фидерный автомат, клеммник переходной, вводный автомат*). В основном это имена существительные, ввиду того, что основной функцией профессионального жаргона является номинативная, т.е. наименование, номинация какого-либо устройства или сооружения. Основываясь на знаниях, полученных при работе на ФГУП «13 СРЗ ЧФ» МО РФ в г. Севастополь, на должности «судовой электромонтажник», мы можем выделить четыре основные тематические группы профессионального жаргона, используемого судостроителями на данном предприятии. А именно:

1) наименования объектов на территории предприятия (*малярка, гальваника, Белый дом, холодильник* и др.);

2) классификация рабочих предприятия (*трубники, холодильщицы, гальванисты* и т.д.);

3) классификация судов (*грузовик, пассажир, лодка* и др.);

4) наименования механизмов, инструментов (*сапог* – контактор с серебряным покрытием, *ванна* – гальваническая ванна травления, *рыба* – обработанные в гальванической ванне детали, готовые к транспортировке).

Нельзя не отметить тот факт, что при кажущейся многоаспектности и регулярности исследований в области профессиональной лексики, данные ненормативные проявления речи требуют более детального изучения, так как исследова-

ниям жаргонизмов в сфере судостроения не уделялось достаточно внимания. Безусловно, их использование в данной сфере профессиональной деятельности будет развиваться в условиях появления новых механизмов и приспособлений и постепенно становится одним из связующих звеньев в глобальном процессе профессиональной коммуникации. К отличительным особенностям возникновения жаргона в английском и русском языках относится различие в типе и продуктивности моделей формирования жаргониз-

мов. Это обусловлено системными свойствами двух языков: аналитическим характером английского языка и синтетическим – русского. Следует отметить, что для английского и русского жаргона свойственно использование общих функций: коммуникативной и идентификационной. В дальнейшем исследовании мы рассмотрим более детально, каким образом данные сходства и различия влияют на функционирование профессиональной лексики в сфере судостроения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беляева Т. М., Хомяков В. А. Нестандартная лексика английского языка. Москва: Изд-во Ленинградского университета, 1985. 136 с.
2. Исупов Г.А., Сытов Е.Е. Краткий справочник судового электромеханика. Москва: Изд-во «Транспорт», 1968. 288 с.
3. Михальченко В.Ю. Словарь социолингвистических терминов. Москва, 2006. 312 с.
4. Загоровская О. В., Данькова Т. Н. Термин и терминология: монография Воронеж, 2011. 136 с.
5. Тематическое исследование в области преподавания жаргона в рамках интенсивного курса антропологии для студентов бакалавриата в университете на северо-востоке Соединенных Штатов Америки Brown S. URL: https://www.anthropologymatters.com/index.php/anth_matters/article/view/443/617
6. Технический язык: под ред. Kutsche P. URL: <http://electricalslang.com/>

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Beljaeva T. M., Homjakov V. A. Nestandartnaja leksika anglijskogo jazyka. Moskva: Izd-vo Leningradskogo universiteta, 1985. 136 s.
2. Isupov G.A., Sytov E.E. Kratkij spravocnik sudovogo jelektromehanika. Moskva: Izd-vo «Transport», 1968. 288 s.
3. Mihal'chenko V.Ju. Slovar' sociolingvisticeskikh terminov. Moskva, 2006. 312 s.
4. Zagorovskaja O. V., Dan'kova T. N. Termin i terminologija: monografija Voronezh, 2011. 136 s.
5. Tematiceskoe issledovanie v oblasti prepodavaniya zhargona v ramkah intensivnogo kursa antropologii dlja studentov bakalavriata v universitete na severo-vostoke Soedinennyh Shtatov Ameriki Brown S. URL: https://www.anthropologymatters.com/index.php/anth_matters/article/view/443/617
6. Tehniceskij jazyk: pod red. Kutsche P. URL: <http://electricalslang.com/>

Поступила в редакцию 11.04.2020.
Принята к публикации 14.04.2020.

Для цитирования:

Усачев В.В. Некоторые тенденции функционирования жаргонизмов в профессиональной английской и русской лексике (на материале терминов в сфере судостроения) // Гуманитарный научный вестник. 2020. №3. С. 177-180. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2020/03/Usachev.pdf>

<https://doi.org/10.5281/zenodo.3770546>

УДК 8

Чэн Цзяци

Чэн Цзяци, аспирант, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 117485, Россия, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 6. E-mail: jiaqi.cheng@yandex.ru.

Лингвокультурологическое описание концепта деревня в рассказах И.А. Бунина

Аннотация. В статье предлагается анализ культурное и семантическое содержание концепта деревня в рассказах И.А. Бунина. Объектом настоящего исследования является концепт деревня; целью статьи - лингвокультурологический анализ данного концепта (с известным учётом теории Ю.С. Степанова). В этой связи рассматриваются различные определения термина концепт в лингвокультурологии, обосновывается суть и целесообразность применения метода концептуального анализа, анализируется этимология слова деревня, особенности развития русской деревни, социальные и религиозные причины возникновения концепта деревня, описывается образ русской деревни в произведениях И.А. Бунина.

Ключевые слова: И.А. Бунин; деревня; концепт; концептуальный анализ; рассказ; лингвокультурология; филология.

Cheng Jiaqi

Cheng Jiaqi, post-graduate student, Pushkin State Russian Language Institute, 117485, Russia, Moscow, str. Ac. Volgin, 6. E-mail: jiaqi.cheng@yandex.ru.

Linguocultural description of the village concept in the stories of I.A. Bunin

Abstract. The article offers an analysis of the cultural and semantic content of the concept of the village in the stories of I.A. Bunin. The object of this study is the concept of a village; the purpose of the article is a linguocultural analysis of this concept (with the well-known theory of Yu.S. Stepanov). In this regard, various definitions of the term concept in linguoculturology are examined, the essence and appropriateness of the conceptual analysis method are substantiated, the etymology of the word village, the development features of the Russian village, social and religious reasons for the emergence of the concept of the village are analyzed, the image of the Russian village is described in the works of I.A. Bunin.

Key words: I.A. Bunin, village, concept, conceptual analysis, story, linguoculturology, philology.

Введение. Исследование культурных концептов является одной из основных задач лингвокультурологии, однако концепт *деревня* до сегодняшнего дня описан отечественными и зарубежными учеными недостаточно полно. Деревня является основной единицей организации русской жизни с момента образования русского этноса и духовной родиной русского народа. Анализ

особенностей развития русской деревни имеет большое значение для понимания социальной жизни и национальных культурных коннотаций: деревня питает русский народ, и многие известные русские писатели уходят корнями в деревню, а их работы полны деревенских вкусов. И.А. Бунин начал писать рассказы в начале 1890-х годов, основная тема его прозаических произведений – деревня и

деревенский уклад жизни. В данной статье предлагается описание концепта *деревня* в рассказах И.А. Бунина.

1. Концепт в лингвокультурологии

1.1. Научное определение концепта

Ученые, занимающиеся лингвокультурологией, рассматривают концепт как часть целостной культуры. В частности, согласно определению В.Г. Зусмана, «концепт – это микроскопическая модель культуры, а культура – это макроскопическая модель концепта. Концепт производит культуру и производится в культуре» [3, с. 41].

Ю.С. Степанов описал концепт как фундаментальное понятие [6]. Он определяет концепт как форму, в которой культура имеет доступ к человеческому духовному миру, как спад в человеческом сознании; не только «создатели культурных ценностей», но и обычные люди имеют доступ к культуре и (в некоторых случаях) влияют на культуру.

По Н.Д. Арутюновой, концепт – это концепция мировоззрения, которая представляет собой важную основу культуры, это метаязык культуры, характеризующийся индивидуальностью, социализацией, национализацией и все-гуманизацией. Это результат взаимодействия этнических традиций, религии, идеологии, жизненного опыта, художественного образа и системы ценностей. Представителями Московской лингвокультурологической школы (во главе с Н.Д. Арутюновой) был опубликован сборник, в котором анализируются концепты *правда*, *свобода* и др [1].

В.И. Карасик [4] выделяет следующие сферы жизни общества: наука, искусство, повседневная жизнь. Учёный полагает, что с помощью анализа различных языковых средств можно объяснить различия в языковых картинах мира. Он считает, что каждому народу присущ определенный склад ума, изучение особенностей которого способствует развитию межкультурной коммуникации.

Таким образом, рассматривая концепт с точки зрения лингвокультурологии, мы можем утверждать, что это основная культурная единица, которая спо-

собна отражать особенности национального сознания этноса и культурные коннотации.

1.2. Метод концептуального анализа

Метод концептуального анализа изначально применялся в области философии. В связи с углубленным изучением теории концепта в лингвокультурологии, исследователи начали постепенно применять метод концептуального анализа в лингвистике. Этот метод принимает в качестве основы концепт (объект исследования). Применяя этот метод, можно проанализировать и исследовать национальное культурное сознание и культурные коннотации, отраженные в концепте.

Теория концепта Ю.С. Степанова довольно авторитетна [6]. Как и многие другие ученые, он считает, что концепт имеет сложную структуру. По мнению Ю.С. Степанова, концепт – это иерархическая структура, каждый из звеньев которой является своеобразным результатом «накопления» культурного опыта. Ю.С. Степанов разделяет концепт на три составляющие: (1) внутренняя форма; (2) актуальный, основной признак; (3) пассивный, дополнительный признак.

2. Внутренняя форма и этимология слова *деревня*

В этимологическом словаре Макса Фасмера отмечается, что слово *деревня* в древнерусском языке имело значение «пашня» и употреблялось в сочетаниях типа *пашеть деревню*, *съ деревни* и *со всякого угоды дани...* (Домострой). Более ранняя форма, не засвидетельствованная в памятниках письменности, должна была, по всей видимости, иметь вид **дървьня* / **дървьна*. Впоследствии происходит трансформация исходного лексического значения «пашня», появляется значение «крестьянский двор или хутор с участком земли». Наконец, слово *деревня* приобретает более привычное для нас значение «селение». Здесь же отмечается этимологическое родство с лит. *dirvą* «пашня, нива», *dirvonas* «пашня, оставленная под луг», лтш. *druva* «пашня». Тот же исторический корень можно выделить в слове *деру* [7].

А.В. Семёнов в «Этимологическом словаре русского языка» пишет, что *деревня* восходит к древнерусскому *дървьня* «пашня». Это русское по происхождению слово. Изначально деревней называли участок земли, очищенный от леса для земледелия, и только позднее так стали называть крестьянское поселение. Производные слова: *деревенский, деревенщина*. [5, с. 704].

3. Концепт *деревня* в рассказах И. А. Бунина

3.1. Живописная природа

Естественная природа деревни у И.А. Бунина трехмерна и может быть представлена в виде триады следующих компонентов: (1) запахи и ароматы; (2) цвет и (3) звук.

Природа деревни красочна: «...солнце сверкает сбоку, и дорога, укатанная после дождей телегами, замаслилась и блестит, как рельсы. Вокруг раскидываются широкими косяками свежие, пышно-зеленые озими. Взовьется откуда-нибудь ястребок в прозрачном воздухе и замрет на одном месте, трепеща острыми крылышками» [2]. Здесь изображён герой, гуляющий в поле и наслаждающийся своей прогулкой.

Природа деревни полна звуков: «...голоса на деревне или скрип ворот раздаются по студеной заре необыкновенно ясно» [2]. Автор изображает шум во время сбора урожая в деревне, создавая атмосферу спокойствия и безмятежности деревенских вечеров.

Как видно из приведенного выше описания, И.А. Бунин активно использует цвет, звук и другие многочисленные средства, чтобы изобразить естественный пейзаж. По справедливому замечанию исследователей, «И.А. Бунин обладал редким даром передавать концепцию внешнего мира через описание света, звуков и запахов» [8, с. 277].

3.2. Упорядоченная жизнь

По одежде в романе «Антоновские яблоки» можно говорить о принадлежности людей к тому или иному классу в зависимости от иерархии: «На плечах у неё накинута *большая персидская шаль*»; «глаза у него блестят дико, он очень ловок, в *шелковой малиновой рубаше, бархатных шароварах и длинных сапогах*»; «- Ну, ну, девки, девки! - строго кричит степенный подавальщик, облачаясь в *широкую холщовую рубаху*» [2, 8].

4. Причина формирования концепта *деревня* в рассказах И.А. Бунина

Русская деревня как социальная система существовала еще со времен Киевской Руси, пережила крепостное право и аграрную реформу П.А. Столыпина. Деревня является важнейшей формой организации жизни её жителей: семьи помогают друг другу, для деревенской общины характерны сплочённость и единство. В деревне находятся усадьбы дворян, аристократов, средних и крупных землевладельцев и их семей. Здесь же располагаются простые деревенские дома крестьян. Хотя условия жизни аристократов и простых крестьян значительно отличаются друг от друга, есть общие единые правила организации сельской жизни, строгое соблюдение которых обязательно для всех членов коллектива.

Заключение. Деревня как форма организации жизни занимает важное место в историческом развитии общества и государства, является важной частью государственного устройства, поэтому тема деревенской жизни интересовала многих русских писателей, среди которых И.А. Бунин занимает особое. Соответственно, дальнейший лингвокультурологический анализ концепта *деревня* на материале произведений И.А. Бунина может способствовать как более глубокому пониманию феномена русской деревни, так и выявлению причин формирования данного феномена.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н.Д. (отв. ред.) Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991.
2. Бунин И.А. Антоновские яблоки. М.: Издательство «фоліо», 2014. 320 с.
3. Зусман В.Г. Концепт в культурологическом аспекте / науч. ред. А.А. Фролов. Нижний Новгород: Деком, 2001. 41 с.
4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 265 с.
5. Семёнов А.В. Этимологический словарь русского языка. Серия «Русский язык от А до Я». М.: «ЮНВЕС», 2003. 704 с.
6. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры: 3-е изд. М.: Академический проект, 2004, 42-67 с.
7. Этимологический онлайн-словарь русского языка Макса Фасмера. URL: <https://vasmer.lexicography.online>
8. 阿格诺索夫. 刘文飞, 陈方译. 《俄罗斯侨民文学史》[M]. 北京: 人民文学出版社, 2004: 277.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Arutjunova N.D. (otv. red.) Logicheskij analiz jazyka. Kul'turnye koncepty. M., 1991.
2. Bunin I.A. Antonovskie jabloki. M.: Izdatel'stvo «folio», 2014. 320 s.
3. Zusman V.G. Konzept v kul'turologicheskom aspekte / nauch. red. A.A. Frolov. Nizhnij Novgorod: Dekom, 2001. 41 s.
4. Karasik V.I. Jazykovoju krug: lichnost', koncepty, diskurs. Volgograd: Peremena, 2002. 265 s.
5. Semjonov A.V. Jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka. Serija «Russkij jazyk ot A do Ja». M.: «JuNVES», 2003. 704 s.
6. Stepanov Ju. S. Konstanty: Slovar' russkoj kul'tury: 3-e izd. M.: Akademicheskij proekt, 2004, 42-67 s.
7. Jetimologicheskij onlajn-slovar' russkogo jazyka Maksa Fasmera. URL: <https://vasmer.lexicography.online>
8. 阿格诺索夫. 刘文飞, 陈方译. 《俄罗斯侨民文学史》[M]. 北京: 人民文学出版社, 2004: 277.

Поступила в редакцию 07.04.2020.

Принята к публикации 13.04.2020.

Для цитирования:

Чэн Цзяци Лингвокультурологическое описание концепта деревня в рассказах И.А. Бунина // Гуманитарный научный вестник. 2020. №3. С. 181-184. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2020/03/ChengJiaqi.pdf>

<https://doi.org/10.5281/zenodo.3770558>

УДК 811.111

Шафаревич К.В., Кушнарёва Т.В.

Шафаревич Константин Витальевич, Институт энергетики Иркутского национального исследовательского технического университета, 664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83. E-mail: shafaarevich@mail.ru.

Кушнарёва Татьяна Валериановна, старший преподаватель кафедры иностранных языков для технических специальностей №2 Иркутского национального исследовательского технического университета, 664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83. E-mail: 030470@list.ru.

Молодежный сленг в Великобритании: культурный и лингвистический аспекты

Аннотация. Данная статья посвящена проблеме молодежного сленга как одного из популярных направлений письменной и устной речи современного общества Великобритании. В ней содержится определение сленга, краткая история зарождения, приводятся некоторые языковые особенности английского сленга и определяются правила словообразования сленговых лексем. Рассматриваются значимость и позиция данного лингвистического направления в современной культуре, а также анализируются тексты песен одного из известных британских авторов.

Ключевые слова: английский язык, сленг, Великобритания, культура, современное общество, лингвистика, языковые феномены.

Shafaarevich K.V., Kushnareva T.V.

Shafaarevich Konstantin Vitalyevich, Power Engineering Institute, Irkutsk National Research Technical University, 664074, Russia, Irkutsk, Lermontov st., 83. E-mail: shafaarevich@mail.ru.

Kushnareva Tatiana Valerianovna, Senior Lecturer of Foreign Languages for Engineering Specialities № 2 Irkutsk National Research Technical University, 664074, Russia, Irkutsk, Lermontov st., 83. E-mail: 030470@list.ru.

Youth slang in Great Britain: cultural and linguistic aspects

Abstract. This article is dedicated to the problem of slang as one of the popular cultural directions in the modern society. It contains the definition of slang and the brief history of its origin. It also provides some linguistic features of English slang. The significance and the place of this cultural direction as well as the analysis of some British lyrics are considered.

Key words: the English language; slang; Great Britain; culture; modern society; linguistics; linguistic phenomena.

В современном обществе, когда слияние разных языков и культур неизбежно из-за их тесного взаимодействия, значительные изменения претерпевает речь, как письменная, так и устная. Это происходит в результате частого использования заимствования опре-

деленных слов или фраз, которые употребляются в контексте родного языка, тем самым создавая новые значения слов или его формы. Примером такой деятельности является общение людей в социальных сетях, мессенджерах, и т.д., что формирует определенный сленг, исполь-

зующийся в различных сферах деятельности. Наибольшая часть слов появляется в устной и письменной речи благодаря вышеописанным сферам жизнедеятельности, создавая определенный молодежный сленг.

В данной статье рассматриваются понятия сленга как отдельной отрасли языка, его появление, распространение и значимость для современного русского и английского языков, а также приводится разбор и словообразование отдельных слов и синтаксических конструкций. Объект исследования – слова, словосочетания или сокращения на русском и английском языке. Предмет исследования – молодежный сленг Великобритании.

Актуальность работы обусловлена чрезмерным употреблением сленга в устной и письменной речи в современном обществе. Данная проблема интересна большому количеству современной русской и английской молодежи.

Сленг (англ. *slang*) – набор слов или новых значений существующих слов, употребляемых в различных группах людей. Понятие «сленг» тесно смешивается с такими синонимичными понятиями как «диалектизм», «жаргонизм», «вульгаризм», «разговорная речь», «просторечие» [1].

Сленг – одна из неотъемлемых составляющих речи современной молодежи; именно поэтому, в повседневной жизни можно часто услышать употребление не всегда понятных для восприятия слов. Однако сленг часто используется и в других, на первый взгляд, совершенно несвязанных с ним сферах деятельности, таких как, музыка, игровая индустрия, журналистика, медицина и др. Подавляющее количество слов, относящихся к тому или иному виду сленга, являются заимствованными из английского языка, тем самым и вызывая многочисленный интерес к исследованию этого языкового явления.

Первое упоминание слова «сленг» относится к середине XVI века в значении «лексика бродяг и воров»; в этот период времени такие писатели, как Джеф-

ри Чосер, Уильям Кэкстон, Уильям Малмесбери выявили территориальные различия в произношении определенных слов и их диалектов, что и стало первым определением понятия «сленг». В конце XVI века появляется английский уголовный жаргон, являющийся новым видом речи, который использовался преступниками и мошенниками в игорных домах и питейных заведениях [2]. К 1700 году культурные отличия в Англии начали влиять на англоговорящее население, что способствовало развитию сленга. Многие сленговые слова и синтаксические конструкции этого периода были связаны с анатомией человека, так как, в XVIII веке произошел ряд важных событий, повлиявших на развитие сленга; к таким событиям относится экспансия запада, гражданская война и движение аболиционистов. В то время учёные и лингвисты утверждали, что сленг, это всё новое, что есть в языке. С XIX века данное языковое явление стали относить к жаргону любой социальной или профессиональной группы, что, фактически сохранилось и в наши дни. Сейчас принято считать, что сленг является противопоставлением нормам литературного языка, однако, гораздо интереснее рассматривать это событие как лингвистический феномен, создание и распространение которого зависит от определенных социальных, возрастных, культурных и профессиональных границ.

На распространение сленга подавляющее влияние оказывает употребление носителями языка определенных сленговых слов, благодаря чему произнесенное слово закрепляется в устной и письменной речи. При этом совсем необязательно быть членом определенной профессиональной или социальной группы, достаточно лишь употреблять этот сленг время от времени, вызывая его обширное распространение. В настоящее время молодежный сленг активно распространяется через различные социальные сети, Интернет и медиа-пространство. Благодаря этому сленг прочно закрепился в культуре, речи и повседневной жизни людей, и

его значимость в современном мире продолжает расти с каждым днем.

К отличительным чертам сленга, которые также являются его главными функциями, относят краткость, эмоциональность и популярность. Зачастую новые разговорные фразы и слова приходят на смену более длинным и сложным для произношения конструкциям, так как современный человек предпочитает говорить коротко и емко. К примерам данного явления относится популярное сленговое слово *Watcha* (Как дела? «Как сам?». Первоисточником этого сленгового слова стала фраза «*What cheer*», которая впоследствии была преобразована в одно, близкое по звучанию, слово. Кроме того, молодежная речь экспрессивна и выразительна, поэтому в речи современного человека крайне мало эмоционально нейтральной лексики. Из этого утверждения следует, что каждое отдельно взятое слово содержит в себе определенный эмоциональный оттенок. Так, слово *noob* (новичок) обозначает не просто новичка, а человека, который не способен выполнить какое-либо действие, донимает с вопросами и постоянно жалуется на свои неудачи, не предпринимая при этом никаких попыток научиться конкретному делу. Это обозначение носит ярко выраженный негативный, пренебрежительный характер.

В современной лингвистике к сленгу примыкают и слова, прочно устоявшиеся в обычной литературной лексике, однако, изначально являлись сленговыми. Поэтому можно сделать вывод, что сленг обычно не подразумевает строгой формальной регламентации и отражает живое развитие разговорной речи, поэтому изучение данного языкового явления интересно с точки зрения развития языка.

Употребление сленга практически всегда приходится к месту в разговорной речи, поэтому, людям, изучающим английский язык, необходимо обращать свое внимание на изучение этого аспекта языка, для свободного общения в языковой среде. Существует ряд определенных закономерностей появления и образования

сленговых слов, которые необходимо выделить и разобрать.

Возникновение новых сленговых слов тесно связано с рядом принципов образования слов в английском языке, которые позволяют создавать новые лексемы и синтаксические конструкции. Рассмотрим некоторые из этих способов, наиболее характерных для молодежного английского сленга.

Существуют следующие способы словообразования в английском: аффиксация, словослияние, конверсия и сокращение.

Аффиксация (*affixation*) – это один из способов словообразования, который предполагает добавление определенных частей: суффиксов, префиксов, окончания к корню. Общее название всех этих частиц – аффиксы. Присоединение аффиксов к корню слова обычно меняет его значение. Например, *write* (чертить) – *rewrite* (переписать), где префикс *re* придает слову противоположный лексический оттенок. Присоединение суффиксов к корням слов способно изменять как грамматические свойства слова, так и лексические. Примером такой аффиксации являются слова *servant* (слуга), *fashionable* (модный), образованные с помощью суффиксов *-ant*, *-able* путем присоединения их к словам *serve* (служить) и *fashion* (мода), тем самым образуя новые части речи.

Сокращение (*shortening*) – это усечение длинного слова или фразы, образование аббревиатуры без изменения смыслового значения, применяемое для удобства. Например, *telephone* – *phone* (телефон), где усеченная часть слова *tele-* не влияет на лексическое значение слова.

Конверсия (*conversion*) – это языковое явление в английском языке, проявляющееся в способности слова менять часть речи. К примеру, образование слова *picture* (картина) – *(to) picture* (рисовать) является примером абсолютного типа конверсии, когда пара слов имеет одинаковую фонетическую структуру и написание. Другой пример, *close* [kləʊz] (закрывать) – *close* [kləʊs] (близкий), где

используется неабсолютный тип конверсии, когда пара слов имеет некоторые различия в произношении.

Словослияние (*blending*) – процесс, который предполагает сложение двух и более фрагментов слов в новую лексическую единицу языка. Случай словослияния виден в образовании слова *motel* (мотель) = *motorist* (автомобилист) + *hotel* (отель) [3].

Рассмотрим подробнее лексемы и фразовые конструкции, относящиеся к молодежному английскому сленгу. В первую очередь, к элементам английского сленга относятся сокращения, сочетающие краткость и емкость, что упоминалось выше. Примерами таких сокращений являются *gonna* (собираться) от «*going to*», *dunno* (не знаю) от «*don't know*». Также распространены и аббревиатуры, называемые мобильным сленгом, из-за большего применения в письменной речи. К таким сокращениям относятся *ROFL*, образованного от фразы «*Rolling on the Floor Laughing*» (кататься по полу от смеха), *OMG*, первоисточником которой является фраза «*Oh My God*» (О, Боже!). Существуют также сокращения, которые сочетаются с цифрами или буквами, схожими по звучанию. Например, *w8*, от слова *wait* (ждать), *2L8*, от «*too late*» (слишком поздно) [4].

Распространенным видом сленга является совмещение двух слов, каждое из которых отдельно несет различное лексическое значение, но в совокупности объединяются в новую языковую единицу. Такими словами являются *earworm* (мелодия, застрявшая в голове), образованное от слов *ear* (ухо) и *worm* (червь), *staycation* (отпуск, проведенный в родном городе), образованное слиянием слов *stay* (оставаться) и *vacation* (отпуск).

Существует также отдельный раздел сленга, связанный со съедобными предметами и едой, что позволяет без труда запомнить и применить сленговые конструкции на практике. Примерами такого сленга являются «*piece of cake*» (кусочек торта), однако употребляется оно в значении «проще простого», *porkies* (не-

правда, ложь), образованного от выражения *porky pies* (пирог со свиной) и созвучием со словом *lies* (ложь).

Использование нестандартных графических письменных форм слов также одно из характерных частей сленга, которые часто образованы без использования каких-либо лексических или морфемных правил. Такими словами являются *cha*, *ya*, *yo*, являющимися синонимами местоимения *you* (ты, вы), *coulda*, *woulda*, *shoulda*, используемые в качестве примера слов с добавлением лишнего звука «а».

Сленг нашел применение и в современной культуре, в частности, музыке. Многие современные исполнители не обходятся без употребления сленговых слов в текстах своих песен, которые становятся более выразительными, рифмованными. К таким примерам относят слова *knot* (пачка денег), *lil* (маленький), усеченные от слов *bank note* (купюра) и *little* (маленький).

Ниже приводится анализ отрывка текста известного исполнителя с целью выяснить, какую лексическую и смысловую нагрузку содержит сленг в музыкальных произведениях, выделить и исследовать определенные сленговые слова и синтаксические конструкции, наблюдать вышеописанные правила образования слов в английском языке применительно к сленгу, и сделать вывод о таком лингвистическом явлении как молодежный сленг.

В качестве примера рассмотрим отрывок из песни «8 Mile», одного из самых популярных хип-хоп исполнителей и композитора Эминема [5, 6]:

Sometimes I just feel like, quittin I still might

Why do I put up this fight, why do I still write

Sometimes it's hard enough just dealin with real life

Sometimes I wanna jump on stage and just kill mics

And show these people what my level of skill's like

But I'm still white, sometimes I just hate life

*Somethin ain't right, hit the brake lights
Case of the stage fright, drawin a blank like*

*Da-duh-duh-da-da, it ain't my fault
Great then I falls, my insides crawl
And I clam up {*wham*} I just slam shut*

*I just can't do it, my whole manhood's
Just been stripped, I have just been vicked*

So I must then get, off the bus then split
Уже в первой строчке «*Sometimes I just feel like, quittin I still might*» ярко видно применение сленговых слов, таких как *quittin* (уход), образованное усечением окончания *-ing* для наиболее созвучного и рифмованного звучания, которое может применяться и в разговорной речи молодежи.

Аналогичное явление представлено и в строчках «*Sometimes it's hard enough just dealin with real life*», «*Somethin ain't right, hit the brake lights, case of the stage fright, drawin a blank like*» где слова *dealin* (дело), *something* (что-то), *drawin* (рисунок) также образованы усечением окончания *-ing*, на основании чего можно сделать вывод, что автор часто прибегает к использованию такого вида сленга для упрощения произношения слов в текстах песен.

В строчке «*Sometimes I wanna jump on stage and just kill mics*» слово *wanna*, образованное от глагола *want* (хотеть) при помощи добавления лишнего звука *-a* также является сленговым, причем в общении достаточно популярна данная форма таких слов, из-за удобства произношения и созвучности в предложении. Кроме того, интересно слово *mics*, образованное от слова *microphone* (микрофон) при помощи усечения большей части слова без потери смысловой нагрузки.

Междометия в строчке «*Da-duh-duh-da-da, it ain't my fault*» также являются своеобразным авторским сленгом, который подражает определенным звукам и является синонимом слову *yes* (да) в контексте песни. К такому же сленгу относится восклицание *wham*, которое автор

вставляет между строк, имитируя звук закрывающего кармана, который уместен в контексте песни.

Интересна синтаксическая конструкция «*But I'm still white*», в которой слово *white* (белый) используется не в качестве цвета, а в качестве расовой принадлежности, к которой относит себя и сам автор, говоря о проблеме социального неравенства. Поэтому можно считать, что данное слово является сленговым и с помощью него автор высказывает свое мнение о интересующих его проблемах.

Слово *manhood* (мужественность), которое используется автором в последнем четверостишье отрывка также является сленговым и образовано сложением двух слов: *man* (мужчина) и *hood* (капюшон), однако, в определенном сленге слово *hood*, образованное усечением от слова *neighborhood* (соседство) также переводится как район и показывает принадлежность человека к родному месту [7].

Представленный выше анализ показывает, что сленг как определенная часть речи позволяет выразить свои эмоции и переживания, наиболее точно и конструктивно донести необходимую информацию до собеседника, показывает причастность к определенному социальному, профессиональному или культурному слою с помощью новых слов и синтаксических конструкций.

С развитием культуры и течением времени, сленг приобретает все большую значимость и может рассматриваться как направление лингвистики современного общества. Однако, существует ряд отрицательных факторов, которые негативно влияют на литературный и официальный стили языка. Сленг развивается как язык внутри языка, с одной стороны упрощая, а с другой – усложняя его. Можно считать, что сленг оказывает прямое влияние на язык, который начинает деградировать с появлением новых слов и фраз. Кроме того, возникает определенный барьер между различными слоями общества, которые со временем перестают понимать друг друга. Нельзя однозначно ответить на вопрос, как сленг влияет на язык и

дать оценку этому языковому явлению. Однако, игнорировать данный лингвистический феномен в современном обществе не представляется возможным.

Именно поэтому следует сделать вывод, что данный вопрос предстоит изучить исследователям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сленг / Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Сленг>
2. История и особенности становления английского сленга. URL: <http://aneks.spb.ru/raznoe/istoriia-i-osobennosti-stanovleniia-angliiskogo-slenga.html>
3. Словообразование в английском языке. URL: <https://englishfull.ru/grammatika/slovoobrazovaniye.html>
4. Список распространенных сленговых сокращений в английском языке. URL: <https://corp.lingualeo.com/ru/2016/10/27/100-angliyskih-sokrashheniy-v-perepiske/>
5. Энциклопедия текстов отечественных и зарубежных хип-хоп исполнителей Genius. URL: <https://genius.com/>
6. Eminem – 8 Mile. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=rydLsbCnH4M>
7. Сленг рэперов и хип-хоп исполнителей. URL: <https://respecta.is/miscellaneous/27538-sleng-gangsta-ryeperov.html/>

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Sleng / Vikipedija. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Sleng>
2. Istorija i osobennosti stanovlenija anglijskogo slenga. URL: <http://aneks.spb.ru/raznoe/istoriia-i-osobennosti-stanovleniia-angliiskogo-slenga.html>
3. Slovoobrazovanie v anglijskom jazyke. URL: <https://englishfull.ru/grammatika/slovoobrazovaniye.html>
4. Spisok rasprostranennyh slengovyh sokrashhenij v anglijskom jazyke. URL: <https://corp.lingualeo.com/ru/2016/10/27/100-angliyskih-sokrashheniy-v-perepiske/>
5. Jenciklopedija tekstov otechestvennyh i zarubezhnyh hip-hop ispolnitelej Genius. URL: <https://genius.com/>
6. Eminem – 8 Mile. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=rydLsbCnH4M>
7. Sleng rjeperov i hip-hop ispolnitelej. URL: <https://respecta.is/miscellaneous/27538-sleng-gangsta-ryeperov.html/>

Поступила в редакцию 15.04.2020.

Принята к публикации 18.04.2020.

Для цитирования:

Шафаревич К.В., Кушнарёва Т.В. Молодежный сленг в Великобритании: культурный и лингвистический аспекты // Гуманитарный научный вестник. 2020. №3. С. 185-190. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2020/03/ShafarevichKushnareva.pdf>

<https://doi.org/10.5281/zenodo.3770803>

УДК 81.42

Шевякина С.В.

Шевякина Светлана Васильевна, аспирант, Северо-Кавказский федеральный университет, 355017, Россия, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1. E-mail: info@ncfu.ru.

Лингвостилистические параметры интернет-дискурса психологии ЗОЖ

Аннотация. В статье анализируются основные лингвистические (лексические, морфологические, синтаксические, стилистические) характеристики научно-популярного интернет-дискурса предметной области «психология здорового образа жизни»; рассматривается проблема интерференции на уровне функциональных стилей; выявляются общедискурсивные и дистинктивные признаки интернет-дискурса психологии здорового образа жизни как особого гибридного типа дискурса на лингвистическом и экстралингвистическом уровнях в соответствии со следующими параметрами: участники дискурсивной коммуникации; хронотоп; цели; ценности; стратегии; материал (тематика); разновидности и жанры; прецедентные (культурогенные) тексты; дискурсивные формулы.

Ключевые слова: дискурс, психология ЗОЖ, популярная психология, функциональный стиль, популяризация, интерференция, дискурсивные формулы.

Shevyakina S.V.

Shevyakina Svetlana Vasilyevna, post-graduate student, North Caucasus Federal University, 355017, Russia, Stavropol, Pushkin Street, 1. E-mail: info@ncfu.ru.

Linguistic and stylistic parameters of internet discourse of health psychology

Abstract. The article analyses the basic linguistic (lexical, morphological, syntactical and stylistic) characteristics of popular science internet discourse of health psychology. It considers the problem of stylistic interference and reveals discursive and distinctive features of internet discourse of health psychology as a specific hybrid type of discourse at the linguistic and extralinguistic levels according to the following scheme: the participants in the discursive communication; chronotope; purposes; values; strategies; material (topics); varieties and genres; precedent (culturogenic) texts; discursive patterns.

Key words: discourse, health psychology, popular psychology, functional style, popularization, interference, discursive patterns.

Проблемы здоровья и здорового образа жизни всегда находились в центре внимания как широких масс населения, так и представителей научного сообщества. В эпоху мировой нестабильности, бушующих глобальных эпидемий, ежедневных психологических и социальных нагрузок неизбежны кардинальные сдвиги в области жизненных приоритетов. В связи с этим ведение здо-

рового образа жизни становится важнейшим элементом культуры современного человека, что естественным образом манифестируется в лингвокультуре. Как справедливо отмечает В. В. Воробьев, «национальные формы бытия общества воспроизводятся в системе языковой коммуникации и основаны на его культурных ценностях» [2, с. 34]. Очевидно, что наиболее популярным и доступным

каналом языковой коммуникации в наши дни является интернет. Поэтому исследование интернет-дискурса психологии ЗОЖ как лингвоконструкта реальности представляется чрезвычайно важным и перспективным.

С момента первого упоминания о дискурсе З. Харрисом в 1952 г. его феномен стал объектом большого числа не только лингвистических, но и междисциплинарных исследований. Интернет-дискурсу, как его разновидности, в последнее время также посвящено значительное количество научных работ. Тем не менее, некоторые области дискурсологии по сей день остаются малоразработанными. Наше обращение к интернет-дискурсу психологии ЗОЖ продиктовано противоречием между конъюнктурными социальными мотивами и фактическими пробелами в научном освещении вопросов, связанных с обозначенной тематикой. Как ни парадоксально, в лингвистической литературе последнего времени наблюдаются лишь редкие публикации, касающиеся отдельных аспектов изучения дискурса предметной области «психология». Понятие психологии здоровья и здорового образа жизни изначально возникло в середине прошлого века. По определению одного из ее апологетов, американского психолога Дж. Матараццо, «психология здоровья – это комплекс специфических образовательных, научных и профессиональных вкладов психологии как научной дисциплины по укреплению и поддержанию здоровья, предотвращению и лечению болезней, идентификации этиологических и диагностических коррелятов здоровья, болезни и связанных с ней дисфункций, а также по анализу и улучшению систем здравоохранения и формирование стратегии (политики) здоровья» [17, с. 808].

Для описания интернет-дискурса психологии ЗОЖ (далее ИДП ЗОЖ) нам представляется оправданным использование схемы, предлагаемой В. И. Карасиком, которая учитывает следующие параметры: 1) участники; 2) хронотоп; 3) цели; 4) ценности; 5) стратегии; 6) ма-

териал (тематика); 7) разновидности и жанры; 8) прецедентные (культурогенные) тексты; 9) дискурсивные формулы [4, с. 11]. Авторами текстов ИДП ЗОЖ, как правило, являются профессиональные психологи и психотерапевты, имеющие большой опыт практической деятельности. Адресаты – это широкие массы реципиентов, интересующихся проблематикой ЗОЖ. Характерной чертой ИДП ЗОЖ является множественная адресность, публичность и меньшая статусная проксемика. Хронотоп интернет-дискурса ограничен лишь техническими возможностями (наличие устройства и доступ к сети интернет) и может расцениваться весьма условно, поскольку искусственно созданная коммуникативная среда, учитывая в нашем случае пассивную вовлеченность коммуниканта (получение информации, скачивание файлов), не имеет временных и пространственных границ. Приоритетной целью публикаций, посвященных психологии ЗОЖ, является не решение научных проблем, а пропаганда и, как следствие, популяризация идей, связанных с признанием высокой социальной и личностной значимости здоровья, ответственности за его сохранение, необходимости изменения образа жизни с целью профилактики болезней и укрепления здоровья. Иными словами, тексты ИДП ЗОЖ имеют целью не только информировать реципиентов о положительном или отрицательном воздействии различных форм поведения на здоровье человека, но и убедить их в возможности трансформировать его для укрепления здоровья. По словам О. И. Натхо, популяризация «является комплексным, прагматически обусловленным и многоступенчатым процессом, задействующим не только психолингвистические, но также и когнитивные механизмы восприятия и познания индивидом действительности» [9, с. 119].

Аксиологическая составляющая является одной из основополагающих в ИДП ЗОЖ. Она представлена как в виде определяющих дискурсивных признаков, таких как информативность, новизна,

доступность, актуальность, так и системы ценностных представлений, которые ориентируют человека в его деятельности и детерминируют паттерны поведения.

Тематика текстов ИДП ЗОЖ весьма разнообразна. Весь массив публикаций условно можно разделить в соответствии со следующими направлениями: физическое здоровье (здоровое питание, комплексы физических упражнений, отказ от вредных привычек, методы повышения иммунитета; психологическое здоровье (борьба со стрессом, хорошее психическое самочувствие, управление тревожностью и фобиями); социальный аспект ЗОЖ (социализированность, формирование положительной самооценки, развитие активной жизненной позиции, саморазвитие и т.д.).

ИДП ЗОЖ можно отнести к особой разновидности научно-популярного функционального стиля, который традиционно рассматривается в рамках научного стиля [3, 6, 7, 13 и др.]. Проблема стилиевой идентификации ИДП ЗОЖ заключается в том, что инвариантная модель научно-популярного дискурса с течением времени претерпела значительные изменения и в определенной степени утратила некоторые канонические черты, декларируемые в фундаментальных научных трудах. Анализ интернет-публикаций психологии ЗОЖ показывает явную тенденцию к интерференции на уровне функциональных стилей, а именно, к снижению академичности и сдвигу в сторону публицистического, художественного и разговорного стилей. Немаловажным фактором таких преобразований является, на наш взгляд, стремительное развитие и невероятная востребованность такого направления в психологии, как популярная психология. Русскоязычные исследователи различают понятия «популярная психология» и «поп-психология». Считается, что популярная психология интерпретирует научные знания, в то время как поп-психология носит коммерческий характер, использует неподтвержденные гипотезы и опирается на личный опыт автора. Например, академиче-

ские психологи скептически относятся к техникам визуализации, самоисцеления, НЛП и т.д. Что касается лингвистического изучения популярно-психологического и поп-дискурсов, эта область пока остается «de conspectu». Тем не менее, Е. В. Шелестюк, автор одного из немногих исследований этой тематической области, все же относит их к научно-популярному дискурсу [14, с. 170].

Итак, тексты современного ИДП ЗОЖ отличаются чрезвычайной стилиевой подвижностью и интегрируют в себе характеристики научно-популярного, публицистического, художественного и разговорного стилей. Научно-популярный стиль проявляется в способе предъявления научной информации в адаптированной форме, предполагающей презентацию «определенного фрагмента научной картины мира в когнитивной системе адресата» [6, с. 44]. Например, научный термин помещается в определенные условия контекста, где дается его определение или разъяснение: *Ученые доказали тот факт, что при физических нагрузках человеческий организм выделяет гормоны счастья и радости – эндорфины.*

Черты публицистического стиля прослеживаются в реализации функций убеждения и воздействия посредством использования ярких образов, разнообразных стилистических приемов, идиоматических оборотов: *Не ставьте бумажки на пьедестал, жертвуя своими отношениями, здоровьем, принципами ради больших заработков. Время скоротечно, яхты и шубы на тот свет не забереешь. Отразятся ли перемены, которые человек впускает в свою жизнь, на его психическом состоянии? Конечно!*

Художественный стиль находит свое отражение в особом «моделировании и проектировании ситуаций, которые стимулируют воображение, обеспечивают раппорт, эмпатию и перенос (наложение этих ситуаций на собственный опыт со стороны реципиентов)» [15, с. 85]. Следует принимать во внимание и важность эстетической функции, свойственной ху-

дожественному стилю, поскольку эстетический эффект способствует фиксации воздействия: *Нет, я не о высоком, сиречь, о просветленной душе и воплощающемся духе, а как раз-таки о чём-то слегка даже низменном: о здоровом человеческом теле.*

Элементы разговорного стиля создают эмоционально-личное отношение к материалу, способствуют имитации непосредственного участия в коммуникативной ситуации, обеспечивают демократизацию и интимизацию речи: *Записавшись в тренажерный зал, пообещайте отдать подруге свое лучшее платье, если забросите тренировки.* В контексте вреда фанатичного увлечения ЗОЖ можно встретить и подобные высказывания: *Вместо того чтобы наслаждаться жизнью, радоваться ей, уделять время любимым делам и родным, вы часами взбалтываете зеленые коктейли, принимаете соляные ванны и нарежете круги на стадионе.*

Жанровые формы текстов ИДП ЗОЖ отличаются широким разнообразием: книги, научно-популярные статьи, лекции, коучинги. В поле нашего исследования находятся научно-популярные статьи, так как они являются наиболее доступной и востребованной формой получения информации. Целеустановки научно-популярной статьи психологии ЗОЖ определяют ее основные характеристики: информационность, аналитичность, публицистичность, реферативность. Статьи ИДП ЗОЖ, как правило, вводят в сознание реципиента личностные или поведенческие задачи и предлагают практические способы их решения: *Что такое психогенное переживание. Как побороть страх и неуверенность в себе. Как управлять эмоциями самостоятельно.* Подобные публикации имеют научное обоснование и базируются на общепризнанных теориях, изложенных в работах психологов, психотерапевтов, физиологов и т.д. Среди них теория разумного поведения, модель убеждений, связанных со здоровьем (Health belief model), разработанная И. Розенштоком и командой ученых-

психологов, система здоровьесберегающего поведения Н. М. Амосова и др. [1, 16, 18 и др.]. В качестве прецедентных текстов можно рассматривать и труды в области популярной психологии. Наибольшей известностью пользуются такие авторы как Р. О'Коннор («Психология вредных привычек»), А. Карр с его бестселлерами «Как бросить курить» и «Легкий путь сбросить вес», врач-популяризатор идей здорового образа жизни А. Мясников («Пищеводитель»), Л. Хей («Исцели свою жизнь») и др. [5, 8, 10, 12 и др.].

Дискурсивные формулы образуют своеобразный пласт в ИДП ЗОЖ. Под дискурсивными формулами понимаются «своеобразные функционально-детерминированные обороты речи, которые свойственны коммуникации в соответствующем социальном институте, а также языковые средства разных уровней (лексического, морфологического, синтаксического)» [11, с. 1322]. По мнению В. И. Карасика, они представляют собой «обороты речи, свойственные общению в соответствующем социальном институте» [4, с. 15]. Учитывая тот факт, что ИДП ЗОЖ представляет собой гибридный тип дискурса, который можно определить как институционально-бытийный, ему, с одной стороны, присуща институциональная профессиональная маркированность и определенная трафаретность, детерминированная рамками тематической области (психологическая терминология), а с другой стороны, в нем активно используются разнообразные фатические обороты и средства образной выразительности, которые специфичны для формата бытийного дискурса.

На лексическом уровне дискурсивные формулы представлены терминологическим корпусом в виде отдельных психологических терминов и терминосоответаний: *психосоматика, дистресс, фобия, интериоризация, аффирмация, релаксация, положительная мотивация, эффективное поведение.* Широко распространены и номинации, обозначающие названия заболеваний и патологиче-

ских состояний: *ипохондрия, гиподинамия, депрессия, мигрень, коронарная недостаточность*. Следует отметить и наличие в текстах ИДП ЗОЖ значительного количества существительных и прилагательных с отрицательными и положительными коннотациями, которые используются контрастно, что усиливает эффект эмоционального воздействия: *провинность – поощрение, наказание – удовольствие; тревожность – благополучие; недовольство – удовлетворение; полезный – вредный; дряблое тело – божественный торс*. Эффекту снижения социальной дистантности способствуют вкрапления просторечной, разговорной лексики: *опять разнюнился* и пропустил тренировку; орторексия отличается тотальным *отсутствием тормозов*.

Синтаксическое наполнение дискурсивных формул представлено разнообразием коммуникативных типов предложений. При этом чрезвычайно частотны императивы и вопросительные конструк-

ции: *Принимайте витамины. Обязательно закаляйтесь. А как бы поступил на моем месте спокойный, опытный, мудрый человек? Сохранение психического здоровья или навязчивый контроль калорий? К чему зря ругать себя?*

Характерным признаком определенного типа статей алгоритмизированно-рекомендательного характера являются так называемые аффирмации: *От моего выбора зависит мое решение. Я имею право на ошибки. Я – это я, а Ты – это Ты. Человек позволяет себе быть самим собой*.

Подводя итоги, следует отметить, что ИДП ЗОЖ, представляя собой особый многомерный формат дискурса, наряду с общедискурсивными институциональными характеристиками демонстрирует специфические дистинктивные свойства, которые заслуживают особого внимания и требуют отдельного подробного изучения в русле лингвистической дискурсологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амосов Н. М. Энциклопедия Амосова. Алгоритм здоровья. М.: Диалектика, 2018. 672 с.
2. Воробьев В. В. Лингвокультурология. М.: Изд-во РУДН, 2008. 340 с.
3. Воронцова Т. А. Научно-популярный дискурс в современных российских СМИ (проблемы жанра и стиля) // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 6 (335). Филология. Искусствоведение. Вып. 88. С. 38-42.
4. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Сб. науч. тр. / Под ред. В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5-20.
5. Карр А. Легкий путь сбросить вес. М.: Добрая книга, 2019. 240 с.
6. Кобозева М. А. Когнитивные и речевые стратегии ввода темы в научно-популярном дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2011. 24 с.
7. Кожина М. Н. Дискурсивный анализ и функциональная стилистика с речеведческих позиций // Текст – Дискурс – Стил. СПб., 2004. С. 9-33.
8. Мясников А. Пишеводитель. М.: Эксмо, 2018. 325 с.
9. Натхо О. И. О необходимости выделения научно-популярного субдискурса в пространстве делового дискурса // Новая наука: опыт, традиции, инновации: Международное научное периодическое издание по итогам Международной научно-практической конференции. Стерлитамак: РИЦ АМИ, 2015. С. 116-120.
10. О'Коннор Р. Психология вредных привычек. М.: МИФ, 2015. 256 с.
11. Сошникова Р. С. Проектная заявка как элемент делового дискурса // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. № 4 (5). С. 1320-1336.
12. Хей Л. Исцели свою жизнь. М.: Эксмо-пресс, 2016. 224 с.
13. Чернявская В. Е. Интерпретация научного текста: Учебное пособие. М.: ЛКИ, 2007. 128 с.
14. Шелестюк Е. В. Стилистические и жанровые особенности текстов популярной психологии // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2008. № 12. С. 168-176.

15. Шелестюк Е. В., Москвина Е. А. Концептуальный состав американского популярно-психологического дискурса // Вестник Челябинского государственного университета. 2017. № 9 (405). Филологические науки. Вып. 108. С. 83-95.
16. Ajzen I., & Fishbein M. A Bayesian analysis of attribution processes. Psychological Bulletin. Volume 82, Issue 2, 1975, 261 p.
17. Matarazzo J. D. Behavioural health and behavioural medicine: frontiers for a new health psychology // American Psychologist. Volume. 35, Issue 9, 1980, Pp. 807-817.
18. Rosenstock I., Hochbaum G., Kegels S., Leventhal H. Social learning theory and the health belief model // Health Education & Behavior. Vol. 15, Issue 1988, Pp. 175-183.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Amosov N. M. Jenciklopedija Amosova. Algoritm zdorov'ja. M.: Dialektika, 2018. 672 s.
2. Vorob'ev V. V. Lingvokul'turologija. M.: Izd-vo RUDN, 2008. 340 s.
3. Voroncova T. A. Nauchno-populjarnyj diskurs v sovremennyh rossijskih SMI (problemy zhanra i stilja) // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. № 6 (335). Filologija. Iskuststvedenie. Vyp. 88. S. 38-42.
4. Karasik V. I. O tipah diskursa // Jazykovaja lichnost': institucional'nyj i personal'nyj diskurs. Sb. nauch. tr. / Pod red. V. I. Karasika, G. G. Slyshkina. Volgograd: Peremena, 2000. S. 5-20.
5. Karr A. Legkij put' sbrosit' ves. M.: Dobraja kniga, 2019. 240 s.
6. Kobozeva M. A. Kognitivnye i rechevyje strategii vvoda temy v nauchno-populjarnom diskurse: dis. ... kand. filol. nauk. Stavropol', 2011. 24 s.
7. Kozhina M. N. Diskursnyj analiz i funkcional'naja stilistika s rechevedcheskih pozicij // Tekst – Diskurs – Stil'. SPb., 2004. S. 9-33.
8. Mjasnikov A. Pishhevoditel'. M.: Jeksmo, 2018. 325 s.
9. Natho O. I. O neobходимости выделениja nauchno-populjarnogo subdiskursa v prostranstve delovogo diskursa // Novaja nauka: opyt, tradicii, innovacii: Mezhdunarodnoe nauchnoe periodicheskoe izdanie po itogam Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Sterlita-mak: RIC AMI, 2015. S. 116-120.
10. O'Konnor R. Psihologija vrednyh privyчек. M.: MIF, 2015. 256 s.
11. Soshnikova R. S. Proektnaja zjavka kak jelement delovogo diskursa // Izvestija Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. 2009. № 4 (5). S. 1320-1336.
12. Hej L. Isceli svoju zhizn'. M.: Jeksmo-press, 2016. 224 s.
13. Chernjavskaja V. E. Interpretacija nauchnogo teksta: Uchebnoe posobie. M.: LKI, 2007. 128 s.
14. Shelestjuk E. V. Stilisticheskie i zhanrovye osobennosti tekstov populjarnoj psihologii // Vestn. Cheljab. gos. un-ta. 2008. № 12. S. 168-176.
15. Shelestjuk E. V., Moskвина E. A. Konceptual'nyj sostav amerikanskogo populjarno-psihologicheskogo diskursa // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. № 9 (405). Filologicheskie nauki. Vyp. 108. S. 83-95.
16. Ajzen I., & Fishbein M. A Bayesian analysis of attribution processes. Psychological Bulletin. Volume 82, Issue 2, 1975, 261 p.
17. Matarazzo J. D. Behavioural health and behavioural medicine: frontiers for a new health psychology // American Psychologist. Volume. 35, Issue 9, 1980, Pr. 807-817.
18. Rosenstock I., Hochbaum G., Kegels S., Leventhal H. Social learning theory and the health belief model // Health Education & Behavior. Vol. 15, Issue 1988, Pp. 175-183.

Поступила в редакцию 17.04.2020.

Принята к публикации 20.04.2020.

Для цитирования:

Шевякина С.В. Лингвостилистические параметры интернет-дискурса психологии ЗОЖ // Гуманитарный научный вестник. 2020. №3. С. 191-196. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2020/03/Shevyakina.pdf>

<https://doi.org/10.5281/zenodo.3770904>

УДК 81-111

Шиповская А.А., Циленко Л.П., Тишкина И.А., Болтнева Н.А.

Шиповская Анна Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, Тамбовский государственный музыкально-педагогический институт им. С.В. Рахманинова, 392000, Россия, г. Тамбов, Советская, 87. E-mail: shelska@narod.ru.

Циленко Любовь Петровна, кандидат педагогических наук, доцент Московский политехнический университет, 107023, Россия, Москва, Большая Семеновская, 38. E-mail: tsilenko.lp@yandex.ru.

Тишкина Ирина Александровна, кандидат педагогических наук, доцент, Тамбовский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 392008, Россия, г. Тамбов, Моршанское шоссе, 14а, к. 219. E-mail: tsilenko.lp@yandex.ru.

Болтнева Наталия Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент, Тамбовский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 392008, Россия, г. Тамбов, Моршанское шоссе, 14а, к. 219. E-mail: alla-050174@yandex.ru.

Направленный ассоциативный эксперимент при определении особенностей образа мужчины в сознании молодежи

Аннотация. Данная статья посвящена анализу особенностей концептуального содержания гендерного стереотипа и гендерного представления о характере мужчин у молодежи. Исследование данных, полученных в ходе ассоциативного эксперимента, доказывает наличие расхождения между указанными когнитивными конструктами. Исходя из существования в составе гендерного представления противоположных признаков, большого количества признаков с низкой процентной репрезентативностью, а также появления новых, не наблюдающихся у стереотипа, авторы приходят к выводу о «размытом» образе современного мужчины в восприятии молодежи.

Ключевые слова: когниция, концепт, гендерный стереотип, гендерное представление, ассоциативный эксперимент, маскулинность, феминность.

Shipovskaya A.A., Tsilenko L.P., Tishkina I.A., Boltneva N.A.

Shipovskaya Anna Anatolyevna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Tambov State Music and Pedagogical Institute named after S.V. Rachmaninov, 392000, Russia, Tambov, Tambov Sovetskaya, 87. E-mail: shelska@narod.ru.

Tsilenko Lyubov Petrovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Moscow Polytechnic University, 107023, Russia, Moscow, Bolshaya Semyonovskaya str., 38. E-mail: tsilenko.lp@yandex.ru.

Tishkina Irina Aleksandrovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Branch) in Tambov, 392008, Russia, Tambov, Morshanskoye Highway 14a, building 219. E-mail: tishkinyii@mail.ru.

Boltneva Nataliya Alekseevna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Branch) in Tambov, 392008, Russia, Tambov, Morshanskoye Highway 14a, building 219. E-mail: alla-050174@yandex.ru.

Directed associative experiment in determining man image features in the worldview of today's youth

Abstract. The article is devoted to the content analysis of both the national gender stereotype and the social gender stereotype of men based on the associative experiments in young people. Much attention is given to differences between these cognitive constructs. The authors conclude that the existence of the opposite features in the social gender stereotype, the large number of characteristics with low percentage representativeness and the presence of new non similar features, in comparison with the national gender stereotype, prove the conceptual image of modern men to be fuzzy in the young people worldview.

Key words: cognition, concept, national gender stereotype, social gender stereotype, associative experiment, masculinity, femininity.

Вслед за экономическими и социальными трансформациями повлекшими за собой переосмысление места женщины в обществе за последние несколько десятилетий в отечественной лингвистике возрос интерес к проблеме гендерных стереотипов. В рамках данной статьи мы предлагаем сосредоточиться отдельно на проблеме маскулинности и тем, как изменения в обществе повлияли на культурный образ современного мужчины.

Важно отметить, что в когнитивной лингвистике маскулинность преимущественно изучается в связи с феминностью, а в качестве материала исследования используются в основном произведения устных и письменных жанров с многовековой историей, например, пословицы, поговорки. Выделенные в ходе исследований концептуальные признаки, таким образом, соотносятся с вековым историческим пластом и, возможно, не составляют в полной мере содержание современных концептов.

Новизна данного исследования, таким образом, состоит в изучении отношений между устоявшимся в национальной культуре знанием (стереотипом) и гендерным представлением отдельно взятой социальной группы при помощи направленного ассоциативного эксперимента.

Целью статьи является выявить расхождение в содержаниях гендерного стереотипа и гендерного представления на примере восприятия характера мужчин представителями молодежной культуры.

Реализацию цели мы предлагаем выполнить посредством решения ряда задач, а именно:

- обобщить уже имеющийся опыт исследования гендера и суммировать признаки входящие в содержание стереотипа «мужской характер»;
- экспериментальным путем выявить какие признаки стереотипа осознаются участниками эксперимента;
- также в ходе эксперимента раскрыть, что в представлении о мужском характере вкладывают респонденты лично;
- сравнить полученные данные.

Актуальность исследования продиктована насущными потребностями в понимании изменений, которые происходят в общественном сознании в настоящее время.

Практическая значимость подобного исследования видится в возможности использования полученных результатов для повышения эффективности кампаний рекламного и социального характера.

Основным методом исследования является экспериментальный, а именно метод направленного ассоциативного эксперимента.

Как отмечает И. А. Стернин, данный метод позволяет реконструировать различные связи языковых единиц в сознании и выявить характер их взаимодействия в различных процессах понимания, хранения и порождения речевых произведений [13].

Ассоциация представляет собой связь между психическими явлениями, при кото-

рых актуализация (восприятие, представление) одного из них влечет за собой появление в сознании другого. Изучая ассоциации, мы обращаемся к неосознаваемому, глубинному слою психики человека [Там же].

Существование множества видов ассоциаций, которые отражают процессы, происходящие в глубинных слоях человеческой психики [9], позволило использовать ассоциативный эксперимент для изучения концептов, т.е. смыслов связанных со словом в сознании человека.

Направляя поток мысли респондентов в определенное русло, мы получаем возможность задействовать большее количество ассоциаций, раскрывая, таким образом, различные концептуальные связи.

Эксперимент, данные которого легли в основу исследования, проводился в письменной форме. В процессе нами были опрошены юноши и девушки в возрасте 18-19 лет, общее количество которых составило 175 человек.

Во время процедуры участникам были объяснены общие цели, требования и правила эксперимента.

Мы предложили респондентам анкету из двух пунктов. В первом пункте от респондента требовалось назвать качества характера мужчины, традиционно приписываемые ему обществом. Во втором – озвучить ассоциации, возникающие на стимул «характер мужчины» опираясь на собственный опыт.

Прежде чем перейти непосредственно к описанию результатов эксперимента, мы предлагаем остановиться на основных терминах составляющих понятийный аппарат данной работы и коснуться теоретической базы исследования.

Мы солидарны с Л. В. Бабиной убедительно доказавшей, что «концепты не являются застывшими сущностями, ... они развиваются, расширяясь, сливаясь, разбиваясь на части. Зачастую их изменение приводит к порождению новых концептов, то есть, они не только трансформируются сами, но и влияют на трансформацию других концептов» [1, с. 53].

В нашем исследовании мы пользуемся термином «стереотип», понимая под

ним разновидность концепта, относительно признаков которого солидарно большинство носителей культуры [14].

Анализ письменных источников по гендерным стереотипам из областей социологии, психологии, лингвистики и лингвокультурологии позволил обнаружить единодушие в отношении того, какие признаки в Российской культуре традиционно считают присущими характеру мужчин.

Так, сложившемуся стереотипу маскулинности приписываются предприимчивость, решительность, смелость, настойчивость в достижении цели, самоконтроль, уверенность в своих силах, желание доминировать над женщинами и другими мужчинами, уважение физической силы, эмоциональную «толстокожесть», склонность к насилию, высокую соревновательность, грубость, низкую тревожность [2, 3, 5, 7, 8, 10, 11, 12].

С другой стороны в связи с бурным развитием технологий, общественными изменениями происходит переосмысление гендерных образов в различных социумах, принадлежащих к одной культуре. Пласт признаков, отражающих личное восприятие участников эксперимента о типичном в характере мужчин, обозначим как гендерное представление.

При проведении исследования мы опирались на выводы ученых, раскрывших ряд когнитивных механизмов категоризации, а именно теории прототипов Э. Рош, Д. А. Круз, концепцию семейного сходства Л. Виттгенштейна [15, 16, 17].

Чрезвычайно важным в наших изысканиях является положение о том, что концептуальные признаки обладают разной значимостью в категории. Центральные признаки быстрее опознаются, чаще упоминаются. Соответственно, чем «дальше от центра» тем значимость признака для общества снижается [15, 16, 17].

Учитывая взаимосвязь концепта и слова, логично предположить, что полученные в ходе эксперимента вербальные реакции, позволяют раскрыть центральные и второстепенные признаки стереотипа «мужской характер» и одноименного гендерного представления.

Представленное практическое исследование выявило, что гендерный стереотип «мужчина», присущий национальной культуре, отличается от гендерного представления тех же самых людей, принадлежащей группе молодежи 17-19 лет.

Для наглядности результаты анализа данных опроса отражены на рисунках 1 и 2.

На диаграмме рисунка 1 демонстрируется процентное соотношение между десятью наиболее упоминаемыми признаками гендерного стереотипа «характер мужчин».

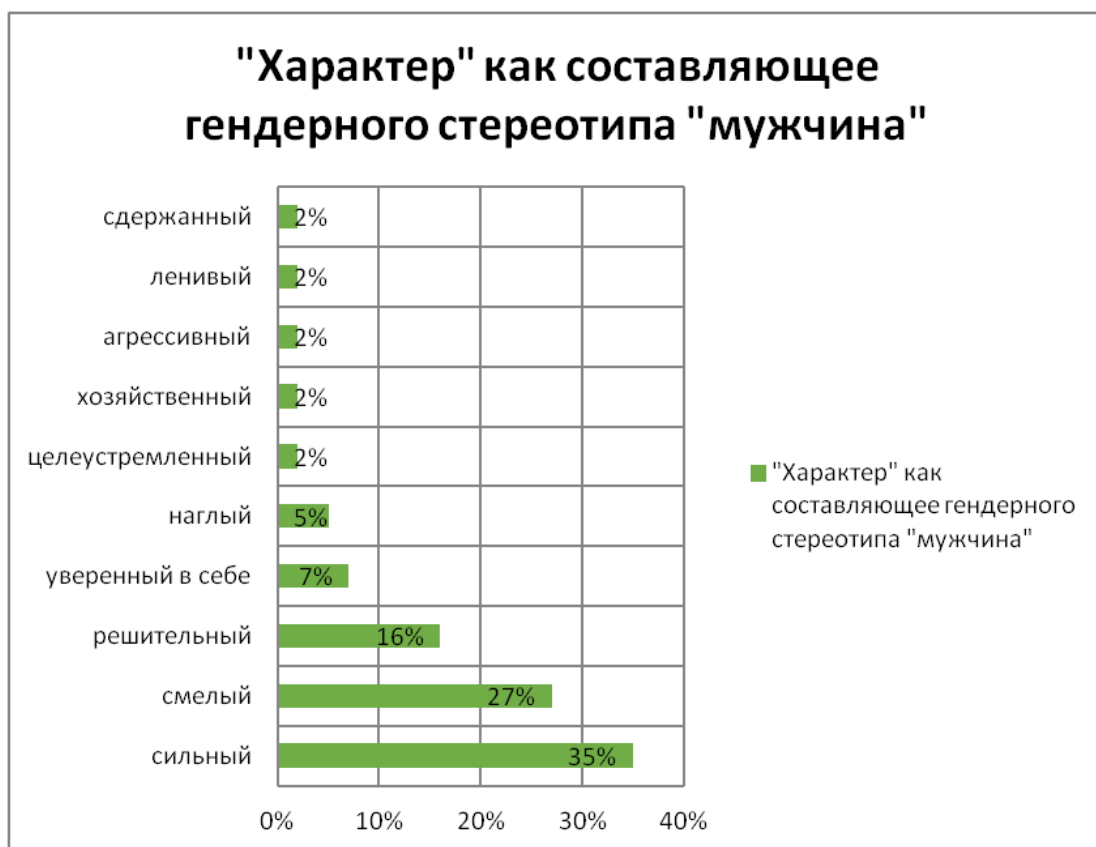

Рисунок 1. Диаграмма наиболее упоминаемых признаков гендерного стереотипа «характер мужчин»

Из проведенного нами эксперимента видно, что юноши и девушки одинаково склоняются к тому, что основная черта характера мужчины – это сила (варианты ответов: *сильный, сильнее женщин*). В сумме данный признак набрал 35% от общего числа ответов. Далее, на следующую ступень следует отнести смелость 27% (ответы респондентов: *смелый, храбрый*). В связи с частотностью референции отдельно следует выделить признак «решительность» 16% (ответы: *решительный, предприимчивый, сказал - сделал*).

В отношении других признаков (уверенность в себе, наглость, целеустремленность, хозяйственность, агрессивность, лень, сдержанность) респонденты проявили меньшую солидарность. Важно

отметить, что на каждый из других признаков приходится от 2% до 7%.

Если мы сравним концептуальные признаки, входящие в стереотип «мужской характер», раскрытые нами при анализе высказываний респондентов, с признаками выделенными учеными в результате исследования других источников, то заметим очевидное сходство. Данный фактор, подтверждает распознаваемость стереотипа участниками эксперимента.

Важно отметить, что проведенное исследование показало, гендерный стереотип «мужской характер» отличается от одноименного гендерного представления.

На рисунке 2 представлены результаты анализа гендерного представления.

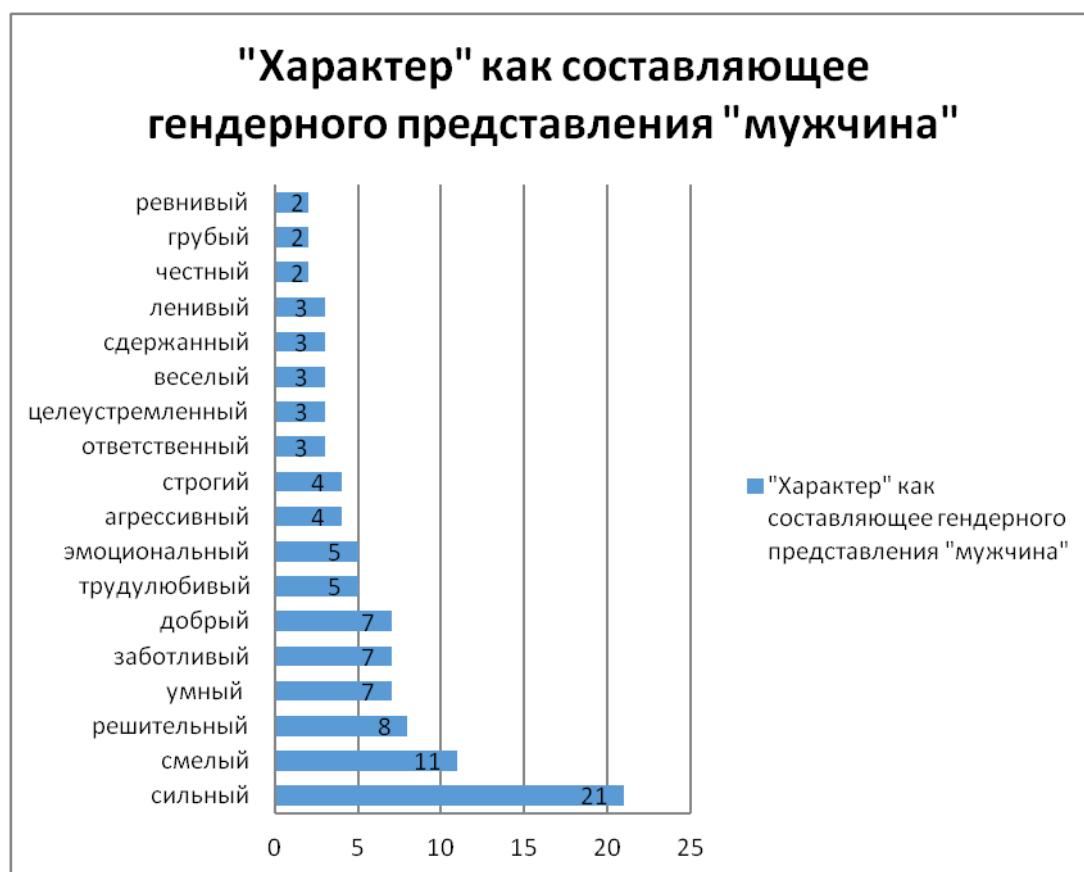

Рисунок 2. Гистограмма результатов гендерного представления «характер мужчины»

Согласно полученным данным, по сравнению со стереотипом «характер мужчин», содержащим десять признаков, на три из которых приходится 78%, гендерное представление о характере мужчин представляет собой еще более пеструю картину. Во-первых, определенную солидарность фокус-группа проявила в отношении признака «сильный» 21% (ответы: *сильный*). В отношении других признаков мнения участников эксперимента гораздо вариативней: при большем диапазоне признаков (восемнадцать), солидарность во мнении не поднимается выше 11%.

Если сравнить процентное соотношение данных признаков в содержании гендерного стереотипа и гендерного представления, становится очевидна тенденция к снижению их интенсивности: сильный - 21% (ответы: *сильный*), смелый 11% (варианты ответов: *смелый*, *храбрый*), решительный 8% (ответы: *решительный*).

Во-вторых, важно отметить, что в гендерном представлении «характер мужчин» содержатся признаки, которых нет в одноименном гендерном стереотипе: трудолюбивый, заботливый, эмоциональный, добрый.

В-третьих, в отличие от стереотипа гендерное представление о характере мужчин содержит противоположные признаки, например, «эмоциональный» – «сдержанный», «агрессивный» – «добрый», «веселый» – «строгий».

Основываясь на качестве и процентном соотношении признаков, можно заключить, что образ мужчины присущий гендерному представлению характеризуется размытостью.

Мы полагаем, что причиной этому может послужить то, что жизнь современной молодежи намного многообразнее уклада их родителей, и предоставляет больше возможностей для самореализации в самых различных областях.

Например, в то время как женщины осваивают мужские профессии, мужчины

осваивают традиционно женские сферы занятости. В настоящее время нормой становится мужчина-кассир, мужчина-воспитатель в детском саду, мастер по маникюру.

Исследуя поведенческие паттерны сегодняшней семьи С. А. Ильиных, приходит к мнению о возникновении феномена «нового мужчины», который способен проявить заботу о детях, выстроить с ними дружеские доверительные отношения, проявлять искреннее любопытство и заинтересованность их делами в отличие от отцов прошлого отдающих внутрисемейные дела на откуп матерям [6, 7].

Социологи также заметили тенденцию повышения интереса мужчин к здоровому питанию, спорту и уходу за собой в последние десятилетия [4].

В связи с этими факторами наблюдаемая на уровне гендерного представления некая «размытость» образа мужчины обусловлена, как нам кажется, естественными процессами, происходящими в современном социуме, который предоставляет широкий простор для выбора вариантов поведения: мужчине можно без осуждения общества заниматься хозяйством и детьми и сидеть дома, делать карьеру, или же отказаться от таковых и посвятить все свое время хобби.

Суммируя полученные наблюдения, следует отметить, что массовый ассоци-

тивный эксперимент показал, что убеждение относительно характера мужчин входящее в гендерный стереотип, отличается от гендерного представления.

Для стереотипа характерен образ мужчины с такими признаками, как сильный, смелый, решительный, уверенный в себе, наглый, целеустремленный, хозяйственный, агрессивный, ленивый, сдержанный. Несмотря на то, что три наиболее упоминаемых характеристики (сильный, смелый, решительный) также нашли отражение в гендерном представлении о характере мужчины, появившиеся новые признаки, плюс наличие противоположных признаков составе гендерного представления, а также различия в процентном соотношении не позволяют поставить между ними знак равенства. Это образ с менее выраженными традиционно маскулинными признаками, менее жесткий, менее хладнокровный, более эмоциональный.

Учитывая ограниченность гендерного представления рамками отдельных социальных групп, его невозможно приравнять к гендерному стереотипу. Однако с течением времени и популяризации той или иной идеи гендерное представление, мы полагаем, может стать частью национальной культуры и перерасти в гендерный стереотип.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабина, Л. В. Когнитивные основы вторичных явлений в языке и речи: Монография / Л.В. Бабина. Тамбов Москва: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2003. 264 с.
2. Берн Ш. Гендерная психология. Законы мужского и женского поведения / Пер. с англ. СПб., 2007. Гл.1. С.18-60.
3. Воронцов Д. Гендерные исследования в социальной психологии: границы поля // Гендерные исследования. 2009. №19. С.174-175.
4. Зальцман М. Новый мужчина: маркетинг глазами женщин / М. Зальцман, А. Мататиа, Э. О'Райли. М.: ИД «Коммерсантъ»; СПб.: ИД «Питер», 2007. 352 с.
5. Здравомыслова Е., Тёмкина А. Категория власти в гендерных исследованиях // Гендер как инструмент познания и преобразования общества. Материалы Международной конференции «Гендерные исследования: люди и темы, которые объединяют сообщество», Москва, 4-5 апреля 2005 г. / Ред.-сост. Е. А. Баллаева, О. А. Воронина, Л. Г. Луныкова. М., 2006. С.109-110.
6. Ильиных С. А. Множественная маскулинность // Социологические исследования. 2011. №7. С. 101-109.

7. Ильиных С.А. Феномен «Нового мужчины» или снова о гендере // Вестник БГУ. 2012. №14. С. 93-97.
8. Кирилина А.В. Гендерные стереотипы в языке // Словарь гендерных терминов. М.: Информационная XXI век, 2002. С. 66-67.
9. Крушевский Н.В. Очерк науки о языке // Изв. и учен. зап. Импер. Казан. ун-та. : Казань, 1883. Т. XIX. 148 с.
10. Морозова И. А. Концепты «Мужчина» и «Женщина» как отражение гендерных стереотипов в русской лингвокультуре // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика, 2010. №21 (197). С.94-97.
11. Простотина Ю.В. Гендерные стереотипы: формирование и детерминанты. // Социодинамика. 2017. № 3. С. 1 - 9.
12. Рябова Т. Б. Гендерные стереотипы и гендерная стереотипизация: методологические подходы // Женщина в российском обществе. 2001. №3-4. С. 3-12.
13. Стернин И. А. Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2001. С. 58-65.
14. Ashmore R. D., Del Boca F. K., Wohlers A. J. Gender Stereotypes // The Social Psychology of Female-Male Relations: A Critical Analysis of Central Concepts/ed. By R.D. Ashmore, F.K. Del Boca. N. Y., 1986. 120 pp.
15. Cruse D. A. Prototype theory and lexical semantics // Meanings and prototypes: studies in linguistic categorization. / ed. by S. Tsohatzidis. L., 1990. P. 382-402.
16. Rosch E. Natural categories // Cognitive Psychology. Elsevier, 1973. V. 7. P. 328-350.
17. Wittgenstein L. Philosophical investigations. Oxford: Basil Blackwell, 1958. 322 p.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Babina, L. V. Kognitivnye osnovy vtorichnyh javlenij v jazyke i rechi: Monografija / L.V. Babina. Tambov Moskva: Izd-vo TGU im. G.R. Derzhavina, 2003. 264 s.
2. Bern Sh. Gendernaja psihologija. Zakony muzhskogo i zhenskogo povedenija / Per. s angl. SPb., 2007. Gl.1. S.18-60.
3. Voroncov D. Gendernye issledovanija v social'noj psihologii: granicy polja // Gendernye issledovanija. 2009. №19. S.174-175.
4. Zal'cman M. Novyj muzhchina: marketing glazami zhenshhin / M. Zal'cman, A. Matatia, Je. O'Rajli. M.: ID «Kommersant#»; SPb.: ID «Piter», 2007. 352 s.
5. Zdravomyslova E., Tjomkina A. Kategorija vlasti v gendernyh issledovanijah // Gender kak instrument poznanija i preobrazovanija obshhestva. Materialy Mezhdunarodnoj konferencii «Gendernye issledovanija: ljudi i temy, kotorye ob#edinajut soobshhestvo», Moskva, 4-5 aprlja 2005 g. / Red.-sost. E. A. Ballaeva, O. A. Voronina, L. G. Lunjakova. M., 2006. S.109-110.
6. Il'inyh S. A. Mnozhestvennaja maskulinnost' // Sociologicheskie issledovanija. 2011. №7. S. 101-109.
7. Il'inyh S.A. Fenomen «Novogo muzhchiny» ili snova o gendere // Vestnik BGU. 2012. №14. S. 93-97.
8. Kirilina A.V. Gendernye stereotipy v jazyke // Slovar' gendernyh terminov. M.: Informacija XXI vek, 2002. S. 66-67.
9. Krushevskij N.V. Oчерk nauki o jazyke // Izv. i uchen. zap. Imp. Kazan. un-ta. : Kazan', 1883. T. XIX. 148 s.
10. Morozova I. A. Koncepty «Muzhchina» i «Zhenshhina» kak otrazhenie tendernyh stereotipov v russkoj lingvokul'ture // Vestnik JuUrGU. Serija: Lingvistika, 2010. №21 (197). S.94-97.
11. Prostotina Ju.V. Gendernye stereotipy: formirovanie i determinanty. // Sociodinamika. 2017. № 3. S. 1 - 9.
12. Rjabova T. B. Gendernye stereotipy i gendernaja stereotipizacija: metodologicheskie podhody // Zhenshhina v rossijskom obshhestve. 2001. №3-4. S. 3-12.
13. Sternin I. A. Metodika issledovanija struktury koncepta // Metodologicheskie problemy kognitivnoj lingvistiki. Voronezh: Voronezhskij gos. un-t, 2001. S. 58-65.

-
14. Ashmore R. D., Del Boca F. K., Wohlers A. J. Gender Stereotypes // The Social Psychology of Female-Male Relations: A Critical Analysis of Central Concepts/ed. By R.D. Ashmore, F.K. Del Boca. N. Y., 1986. 120 pp.
 15. Cruse D. A. Prototype theory and lexical semantics // Meanings and prototypes: studies in linguistic categorization. / ed. by S. Tsohatzidis. L., 1990. P. 382-402.
 16. Rosch E. Natural categories // Cognitive Psychology. Elsevier, 1973. V. 7. P. 328-350.
 17. Wittgenstein L. Philosophical investigations. Oxford: Basil Blackwell, 1958. 322 p.

Поступила в редакцию 12.04.2020.

Принята к публикации 17.04.2020.

Для цитирования:

Направленный ассоциативный эксперимент при определении особенностей образа мужчины в сознании молодежи / Шиповская А.А., Циленко Л.П., Тишкина И.А., Болтнева Н.А. // Гуманитарный научный вестник. 2020. №3. С. 197-204. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2020/03/Shipovskaya.pdf>

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

<https://doi.org/10.5281/zenodo.3772694>

УДК 316.3

Игошева М.А.

Игошева Марина Анатольевна, кандидат философских наук, доцент, Ростовский государственный университет путей сообщения, 344038, Россия, г. Ростов-на-Дону, пл. Ростовского Стрелкового Полка Народного Ополчения, д. 2. E-mail: igosheva_marina@mail.ru.

Адаптационный потенциал этнической идентичности в условиях глобализации: социально-психологический ресурс

Аннотация. Статья посвящена проблеме адаптационных возможностей этнической идентичности в условиях глобальных трансформаций современного мира. Поскольку адаптационный потенциал этнической идентичности проявляется в ее стабилизации, определенности, то именно эти состояния обеспечивают защиту индивиду или группе в ситуации стремительных и кардинальных трансформаций окружающего мира. В этом плане именно этническая идентичность обеспечивает зону онтологической безопасности, сохраняя культурную устойчивость жизненного мира локальной общности, снижает ее чувство тревоги и страха, вызванные внешними негативными факторами, а также устраняет групповой психологический дискомфорт. Полученные результаты позволяют понять, что этническая идентичность индивидов, основанная на сохранении исторической памяти, воспроизводстве культурных норм, обладает огромным адаптационным ресурсом в условиях даже сложных глобальных трансформаций современного мира.

Ключевые слова: этнос, этническая идентичность, глобализация, адаптация, «адаптивная идентичность», онтологическая безопасность, традиция, культурный код, этническая культура.

Igosheva M.A.

Igosheva Marina Anatolyevna, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Rostov State Transport University, 344038, Russia, Rostov-on-Don, Rostovskogo Strelkovogo Polka Narodnogo Opolcheniya sq., 2. E-mail: igosheva_marina@mail.ru

Adaptive potential of ethnic identity in the context of globalization: a socio-psychological resource

Abstract. The article is devoted to the problem of adaptive capabilities of ethnic identity in the context of global transformations of the modern world. The author emphasizes, since the adaptive potential of ethnic identity is manifested in its stabilization, certainty, it is these states that provide protection to an individual or group in a situation of rapid and cardinal transformations of the world. In this regard, it is ethnic identity that provides an ontological security zone, preserving the cultural stability of the life world of the

local community, reduces its sense of anxiety and fear caused by external negative factors, and also eliminates group psychological discomfort. The results obtained make it possible to understand that the ethnic identity of individuals, based on the preservation of historical memory, the reproduction of cultural norms, has a huge adaptive resource in conditions of even complex global transformations of the modern world.

Key words: ethnos, ethnic identity, globalization, adaptation, «adaptive identity», ontological security, tradition, cultural code, ethnic culture.

Стратегии выживания этнических групп в изменяющейся социальной реальности, обусловленной процессами глобализации, определяют актуальность выявления адаптационных возможностей этнической идентичности в условиях глобализационных рисков.

В научном дискурсе термин «адаптация» применяется преимущественно в сфере медико-психологического знания, в исследовательском поле которого сложился ряд подходов: гомеостатический, системно-структурный, личностный.

В русле гомеостатического подхода адаптация представляет «свойство живой саморегулирующейся системы, обеспечивающей устойчивость к условиям внешней среды, и как процесс достижения равновесия организма с внутренней и внешней средой» [2, с. 17]. В этом аспекте механизм адаптации направлен на поиск баланса между организмом и внешней средой в условиях стабильного функционирования последней.

С позиции системно-структурного подхода адаптация есть иерархический процесс, в котором выделяются взаимосвязанные между собой низшие и высшие ее уровни [6]. Здесь учитывается специфика адаптационных механизмов человека на разных уровнях его биологического развития и социализации. Личностный подход акцентирует внимание на внутренних ресурсах человека, которые задействуются в процессе его взаимодействия с окружающим миром [7].

В социологическом аспекте адаптация является неотъемлемой составляющей процесса социализации индивида, его умение к выполнению социальных ролей [5]. Отечественные социологи рассматривают адаптацию и как процесс, и

как состояние. В первом случае адаптация представляет собой процесс корреляции «поведения индивида в соответствии с господствующей в обществе системой норм и ценностей», а во втором выступает «характеристикой отношений индивида с внешней средой» [4, с. 45].

Поскольку этническая идентичность представляет собой социальный конструкт, то ее адаптационный потенциал связан со способностью индивида приспособиваться к изменяющимся социальным условиям, используя свои этнические характеристики: лингвистические, религиозные, социокультурные и другие маркеры.

Представляется, что при анализе адаптационного потенциала этнической идентичности целесообразно использовать социально-психологический подход, позволяющий охарактеризовать механизмы солидарности группы по этническим основаниям. Социально-психологический механизм, обеспечивающий адаптационный потенциал этнической идентичности, связан с такими структурами этнического сознания, как этноцентризм, внутригрупповой фаворитизм, позитивная идентификация и т. п. Исследователи отмечают, что психологической основой этнической идентичности выступает эмоциональная связь индивида с другими людьми, с которыми он связан представлением о родстве, об общей истории, культуре. Ориентация на групповые ценности и формы поведения значительно повышает показатели социальной адаптации человека.

Основатель теории идентичности Э. Эриксон обращает внимание на роль идентичности в процессе социальной адаптации индивида. Определяя иден-

тичность как «чувство органической принадлежности индивида к его исторической эпохе и типу межличностного взаимодействия, свойственному данной эпохе» [14, с. 76], ученый отмечает, что именно она позволяет гармонизировать социально-психологические установки личности с системой ценностей и норм, господствующей в определенном исторический период, и принимать ту социальную реальность, в которой живет человек.

Таким образом, социально-психологический механизм этнической идентичности в качестве адаптационного ресурса для индивида направлен как на формирование чувства органической взаимосвязи с определенной локальной общностью, так и на обретение целостности своего «Я» в социальном мире. Причем психологи относят адаптацию к одному из основных социально-психологических механизмов социализации личности, эффективность которого «в значительной степени зависит оттого, насколько адекватно индивид воспринимает себя и свои социальные связи» [11, с. 45].

В научной литературе даже появилось понятие «адаптивная идентичность», описывающее такое состояние человека, которое позволяет ему выполнять определенные психосоциальные функции. Причем ученые акцентируют внимание на том, что если неопределенность с идентичностью свидетельствует о кризисе последней, то состояние определенности с идентичностью, напротив, свидетельствует об успешности ее адаптации в окружающем социуме. По мнению психологов, говорить о стабильности адаптивного состояния идентичности можно в том случае, «когда идентичность успешно осуществляет те жизненно важные функции, которые ожидаются от нее как целостного системного образования, призванного сохранять целостность и непрерывность Я, несмотря на социальные изменения» [11, с. 46].

Адаптивный потенциал идентичности реализуется посредством следующих функций:

а) ориентационной, направленной на поиск своего места в сложном поликультурном мире;

б) дифференцирующей, которая структурирует отношения на основе разграничения «Я» от «не Я», «своих» от «чужих»;

в) нормативной, формирующей ценностные ориентиры и формы поведения индивида в определенной социальной среде;

г) моделирующей модели поведения в новых социальных условиях.

Тем самым, возможности этнической идентичности в процессах адаптации индивидов связаны с формированием жизненной стратегии личности.

Отечественные психологи усматривают в природе этнической идентичности механизм защиты группы от внешнего воздействия и внутренней дестабилизации. Это достигается с помощью этнической культуры общности, которая моделирует ее локальный жизненный мир и отношения с другими этническими группами. По мнению С. Лурье, «в критической ситуации этнос с хорошо налаженным механизмом психологической защиты может бессознательно воспроизвести целый комплекс реакций, эмоций, поступков, которые в прошлом, в похожей ситуации, дали возможность пережить ее с наименьшими потерями» [8, с. 51]. Таким образом, в культуре этноса аккумулируются и транслируются как культурные нормы, определяющие групповые поведенческие стратегии, так и эмоции, закрепляющие опыт межэтнического взаимодействия.

Следует отметить, что в этом плане этническая идентичность действительно позволяет снижать чувства тревоги и страха, вызванные внешними негативными факторами, а также устранять групповой психологический дискомфорт.

В условия быстрых социальных изменений, обусловленных процессами глобализации во всех сферах общественной жизни, усиления конкуренции за экономические и природные ресурсы, повышения уровня межэтнической кон-

фликтности, происходит нарастание негативного эмоционального фона и стрессовых ситуаций. Поскольку адаптационный потенциал этнической идентичности проявляется в ее стабилизации, определенности, то именно эти состояния обеспечивают защиту индивиду или группе в ситуации стремительных и кардинальных трансформаций окружающего мира. Исследователи отмечают, что именно идентичность вызывает у человека переживание «...онтологической уверенности», «неоспоримой самообосновывающей определенности» [10, с. 33]. В этом плане именно этническая идентичность обеспечивает зону онтологической безопасности, сохраняя культурную устойчивость жизненного мира локальной общности.

С точки зрения А. Я. Флиера, свойство культурной устойчивости, характерной для локальных систем, обеспечивает «повторение производственных технологий и форм производимых продуктов/результатов, проверенных на практике и доказавших свою эффективность; трансляцию и воспроизводство из поколения в поколение технологического и формального повтора в деятельности; утверждение идеологии необходимости в любой деятельности повторять практику отцов и дедов, обретающую сакральную символизацию; историческое воспроизводство самой локальной культуры как самодостаточного феномена; формирование психологии человека, нацеленной на повтор и воспроизводство традиции в любой деятельности; конструирование мифологии локального культурного своеобразия, абсолютизирующей значимость исторических форм, которые были выработаны веками...» [12]. Таким образом, именно традиции выступают адаптивным ресурсом этнической общности, основой ее культурной устойчивости в условиях социальных трансформаций, нередко имеющих травматический характер для традиционных культур.

В эпоху глобализации, зачастую сопряженную с негативными последствиями для локальных социумов, именно этническая идентичность реализует функ-

ции «...поддержания определенности; приспособления к изменяющимся условиям внешней среды; определения своего места в социальном пространстве; построения моделей поведения, систематизация информации о мире и своем месте в нем, формируя зону «локального», в которой человек чувствует себя в безопасности» [13, с. 148]. Отсюда можно заключить, что этническая идентичность очерчивает символические границы, условно отделяющие культурное пространство общности от остального мира, обеспечивая, тем самым, свою безопасность.

Проблема культуры и границы находит осмысление еще в философии М. М. Бахтина, который утверждает, что локальная культура не имеет своей внутренней территории, поскольку ее специфика проявляется лишь на границе культур [3]. Поддержание своей культурной границы является одним из способов социально-психологической защиты этнической группы, которая активизируется при наличии реальной или воображаемой угрозы. Устойчивость этнической идентичности позволяет ощущать, как индивиду, так и группе, состояние психологической безопасности, потребность в которой возрастает в критических ситуациях.

Проблема влияния опасности на процесс активизации поиска зоны комфорта находит отражение в психоаналитическом подходе К. Юнга, который связывал саморегуляцию психики человека с механизмом компенсации. Специфика последнего выражается в том, что состояния страха, беспокойства, тревожности обостряют потребность в безопасности, порядке, уверенности. Это обнаруживается в том, что индивид, чувствуя угрозы своей безопасности, стремится обрести стабильность на основе групповой идентификации, базирующейся на представлении о коллективной силе и гордости [1].

Очевидно, что стабильность социального бытия локальной общности обеспечивается за счет традиций, сохраняющих и передающих культурный код этноса. По мнению ученых, «механизм этнической адаптации лежит в сфере традиций.

Традиции – это своеобразный генофонд этничности, который поддерживает определенный облик этноса» [9, с. 54]. Именно функция сохранения и передачи опыта позволяет этносу обеспечивать устойчивость существования и осуществлять свое воспроизводство. Разрушение традиций, напротив, снижает адаптивные возможности этнической общности. Как подчеркивает А. Я. Флиер, «традиция является базой культурной устойчивости, исторического воспроизводства культуры и идеологически обусловленного повторения прошлого» [12].

Таким образом, анализ социально-психологического механизма этнической идентичности как способа адаптации ин-

дивида и группы в современном мире позволяет заключить, что его эффективность обусловлена, как факторами, обеспечивающими психологический комфорт этносу в условиях глобализации, так и реализацией ряда функций (культурной, социальной), облегчающих пространство жизнедеятельности индивидов и создающих им зону безопасности.

Этническая идентичность индивидов, основанная на сохранении исторической памяти, воспроизводстве культурных норм, обладает огромным адаптационным ресурсом в условиях даже сложных глобальных трансформаций современного мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аналитическая психология: Прошлое и настоящее / К. Г Юнг, Э. Сэмюэлс, В. Одайник, Дж. Хаббэк. М.: Мартис, 1995. 320 с.
2. Баевский Р. М., Берсенева А. П. Оценка адаптационных возможностей организма и риск развития заболеваний. М.: Медицина, 1997. 234 с.
3. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
4. Беляева Л. А. Стратегии выживания, адаптации, преуспевания // Социологические исследования. 2001. № 6. С. 44–53.
5. Гидденс Э. Социология. М.: Эдиториал УРСС, 1999. 704 с.
6. Завьялова Е. К. Психологические механизмы адаптации человека // Вестник Балтийской педагогической академии. 2001. Вып. 40 (4). С. 55–60.
7. Коржова Е. Ю. Психология жизненных ориентаций человека. СПб.: Изд-во РХГА, 2006. 387 с.
8. Лурье С. В. Метаморфозы традиционного сознания. СПб: Тип. им. Котлякова, 1994. 286 с.
9. Луцевич Т. Н. Этническая адаптация в современном мире: теоретические подходы // Этнокультурное развитие Беларуси в XIX – начале XXI в. Минск: БГУ, 2011. С. 53–56.
10. Лэйнг Р. Я и другие. М.: Прогресс-Универс, 2002. 304 с.
11. Румянцева Т. В. Проблема социально-психологической адаптации и трансформация идентичности в меняющихся общественных условиях // Вестник ЯрГУ им. П. Г. Демидова. Сер. Гуманитарные науки. 2010. № 2 (12). С. 42–49.
12. Флиер А. Я. Локальная культурная система: факторы устойчивости // Культура культуры. 2020. № 1. URL: <http://www.cult-cult.ru/local-cultural-system-sustainability-factors/>
13. Шевченко О. М. Сущность и виды ксенофобии: история и современность. Ростов н/Д: Изд-во Антей, 2013. 202 с.
14. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / пер. с англ. М.: Прогресс, 1996. 340 с.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Analiticheskaja psihologija: Proshloe i nastojashhee / K. G Jung, Je. Sjemjuel's, V. Odajnik, Dzh. Habbjek. M.: Martis, 1995. 320 s.
2. Baevskij R. M., Berseneva A. P. Ocenka adaptacionnyh vozmozhnostej organizma i risk razvitija zabojevanij. M.: Medicina, 1997. 234 s.
3. Bahtin M. M. Jestetika slovesnogo tvorcestva. M.: Iskusstvo, 1979. 424 s.

4. Beljaeva L. A. Strategii vyzhivaniya, adaptacii, preuspevaniya // Sociologicheskie issledovanija. 2001. № 6. S. 44–53.
5. Giddens Je. Sociologija. M.: Jeditorial URSS, 1999. 704 s.
6. Zav'jalova E. K. Psihologicheskie mehanizmy adaptacii cheloveka // Vestnik Baltijskoj pedagogicheskoj akademii. 2001. Vyp. 40 (4). S. 55–60.
7. Korzhova E. Ju. Psihologija zhiznennyh orientacij cheloveka. SPb.: Izd-vo RHGA, 2006. 387 s.
8. Lur'e S. V. Metamorfozy tradicionnogo soznaniya. SPb: Tip. im. Kotljakova, 1994. 286 s.
9. Lucevich T. N. Jetnicheskaja adaptacija v sovremennom mire: teoreticheskie podhody // Jetnokul'turnoe razvitie Belarusi v XIX – nachale HXI v. Minsk: BGU, 2011. S. 53–56.
10. Ljejing R. Ja i drugie. M.: Progress-Univers, 2002. 304 s.
11. Rumjanceva T. V. Problema social'no-psihologicheskoj adaptacii i transformacija identichnosti v menjajushhihsja obshhestvennyh uslovijah // Vestnik JarGU im. P. G. Demidova. Ser. Gumanitarnye nauki. 2010. № 2 (12). S. 42–49.
12. Flier A. Ja. Lokal'naja kul'turnaja sistema: faktory ustojchivosti // Kul'tura kul'tury. 2020. № 1. URL: <http://www.cult-cult.ru/local-cultural-system-sustainability-factors/>
13. Shevchenko O. M. Sushhnost' i vidy ksenofobii: istorija i sovremennost'. Rostov n/D: Izd-vo Antej, 2013. 202 s.
14. Jerikson Je. Identichnost': junost' i krizis / per. s angl. M.: Progress, 1996. 340 s.

Поступила в редакцию 09.04.2020.

Принята к публикации 12.04.2020.

Для цитирования:

Игошева М.А. Адаптационный потенциал этнической идентичности в условиях глобализации: социально-психологический ресурс // Гуманитарный научный вестник. 2020. №3. С. 205-210. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2020/03/Igosheva.pdf>

<https://doi.org/10.5281/zenodo.3772882>

УДК 1(091):2(274)

Май К Да

Май К Да, кандидат философских наук, преподаватель, философский факультет, Университет гуманитарных и социальных наук при Ханойском государственном университете, Вьетнам, г. Ханой, ул. Нгуен Чай, д. 336. E-mail: maikda@yandex.ru.

Концепция культурной интеграции христианства

Аннотация. Отношения между религией и культурой всегда являются актуальной проблемой, которая требует изучения с разных точек зрения. Исторически отношения между верой и христианской культурой привлекали большое внимание не только с точки зрения миссионеров, но и со стороны исследователей в сфере философии и культурологии. В целом культурная интеграция является выражением христианской веры в разных культурах, она призывает людей из различных культур принимать и практиковать веру в рамках своей культурной среды. В данной статье проведен анализ основных идей концепции «культурной интеграции» христианства. Автор выявляет уникальность концепции по сравнению с предыдущими представлениями о взаимосвязи между религией и культурой.

Ключевые слова: культурная интеграция, христианство, протестантизм, Евангелие, межкультурный диалог, культура, религия и культура во Вьетнаме.

Mai K Da

Mai K Da, Candidate of Philosophical Sciences, Lecturer, Faculty of philosophy, University of Social sciences and Humanities, Vietnam National University, Vietnam, Hanoi, Nguyen Chai st., 336. E-mail: maikda@yandex.ru.

The concept of cultural integration of Christianity

Abstract. The relationship between religion and culture is always an urgent problem that requires research from different points of view. Historically, the relationship between faith and Christian culture has attracted great attention not only from the point of view of missionaries, but also from researchers of philosophical and cultural sciences. In general, cultural integration is an expression of the Christian faith in different cultures, it encourages people from different cultures to accept and practice the faith within their cultural environment. This article analyzes the main contents of the concept of «cultural integration» of Christianity. Author clarifies the differences and points of the concept in comparison with previous ideas about the relationship between religion and culture.

Key words: cultural integration, Christianity, Protestantism, the gospel, intercultural dialogue, culture, religion and culture in Vietnam.

Термин «культурная интеграция» впервые был использован Джозефом Массоном из Григорианского университета (Рим) несколькими годами ранее Второго Ватиканского собора в 1962 г. [9, с. 67]. Хотя термин появился относительно рано, однако он начинает использоваться в официальном языке

Церкви только к концу 1970-х годов XX в. Ни Второй Ватиканский собор, ни документы Медельина (1969 г.) и Пуэбла (1979 г.) не использовали этот термин. В 1977 г. термин «культурная интеграция» применил кардинал Син (архиепископ Манилы, Филиппины) в Синоде по Катехизису в Риме [17, с. 22]. В официальных

документах католической церкви этот термин впервые появляется в Постсинодальном апостольском увещании (1979 г.) Папы Иоанна Павла II о доктрине в наше время [Catechesi Tradendae. 53], хотя и в несколько расплывчатом смысле, поскольку аккультурация и культурная интеграция использовались в нем как синонимы [Catechesi Tradendae. 9]. Однако Катехизис Католической Церкви почти полностью не касался данной темы и не давал четкого определения термину «культурная интеграция» [16, с. 111]. Напротив, можно увидеть, что использовались такие термины, как «адаптация» или «имплантация», «включение» или «инкорпорация», которые изначально более подходят для понятия колонизации, нежели для культурной интеграции. Позже термин «культурная интеграция» получил распространение, когда группа иезуитов в Азии и Африке использовала его на общем Соборе, который проходил в Риме в 1974-1975 годах [см. 8, с. 61-71]. Протестанты обычно используют термин контекстуальное богословие вместо этого термина.

Исторический анализ эволюции церкви показывает, что культурная интеграция является новой, но не чуждой церкви концепцией. Не случайно О.А. Онвубико в своей книге «Теория и практика энкультурации: Африканская перспектива» утверждает, что культурная интеграция – это новый взгляд или новый подход к старой проблеме церкви [15, с. 237].

Существует много различных определений термина «культурная интеграция». По словам богослова Айлворда Шортера, культурная интеграция – это «постоянный диалог между верой и обычаями или культурой. Более того, это творческие и динамичные отношения между христианским посланием и обычаями культуры» [1, с. 11]. Данный диалог должен возникать всякий раз, когда христианская вера появляется в культуре других регионов. Этот процесс не имеет конца, поскольку вера не может существовать вне культурной модели, когда мы говорим о христианской вере или о жизни во Христе, мы говорим о культурном

феномене [1, с. 11-12]. По значению входящих в термин слов культурная интеграция имеет динамическое значение. Таким образом, культурная интеграция определяется как поступок или действие, как «вхождение в или встраивание в определенную культуру».

Дж. Шойер определяет культурную интеграцию как процесс, посредством которого жизнь и послание Евангелия проникают в определенную культуру. Его можно рассматривать как воплощение Евангелия в культуре сообщества, определенного общества, укоренение в ней, создание в ней нового богатого содержания, форм мышления, деятельности и уникальных праздников [9, с. 67]. Х. Каррьер подчеркивает аспекты связи послания Христа с культурной интеграцией, то есть стремление инкорпорировать послание Христа в определенную культурную и социальную среду и в то же время призвать эту среду развиваться в соответствии с ее собственными ценностями в случае, когда эти значения совместимы с Евангелием. Таким образом, культурная интеграция – это натурализация Церкви в стране, регионе, границах при полном уважении к характеру и особенностям данного человеческого сообщества [17, с. 18]. Также Дж. И. Кальвез утверждает, что культурная интеграция в первую очередь представляет послание и ценности Евангелия в форме и терминах каждой культуры, так чтобы вера и жизнь христиан в каждой региональной Церкви глубоко и в максимально возможной мере смешивалась с культурой этого региона [5, с. 723].

Другое определение культурной интеграции кажется более ясным и пронизывает основы христианской философии и теологии Троицы, его можно найти в Апостольском увещании Африканской Церкви Экклесии в Африке (1995). В этом Апостольском увещании культурная интеграция определяется как процесс полной евангелизации. Цель культурной интеграции – помочь людям быть готовыми принять Иисуса Христа в своей полноте и в то же время трансформировать сознание

людей на личном и культурном уровне, чтобы они могли приблизиться к пониманию Бога отца посредством действий Святого Духа [Ecclesia in Africa, 62]. Эта деятельность происходит в двух направлениях: (1) интеграция христианской веры в разные культуры и (2) интеграция культурных ценностей в христианскую веру [Ecclesia in Africa, 59].

Роджер Хайт утверждает, что «культурная интеграция рассматривается как «воплощение» христианской веры и жизни во Христе в многообразии человеческого опыта, систематизированного по языку, идеям, и поведенческой модели культуры [18, с. 420]. Таким образом, культурная интеграция не означает стремление адаптировать Евангелие к культуре, но позволяет Евангелию формироваться в самой культуре [18, с. 420]. Ансар Дж. Чупунго уточняет, что в процессе культурной интеграции христианская вера и культура, встречаясь «обогащают друг друга», но не теряют своей сущности. Результатом этой встречи является то, что «новая сущность», как представляется, приносит практические выгоды тем, кто живет в этой культуре [2, с. 29-30]. Чупунго утверждал, что «культурная интеграция не умаляет характера и ценности христианства, например, учение об Откровении, при этом не разрушает культуру как выражение жизни и человеческих стремлений в обществе» [2, с. 29].

Эти определения показывают, что концепция культурной интеграции по-прежнему является сложной проблемой, и ее обсуждение еще не закончилось. Однако на основе существующих определений основное содержание этой концепции можно сформулировать следующим образом:

1. Культурная интеграция, прежде всего, является теологической концепцией, однако она также связана с антропологией, поскольку процесс культурной интеграции является прямым следствием внутренних движений культурных систем и послания Евангелия, которым хотят «пропитать» определенную культуру. В то же время культурная интеграция - это

преобразование культуры через послание Евангелия и использование Евангелия культурой, которая его приняла.

2. Культурная интеграция связана с межкультурным и межрелигиозным диалогом, это процесс, который требует постоянной поддержки, компромиссов и диалога между Евангелием и культурой. Именно благодаря этому процессу христианские ценности интегрируются в культуру, отличную от культуры носителей Евангелия, а Евангелие уходит корнями в новую культуру настолько глубоко, что местные христиане, монахи и монахини могут одновременно жить и в рамках своих нетронутых культурных ценностей и в особенных ценностях Евангелия. Таким образом, для того, чтобы произошла истинная культурная интеграция, должен быть честный, экзистенциальный и постоянный диалог между Евангелием и культурой, которую хотят евангелизировать. В то же время процесс культурной интеграции - это воплощение Евангелия в местных культурах, и введение этих культур в жизнь Церкви [John Paul II. *Slavorum Apostoli*], которая является конкретной формой Завета между Богом и мужчинами и женщинами здесь и сейчас [John Paul II. *Talk to Religious, Kinshasa, August 1985*]. На языке Международной теологической комиссии процесс культурной интеграции можно определить как попытку Церкви принести послание Христа в определенную культуру, приглашая ее развиваться в соответствии с ее собственными ценностями, пока эти ценности совместимы с Евангелием [12, с. 800 – 807]. По этой причине Ратцингер пишет: «мы не должны говорить о культурной интеграции, но должны говорить о встрече культур или, можно так сказать, о межкультурности» [см. 14].

3. Что касается субъекта культурной интеграции, то существуют разные точки зрения на данный вопрос. Первая точка зрения заключается в том, что субъектом интеграции является индивид или церковное сообщество, которое принимает частично или полностью уже существующую систему ценностей каких-либо

этнических групп. Например, иностранные миссионеры, приехавшие во Вьетнам для проповеди, изучали вьетнамский язык, одевались как вьетнамцы, представили доктрину Церкви в соответствии с вьетнамским пониманием. Таким образом, они интегрировались во вьетнамскую культуру. Поэтому, живя во Вьетнаме, они свободно выбирали лучшие ценности вьетнамской культуры, чтобы обогащать ими свои ценности, а не терять свою идентичность, чтобы полностью погрузиться во вьетнамскую культуру.

Вторая точка зрения наоборот подчеркивает, что субъектом должен быть тот, кто принимает Евангелие, потому что именно он вводит в свою культуру элементы изменения, которые порождаются Евангельским посланием. Другими словами, процесс культурной интеграции начинается не когда евангелисты начинают проповедовать, но начинаются, когда начинают реагировать, те кому проповедуют. Именно тот, кто принимает христианское учение, создает необходимые изменения в проекциях о культуре проповедников Евангелия, именно через эти проекции им передается послание Евангелия. Следовательно, термин «культурная интеграция» более всего связан с богословскими рассуждениями о миссионерской и пастырской деятельности Дж. Б. Банавиратма отмечал, что культурная интеграция выражает «интерес Церкви в целом или местной Церкви в понимании и жизни Евангелия Иисуса Христа в культуре в конкретном контексте» [7, с. 86], что значит «основным субъектом культурной интеграции является не миссионер, а христианская община и активная развивающаяся Церковь» [5, с. 738]. Иоганн Баптист Мец также подчеркнул важность этой идеи. По его мнению, культурная интеграция прежде всего способствует развитию региональных церквей и участию в этом процессе верующих в их собственных культурных контекстах [13, с. 86].

4. Интеграция культуры укрепляет силы совершенствования и обновления Евангелия представлять себя лучшим об-

разом при вхождении в культуры. Это утверждение приводит к осознанию того, что культурная интеграция является наиболее эффективным способом распространения религии в новой среде [10, с. 84]. Джеральд А. Арбукл подчеркивает этот аспект, утверждая, что нет никакой разницы между миссионерством и культурной интеграцией [11, с. 18], в то время как некоторые азиатские миссионеры подчеркивают данное различие, «культурная интеграция может быть способом миссионерства, но она выходит за рамки миссионерства» [3, с. 136]. То есть, культурная интеграция выражает роль евангелизации культуры, а также выражает посредническую роль между Церковью и культурой.

5. Новые аспекты и отличия понятия культурной интеграции по сравнению с другими концепциями в следующем. Во-первых, происходит изменение понятия культуры. Раньше концепция культуры была прежде всего философской и дедуктивной, сегодня концепция описательна и более уместна для социологических и антропологических областей знаний [См. *Gaudium et Spes*. 53]. Во-вторых, культурная интеграция подчеркивает тесную связь между Церковью и культурами в контексте диалога и взаимопонимания. В-третьих, особый интерес местной церкви к процессу культурной интеграции [5, с. 735; 4, с. 272]. В этом вопросе культурная интеграция развивает эффект, когда она связана с понятиями «энкультурации» и «аккультурации». Задача культурной интеграции связана с двумя процессами: (1) процесс знакомства людей с их собственной культурой (энкультурация) и (2) взаимодействие культур (аккультурация). Шинеллер утверждает, что «в лучшем случае «культурная интеграция» сочетает богословский смысл «воплощения» (инкарнация) с двумя концепциями «энкультурации» и «аккультурации», чтобы создать нечто принципиально новое [17, с. 14-23].

В целом, культурная интеграция является выражением христианской веры в разных культурах, она призывает людей из различных культур принимать и практико-

вать веру в рамках своей культурной среды. Таким образом, культурная интеграция, с одной стороны, может обеспечить новые культуры взглядами и ценностями, которые выходят за их пределы [6, с. 5], с другой стороны, культурная интеграция также позволяет христианской вере войти

в сердца людей без ущерба для основных элементов их культуры [18, с. 420]. В более конкретном ключе задача культурной интеграции - представить Иисуса и Его послание местным жителям через их культуру [19, с. 37].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Alyward Shorter. *Toward a Theology of Inculturation*. Great Britain: Geoffrey Chapman, 1988.
2. Anscar J. Chupungco. *Liturgical Inculturation: Sacramentals, Religiosity, and Catechesis*. Collegeville (Minnesota): The Liturgical Press, 1992.
3. Armando Bortolasso. *Report of Group Discussions: Italian Group // The Asian Synod: Text and Commentaries / Ed. Peter C. Phan*. New York: Orbis Books, 2002.
4. Ary A. Roest Crolius. *Inculturation and the Meaning of Culture // Gregorianum Journal*. 1980. Vol. 61. № 2. p.
5. Ary A. Roest Crolius. *What Is So New about Inculturation? A concept and its implications // Gregorianum Journal*. 1978. Vol. 59. № 4. p. 723.
6. Alyward Shorter. *Inculturation, the Premise of Universality // A Universal Faith? Peoples, Cultures, Religions and the Christ / Ed. Catherine Cornille & Valeer Neckebrouck*. Brussels: Peeters Press, 1992.
7. Banawiratma J.B. *A Pneumatological Approach to inculturation // Building the Church in Pluricultural Asia / Ed. Robert Hardawiryana*. Rome: Pontifical Gregorian University, 1989.
8. Duraisamy Amalorpavadass. *Evangelization and Culture // Concilium*. 1978. № 114. pp. 61-71.
9. Emmanuel Martey. *African Theology: Inculturation and Liberation*. New York: Orbis Books, 1993.
10. George A. De Napoli. *Inculturation as Communication // Effective Inculturation and Ethic Identity / Ed. Maria de la Cruz Aymes and Others*. Rome: Pontifical Gregorian University, 1987.
11. Gerald A. Arbuckle. *Earthling the Gospel*. New York: Orbis Books, 1990.
12. International Theological Commission. *Faith and Inculturation // In: Origins 18 (1989-47)*. Washington DC: ITC, 1989. pp. 800-807.
13. Johann-Baptist Metz. *Unity and Diversity: Problems and Prospects for Inculturation // World Catechism or Inculturation / Ed. Johann-Baptist Metz and Edward Schillebeeckx, Concilium 204*. Edinburgh: T&T Clark LTD, 1989.
14. Joseph Card. Ratzinger. *Christ, Faith and the Challenge of Cultures. Meeting with the Doctrinal Commissions in Asia, Hong Kong, 3 March 1993*.
15. Kanu Ikechukwu Anthony. *Inculturation and the Christian faith in Africa // International Journal of Humanities and Social Science*. 2012. Vol. 2. № 17. trang
16. P. Sues. *A Confused Mission Scenario: A critical Analysis of Recent Church Documents and Tendencies, Concilium, (1994 2)*
17. Peter Schineller. *A Handbook of Inculturation*. New York: Paulist Press, 1990.
18. Roger Haight. *Jesus Symbol of God*. New York: Orbis Books, 1999.
19. The Catholic Bishops' Conference of the Philippines. *"Ways of Proclaiming Christ in Difficult Situations," (Responses to the Lineamenta) // The Asian Synod: Texts and Commentaries / Ed. Peter C. Phan*. New York: Orbis Books, 2002.

Поступила в редакцию 13.04.2020.
Принята к публикации 19.04.2020.

Для цитирования:

Май К Да Концепция культурной интеграции христианства // Гуманитарный научный вестник. 2020. №3. С. 211-215. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2020/03/MaiKDa.pdf>

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

<https://doi.org/10.5281/zenodo.3773195>

УДК 343.9

Самохвалов И.Ю.

Самохвалов Игорь Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», 607220, Россия, Арзамас, ул. К. Маркса, 36. E-mail: troiska@mail.ru.

Противодействие незаконной миграции в России. Криминологический аспект

Аннотация. В статье рассмотрено состояние миграционной ситуации в стране, причины и условия существования и воспроизводства преступности миграционной сферы, выделены особенности противодействия правонарушениям миграционного законодательства, определены направления применения государственной миграционной политики.

Ключевые слова: миграция, нелегальная миграция, незаконная миграция, виктимизация, миграционный кодекс.

Samokhvalov I.U.

Samokhvalov Igor Uryevich, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Federal State Autonomous Educational Institution «National University state them. N. I. Lobachevsky», 607220, Russia, Arzamas, st. K. Marx, 36. E-mail: troiska@mail.ru.

Countering illegal migration in Russia. Criminological aspect

Abstract. The article considers the state of the migration situation in the country, the reasons and conditions for the existence and reproduction of crime in the migration sphere, highlights the features of countering violations of migration legislation, and defines the directions for applying the state migration policy.

Key words: migration, illegal migration, illegal migration, victimization, migration code.

Решение задач по обеспечению трудовыми ресурсами на государственном уровне, по ускоренному развитию экономического потенциала страны, сталкивается с проблемами, не-

гативно влияющими на состояние национальной безопасности, в связи с возможностью проникновения и неконтролируемого пребывания значительного количества миграционного контингента.

Развитие внешней трудовой миграции является одной из острых проблем в процессе использования трудовых ресурсов, а сбалансированное регулирование миграционных потоков главным направлением миграционной политики страны. Присутствие значительного количества работоспособного миграционного социума на территории определенного мегаполиса может повлечь серьезные экономические, межнациональные, социально-демографические, коррупционные и что неизбежно в этих случаях, криминальные последствия. Статистика выявленных правонарушений миграционного законодательства говорит о том, что находящиеся в стране нелегалы пытаются обходить существующие законные процедуры регистрации, чем создают проблемы в учете и контроле этого контингента.

Понятие миграции, согласно действующего законодательства и правоприменения, трактуется достаточно широко. Миграция – это постоянное перемещение отдельных лиц, либо групп лиц из одного места в другое, перемещение людей (мигрантов) через границы тех или иных территорий с переменой места жительства на длительное время, причем само понятие «мигрант» трактуется как человека, который участвуя в вышеназванных процессах, меняет свой правовой статус [1]. Наряду с законной миграцией, которая используется развитыми странами для мобилизации трудового потенциала, благоприятствования экономического развития мегаполиса, существует и незаконная миграция – перемещение мигрантов по территории страны с нарушением действующего законодательства, включающего въезд, пребывание (проживание) и осуществление ими трудовой деятельности [2]. Таким образом, незаконную миграцию характеризуют следующие стадии противоправной деятельности осуществляемой определенной категорией граждан: въезд в РФ, пребывание и выезд с ее территории иностранных граждан и лиц без гражданства с нарушением законодательства РФ, устанавливающего определенный порядок въезда, пребывания

на территории, транзитного проезда и выезда. Наряду с вышеперечисленными: незаконным въездом, пребыванием, выездом законодатель криминализировал и незаконную занятость мигрантов – исполнение трудовых обязанностей вне правового поля. Согласно Федерального закона от 15.08.1996 № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» под незаконным въездом понимается нарушение установленных правил въезда связанных с конкретными действиями виновного лица [3]. Под незаконной занятостью понимается трудовая деятельность иностранцев, осуществляемая ими в нарушение Федерального закона от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [4].

Нелегальное существование в стране приводит к тому, что нелегал становится жертвой посягательств не только со стороны правоохранительных органов, осуществляющих контролируемую функцию по пресечению нарушений миграционного законодательства, но и является возможностью для криминальных структур использовать незаконное пребывание мигранта в качестве источника наживы, вымогая денежные средства или заставляя принимать участие в теневом бизнесе. Таким образом возникает и процветает бизнес по фиктивной прописке на одном адресе значительного количества жильцов. Мигранту эта услуга дает гарантию на продление разрешения на временной проживании и вида на жительство, что в свою очередь упрощает процесс трудоустройства и позволяет уйти от ответственности за нарушение правил миграционного учета и передвижения. Бизнес «резиновых квартир» возможно ликвидировать путем неукоснительного соблюдения учетной нормы площади жилого помещения, установленной Жилищным кодексом РФ.

Опасные последствия нахождения без регистрации создает трудности, как в проведении розыскных мероприятий правоохранительными структурами, так и

развязывает руки недобросовестным работодателям, получающим возможность незаконно эксплуатировать зависимых от них работников. Нелегальный мигрант становится жертвой произвола работодателя, который нарушая трудовое законодательство, устанавливает продолжительность рабочего дня (как правило 10-12 часов), оплату труда (как правило в разы ниже среднего), не признает нормы охраны труда и не заботится о здоровье работников. Что касается санитарных норм – то они вообще отсутствуют и не оговариваются – рабочие где трудятся, там и живут. Одной из причин данной ситуации является отсутствие оформления трудового контракта между работником и работодателем, где возможно в законном порядке закрепить права и обязанности заинтересованных сторон. Отсутствие государственной социальной-правовой защиты вынуждает мигрантов обращаться в организации, имеющие либо диаспоральную, либо социально-группированную направленность, что в свою очередь приводит к образованию отдельных замкнутых социальных анклавов. Попустительство местных правоохранительных органов, не сумевших своевременно зафиксировать и проконтролировать факт прибытия на объект незаконных мигрантов, в дальнейшем влечет осуществление ими преступных проявлений, как в конфликтах с местным криминалом при отстаивании своих законных прав, так и в возникающих эксцессах с местным законопослушным населением, в отношении которого совершаются насильственные действия. Нелегальное положение и полная зависимость от работодателя не позволяет иностранному рабочему отстаивать свои трудовые права по продолжительности трудового дня, тяжести и сложности выполняемой деятельности, так как он рискует быть обнаруженным и затем наказанным сотрудниками правоохранительных органов, а привлечение к ответственности ведет к выдворению из страны и запрещению въезда в течение нескольких лет.

Создавшейся ситуацией, негативного воздействия миграции на местные рынки труда, активно пользуется теневой бизнес по продаже рабочей силы, здесь процветают различные формы вымогательства, отбора документов у мигрантов, «крышевания» криминальными группировками со сбором «дани», что в свою очередь ведет к воспроизводству преступности. Организованная преступность в этой сфере имеет значительные доходы, владеет схемами ухода от ответственности, обладает коррупционными связями в различных эшелонах власти, как местного, регионального так и более крупного масштаба. Весьма значительную роль в теневом криминальном бизнесе играют межнациональные связи, что значительно усложняет противодействие этому виду преступности.

Как и в любом криминальном бизнесе, имеющем межнациональные связи, на нелегальном рынке труда наблюдается определенная специализация в сегментах трудовой занятости по национальному признаку. Так, представители стран Средней Азии, используются в строительной отрасли, обеспечивая рынок низкоквалифицированной рабочей силой. Здесь наблюдается функционирование, как легальных, так и нелегальных схем занятости. Нелегальные строители трудятся на закрытых от лишних глаз стройплощадках, загородных домах, не выходя за пределы территории, работая и проживая на объекте строительства. Владелец частной недвижимости мало интересуется, на каких основаниях и кто трудится в «диких строительных бригадах», мерой всего является результат.

Представители стран Китая и Вьетнама достаточно высоко организованы и профессионально подготовлены. Довольно часто в средствах массовой информации появляются факты обнаружения подпольных швейных фабрик и производств товаров, на которых трудятся нелегалы из Китая и Вьетнама. Производства располагаются в промышленных зонах на бывших предприятиях легкой промышленности, распоряданных в част-

ную собственность в период массовой приватизации. Техническое оснащение и мастерство работников находится на высоком уровне, выпускаемые товары отвечают современным требованиям и техническому прогрессу. Однако, даже при внешне видимом благополучии производства работодатели пытаются путем сокрытия нелегальных участников трудового процесса уйти от налогообложения и учета мигрантов.

В свою очередь для муниципалитетов и правоохранительных органов отсутствие сведений о фактическом нахождении на подведомственной территории мигрантов или искаженная информация этой сферы является миной замедленного действия, источником преступных проявлений, как общеуголовной направленности, так и специфического для миграционного контингента религиозно-этнического экстремизма, проникновения исламского фундаментализма. В качестве сопутствующего «товара» теми же «тайными тропами» в нашу страну нелегально идут наркотические средства, психотропные вещества и оружие. Раскрытые и расследованные дела этой направленности подтверждает наличие налаженной сети доставки всего запрещенного, именно через нелегальных мигрантов, а это создает прямую угрозу национальной безопасности.

Неблагополучная обстановка с миграционными потоками влечет количественную этническую диспропорцию населения в определенных мегаполисах, и ведет к осложнению этноконфессионального и этнополитического климата, напрягающего местных жителей возникающими конфликтами между местными и мигрантами. Значительно дешевая цена труда мигрантов снижает спрос на специалистов из числа местного населения, лишая их работы и увеличивая недовольство, как к бездействию власти и правоохранительных органов, так и к самим мигрантам, которое часто проявляется в физическом насилии. Как отмечается в «Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации

на период 2019-2025 года», утвержденной Президентом, незаконная миграция, используемая в секторе экономики и производства, является одной из главных причин усиления негативного, а порой и враждебного отношения к мигрантам.

Несмотря на совместные усилия сотрудников территориальных органов ФМС России с участием подразделений органов внутренних дел, по проведению контрольно-надзорных мероприятий, обстановка в миграционной сфере остается напряженной. Мигранты по-прежнему тяготеют к занятости в значительной степени в рамках трудового рынка теневой экономики, которая с одной стороны, не требует от мигранта легализации своего статуса в миграционной службе, а с другой стороны позволяет им уйти от налогового бремени.

Криминологическое изучение состояния миграционных процессов позволяет определить наиболее значимые причины существования этого вида преступности. К этим причинам можно отнести:

- отсутствие информации потребности в использовании трудового потенциала мигрантов как на федеральном, так и на региональном уровне, основанной на изучении рынка труда;

- правовые пробелы и несовершенство действующего законодательства в миграционной сфере, адресно-справочного учета, отсутствие слаженности в работе контролирующих структур как регионального, так и местного уровня;

- недостаточно продуманная и непрозрачная цивилизованная форма привлечения мигрантов по организованному набору в странах экспортерах рабочей силы, которая могла бы с помощью механизма селективной миграции осуществлять подбор кадров с учетом возрастной, образовательной и квалификационной потребности;

- определенные бюрократические проблемы в оформлении заказа на рабочую силу, решение которых привело бы к сокращению прибытия в страну мигрантов с низкой квалификацией, не соответствующей потребностям рынка труда;

- отсутствие работы по созданию программ обучения трудового контингента с учетом потребностей работодателей;

- неподготовленность и неразвитость миграционной инфраструктуры, условий проживания, медицинского обслуживания, социально-бытовых гарантий и социальной защищенности, позволяющей трудовым мигрантам чувствовать себя комфортно;

- отсутствие продуманной системы взаимодействия правоохранительных структур по выявлению, пресечению и профилактике миграционных правонарушений. Для улучшения этой ситуации необходимо оглянуться на часто критикуемую «палочную систему показателей», и установить критерии оценки работы подразделений ОВД ориентируя на выявление преступлений миграционной сферы.

Такое положение требует принятия неотложных мер, среди которых, по нашему мнению, необходимы следующие:

1. Введение системы усиленного учета мигрантов на государственной границе по правилу «контроль прибытия, срока пребывания, убытия».

2. Ужесточение законодательства в сфере ответственности за регистрацию по подложным документам.

3. Повышение ответственности работодателей, незаконно предоставляющих работу мигрантам. Усиление ответственности приглашающей стороны за принятие мер по материальному, медицинскому и жилищному обеспечению приглашенного для работы гражданина в период его пребывания в РФ.

4. Укрепление функциональной деятельности структур ФМС, путем предоставления им права осуществления оперативно-розыскной деятельности, используемой для выявления миграционных преступлений.

5. Создание единого кодифицированного акта – миграционного кодекса РФ, способного регулировать весь спектр правовых отношений в сфере миграции.

Вместе с тем необходимо организовать работу с мигрантами в следующих направлениях:

1. Оказание мигрантам материальной, юридической и психологической помощи, то есть помощи в решении тех проблем не разрешимость которых, влечет совершение преступлений.

2. Осуществление виктимологической профилактики среди мигрантов, особенно среди нелегальных, поскольку именно они могут стать жертвами недобросовестных работодателей и криминальных структур, находясь вне правовой защиты государства.

3. Создание и оснащение информационных центров для мигрантов с целью обеспечения сведениями о местах предпочтительного расселения, устройства на работу, медицинского обслуживания, государственной поддержки, информирование о перечнях профессий в которых нуждается государство и регион.

4. Осуществление всего спектра имеющихся у общества возможностей по преодолению сложностей трансформации нелегального статуса трудовой миграции в легальный.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бойченко О.А. Актуальные вопросы совершенствования законодательства Российской Федерации, направленного на предупреждение незаконной миграции // Российский следователь. 2010. № 4.
2. Бышевский Ю.Ю. К вопросу о юридической природе уголовной ответственности за организацию незаконной миграции // Уголовное право. 2008. № 6.
3. Водько Н.П. Уголовно-правовая борьба с организованной преступностью: Научно-практическое пособие. М.: Юриспруденция. 2000. 74 с.
4. Прудников А.С. Государственно-правовые основы миграции населения в Российской Федерации: учеб. пособие для студентов, обучающихся по специальности 021100 «Юриспруденция». М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2012. 480 с.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Bojchenko O.A. Aktual'nye voprosy sovershenstvovanija zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii, napravlenno go na preduprezhdenie nezakonnoj migracii // Rossijskij sledovatel'. 2010. № 4.
2. Byshevskij Ju.Ju. K voprosu o juridicheskoj prirode ugolovnoj otvetstvennosti za organizaciju nezakonnoj migracii //Ugolovnoe pravo. 2008. № 6.
3. Vod'ko N.P. Ugolovno-pravovaja bor'ba s organizovannoj prestupnost'ju: Nauchno-praktičeskoe posobie. M.: Jurisprudencija. 2000. 74 s.
4. Prudnikov A.S. Gosudarstvenno-pravovye osnovy migracii naselenija v Rossijskoj Federacii: ucheb. posobie dlja studentov, obučajushhihsja po special'nosti 021100 «Jurisprudencija». M.: JuNITI-DANA, Zakon i pravo, 2012. 480 s.

Поступила в редакцию 15.04.2020.

Принята к публикации 18.04.2020.

Для цитирования:

Самохвалов И.Ю. Противодействие незаконной миграции в России. Криминологический аспект // Гуманитарный научный вестник. 2020. №3. С. 216-221. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2020/03/Samokhvalov.pdf>

<https://doi.org/10.5281/zenodo.3773209>
УДК 343.983.2

Соболев Д.В.

Соболев Даниил Владимирович, Юридический факультет им. А.А. Хмырова, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», 350040, Россия, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149. E-mail: da-sbl@yandex.ru.

Инновационная преступность. Оружие, созданное путем 3D печати: мировая практика и противодействие

Аннотация. Постоянное технологическое развитие общества на протяжении многих десятков лет неуклонно приводит к эволюционным изменениям в устоявшихся общественных отношениях, в том числе агрессивными темпами развивается современная преступность. В данной работе поднимается вопрос об изучении современных образцов вооружения, в частности оружия, созданного путем послойного синтеза, или, иначе говоря, 3D-печати. В статье проводится исследование технологических и юридических характеристик оружия, созданного с использованием технологии 3D печати, детально исследуются его конструктивные особенности, а также анализируются энергетические характеристики. Это позволяет сделать вывод о его потенциальной относимости к категории огнестрельного оружия и в то же время выделить его на фоне других видов такого оружия. Также рассматриваются возможные проблемы, с которыми могут столкнуться правоохранители как в криминалистической, так уголовной практике.

Ключевые слова: Современные образцы вооружения, 3D-принтер, оружие, созданное путем послойного синтеза (3D-печати), конструктивные характеристики оружия, энергетические характеристики оружия, относимость оружия к огнестрельному.

Sobolev D.V.

Sobolev Daniil Vladimirovich, The Faculty of Law, Kuban State University, 350040, Russia, Krasnodar, Stavropolskaya st., 149. E-mail: da-sbl@yandex.ru.

Innovative crime. Weapons created by 3D printing: world practice and counteraction

Abstract. The constant technological development of society over the course of many decades has steadily led to evolutionary changes in many established social relations, including modern crime, which are developing at an aggressive pace. This work raises the question of the study of modern weapons, in particular weapons created by layer-by-layer synthesis, or, in other words, 3D printing. The article investigates the technological and legal characteristics of weapons created using 3D printing technology, examines in detail its design features, and analyzes the energy characteristics that make it possible to conclude its potential relevance to the category of firearms and at the same time distinguish it from other types of such weapons. It also discusses possible problems that law enforcement officers may encounter in both forensic and criminal practice.

Key words: Modern weapons, a 3D printer, weapons created by layer-by-layer synthesis (3D printing), design characteristics of weapons, energy characteristics of weapons, relevance of weapons to firearms.

В современном мире преступность, отличающаяся своей организованностью и профессионализмом, внимательно следит за научно-техническим прогрессом и активно внедряет новейшие разработки в свою деятельность.

Создание оружия, подобного огнестрельному упоминается в истории еще с древнейших времен. За несколько тысяч лет до н.э. был создан состав, близкий по содержанию к современным пороховым зарядам. Первые сведения об огнестрельном оружии, в современном понимании данного понятия, обозначены X веком, говоря о применении на востоке и в арабском мире, и XIII-XIV вв., если говорить о европейских государствах.

Первые огнестрельные «пистолеты» или «ружья» представляли собой устройство, состоящее из металлической трубки, деревянной колодки, и крепежных колец. Система подготовки и производства выстрела предполагала забивание ствола пороховой смесью, укладку снаряда (камень, металлический шарик) и инициирование выстрела путем воспламенения пороха через запальное отверстие. На Руси подобные устройства называли «ручницами». Данные орудия, учитывая простоту их строения и неприхотливость, были сложны в использовании и достаточно неустойчивы к изменяющимся условиям окружающей среды.

В дальнейшем оружейные технологии постоянно совершенствовались, создавались новые конструктивные элементы, механизмы, разрабатывались новые принципы выстрела и его инициирования. Создавались однозарядные и многозарядные винтовки, пистолеты. По истине, прорывным моментом в развитии оружейных технологий можно считать создание механизма автоматического досыла снаряда.

Не смотря на наличие постоянного прогресса в области оружейного производства, на протяжении долгих лет, существовали определенные признаки огнестрельного оружия, которые необходимо рассмотреть в рамках данного ис-

следования. Основным отличием огнестрельного оружия является его необходимая прочность и надежность, что предполагает использование в его производстве высокоплотных материалов, таких как сталь, а также различные металлы и их сплавы. Так же необходимым условием является заряд, состоящий из смеси воспламеняющегося вещества и снаряда.

На данный момент указанные признаки помогают правоохранительным органам множества государств контролировать оборот оружия и предотвращать противоправные деяния, связанные с его использованием.

Так, например, еще с древних времен, в целях защиты представителей царских и императорских фамилий использовались, арочные детекторы, которые реагировали на металл. Причем, не смотря на свою примитивность, данные арки могли благодаря магнитным свойствам успешно выявлять наличие у лиц оружия, в том числе и огнестрельного. В прошлом веке был изобретен привычный современному миру металлодетектор. В 70-х годах прошлого века, с развитием терроризма, в СССР начался активный выпуск данных устройств: МИС-1; МИС-2; МИС-3; МИС-4. Существует международная и национальная система стандартизации детекторов, например, ГОСТ Р 53705-2009, NILECJ [1, 2].

Также, одним из способов обнаружения запрещенного оружия считается использование так называемых сканеро-интроскопов. Подобные разработки позволяют не просто сканировать сумки или багаж лиц, но также они способствуют определению структуры, плотности и химического состава предметов. Так, например, с помощью подобных устройств можно легко распознать замаскированный под плитку шоколада кокаин, либо взрывчатку.

Исходя из вышесказанного, можно с уверенностью говорить о том, что пункты досмотра, оснащенные последним словом техники, позволяют с практически стопроцентной вероятностью выявлять наличие у лиц огнестрельного оружия.

Но технические разработки оружейной сферы также отличаются своим прогрессом. И одним из его проявлений можно считать создание так называемого напечатанного оружия.

И прежде всего, необходимо указать два аспекта, на которые обращено внимание в исследовании: 1) данные типы оружия с большой сложностью обнаруживаются современными металлодетекторами и сканерами, что создает угрозу совершения преступлений с их использованием; 2) установление принадлежности оружия, созданного с помощью 3D печати, к огнестрельному, поскольку это значительно влияет на уголовно-правовую квалификацию деяния, при совершении которого использовалось такое оружие.

В 1980-х годах прошлого столетия начались активные разработки технологий 3D-печати. В 1989 году была основана компания Stratasys, которая в современном мире является одним из ведущих производителей подобной техники [3]. В 2000-х годах начались активные поиски и разработки методов использования 3D-печати в изготовлении оружия и оружейной промышленности. В итоге спустя десять лет появились первые образцы схем по созданию огнестрельного оружия на принтере.

Впервые оружие на основе трехмерной печати появилось в 2013 году. Этим оружием считается, так называемый, пистолет Liberator 380, созданный американцем, Коди Уилсоном. Создатель оружия, придерживающийся анархистских взглядов, также является основателем компании Defense Distributed, продвигающей идеи свободного создания и оборота оружия [4]. Огнестрельное оружие было напечатано на принтере Stratasys Dimension SST. Стоимость создания опытного образца составила менее 10 долларов, что говорит о его чрезвычайно низкой себестоимости на оружейном рынке.

Без сомнения, такие действия должны были привлечь внимание государства и его силовых структур, в том числе ФБР. В результате разбирательства, размеще-

ние чертежей и шаблонов Liberator, находившихся в свободном доступе в сети Интернет, было запрещено, а сам создатель оказался под пристальным вниманием ведомства. Однако чертежи были скачаны несколькими сотнями тысяч пользователей, которые могут свободно распространять их в сети.

Характеризуя структурные и функциональные характеристики данного пистолета, необходимо отметить следующее.

Во-первых, конструктивно пистолет состоит из не более, чем 16 деталей. К сравнению, боевой пистолет Макарова насчитывает в своей конструкции 14 элементов. Внешне Liberator напоминает большой игрушечный пистолет. При чем сборка и разборка пластикового оружия не представляет собой никаких сложностей, и при наличии схемы собрать пистолет может даже подросток.

Во-вторых, оружие на 99 % процентов состоит из пластика ABS M30, который обычно используется в 3D печати игрушек. Металлическими являются две детали: боек и небольшой куб, позволяющий металлодетекторам обнаруживать пистолет, который встроен в целях соблюдения Закона США «О необнаруживаемом огнестрельном оружии» [5]. Однако, как указывают в ФБР, металлический куб, встроенный в корпус оружия, не всегда позволяет металлодетекторам обнаружить его.

Технология 3D печати использует такие материалы, как полиакрид, пластик, нейлон, металлический порошок, деревянное волокно, поликапролатон, акрил, полипропилен, гипс и ряд других. Причем в печати оружия других типов, например Colt 1911, уже используется металл, однако создание подобных образцов вооружения является длительным и достаточно дорогим [6].

В-третьих, пистолет предназначен для стрельбы стандартными патронами калибром 9x17. При чем, первые образцы Liberator, протестированные создателем могли совершать только один выстрел, после чего конструктивные элементы

ствола подвергались оплавлению и оружие приходило в негодность. В результате доработок оружия, порог в один выстрел удалось преодолеть и новая версия пистолета способна совершить без осечек до 8 выстрелов подряд.

В-четвертых, говоря о таких характеристиках, как мощность и убойная сила оружия, можно указать на результаты тестирования пистолета, проведенное ФБР. Так, пуля стандартного патрона 9x17, выпущенная из обычного пистолета, входит в баллистический гель на 450 мм. При выстреле таким же патроном 9x17 из пистолета Liberator, снаряд входит в баллистический гель на 280 мм. Учитывая изложенное, и взяв во внимание вариативность подбора патронов к оружию, в том числе более или менее мощных, можно говорить о том, что убойная сила напечатанного пистолета ненамного уступает стандартному огнестрельному оружию.

В-пятых, оружие данного типа является менее долговечным и надежным, чем обычные металлические пистолеты. Однако это полностью компенсируется, его низкой себестоимостью, около 10 долларов, и легкостью восстановления. Так, например, покупка боевого пистолета Beretta M9A1 в США обойдется примерно в 750 долларов, что значительно превышает стоимость напечатанного оружия.

С развитием технологии 3D печати появляются новые конструктивные разработки оружия. В сети появляются схемы и фото готовых образцов пистолетов, пистолетов-пулеметов, винтовок, напечатанных на 3D принтерах, ведутся разработки чертежей для печати малокалиберного автоматического оружия и т.д.

Например, вслед за однозарядным Liberator, был создан опытный образец пистолета пулемета Shuty-9, кадры тестирования которого были опубликованы в сети Интернет. Однако данный образец огнестрельного оружия в своей конструкции имел большее количество металлических деталей, нежели его предшественник.

Учитывая все вышесказанное, можно с уверенностью говорить о том, что при отсутствии должного государственного регулирования данной сферы, каждый человек, купивший соответствующий 3D принтер и имеющий доступ к сети Интернет, может самостоятельно собрать боевое оружие.

Проанализировав практику современных разработок в области печати огнестрельного оружия, считаем необходимым рассмотреть возможность противодействия подобным технологиям в рамках российской правовой и правоприменительной систем.

Соответственно возникает вопрос: считается ли данное оружие огнестрельным? Ведь это не мало важно для уголовно-правовой квалификации деяния.

Для начала необходимо определиться с определением понятия огнестрельное оружие. Ст. 1 Федерального Закона от 13.12.1996 №150-ФЗ «Об оружии» закрепляет понятие оружие, в т.ч. и огнестрельное [7]. В соответствии с данным законом, огнестрельное оружие – оружие, предназначенное для механического поражения цели на расстоянии метаемым снаряжением, получающим направленное движение за счет энергии порохового или иного заряда. В данной же статье указаны основные конструктивные элементы огнестрельного оружия. К таковым относятся: ствол, затвор, барабан, рамка, ствольная коробка. Национальный стандарт ГОСТ 28653-90 содержит ряд терминов, определяющих понятие оружия и его конструктивных элементов [8]. Так, например, согласно данному стандарту, стрелковым оружием является ствольное оружие калибром менее 20 мм, предназначенное для метания пули, дроби, картечи. Так же стандарт определяет понятия всех конструктивных элементов, из которых состоит стрелковое оружие.

Отсюда можно сделать вывод, что соответственно чертежам и своей конструкции пистолет типа Liberator имеет все необходимые элементы для признания его огнестрельным. Однако для признания оружия огнестрельным, соответст-

венно в ходе судебно-баллистической экспертизы, необходимо учитывать множество критериев. Соответственно, при возникновении у сотрудников предварительного следствия вопроса об относимости оружия к таковому, возникает необходимость проведения судебно-баллистической экспертизы. Для признания оружия огнестрельным необходимо руководствоваться «Методикой установления принадлежности объекта к огнестрельному оружию» [9].

В соответствии с данной методикой объект, для признания его огнестрельным оружием, должен соответствовать следующим группам признаков:

- конструктивные;
- энергетические характеристики снаряда;
- надежность.

Разберем указанные признаки и определим уровень соответствия им исследуемого объекта:

Конструктивными признаками являются: 1) устройство для разгона снаряда и придания ему направленного движения (ствол); 2) устройство запирания канала ствола; 3) устройство для воспламенения метательного заряда. Изучив строение исследуемого объекта, в том числе с использованием материалов сети Интернет, можно с уверенностью говорить о соответствии критерию конструктивности.

Энергетические характеристики снаряда определяются по определенной методике: при исследовании поражающего действия снаряда для самодельного огнестрельного оружия определяют удельную кинетическую энергию. Минимальным пределом данного критерия считается величина удельной кинетической энергии снаряда не менее 0,5 Дж/мм². Возникает вопрос: соответствует ли оружие данному критерию? Не проводя опытного образца, сложно говорить о его энергетических характеристиках. Однако, ранее в работе было указано сравнение убойной силы пуль, выпущенных из обычного и напечатанного пистолетов. Примерное соотношение глубины вхождения пуль в баллистический гель составляет 280 мм и

450 мм. Разница глубины вхождения равна коэффициенту $450/280=1,6$. Применив формулу определения глубины вхождения пули в материал одинаковой плотности, получаем следующие данные. Поскольку различными данными являются глубина вхождения и скорость, обозначим коэффициент, на который увеличилась скорость за искомое значение x . $S_2 = \frac{mxv^2}{2F_{тр}}$; $\frac{S_1}{S_2} = \frac{m1,6v^2}{2F_{тр}}$. При дальнейшем расчете формула $S_2 = \frac{mxv^2}{2F_{тр}}$ преобразуется, так как необходимо указать коэффициент x , на который увеличилась скорость. При этом после указания коэффициента x его необходимо возвести в квадрат, поскольку скорость в формуле возведена в квадрат. $\frac{S_1}{S_2} = \frac{m(xv^2)*2F_{тр}}{2F_{тр}*mv^2}$. Путем сокращения переменных, получаем следующее уравнение: $x^2=1,6$; $x=\sqrt{1,6}$; $x=1,264911064067$. Округлив значение до сотых, получаем коэффициент 1,27. Таким образом, разница в скорости пуль двух исследуемых выстрелов равна 27%. Однако необходимо сказать, что, учитывая изменение коэффициента Пуассона, отклик баллистического геля на воздействие пули обладает нестандартными, нелинейными свойствами. На основании вышесказанного, можно сделать вывод о наличии определенной погрешности при вычислениях коэффициента скорости. В данном случае, считаем целесообразным, говорить не о конкретной разнице в 27%, а о промежутке значений от 20-35%. Таким образом, разница в скорости пуль, выпущенных из пистолета, созданного путем 3D-печати, и обычного пистолета составляет от 20% до 35%, что говорит о достаточно серьезных энергетических характеристиках и большой мощности напечатанного оружия.

Критерий надежности характеризует возможность производства неоднократных, т.е. более одного, выстрелов из исследуемого объекта без его разрушения и безопасности для стреляющего. В ходе разработки и исследования огневой мощности исследуемого объекта установлено,

что в ряде случаев огневой потенциал оружия составлял всего один выстрел, при этом не обеспечивающий безопасности стрелка. Данный факт, создает серьезное сомнение по поводу возможности отнесения оружия к огнестрельному.

Соответственно, можно сделать вывод, что при назначении экспертного исследования оружия, созданного с помощью 3D печати, итоговый результат экспертизы, а именно отнесение или неотнесение оружия к огнестрельному, будет зависеть, как от особенностей его строения, так и усмотрения эксперта.

С практической точки зрения считаем, что правоохранителям и законодателям следует обратить внимание на подобные образцы оружия. Так, например, данный вид оружия может использоваться при совершении террористического акта либо иного преступления. Мы считаем, необходимо указать на несколько преимуществ, которые могут быть использованы: во первых, конструктивные особенности оружия, в частности изготовление на 90-99% из пластика или иных полимеров, способствуют легкому

и беспрепятственному проносу, как оружия в собранном виде, так и его элементов, через рамки металлодетекторов и сканеры; во вторых, при квалификации преступного деяния невозможность признания данного стрелкового оружия огнестрельным приводит к вменению преступного деяния меньшей тяжести и не привлечению лиц за совершение ряда иных преступлений, связанных с изготовлением данного стрелкового оружия.

Таким образом, необходимо признать, что неустанно перекраивающий окружающую нас реальность научно-технический прогресс, достижения которого, ставя в первую очередь основной целью и задачей несомненное улучшение качества жизни людей, в современном мире могут быть использованы также и в преступных целях. Поэтому основная задача, как правоохранителей, так и законодательных органов, заключается, в первую очередь, в своевременном и правильном правовом регулировании, на основании которого будет осуществляться грамотная и отлаженная правоприменительная практика.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. ГОСТ Р 53705-2009 Системы безопасности комплексные. Металлообнаружители стационарные для помещений. Общие технические требования. Методы испытаний. URL: <http://gostexpert.ru/gost/gost-53705-2009>
2. NILECJ-STD-0602.00. URL: <https://www.ncjrs.gov/pdffiles1/nij/183470.pdf>
3. Stratasys 3D Printing & Additive Manufacturing. URL: <http://www.stratasys.com/ru>
4. Defense Distributed. URL: <https://defdist.org/>
5. «H.R. 4445 (100th): Undetectable Firearms Act of 1988». URL: <https://www.govtrack.us/congress/bills/100/hr4445>
6. Пистолет Colt M1911 – впервые в мире «напечатали» на 3D-принтере. URL: <https://vilingstore.net/Pistolet-Colt-M1911--vpervye-vmire-napechatali-na3Dprintere-i171314>
7. Федеральный закон от 13.12.1996 N 150-ФЗ «Об оружии» // «Российская газета», N 241, 18.12.1996.
8. ГОСТ 28653-90 Оружие стрелковое. Термины и определения. URL: https://standartgost.ru/g/ГОСТ_28653-90
9. Горбачев И.В. и др. Методика установления принадлежности объекта к огнестрельному оружию / И.В. Горбачев, В.А. Лесников, Н.М. Макаров, Н.В. Мартыников, М.В. Сазонов, М.А. Сонис, А.И. Устинов. М.: ГУ ЭКЦ МВД России, 2000. 12 с.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. GOST R 53705-2009 Sistemy bezopasnosti kompleksnye. Metalloobnaruzhiteli stacionarnye dlja pomeshhenij. Obshhie tehicheskie trebovanija. Metody ispytanij. URL: <http://gostexpert.ru/gost/gost-53705-2009>
2. NILECJ-STD-0602.00. URL: <https://www.ncjrs.gov/pdffiles1/nij/183470.pdf>
3. Stratasys 3D Printing & Additive Manufacturing. URL: <http://www.stratasys.com/ru>
4. Defense Distributed. URL: <https://defdist.org/>
5. «H.R. 4445 (100th): Undetectable Firearms Act of 1988». URL: <https://www.govtrack.us/congress/bills/100/hr4445>
6. Pistolet Colt M1911 – v pervye v mire «napechatali» na 3D-printere. URL: <https://vilinstore.net/Pistolet-Colt-M1911--vpervye-vmire-napechatali-na3Dprintere-i171314>
7. Federal'nyj zakon ot 13.12.1996 N 150-FZ «Ob oruzhii» // «Rossijskaja gazeta», N 241, 18.12.1996.
8. GOST 28653-90 Oruzhie strelkovoe. Terminy i opredelenija. URL: https://standartgost.ru/g/GOST_28653-90
9. Gorbachev I.V. i dr. Metodika ustanovlenija prinadlezhnosti obekta k ognestrel'nomu oruzhiju / I.V. Gorbachev, V.A. Lesnikov, N.M. Makarov, N.V. Martynnikov, M.V. Sazonov, M.A. Sonis, A.I. Ustinov. M.: GU JeKC MVD Rossii, 2000. 12 s.

Поступила в редакцию 03.04.2020.

Принята к публикации 06.04.2020.

Для цитирования:

Соболев Д.В. Инновационная преступность. Оружие, созданное путем 3D печати: мировая практика и противодействие // Гуманитарный научный вестник. 2020. №3. С. 222-228. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2020/03/Sobolev.pdf>